

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВИТЕБСК 2023

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Факультет гуманитаристики и языковых коммуникаций
Научно-просветительский центр «Спадчына Віцебскай зямлі»

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных статей

*К юбилею доктора филологических наук,
профессора А.М. Мезенко*

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2023*

УДК 81'373.2(045)
ББК 81.031.4я43
Р32

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 7 от 28.04.2023.

Редакционная коллегия:
**Ю.В. Дулова, А.Н. Дулов, Е.Ю. Муратова,
Т.И. Синкевич, Т.П. Слесарева**

Рецензенты:
декан факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций
ВГУ имени П.М. Машерова, доктор педагогических наук, профессор
С.В. Николаенко; первый проректор государственного учреждения
дополнительного образования взрослых «Витебский областной
институт развития образования», кандидат филологических наук,
доцент *А.Н. Дервяго*

**Региональная ономастика: проблемы и перспективы
исследования : сборник научных статей / редкол. : Ю.В. Дулова
Р32 [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – 224 с.
ISBN 978-985-30-0025-2.**

В данном сборнике, приуроченном к юбилею доктора филологических наук, профессора А.М. Мезенко, рассматривается широкий спектр вопросов по проблемам региональной ономастики.

Издание будет интересно и полезно научным сотрудникам, аспирантам, студентам, всем тем, кто интересуется проблемами ономастики.

**УДК 81'373.2(045)
ББК 81.031.4я43**

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ НАСТАВНИКА	5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ	
<i>Мезенко А.М.</i> Урбанонимный континуум как упорядоченное семантическое пространство: содержание, особенности организации	7
<i>Бароўка В.Ю.</i> Мастацкая аксіясфера Максіма Танка праз прызму прээдэнтных імёнаў класікаў сусветнай літаратуры	14
<i>Буркова Г.В., Кавалёва А.В., Кураш С.Б.</i> Уласнае імя як лінгвакультурны ідэнтыфікатар	18
<i>Бут-Гусаім С.Ф.</i> Імя і вобраз у драматургіі Георгія Марчука	22
<i>Вардомацкі Л.М.</i> Имя собственное в поле лингвистической прагматики	27
<i>Варникова Е.Н.</i> Из архивной зоонимии	31
<i>Галковская Ю.М.</i> Номинативное моделирование: проверка гипотезы	35
<i>Генкин В.М.</i> Способы и средства презентации страны и региона в товарных брендах Витебщины	38
<i>Гладкова А.А.</i> Антропонимное пространство романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»	44
<i>Горегляд Е.Н.</i> Региональный компонент в практике преподавания русского языка иностранным студентам (ономастический аспект)	48
<i>Дамбуев И.А.</i> Явление гиперкорректности в топонимии	53
<i>Дзядова А.С.</i> Этнакультурная спецыфіка анамастычных найменняў у мове беларускай народнай казкі	57
<i>Дорофеенко М.Л.</i> Синтагматическая организация внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции	60
<i>Дулава Ю.У.</i> Назвы твораў выяўленчага мастацтва: прагмалінгвістычны падыход да даследавання	66
<i>Зайцава К.А.</i> Адапелятыўныя айконімы Бешанковічыны	69
<i>Климкова Л.А.</i> Город в зеркале топонимии: типичность и своеобразие	73
<i>Климкович О.А.</i> Закономерности употребления именованій лиц в документах из «Судебной книги витебского воеводы М.В. Клочко. 1533–1540 гг.»	79
<i>Королева И.А.</i> Популярный аспект изучения русских фамилий	84
<i>Кунтыш М.Ф.</i> Астионим Витебск и его годонимы в художественном тексте	88
<i>Лукашанец А.А.</i> Антрапанімічныя эцюды (з вопыту беларускай афіцыйнай іменаслоўнай практыкі)	92
<i>Малышева К.И.</i> Лексико-семантическое поле «Музыкальное искусство» и особенности артефактов в романе Э. Елинек «Пианистка»	96
<i>Михолап Н.Н., Оксенчук А.Е.</i> «Anniversary», «Lettie a Anna» и другие ономастические изыски в пространстве парфюма	101
<i>Муратова Е.Ю.</i> Названия картин живописи и их содержание как отражение духовной и бытовой культуры народа	106
<i>Мызников С.А.</i> Катоиконимы и коллективные прозвища в Беломорье	111
<i>Переход О.Б.</i> Периферийный ономастикон Беларуси: номинативные стратегии и тактики (на материале названий произведений искусства)	117

<i>Петрачкова И.М.</i> Основные закономерности при создании и использовании антропонимов в драматургии Александра Михайловича Галина	122
<i>Попов С.А.</i> О роли урбанонимического мартиролога в региональных топонимических исследованиях	128
<i>Радзюль В.Ю.</i> Структурна-семантычныя асаблівасці беларускамоўных нэймаў у сферы вытворчасці	132
<i>Разумов Р.В.</i> Урбанонимические системы Российской Федерации: уникальное и универсальное	136
<i>Ратникова И.Э.</i> Теория имени собственного и юрислингвистика в аспекте междисциплинарной координации	141
<i>Рихтер К.А.</i> Словарный аспект изучения рекламного имени	147
<i>Семянькова Г.К.</i> Рэгіянальныя фразеалагізмы з кампанентам-онімам: склад, семантыка, утварэнне	152
<i>Синкевич Т.И.</i> Репрезентация лексемы Волк в лимнонимии Витебщины	157
<i>Слесарева Т.П.</i> Экклезионимы в поэзии Владимира Короткевича, Наума Гальперовича и Давида Симановича	159
<i>Соловьев А.Н.</i> Урбанонимы Смоленской области, образованные от топонимов	162
<i>Супрун В.И.</i> Паремийные библионимы А.Н. Островского: к 200-летию со дня рождения драматурга	167
<i>Трофимович Т.Г.</i> К пониманию теории и практики использования имен собственных на этапе обучения грамоте	172
<i>Цветкова Е.В.</i> Отпрозвищные микропонимы костромского края	176

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

<i>Болтинова А.А.</i> Роль заглавия в романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (научный руководитель – Оксенчук А.Е.)	181
<i>Захаренкова В.И.</i> По следам исчезнувших деревень Смоленщины (научный руководитель – Королева И.А.)	184
<i>Итунина К.А.</i> Анализ ономастических данных в поэтическом сборнике «В Созвучии с душой» Владимира Васильевича Филипенкова (научный руководитель – Королева И.А.)	187
<i>Кормилаева А.А.</i> Символическая функция антропонимов в раскрытии идейно-тематического замысла рассказа Ю. Буйды «Ванда Банда» (научный руководитель – Р.В. Разумов)	191
<i>Кручинина А.А.</i> Особенности функционирования библионимов и поэтонимов в официальном городском онимическом пространстве (научный руководитель – Р.В. Разумов)	195
<i>Кутачева А.Ю.</i> Ономастическая характеристика названий сортов льна России и Беларуси (научный руководитель – А.Н. Соловьев)	199
<i>Моисейчик А.Э.</i> Способы номинации праздников: геортонимы-предложения (на примере имен собственных студенческих массовых торжеств) (научный руководитель – Л.А. Годуйко)	203
<i>Стаселько А.И.</i> Англоязычный нейминг в ресторанном бизнесе Беларуси (научный руководитель – Е.С. Дедова)	209
<i>Шлапакова Е.А.</i> Антропонимы как единицы рекламного текста (научный руководитель – Королева И.А.)	212
<i>Щербина А.О.</i> Символика имен главных героев в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (научный руководитель – Гладкова А.А.)	216

К ЮБИЛЕЮ НАСТАВНИКА

Сборник научных статей посвящен 75-летию **Анны Михайловны Мезенко**, доктора филологических наук, почетного профессора Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Анна Михайловна – живая легенда нашего университета. Она родилась близ Несвижа, росла среди его природных богатств и духовной красоты: Несвижский замок и парк, замковая башня, городская ратуша, соборы и церкви – все это располагало к определенному выбору жизненного пути, первым важным шагом на котором стал литературно-музыкальный факультет Минского государственного

педагогического института имени А.М. Горького. Анна Михайловна не только высококлассный филолог, она имеет незаурядный музыкальный слух и прекрасно играет на баяне.

В Витебском государственном университете Анна Михайловна проработала 48 лет, из которых 22 года возглавляла кафедру общего и русского языкознания. Не только тысячи студентов обязаны своими знаниями, образованием, духовным и культурным ростом ей, одному из лучших, знающих и любящих свое дело педагогов, но и больше половины преподавателей кафедры являются ее учениками: В.М. Генкин, Е.Н. Горегляд, Е.Ю. Муратова, С.В. Николаенко и др. Благодаря именно Анне Михайловне на кафедре всегда царили понимание, порядок, добросовестное отношение к делу, доброжелательность, взаимопомощь и просто хорошие человеческие отношения. И всегда хотелось творить: не только готовиться к занятиям, но и писать научные статьи, учебники, книги.

Сама Анна Михайловна Мезенко является автором более 350 научных работ, в том числе 12 монографий и словарей, 33 учебников и учебных пособий, наиболее известны из которых – «Основы теории имени собственного», «Урбанонимия Белоруссии», «Белорусская ономастика. Топонимия», «Имя собственное в художественном тексте» и мн.др. Под ее руководством защищены 12 кандидатских диссертаций.

Основное научное направление, в котором вот уже несколько десятилетий вдохновенно работает Анна Михайловна, – ономастические исследования. В ряде наиболее значимых научных достижений А.М. Мезенко – созданная, «вращенная» ею витебская научная школа «Актуальные проблемы ономастики» – одна из ведущих классических белорусских научно-исследовательских школ, годом основания которой считается 2001-й.

Ведущими направлениями научных исследований, проводимых в рамках деятельности витебской ономастической школы, являются комплексный анализ онимической системы Беларуси, и прежде всего Витебщины, в синхронии и диахронии, имена и фамилии жителей, урбанонимия разных регионов Беларуси, всесторонняя разработка теории образования и функционирования оттопонимных дериватов, выявление модели ономастического пространства художественной литературы и др. Генератором идей, творческим вдохновителем, руководителем исследований, конечно, была А.М. Мезенко, которая обозначила векторы, очертила цели, теоретические принципы и методологию будущих изысканий.

С гордостью назовем представителей этой школы, «птенцов гнезда» А.М. Мезенко, которая помогла им «встать на крыло» и познать высоту и красоту настоящей науки: Г.К. Семенькова, Е.О. Сапегина, В.М. Генкин, О.М. Ляшкевич, Ю.М. Галковская, Т.В. Скребнева, О.А. Лукина, И.А. Лисова, Т.И. Синкевич, А.Н. Деревяго, Ван Ли, Т.Ю. Васильева, М.Л. Дорофеенко, Е.А. Зайцева, Ю.В. Дулова.

Общественным признанием витебской ономастической школы и всей научной деятельности Анны Михайловны стало награждение профессора А.М. Мезенко медалью Франциска Скорины, Почетной грамотой Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, Грамотой Государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», а также присвоение Почетного звания «Заслуженный работник образования Республики Беларусь».

Последнее, но очень важное, что хочется сказать об Анне Михайловне Мезенко: она прекрасный человек и уникальная женщина. Трудно поверить, что ей исполнилось 75 лет. Анна Михайловна вдохновляет окружающих не только словом, но и всем своим образом: манерой поведения, доброжелательным отношением, свойственным только ей стилем одежды и прически, неповторимым обаянием. Многие студенты (особенно студентки) после окончания университета признавались, что она всегда была для них эталоном женственности, интеллекта и красоты.

Дорогая Анна Михайловна, мы все убеждены в том, что на Вашем дальнейшем творческом пути Вас ждут новые вершины и новые победы!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ

А.М. Мезенко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: mezenka1@yandex.ru

УДК 81'373.21(476.5)

УРБАНОНИМНЫЙ КОНТИНУУМ КАК УПОРЯДОЧЕННОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СОДЕРЖАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: *номинация, номинатор, ономастикон, социолект, урбаноним, урбанонимический стиль, урбанонимный континуум.*

Статья посвящена выявлению содержания и особенностей организации урбанонимного континуума на материале урбанонимикона города Городка Республики Беларусь, который станет в 2023 г. местом проведения XXX, юбилейного Дня белорусской письменности. Определены содержание и особенности организации непрерывного ряда постепенно изменяющихся названий внутригородских объектов белорусского города. Отмечается, что самый высокий процент (50,9) от общего количества урбанонимов приходится на топоморфные названия, которые указывают на расположение линейного объекта относительно других объектов. Подчеркивается, что урбанонимный континуум следует рассматривать как упорядоченное семантическое пространство, поскольку пространственность – одна из главных составляющих природы урбанонима, который не просто фиксирует определенную линию или конкретную точку на карте города, но и является элементом знаковой цепи, возникающей в сознании носителя урбанонимной системы параллельно реальному внутригородскому пространству.

А.М. Mezenko

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

URBANONYMIC CONTINUUM AS AN ORDERED SEMANTIC SPACE: CONTENT, ORGANIZATION FEATURES

Key words: *nomination, nominator, onomasticon, sociolect, urbanonym, urbanonymic style, urbanonymic continuum.*

The article is devoted to identifying the content and features of the organization of the urbanonymic continuum on the material of the urbanonymicon of the city of Gorodok of the Republic Belarus, which is to become the venue for the XXX, the anniversary Day of the Belarusian Writing in 2023. The article defines content and features of organization of a continuous succession of gradually changing names of intracity objects of a Belarusian city. It is noted that the highest percentage (50.9) of the total number of urbanonyms belongs to topomorphic names indicating the location of a linear object relative to other objects. It is emphasized that the urbanonymic continuum should be considered as an ordered semantic space, since spatiality is one of the main components of the nature of the urbanonym, which not only fixes a certain line or a specific point on the map of a city, but is

also an element of a symbolic chain that arises in the mind of the bearer of the urbanonym system parallel to the real intracity space.

Категории пространства и времени являются формами бытия материи. С позиций диалектико-материалистической философии пространство и время как формы, способы существования материи объективны, вечны, несотворимы и неразрушимы, как сама материя» [2].

Ускорение изменений во всех областях человеческой жизни, увеличение числа рисков, вызванных появлением новых технологий, превращают время в важную категорию общественного сознания. Растет значимость времени как все более ограниченного ресурса совместной деятельности. Одной из особенностей нашего времени, по мнению ученых-социологов (см. работы З. Баумана [1]), является превращение времени в ключевое измерение социальности.

Ономастикон дает прекрасную возможность решения задач определения особенностей организации урбанонимного континуума, под которым в данной работе понимается непрерывный ряд постепенно изменяющихся названий внутригородских объектов. Данное понятие, к которому приложимы два измерения – пространственное и временное, предполагает плавную дифференциацию урбанонимного материала в пространстве и непрерывность и последовательность языковых изменений во времени.

Цель данного исследования состоит в выявлении содержания и особенностей организации урбанонимного континуума как упорядоченного семантического пространства на примере урбанонимикона города Городок Республики Беларусь.

Материалом для исследования послужили данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь, представляющие собой полный список названий линейных объектов города Городок, источников Интернет [3].

Высокая культурная и социальная обусловленность анализируемого материала определили использование методик лингвокультурологической, социолингвистической интерпретации, предполагающих изучение языковых единиц со стороны их связей с неязыковыми явлениями (культурой, историей, социальной реальностью). В ходе изучения урбанонимикона города использовалась также комплексная исследовательская методика, включающая элементы исторического анализа. Для описания и систематизации урбанонимного континуума применялся метод количественной обработки материала.

В каждом из населенных пунктов, прежде всего городов, названные ранее категории пространства и времени реализуются своим, специфическим образом, поскольку существующие ныне названия внутригородских объектов, являющиеся продуктами номинации, воссоздают облик их номинаторов (назывателей), обладавших в конкретное время определенным стереотипом мышления, социальным опытом, а также существовавшими коммуникативными установками. Иными словами, в самом процессе номинации всегда отражается ее субъект (субъекты).

Поэтому вся совокупность названий внутригородских объектов, или по-другому урбанонимикон, объединен своеобразным урбанонимическим «стилем», позволяющим разглядеть за совокупностью наименований линейных, территориальных и точечных объектов языковую личность их коллективного автора – жителей данного населенного пункта. Специфический урбанонимический стиль, присущий жителям каждого из городов, деревень и даже садоводческих товариществ, обеспечивает цельность урбанонимного, виконимного или хортенсионим-

ного текста, которые могут различаться между собой самыми разными составляющими процесса и результата номинации.

Урбанонимия города представляет собой переплетение различных стилевых пластов. Новые поколения номинаторов, как правило, редко довольствуются существующим урбанонимным текстом, чаще переосмысливают и изменяют в нем то, что перестало соответствовать культурной парадигме изменившейся эпохи.

Переходя к анализу особенностей организации урбанонимного континуума г. Городок, следует подчеркнуть, что он представляет собой довольно сложный текст, в котором совмещаются номинативные практики различных поколений номинаторов.

Важное значение в современной науке об именах внутригородских объектов имеет осмысление содержания и особенностей организации урбанонимного континуума, его места в восприятии и репрезентации категорий времени и пространства.

Анализ урбанонимов г. Городок позволяет прийти к выводу, в соответствии с которым городокский урбанонимный континуум представлен топоморфными, антропоморфными, абстрактными и социально-идеологическими, а также характерологическими названиями.

Топоморфные названия, составляющие 50,9 % городокской урбанонимии, указывают на расположение линейного объекта относительно других объектов, подчеркивая его связь с ними. Существует четыре тематические группы онимов, функционирующих в рамках топоморфных названий: 1) урбанонимы, мотивированные названиями улиц; 2) урбанонимы, мотивированные названиями архитектурных сооружений; 3) урбанонимы, мотивированные названиями населенных пунктов и водных объектов; 4) урбанонимы, мотивированные указанием на местоположение внутрисельского линейного объекта относительно других географических объектов.

Урбанонимы, восходящие к *названиям улиц*, расположенных в пределах Городка, формируют две подгруппы: а) повторяющие названия линейных объектов и различающиеся номенклатурным термином; б) повторяющие названия линейных объектов и различающиеся порядковым номером или порядковым номером и номенклатурным термином (номерные названия).

Номенклатурный термин – обязательный компонент урбанонима. Совокупность номенклатурных терминов, или географических апеллятивов, в разных по размерам городов заметно различается. Чем больше город, тем более разнообразна его линейная и территориальная номенклатура. Корпус номенклатурных терминов, обслуживающих урбанонимию Городка, получившего статус города лишь в 1772 г., включает четыре элемента – *улица, переулок, шоссе, площадь*. Для сравнения в столице Беларуси – более двух десятков географических апеллятивов: *улица, переулок, площадь, проезд, набережная, бульвар, тупик, шоссе, линия, проспект, кольцо* и т.д. Несмотря на то, что в урбанонимии Беларуси наблюдается 12 типов урбанонимной иррадиации [4, 108–109], в исследуемом урбанонимиконе самой продуктивной является модель, в которой название переулка повторяет наименование переулка же с предшествующим по счету номером (*2-й пер. Галицкого* → *3-й пер. Галицкого* и подобн.), остальные либо не являются характерными, либо представлены единичными примерами.

Подгруппа «*повторяющие названия линейных объектов и различающиеся номенклатурным термином*» представлена в этом городе лишь 9-ю парами: *ул. Ва-*

лева → пер. Валиева, ул. Дыдышко → пер. Дыдышко, Железнодорожная ул. → Железнодорожный пер., Молодежная ул. → Молодежный пер. и др.

Наименования второй подгруппы, включающие 37 пар, в четыре раза превосходят по количеству состав первой подгруппы. Все они содержат в своем составе порядковый номер, указывающий на местоположение данного объекта относительно одноименного: 1-й пер. Зюбина → 2-й пер. Зюбина → 3-й пер. Зюбина → 4-й пер. Зюбина → 5-й пер. Зюбина и подобн.

Основным для номинаторов подобных объектов оказалась главная функция таких названий, которая обеспечивается за счет их цифрового компонента, – ориентирующая, что и объясняет их популярность в городе.

Таким образом, урбанонимы, повторяющие названия линейных объектов, актуализируют отношения очередности, что упрощает процесс поиска необходимого объекта.

На долю наименований архитектурных сооружений социальной инфраструктуры города, которые, как правило, являются отопительными образованиями, приходится 11,7 % от общего количества названий топоморфной группы (7 единиц). В состав группы входят названия не только образовательных (*Школьная ул.*), спортивных (*Спортивная ул.*), производственных (*Заводская ул.*), но и транспортных (*Вокзальная ул.*, *Железнодорожная ул.*), торговых (*Агроснабовская ул.*), сельскохозяйственных (*Дачная ул.*) объектов. Хотя такие названия немногочисленны, их наличие позволяет определить, что избирается в качестве ориентиров при назывании улиц номинаторами данного населенного пункта.

Немногим более восьми процентов (5 единиц) от общего количества названий топоморфной группы составляют урбанонимы, мотивированные названиями населенных пунктов и водных объектов. Показательно, что значимыми для городокских номинаторов оказались 3 астионима – название своего родного города (*Городокская ул.*), название центра Витебской области, в состав которой входит Городок (*Витебская ул.*), наименование ближайшего по пути в Санкт-Петербург города России – Невеля (*Невельская ул.*), 1 комоним – название деревни Заречье Городокского района (*Зареченская ул.*). Преобладание в качестве мотивирующих основ астионимов над комонимами еще раз подтверждает выявленную закономерность, состоящую в преимущественном, в отличие от виконимии, использовании в урбанонимии названий городов.

Несмотря на то, что Городок находится на территории Северного региона Беларуси, из-за обилия озер получившего название Белорусского Поозерья, расположен на берегах реки Горожанка и озера Луговое, в наименовании улицы закреплена только географический апеллатив *озеро* (*Озёрная ул.*), что может свидетельствовать об актуализации в сознании номинаторов самого типа водного объекта, без его детализации.

Единичны в Городке урбанонимы, указывающие на местоположение внутригородского линейного объекта относительно других географических объектов. Их всего 2, или 3,3 % от общего количества топоморфных названий. Такие названия как бы уточняют собой местоположение объектов: *Пригородная ул.* – ‘та, которая расположена в пригороде’, *Старополоцкая ул.* – ‘та, которая существует давно’.

Таким образом, из четырех подгрупп топоморфной группы урбанонимов наиболее многочисленной в городокском урбанонимиконе является подгруппа названий внутригородских объектов, мотивированных названиями улиц, что хорошо согласуется с периодом активного расширения городских территорий и ха-

рактизует предпочтения номинаторов улиц этого города. Группы наименований, занимающие вторую и третью позиции, немногочисленны, включают 5-7 конститuentов. В рамках второй подгруппы названий откомонимные урбанонимы уступают отастионимным, что типично для урбанонимии. Лишь два урбанонима, транслирующие пространственный код, репрезентируют четвертую подгруппу единиц, мотивированных указанием на местоположение внутригородского линейного объекта относительно других географических объектов.

Антропоморфные названия городокского урбанонимикона, на долю которых приходится 26,3 % (31 единица) от общего числа наименований внутригородских объектов, образованы в соответствии с принципом номинации линейного объекта по связи с человеком, который занимает второе по частоте употребления место в урбанонимии. Не отличаясь большим разнообразием в исследуемой урбанонимной системе, они тем не менее подразделяются на три подгруппы: урбанонимы – индивидуальные посвящения; урбанонимы – коллективные посвящения; урбанонимы – функциональные характеристики.

Впервые названия улиц, образованные от имен отдельных лиц, чаще владельцев земли, по которой прокладывался линейный объект, в городах на территории современной Беларуси стали появляться в XVII в. В Городке таких наименований не зафиксировано. Функционирующие здесь антропоморфные наименования, в основном являющиеся продуктом XX в., представляют собой индивидуальные или коллективные посвящения, соотносящиеся как 4 к 1.

Анализ отантропонимных урбанонимов-индивидуальных посвящений позволил классифицировать их на шесть подгрупп. Первую из них формируют названия, основой для номинации которых послужили имена *советских военачальников и участников Великой Отечественной войны*, их 13, или 54,2 % от общего числа наименований данной группы: *ул. Баграмяна, ул. Бумагина, ул. Бурлыги, ул. Валиева, ул. Галицкого, ул. Дыдышко, ул. Зюбина, ул. Козлова, ул. Корженевского, ул. Кособьяна, ул. Малышева, ул. Толкачева, 1-я ул. Черняховского*. Остальные группы представлены минимальным количеством экспонентов, в частности, группа названий, образованных от фамилий *героев мирного времени* (*ул. Ромашкина, ул. Соболевского, ул. Чкалова*) и от имен и фамилий *основоположников коммунизма* (*ул. Карла Маркса, ул. Ленина, Ленинская ул.*), включает по три названия, или по 12,5 % от общего количества урбанонимов-индивидуальных посвящений. По два названия (8,3 % от группы урбанонимов-посвящений) формируют группы урбанонимов, образованных от фамилий *революционеров, партийных и государственных деятелей* (*ул. Володарского, ул. Воровского*) и от имен и фамилий *белорусского и русского писателей* (*ул. Максима Богдановича, ул. Гоголя*). И лишь один урбаноним (*ул. Гагарина*) репрезентирует начинающую формирование группу названий-посвящений в честь *космонавтов*. Показательно, что основная масса приведенных урбанонимов образована от прецедентных онимов, известных за пределами данного населенного пункта или в границах городского пространства и прилегающих к нему территорий.

Мотивирующей основой для урбанонимов-коллективных посвящений (6, или 19,4 % от общего количества урбанонимов-посвящений) выступают наименования, связанные с профессиональной общностью жителей, и названия, данные в честь определенной общности людей.

В поле зрения номинаторов попали профессии сельскохозяйственного сектора (*ул. Мелиораторов, ул. Механизаторов*), а также группы лиц-представителей определенной общности: *Молодежная ул., ул. Советской Армии, Студенческая ул.,*

Трудовая ул. Все эти урбанонимы – результат осмысления актуальных для своего времени социально-политических и исторических реалий.

Единично в городокском урбанонимном континууме название-функциональная характеристика – *Сенной пер.* (переулок, на котором в прежние времена торговали сеном), свидетельствующее о стремлении номинаторов к сохранению в наименованиях важных для жизни и развития общества фактов и явлений.

Таким образом, урбанонимы – индивидуальные посвящения, урбанонимы – коллективные посвящения, урбанонимы – функциональные характеристики транслируют антропоморфный культурный код. Наиболее частотны среди них первые, т.е. урбанонимы – индивидуальные посвящения, мотивированные прецедентными именами участников военных событий.

Абстрактные и социально-идеологические названия, соответствующие принципу номинации объекта по связи с абстрактным, социально-идеологическим понятием (14 единиц, или 11,8 % от общего количества названий внутригородских линейных объектов), в урбанонимной системе Городка представлены двумя разновидностями, восходящими: 1) к символам и понятиям советской эпохи (*Советская ул., Коммунистическая ул., Пролетарская ул., Интернациональная ул., Комсомольская ул., Пионерская ул., Красноармейская ул., 1-я ул. Мира, ул. Правды*); 2) к геортонимам советского периода (*ул. 70 лет Октября, Октябрьская ул., ул. 50 лет СССР, ул. Победы, Юбилейная ул.*). При этом первые из них, фреквентативно превалирующие над вторыми, тиражировались практически в каждом из городов Советского Союза. Трудно было отыскать город, в котором бы отсутствовали такие названия.

Все наименования анализируемой группы – результат деятельности номинаторов XX в., которые, будучи участниками происходивших в обществе процессов, в поисках новых мотивировочных признаков довольно активно обращались к символам существовавшего политического строя. Кстати здесь будет отметить, что актуальность номинативных практик, основанных на условных и абстрактных мотивировочных признаках, не связанных с конкретным именуемым линейным объектом, отражают ценностную картину послереволюционного и послевоенного периодов развития.

Характерологические названия, соответствующие принципу номинации объекта по свойствам и качествам, в современной городокской урбанонимии составляют 11,0 % (13 единиц) и распределяются по трем группам наименований, отражающим: 1) физико-географические особенности местности; 2) параметрические характеристики линейного объекта; 3) качественные характеристики объекта.

Особенности городокского ландшафта нашли отражение в названиях улиц, мотивированных названиями типов *земельных и лесных угодий*: *Лесная ул., Луговая ул., Песчаная ул., Полевая ул., Садовая ул.; возвышенностей: ул. Взорье; растительности: Березовая ул., Яблонева ул.*

Среди урбанонимов, связанных с параметрическими характеристиками, в Городке функционируют названия линейных объектов *по связи с условной локализацией относительно элементов планировочной структуры поселения и сторон света*: *Набережная ул., Южная ул.*, а также *по связи со временем появления объекта*: *Новая ул.*

Кроме физико-географических, параметрических и качественных характеристик, изредка в названиях улиц исследуемого города номинаторы запечатлева-

ли свои *эмоциональные ассоциации*, возникавшие при знакомстве с новым объектом, а возможно, хотели именем с позитивной коннотацией привлечь удачу: *Солнечная ул., Зелёная ул.*

Подводя итоги, отметим, что многое, происходящее с людьми в жизни, отражается в ономастике, в том числе урбанонимии, которая пишет и пишет историю народа и для этого берет в качестве основы образы самых простых и поэтому важных в жизни каждого человека предметов, чтобы во внутригородском названии преобразовать их и наградить новой урбанонимической семантикой.

Урбанонимный континуум – это упорядоченное семантическое пространство, сложный номинативный комплекс, являющийся результатом исторического, социального, языкового и культурного развития народа и представляющий собой отражение мира. Он обладает качественными и количественными характеристиками, реализующимися через четыре разновидности названий внутригородских объектов: 1) топоморфные названия (50,9 %); 2) антропоморфные названия (26,3 %); 3) абстрактные и социально-идеологические названия (11,8 %); 4) характерологические названия (11,0 %).

Топоморфные названия Городка характеризуются использованием в качестве мотивирующей основы преимущественно уже существовавших урбанонимов. Количественное преобладающее названий именно этой группы связано с активным расширением территории города, интенсификацией процесса хозяйственного освоения региона в целом.

Антропоморфные названия образованы от антропонимов (фамилий, иногда и имен). При этом наряду с национально прецедентными онимами функционируют единицы региональной степени известности. Многие из них возникли как названия-посвящения, главной функцией которых выступает сохранение исторической памяти о людях, прославивших Родину, городокский край, участниках исторических событий. Выбор конкретного имени в качестве основы не является случайным, он продиктован меморативными интенциями номинаторов, базирующимися на аксиологических характеристиках антропонимов, легших в основу урбанонимов.

Абстрактные и социально-идеологические названия – немногочисленная группа урбанонимов, которая включает единицы, связанные в основном с советской эпохой.

Характерологические названия – самая малочисленная группа названий, включающая отапеллятивные урбанонимы, отражающие природный ландшафт.

Каждому историческому периоду свойственны свои социальные отношения, определенный тип экономической, социально-правовой систем. В начале XXI в. названия внутригородским линейным объектам присваиваются с учетом современных номинативных тенденций. Изменениями в жизни общества и объясняется современный спектр антропоморфных названий, включающий преимущественно названия-посвящения.

Литература

1. Бауман, З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер Пресс, 2008. – 240 с.
2. Движение, пространство, время как философские категории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/1971521/page:25/>. – Дата доступа: 13.01.2023.
3. Карта города Городок с улицами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belkraj.by/karta/gorodok>. – Дата доступа: 21.01.2023.
4. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.

УДК 811.161. 3'373.231:821.161.3-1

**МАСТАЦКАЯ АКСІЯСФЕРА МАКСІМА ТАНКА
ПРАЗ ПРЫЗМУ ПРЭЦЭДЭНТНЫХ ІМЁНАЎ КЛАСІКАЎ СУСВЕТНАЙ ЛІТАРАТУРЫ**

Ключавыя словы: *прэцэдэнтнае імя, аксіясфера, класік літаратуры, верш, канцэпцыя творчасці, стыль.*

У артыкуле праз спалучэнне прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, феномена-лагічнага і дэскрыптыўнага метадаў выяўляецца роля прэцэдэнтных імёнаў класікаў сусветнай літаратуры ў раскрыцці мастацкай аксіясферы творчасці Максіма Танка. Сцвярджаецца, што беларускі паэт акцэнтаваў значнасць мастацкага вопыту класікаў для паўнавартаснага развіцця літаратуры, а імёны класікаў сусветнай літаратуры ў яго вершах – сімвалічнае ўвасабленне пэўных складнікаў яго аксіясферы: Гамер – дакладнасці і глыбіні адлюстравання, Авідзій – паэтызацыі Радзімы, Дантэ – філасофскага асэнсавання, Шэкспір – разумення складанасці і супярэчлівасці свету і чалавека.

V.Yu. Barouka
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

**MAXIM TANK'S ARTISTIC AXIOSPHERE THROUGH THE PRISM OF PRECEDENT
NAMES OF CLASSICS OF WORLD LITERATURE**

Key words: *precedent name, axiosphere, classic of literature, poem, concept of creativity, style.*

In the article, through a combination of concrete-historical, phenomenological and descriptive methods, the role of the precedent names of the classics of world literature in revealing the artistic axiosphere of Maxim Tank's work is revealed. It is claimed that the Belarusian poet emphasized the importance of the artistic experience of the classics for the full development of literature, and the names of the classics of world literature in his poems are the symbolic embodiment of certain components of the axiosphere of Maxim Tank: Homer – the accuracy and depth of depiction, Ovid – the poeticization of the Motherland, Dante – the philosophical understanding, Shakespeare – understanding the complexity and contradictions of the world and man.

Мастацкая аксіясфера пісьменніка – сістэма мастацкіх каштоўнасцей, прадстаўленых у выглядзе вобразаў, меркаванняў, ідэй, эстэтычных нормаў, разнастайных праяў каштоўнаснай свядомасці, што матывуюць яго дзейнасць. Максім Танк – адна з самых прыкметных фігур у гісторыі беларускай паэзіі ХХ стагоддзя. Ён быў пісьменнікам шырокага мастацкага кругагляду, яго літаратурныя творы і дзённікі сведчаць пра неаслабную цікавасць да твораў іншанацыянальных аўтараў. Паэт яшчэ ў 1930-я гады быў перакананы: “Паэзія павінна адкрываць нешта новае. Інакш яна перастае быць паэзіяй. А новае трэба шукаць на жыццёвых шляхах не толькі свайго, але і іншых народаў” [2, 270]. Свае грамадскія і эстэтычныя імператывы ён выказваў праз зварот да знакавых імёнаў у прыгожым пісь-

менстве. Як вядома, малады Максім Танк адпачаткова зрабіў выбар на карысць літаратуры высокага грамадзянскага гучання. Эпіграфам да верша, якім адкрываўся першы зборнік “На этапах”, ён абраў радкі з твора Тараса Шаўчэнкі “Думы, мае думы..” і тым самым артыкуляваў дэтэрмінаванасць літаратуры жыццём, цесную сувязь творчасці і рэчаіснасці. Для маладога Максіма Танка паэзія – сродак асэнсавання сацыяльных праблем, таму ў якасці эпиграфаў ранніх вершаў выбіраюцца радкі Мікалая Някрасава (“Ад шуму і заклікаў розных купцоў...”) Горкага (“Успаміны”), Маякоўскага (“Снежны шлях”), у тэксце твораў успамінаюцца Горкі (“Ці помніш ты наша апошняе лета?”) і Маякоўскі (“Плывуць стругі”). Узнёсла-рамантычнае разуменне творчасці з цягам часу змянілася, магчыма, таму ў сталы перыяд творчасці Танк стаў уводзіць у творы прэцэдэнтныя імёны класікаў сусветнай літаратуры, найперш перыяду антычнасці і Адраджэння. Пры гэтым, абапіраючыся на шматзначнасць мастацкіх вобразаў, ён імкнуўся даць сваю ацэнку зробленаму літаратурнымі папярэднікамі.

Варта адзначыць, што прэцэдэнтнае імя класіка ў вершах М. Танка звычайна змяшчае ў сабе прамое ці латэнтнае ўказанне на эстэтычныя імператывы самога пісьменніка. Часцей за іншых сусветна прызнаных класікаў беларускі паэт згадваў Гамера, аўтара знакамітых “Іліяды” і “Адысеі”. Гамер для Максіма Танка – бясспрэчны майстар мастацкага слова, выдатны творца, эпik, манументаліст, што ў высокім стылі асвятляў значныя падзеі, у часовым, зменлівым бачыў вечнае, не шкадаваў сіл для мемуарыялізацыі гісторыі чалавецтва. Знешняя прастата і выразнасць малюнка – характэрныя рысы яго паэтыкі. Класіку антычнай літаратуры М. Танк прысвяціў, напрыклад, верш “Гамер”, напісаны ў форме размовы сяброў і землякоў з паэтам. Твор пачынаўся з іх урачыстага звароту да Гамера, дзе беларускі аўтар імітаваў з дапамогай анапеста рытміку знакамітых гамераўскіх паэм: “Кінь, пясняр «Іліяды», сваю несканчоную працу. / Хоць крыху адпачні” [3, 229]. Гамеру нагадвалі пра славу і папярэджвалі: “Мала славы табе, / Якой нат на Алімпіпе зайздросцяць. / Зноў звязаў ты свой лёс / З Адысеем – бяздомным бадзязам. / Не зазнаць табе з ім / У жыцці ні спакою, ні шчасця” [3, 229]. Праз рэфрэн “Ты, напэўна, сляпы” [3, 229] артыкулявалася апантанасць паэта працай над “Адысеей”. Творчасць Гамер ставіў вышэй паўсядзённых зямных клопатаў, у выніку яго дом заняпаў, “Праз дзіравую столь / Вецер / Зоры / І дождж прасявае. / Двор пакрыўся травой. / Толькі ходзяць суседскія козы” [3, 229]. Гамера папракалі ў адарванасці ад жыцця і людзей: “Ты не ходзіш ні ў храмы, / Ні на алімпійскія гульні. / Шмат хто нават пачаў / Сумнявацца ў тваім існаванні / І аспрэчваць, што ты / Напісаць мог сваю «Іліяду»” [3, 229]. Гамер, у трактоўцы беларускага паэта, – асоба, захопленая працай, імкненнем занатаваць жыццё ў яго вялікіх і дробных праявах. У дадзеным вершы слова *сляпы* набывае пэўныя канатацыі, праз якія акрэсліваецца адрозненне бачання свету звычайным чалавекам і паэтам. Як вядома, некаторыя навукоўцы лічаць, што са старажытнагрэчаскай мовы *Гамер* перакладаецца як *сляпы*, пашырана таксама меркаванне, што Гамер быў сляпым рапсодам. Для звычайных людзей *сляпы* – чалавек, які нічога і нікога вакол сябе не бачыць. Гамер у М. Танка называў *сляпымі* сваіх знаёмых і сяброў, для яго *сляпыя* – гэта людзі, якія пазбаўлены мэты, якія жывуць адным днём. Рапсод “не ўзняўшы вачэй / Ад сціла, плыў далей з Адысеем” [3, 230]. Адысей – падарожнік, які знаходзіўся ў вечным руху, пастаянна адкрываў нешта новае; сапраўдны паэт падобны да гамераўскага Адысея. Пошук быў для Максіма Танка асновай пісьменніцкай дзейнасці, у гэтым яго імкненні былі сугучныя імкненням старажытнагрэчаскага аўтара. Арыгінальна абыгрывалася прэцэдэнтнае імя *Гамер* у вершы “Гісторыя вёскі Пількаўшчына”

з гумарыстычным падзагалоўкам “Дысертация на атрыманне годнасці бакалаўра навук вызваленых”. Гамер там прадстае адначасова ў ролі сведкі, мудрага гісторыка і паэта, які адлюстроўваў лёсавызначальныя падзеі. М. Танк гумарыстычна міфалагізуе гісторыю роднай вёскі Пількаўшчына, назва якой нібыта пайшла ад імені ахейца Пількаўшчадзіса, што пасля сямі дзён балявання з нагоды падзення Троі праспаў “Сваіх караблёў адплыццё / З Гелеспонта на мора” [3, 19] і вымушаны быў вяртацца на радзіму “Дарогай абходнай” [3, 19]. Каб надаць вагу герою, аўтар заўважае, што вяртанне дадому Пількаўшчадзіса адлюстраванаў не хто іншы, як сам Гамер: “Гэта гаворыць Гамер / У той песні, якую / Адкрыў акадэмік смаргонскі / Амброзій Кукуеў” [3, 19]. Камічны эфект ствараецца за кошт імітацыі гамераўскага стылю для адлюстравання бытавых з’яў, а прамое ўказанне на містыфікацыю змяшчаецца пры згадванні “смаргонскага акадэміка”. Як вядома, раней Смаргонь была месцам, дзе дрэсіравалі мядзведзяў, жартам тое месца называлі Смаргонскай акадэміяй.

Па вялікім рахунку, для беларускага паэта Гамер быў увасабленнем самаахвярнага служэння паэзіі і праўдзе; творцам, што апяваў людзей, якія ніколі не спыняліся перад цяжкасцямі, захоўвалі вернасць роднай зямлі. Невыпадкава для верша “Слухай, Харон-перавозчык”, дзе лірычны герой хоча перад смерцю ў апошні раз пабачыць Радзіму, у якасці эпіграфа Максім Танк узяў радкі з “Адысеі” Гамера: “Бачыць хоць дым, што / Уздымаецца ў неба над берагам родным” [4, 315].

Творчасць сапраўднага паэта, у разуменні Максіма Танка, непадуладная часу, яна на многія стагоддзі перажывае самога аўтара, калі ў ёй пануе гармонія формы і думкі. Антычны паэт, аўтар знакамітага трактата “Паэтычнае мастацтва” Гарацый – асоба, якая радкамі дасканалых вершаў увекавечыла свой час і старажытны Рым, таму лірычны герой твора М. Танка “Форум раманум”, апынуўшыся ў вечным горадзе, калі дакранаецца да мармуру старадаўніх калон, не ведае, “ці ад сонца ён гарачы, / Ці ад гексаметраў, што празвінелі / У тых дні, калі тварыў Гарацый” [5, 82]. Метафарычны стыль выказвання артыкуляваў высокае майстэрства антычнага паэта.

Адно са знакавых імёнаў антычнасці – Публій Авідзій Назон. Прэцэдэнтнае імя *Авідзій* успаміналася М. Танкам найперш у сувязі з тым, што, згодна з некаторымі паданнямі, старажытнарымскі паэт апошнія гады свайго жыцця, магчыма, пражыў на Палессі і памёр там, пакутуючы ад разлукі з радзімай, хаця большасць даследчыкаў антычнасці лічыць, што ён скончыў свой жыццёвы шлях у Томах, што на тэрыторыі сучаснай Румыніі. У мастацкім успрыманні беларускага паэта Авідзій – паэт-пакутнік і паэт-патрыёт, духоўна нескароная асоба. Па версіі М. Танка, якая сцвярджаецца эпіграфам да верша-прысвячэння “Авідзію”, “У Давыд-Гарадку, на выгнанні, з тугі / Па радзіме далёкай Авідзій памёр”. Авідзій для М. Танка – паэт, вызначальнай рысай творчасці якога была шчырасць, бо ён жыў пачуццямі і настроймі, што давалі яму штуршок для творчасці. У вершы “Авідзій на Палессі” падкрэсліваецца, што там Авідзій праспяваў сваю апошнюю песню, пазбаўлены надзеі вярнуцца ў Рым. Крылы для творчага ўзлёту дае паэту радзіма – лейтматыў усіх вершаў, дзе згадваецца прэцэдэнтнае імя *Авідзій*. Так, у творы “Ля помніка Авідзію” артыкулюецца думка, што сум быў спадарожнікам старажытнарымскага паэта “па дарозе ў краіну ценяў” на Палессі, дзе ён на веку “Ліру сваю пакінуў” [4, 90].

Максім Танк лічыў, што без “адкрыцця новага не можа быць сучаснай паэзіі” [2, 151], таму яго ўвагу прыцягвалі пісьменнікі, якія свядома выбіралі шлях абнаўлення паэтыкі, шлях эксперыментатарства. Наватарам з вялікай літары яму бачыўся Дантэ Аліг’еры. У вершах М. Танка імя Дантэ асацыіруецца з мастацкай смеласцю і высокім палётам думкі. Пра помнік несмяротнаму паэту на плошчы Сеньеры ў Фларэнцыі, перад якім хочацца пастаяць, “Бо кожны камень тут яго

радком палае, / Ён штодзень галубоў / З рук мармуровых корміць” [5, 151], М. Танк згадвае ў вершы “У Фларэнцыі”. Вядома, што ў свой час Дантэ як прыхільнік партыі гвельфаў быў выгнаны з Фларэнцыі, але яго паэзія прынесла славу гораду, што паспрабаваў пасля загладзіць сваю віну, паставіўшы помнік свайму знакамітаму гараджаніну. У вершы “Перад развітаннем” беларускі паэт сцвярджае, што дух радзімы, увасоблены ў творчасці паэта, захоўваецца праз стагоддзі і пануе над горадам: “Фларэнцыя. Турысты. Крамы. / Бляск амаранту. / Над кожнай аканіцай, брамай / Канцоны Дантэ” [6, 170]. Дантэ – гэта непрыстая паэт-мысляр, гэта паэт выкшталцонай думкі, арыгінальнай, да дробязей прадуманай кампазіцыі, майстра спалучэння трывіяльнага і ўзвышанага, паэт, якому ўласціва шматзначнасць вобразаў, недасказанасць, умелае выкарыстанне сугестыўных дэталей. Мастацкі вопыт Дантэ сілкаваў творчыя пошукі беларускага паэта. Яшчэ на пачатку шляху ў літаратуру М. Танк заўважаў, што “самае цяжкае бывае навучыцца на ўсё глядзець сваімі вачамі і выпрацаваць у сабе пачуццё меры ва ўсім” [2, 86]. Пачуццё меры ў творчым наследванні вялікім паэтам адчувальнае, напрыклад, у вершы “Аднойчы я ішоў з Дантэ”, дзе Максім Танк дазваляе сабе рэмінісцэнцыю (падарожжа ў замагільны свет з Дантэ, як падарожжа Дантэ ў замагільны свет з Вергіліем у “Боскай камедыі”). Ён лаканічна адзначае: “Аднойчы я ішоў з Дантэ / Па спіралях пекла. / І ён дзівіўся, / Што з часоў апошняе вандроўкі, / У царстве ценяў / Прыбавілася столькі новых / І невядомых / Яму кругоў” [3, 227]. Сугестыўныя дэталі надаюць гэтаму верлібру сэнсавую ёмістасць, філасафічнасць.

Дантэ – класік еўрапейскага санета, яго мастацкія адкрыцці ўвайшлі ў скарбніцу сусветнай паэзіі. У танкаўскім гімне санету (“Санет”) гэта мастацкая форма параўноўваецца з караблём, з якім можна накіравацца “На дальнія сузор’яў астравы” [4, 29], пераадолець прастору і час. Дантэ пафасна атэстуецца вынаходнікам санета, пракладальнікам новых дарог для творчасці: “Мой карабель – санет – / Калісьці збудаваў вялікі Дантэ, / А сам Шэкспір на ім адкрыў сусвет” [4, 29].

Шэкспір для М. Танка – пісьменнік-чалавеказнаўца, які пашырыў духоўныя далягляды чалавецтва, творчасць якога не губляе актуальнасці з-за жыццёвасці праблематыкі. У санеце “Трэска з дома Шэкспіра” парадаксальна сумяшчаюцца два планы: прыземлена-бытавы і філасофска-абагульняльны. Беларускі паэт прызнаваўся, што пасля наведвання дома Шэкспіра ён прывёз з дазволу рэстаўратараў трэску, якую захоўваў у сваёй кватэры. Трэска з дома Шэкспіра – выразная метафарычная дэталі, якая акцэнтнае жыццёвасць шэкспіраўскай спадчыны: “Прышлі майстры ў былы Шэкспіра дом, / Каб адрамантаваць вуглы старыя / Тут нехта з трэсак вогнішча расклаў. / Я асцярожна з іх адну падняў, / Якая аказалася санетам” [4, 155]. Шэкспір для Танка – майстар арганізацыі мастацкай думкі, віртуоз сюжэтабудовы. У вершы “Прыснілася” паэт паспрабаваў інтэрпрэтаваць шэкспіраўскі сюжэт у духу другой паловы XX стагоддзя: “Прыснілася, Што я жыву сярод робатаў. / І сам я робат, / Якога завуць Рамэа. / На стрэчы з Джульетай / Дару ёй набор ключоў / Ад свайго сэрца, / А яна пытае: / Няўжо не змог знайсці / Ты на зямлі / Ніводнай жывой кветкі?” [6, 12–13]. У трагедыі “Рамэа і Джульета” Шэкспіра на шляху шчасця закаханых стаіць варожасць бацькоў, у верлібры Танка – розныя светаўспрыманні закаханых. У жартоўнай “Рэцэнзіі” лаканічная заўвага пра аўтара не самага ўдалага творца “Крыху мо сюжэт невыразны, затое / Задума – Шэкспір пазаздросціць бы мог” [5, 157], хоць і іранічная, але важная ў акцэнтаванні мастацкага майстэрства класіка сусветнай літаратуры.

Многія даследчыкі лічаць, што паэтычны талент Максіма Танка крышталізаваўся паэтапапа, што крыніцамі назапашвання майстэрства для яго былі “фальклор – Купала – сусветная паэзія” [1, 81]. Творчасць М. Танка, прэцэдэнтныя

імёны пісьменнікаў у яго тэкстах найперш сведчыць, што яго паэзія развівалася з самага пачатку ў сілавым полі сусветнай літаратуры. Максім Танк яшчэ ў часы малодасці сцвярджаў, што паэта павінна хваляваць не вернасць традыцыям, а бунт супраць традыцый, якія аджылі свой век, не наследаванне вялікім, а ўлік іх мастацкага вопыту. Імёны класікаў сусветнай літаратуры ў вершах беларускага паэта пазначаны яго канатацыямі, гэта адмысловае ўвасабленне пэўных складнікаў яго мастацкай аксіясферы: Гамер – дакладнасці і глыбіні адлюстравання, Гарацый – арганічнасці зместу і формы, Авідзій – паэтызацыі Радзімы, Дантэ – філасофскага асэнсавання з’яў, Шэкспір – разумення складанасці і супярэчлівасці свету і чалавека, эмацыйнасці і экспрэсіўнасці адлюстравання. У цэнтры мастацкай аксіясферы Максіма Танка стаялі мастацкі пошук і сэнсавая ёмістасць вобраза, арыгінальнасць стылю, на перыферыі – зацікаўлены ўлік вопыту класікаў, але з яго абавязковым творчым пераасэнсаваннем.

Літаратура

1. Арочка, М.М. Максім Танк: жыццё ў паэзіі / М.М. Арочка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 284 с.
2. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т. 9: “Лісткі календара”, дзённікі. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 592 с.
3. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т. 4: вершы (1964–1972) / Максім Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 384 с.
4. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т. 5: вершы (1972–1982) / Максім Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 448 с.
5. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т. 3: вершы (1954–1964) / Максім Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 447 с.
6. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. – Т. 6: вершы (1983–1995) / Максім Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 454 с.

Г.В. Буркова, А.В. Кавалёва, С.Б. Кураш

e-mail: sajtmzr@mail.ru, alena.kavaliova@gmx.de, text2005@mail.ru
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П.Шамякіна

УДК 811.161.1'373

УЛАСНАЕ ІМЯ ЯК ЛІНГВАКУЛЬТУРНЫ ІДЭНТЫФІКАТАР

Ключавыя словы: *лінгвакультурны ідэнтыфікатар, онім, онім-канцэпт, эргонім, эрганімікон, гадонім, тапааснова.*

У артыкуле абгрунтаваны прыметы аксіялагічнай значнасці лінгвакультурных ідэнтыфікатараў, акрэслены некаторыя стратэгіі іх захавання і папулярызацыі ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі.

G.V. Burkova, A.V. Kavaliova, S.B. Kurash

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin

THE PROPER NAME AS A LINGUOCULTURAL IDENTIFIER

Key words: *linguistic and cultural identifier, onym, onym-concept, ergonym, ergonimicon, hodonym, topological basis.*

The article deals with the features of the axiological significance of linguistic and cultural identifiers, outlines some strategies for their preservation and popularization due to the challenges of globalization and the information and digital era.

Новыя ідэалы і каштоўнасці інфармацыйна-лічбавай эпохі ў значнай ступені не толькі апаніруюць многім традыцыйным механізмам жыццядзейнасці грамадства, але і вядуць да выкрэслвання іх з рэчаіснасці. Неабходна звярнуць больш пільную ўвагу на тыя фрагменты нацыянальнай лінгвакультурнай прасторы, якія могуць быць кваліфікаваныя як аксіялагічна значныя, як здольныя выступаць у якасці ідэнтыфікатараў айчыннай лінгвакультуры.

У гэтых мэтах патрэбна дакладна вызначыць аб'ём паняцця “лінвакультурны ідэнтыфікатар”, а таксама стварыць і апрацаваць корпусы (рээстры) такіх адзінак, зафіксаваць іх у адпаведных выданнях (слоўнікавых і інш.), прапанаваць шляхі іх захавання ва ўмовах названых вышэй выклікаў эпохі.

Да аб'ёму паняцця “лінвакультурны ідэнтыфікатар” прапануецца адносіць намінатыўныя адзінкі і тэксты, якія суадносяцца з пэўнымі фрагментамі нацыянальнай лінгвакультурнай прасторы і кваліфікуюцца як аксіялагічна значныя, у адпаведнасці з распрацаванай праграмай стварэння і апрацоўкі корпусу такіх адзінак. У іх склад мы ўключаем: прэцэдэнтныя феномены (онімы, выказванні, тэксты), інтэртэкстэмы, ключавыя вобразы (сімвалы, метафары і інш.), коды народнай духоўнай культуры, ідыястылі, лінгвакультурныя “тыпажы”, факты нацыянальна-спецыфічнай лінгванэалогіі і інш.

Онімы, або ўласныя імёны, трансліююць культурную інфармацыю, якая ўтрымлівае традыцыі пэўнага этнаса. Сучасныя метады лінгвістычных даследаванняў (у прыватнасці, выкарыстанне пошукавых сістэм інтэрнэта, нацыянальных карпусоў беларускай і рускай моў і метадаў корпуснай лінгвістыкі) дазваляюць на даволі шырокім моўным матэрыяле прасачыць асаблівасці функцыянавання таго ці іншага прэцэдэнтнага оніма як фігуранта камунікатыўнай прасторы (у нашым выпадку, маючы на ўвазе моўную прастору Рэспублікі Беларусь, мы лічым магчымым гаварыць пра канкрэтныя моўныя факты, якія тычацца дзвюх дзяржаўных моў).

У якасці прыкладу разгледзім канцэптуальна і культурна значны для Беларусі, адзін з яе безумоўных культурных ідэнтыфікатараў, онім *Палессе* і вытворныя ад яго. У пераважнай большасці выпадкаў аналізуемы онім-канцэпт прадстаўлены ў прама-рэферэнтнай функцыі – для абазначэння адпаведнага фізіка-геаграфічнага арэалу. Часцей за ўсё згадваецца беларускае і ўкраінскае Палессе, у асобных кантэкстах – расійскае і літоўскае. Асаблівую цікавасць уяўляюць кантэксты, якія надаюць тапоніму *Палессе* прыкметы прэцэдэнтнасці. Так, часцей за ўсё Палессе становіцца ўстойлівым абазначэннем вельмі аддаленага, таямнічага месца, своеасаблівага «краю зямлі». З іншага боку, і да самога тапоніма Палессе прымацаваўся перыфраз *мора Герадота*, што яшчэ больш надае гэтаму анаматычнаму канцэпту лінгвакультуралагічнай значнасці ў сістэме ключавых канцэптаў беларускай (і нават шырэй – усходнеславянскай) культуры. У шэрагу кантэкстаў, якія рэалізуюць мікратэму «прырода Палесся», увага акцэнтуюцца на экалагічных праблемах гэтага краю, на пагрозе знікнення аднаго з найбольш самабытных куткоў Славіі. У гэтым плане дамінуюць дзве тэматычныя лініі – «меліярацыя» і «Чарнобыль». У гэтым жа тэматычным рэчышчы разглядаемы онім канцэптуалізуецца ў межах апазіцыі «сваё» vs. «чужое». У кантэкстах такой накіраванасці можна ўбачыць разважанні аб Палессі «якое было раней» і «якое цяпер», аб адметнасцях Палесся адносна іншых тэрыторый і г.д. Палессе – гэта і месца нараджэння асаблівых людзей – палешукоў, у якіх нават існуе ўстойлівы выраз аб тым, што «*паляшук – гэта той жа чалавек, але са знакам якасці*».

Адным са спосабаў канцэптуалізацыі тапоніма *Палессе* з'яўляецца пераход у іншы разрад онімаў (трансанімізацыя), у прыватнасці, у ад'ектонімы і эргонімы. Цікавасць да ад'ектонімаў у сучаснай лінгвістыцы даволі ўстойлівая. "Прыметнікі, утвораныя ад геаграфічных назваў, суправаджаюць усю гісторыю нашай мовы і прасочваюцца з яе старажытных помнікаў: летапісаў і дакументаў", – адзначае Я.А. Левашоў, аўтар слоўніка, у якім фіксуюцца такія адтапанімічныя ад'ектывы [2, 3]. У гэтай лексікаграфічнай працы ад'ектонім *палескі* фіксуецца ў якасці адзінага суфіксальнага ўтварэння ад тапоніма *Палессе* [2, 357], разам з тым ён з'яўляецца вынікам дзеяння ў словаўтваральнай сістэме рускай мовы самай актыўнай мадэлі па стварэнні намінацыўных адзінак такога роду: "У сучасным адтапанімічным словаўтварэнні пераважная большасць ад'ектонімаў абслугоўвае суфікс *-ск-*" [4, 230].

Вялікая колькасць кантэкстаў, у якіх зафіксаваны ад'ектонім *палескі* (*-ая, -ае*), сведчыць, з аднаго боку, пра валентнасную актыўнасць і, як вынік, полісемантычную насычанасць гэтай адтапанімнай адзінкі, а з другога – пра актуальнасць, семантычную, этна- і лінгвакультуралагічную ёмістасць самога вытворнага оніма *Палессе* ў камунікатыўных практыках падчас апеляцыі да гэтага тапоніма:

– найменні з выразнай канататыўнасцю (этна- і лінгвакультурнай і інш.): "*Палескі рай*" (аграсядзіба ў Петрыкаўскім раёне), "*Палескае жыццё*" (сядзіба хутарскага тыпу, з магчымасцю сямейнага адпачынку, Пінскі раён); "*Палеская казка*" (дзіцячы гульнявы пакой у гандлёвым цэнтры г. Кобрын); "*Палеская Веда*" (краязнаўчы музей, г. Мазыр) і інш.;

– прэцэдэнтныя феномены: "*Палеская Адысея*" (аўтобусны тур), "*Палеская Ратамка*" (конезавод па вырошчванні племянных коней, Столінскі раён), "*Тонеж. Палеская Хатынь*" (звязана са злачынствамі нацысцкіх карнікаў на тэрыторыі в. Тонеж Лельчыцкага раёна ў 1943 г.), "*Палеская Амазонка*" (пазнавальна-прыгодніцкі экскурсійны тур), "*Палеская Мадонна*" (праект па стварэнні адкрытай дыялогавай пляцоўкі Іванаўскага райвыканкама), "*Палеская Венецыя*" (уяўляла сабой дэльту вялікай ракі і складалася з вялікіх і малых астраўкоў, падзеленых ручаямі і рачулкамі), "*Палеская Венецыя. Кудрычы – страчаны рай*" (фотавыстава журналіста Паўла Куніцкага, г. Пінск), "*Палеская Сахара*" (пра в. Бабровічы Івацэвіцкага раёна), "*Палескі Напалеон*" (кніга Анатоля Крэйдзіча, героі якой – запамінальныя, каларытныя, надзеленыя высокай духоўнасцю, багатым унутраным светам, якія не пазбаўлены трагізму, пошукаў спрадвечных ісцін).

У аспекце вывучэння лінгвістычнай прыроды прэцэдэнтнага імені мы ўлічваем тое, што кантэкст не толькі дазваляе выбраць адно з інварыянтных значэнняў такога імені, але і выявіць наяўнасць семантычных прырашчэнняў да яго: анамастычная перыфраза (*чалавек з Ламанчы – Дон Кіхот; сыны Дзвіны і Нёмана – беларусы; пясняр Нарачы – М. Танк; рыцар яе Вялікасці Прыпяці – У. Верамейчык; адродкі Белай Русі – беларусы і інш.*), параўнанне (*Я аніяк не паверу, / Што ўсявышні сказаў пры высокай нагодзе, / Нібы ў Дантавым пекле наклеіў на дзверы: / "Назаўсёды надзею пакінь, хто сюды ўваходзе!"* Янка Лучына). Прыём перанясення ў мастацкі тэкст імёнаў вядомых пісьменнікаў, гістарычных асоб, міфалагічных і літаратурных персанажаў дазваляе спрагназаваць у чытацкай свядомасці пэўныя рысы лірычных вобразаў, зараней "прадбачыць", у адпаведнасці з аўтарскай задумай, найбольш яскравыя і выразныя элементы характару, паводзін ці знешнасці герояў і інш. Такія адзінкі з'яўляюцца адным з экспліцытных маркёраў інтэртэкстуальнасці і выступаюць базай для ўзнiкнення онімаў-загалоўкаў. Параўн.: "*Пан Тадэвуш*" А. Міцкевіча, "*Князь Вітаўт*" А. Дударова, "*Барбара Радзівіл*" Р. Баравіковай, "*Легенда пра Машэку*" і "*Звар'яцелы Альберт*" С. Кавалёва і інш.

Да лінгвакультурных ідэнтыфікатараў адносяцца і онімы розных класаў – эргонімы, гадонімы, айконімы. Эргонімныя адзінкі ўтрымліваюць асаблівасці светаўспрымання моўнай асобы, адлюстроўваюць яе культурны ўзровень. Такія онімы можна разглядаць як “згорнуты тэкст, які па-рознаму і ў няпоўным аб’ёме актуалізуецца ў розных моўных сітуацыях і складаецца з некалькіх логіка-інфармацыйных модуляў” [1, 6]. Праведзенае даследаванне эргонімаў Мазыршчыны выяўляе разнастайную лінгвакультурную інфармацыю, якая часам патрабуе наяўнасці пэўных фонавых ведаў носьбітаў мовы. Так, найменні крам, прадуктаў харчавання або аб’ектаў грамадскага харчавання ўзыходзяць да лексем, якія абазначаюць якасць прадукта ці акрэсліваюць яго мэтавую аўдыторыю: онім *Gurmans* указвае на асартымент крамы, суадносіцца з лексемай *гурман* ‘любіцель і знаток далікатных страў’. Назва крамы кандытарскіх вырабаў *Сластёна* ўзыходзіць да лексемы *сластёна* (бел. *ласун/ласуха*) ‘той, хто любіць салодкае’ і ўказвае на мэтавую аўдыторыю. Частотнымі з’яўляюцца лексемы, якія сведчаць пра характарыстыкі аб’екта: яго асартымент (*Канцтавары*), а таксама на рэжым і від работы (*24, on-line*). У складзе эргонімаў фіксуюцца і іншыя анамастычныя адзінкі (*Прыпяцкі*).

Аксіялагічны код выносіць у гарадскую прастору галоўныя сацыяльныя каштоўнасці. Гадонімы як частка анамастычнай прасторы рэгіёна сведчаць пра этапы развіцця духоўнай і матэрыяльнай культуры этнасу. Такія назвы ўтрымліваюць інфармацыю пра мясцовыя падзеі, афіцыйныя і неафіцыйныя назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў. Так, сучасная гаданімія Мазыршчыны пачала фарміравацца ў другой палове XX стагоддзя падчас будаўніцтва буйных прадпрыемстваў горада. У гэтых найменнях можна прасачыць агульную тэндэнцыю намінацыі, тыповую для ўсходнеславянскай гаданіміі – ідэалагічныя мемаратывы і прафесійныя назвы-прысвячэнні [3, 254]. Каля чацвёртай часткі назваў лінейных аб’ектаў звязаны з ідэямі стваральнай працы, з прамысловымі аб’ектамі, што знаходзяцца побач. Найменне *Нафтабудаўнікоў (Нефтестроителей)* матывавана апелятывам *нафтабудаўнік* ‘той, хто працуе на нафтабудаўніцтве’, што ўказвае на будаўніцтва мазырскага нафтаперапрацоўчага завода. У сучаснай гаданіміі Мазыра засведчаны найменні ў гонар партыйных і дзяржаўных кіраўнікоў, рэвалюцыянераў, герояў грамадзянскай і Вялікай Айчыннай войнаў, дзеячаў культуры (*Леніна, Кірава, Чапаева, Заслонава*). Некаторыя гадонімы змяшчаюць указанне на лакалізацыю аб’екта. Так, назва лінейнага аб’екта *Палеская (Полесская)* утворана ад лексемы *палеская* ‘якая знаходзіцца каля лесу’, найменне *Южная* знаходзіцца на поўдні горада, гадонім *Нагорная* матываваны лексемай *нагорная* ‘якая знаходзіцца каля гары’. Новыя эпоха ў жыцці грамадства абумовіла ўзнікненне новых святочных дат і важных гістарычных падзей. Гаданімія Мазыршчыны пазначанага перыяду ўтрымлівае найменні, тапаасновы якіх матываваны назвамі тагачасных свят. Адзінкі *8 Марта, 17 Верасня (17 Сентября)* (зав.), *Первомайская* (вул.), *Первомайский* (зав.) суадносяцца з лексэмамі *8 Сакавіка* – Міжнародны дзень жанчын, *Першамай* (Першае Мая) – Дзень Міжнароднай салідарнасці працоўных, *17 верасня* – Дзень далучэння заходніх абласцей да тэрыторыі сучаснай Беларусі.

Даследаванне асаблівасцей прэцэдэнтных феноменаў, інтэртэкстэм, намінацыі гадонімаў, эргонімаў, якія адносяцца да анамастычнага класа, што знаходзіцца на перыферыі анамастычнай прасторы, дазваляе асэнсаваць разуменне мовы як сродка адлюстравання нейкага вопыту, пласта культуры, які закадзіраваны ў

значэннях лексічных адзінак, акрэсліць новыя ідэалы і культурныя каштоўнасці ў межах інфармацыйна-лічбавай эпохі.

Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (Дагавор №1410/2021, ДПНД «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.)

Літаратура

1. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.В. Горбаневский; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 1994. – 39 с.
2. Левашов, Е.А. Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий: Словарь-справочник / Е.А. Левашов. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 532 с.
3. Мезенко, А.М. Коллективные меморативы в урбанонимии белорусов, русских, поляков / А.М. Мезенко // Беларуска-руск-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зборнік навуковых артыкулаў. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – С. 253–255.
4. Озтюрк, Л.И. Региональный аспект в исследованиях адъектонимики современного русского языка / Л.И. Озтюрк // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 4. – С. 229–236.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 199 с.
6. Mlife. Портал города Мозыря [Электронный ресурс]. – Мозырь, 2018. – Режим доступа: <https://mlife.by>. – Дата доступа: 03.02.2023.

С.Ф. Бут-Гусаім

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail: svfbg@tut.by

УДК 808.26 – 541.2

ІМЯ І ВОБРАЗ У ДРАМАТУРГІІ ГЕОРГІЯ МАРЧУКА

Ключевые слова: *оним, поэтоним, антропоним, антропонимическая коннотация, личное имя, прозвище, фамилия, «говорящая» фамилия.*

В статье рассмотрены национально-культурные особенности поэтонимов драматургических произведений Георгия Марчука в их связях и отношениях с материальной и духовной культурой Беларуси. Описаны полные, гипокористические, эмоциональные формы личных собственных имен – выразителей коннотаций эмоциональности, экспрессивности, оценочности и национально-культурной специфики. Рассмотрены коннотация социальности патронимов (отчеств), а также образно-изобразительные особенности фамилий и прозвищ – выразителей информации о присущих белорусскому этносу этических и эстетических нормах.

S.F. But-Gusaim

Brest State A.S. Pushkin University

THE NAME AND IMAGE IN THE DRAMATURGY BY GEORGY MARCHUK

Key words: *onym, poetonym, anthroponym, anthroponymic connotation, personal name, nickname, surname, “talking” surname.*

The article studies the national and cultural features of the poetonyms (poetic names) of Georgy Marchuk’s dramatic works in their connection and relation with the material and spiritual culture of Belarus. Full, hypocoristic, emotional forms of personal

proper names are considered as exponents of connotations of emotionality, expressiveness, evaluativeness and national and cultural specificity. The connotation of the sociality of patronymics, as well as the figurative and graphic features of surnames and nicknames, which express information about the ethical and aesthetic norms inherent in the Belarusian ethnos, are analysed.

Тэма кахання як галоўнага пачуцця, што з'яўляецца стрыжнем чалавечага існавання, вечная. Яна плённа распрацоўваецца сучасным драматургам Георгіем Марчуком. Героі меладрам "Усё будзе заўтра", "Каханне маё нешчаслівае", "Аднойчы на дачы", "Святло вышыні", "Муж, жонка і целахоўнік", "Святы грэшнік" шукаюць каханне, змагаюцца за яго, дзякуючы каханню пазнаюць свет людскіх адносін, выяўляюць сябе – сваю сілу або слабасць, чысціню або прадажнасць. Стварыць цікавую гісторыю людскіх адносінаў дапамагае аўтару раскрыццё вобразна-выяўленчых уласцівасцей паэтонімаў.

Мэта прадстаўленай працы – сістэматызацыя структуры антрапанімічнай прасторы драматургіі Георгія Марчука з улікам гістарычных традыцый беларускага іменаслова. Задачы: выяўленне вобразных кампанентаў, што ляжаць у аснове паэтонімаў, і ўстанаўленне характару экстралінгвістычных прымет, што знайшлі адлюстраванне ў паэтоніміконе; вызначэнне лінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў, што ўплываюць на з'яўленне нацыянальна-культурных канатацый онімаў.

Іменаслоў драматургіі Георгія Марчука пакуль не быў аб'ектам лінгвапрагматычнага даследавання, чым тлумачыцца актуальнасць працы.

Ядро анамастычнай прасторы п'ес – **антрапонімы**. У рэпліках герояў гістарычнай часткі драмы "Святло вышыні" сустракаюцца **онімы-рэтраспекцыі** – найменні гістарычных дзеячаў, жыццё якіх прыпадае на часы Скарыны: імёны біскупа віленскага **Яна**, герцага Прусіі **Альбрэхта**, каралевы Рэчы Паспалітай **Боны**, караля **Жыгімонта**.

Асабовыя імёны персанажаў – хрысціянскія онімы іншамоўнага паходжання, запазычаныя з **грэчаскай**: **Георгій** (грэч. 'земляроб' [1, 23]), **Дзяніс** (грэч. 'прысвечаны богу віна Дзіянісу' [1, 26]), **Платон** (грэч. 'шырокі' [1, 38]); **Алена** (грэч. 'светлая' [1, 53]); **лацінскай**: **Францыск** (лац. 'той, хто адносіцца да франкаў' [1, 47]), **Вікторыя** (лац. 'перамога' [1, 57]), **Маргарыта** (лац. 'жамчужына, перліна' [1, 44]); **Канстанцін** (лац. 'цвёрды, пастаянны' [1, 30]), **старажытнаяўрэйскай**: **Данііл** (ст.-яўр. 'Бог мой суддзя' [1, 25]) моў.

Заўважым, што онім у старажытным грамадстве быў носьбітам канатацыі царкоўнасці. Так, імя маскоўскага мітрапаліта ўжываецца ў драме ў царкоўнай форме **Данііл**. У старажытнасці імя было паказчыкам веравызнання асобы, прыналежнасці да каталіцтва або праваслаўя. Так, спрэчкі ў асяроддзі праваслаўных святароў выклікае асоба Скарыны па прычыне таго, што не вызначана, ці прытрымліваўся першадрукар пастулатаў праваслаўнай веры. Паказальнымі ў гэтым сэнсе з'яўляюцца разважанні праваслаўнага святара, героя Марчуковай п'есы: "Царква наша не ігнаруе Скарыну, а ставіцца, можна сказаць, стрымана. Мы не ведаем, ці быў ён праваслаўным, а можа, каталіком ці пратэстантам" [6, 75]; "Асоба Скарыны, якога называлі **Георгіем** і які атрымаў каталіцкае імя **Францыск**, была супярэчлівай. Вучыўся ў Кракаве, працаваў у Празе, жыў у Вільні. Ён быў лацінянінам, а па нашаму – заходнікам. Гэта і не дазваляла Даніілу прыняць становае рашэнне. Новае заўсёды прымаецца з цяжкасцю. Была традыцыя перапісваць Евангелле ад рукі. Скарына са сваімі поглядамі, відаць, выклікаў у мітрапаліта вялікія сумненні. Падданы **Жыгімонта** і герцага **Альбрэхта** зрабіўся разменнай

манетай варожасці Данііла да караля Жыгімонта. Не ў час прыехаў” [6, 75]. У іменаслове XXI стагоддзя носьбітам канатацыі царкоўнасці з’яўляецца апелятыў-прыдатак у спалучэнні з іменем: “Блаславіць духоўную працу магу, а кансультантам зрабіцца сілы і здароўе не дазваляюць. Думаю, айцец Мікалай дасць згоду” [6, 75].

“Зацемненая” ўнутраная форма імён можа ўтрымліваць немалаважную інфармацыю пра дзейную асобу. А.Ф. Рогалеў адзначаў: “Кантэкстуальная выразнасць імені літаратурнага героя сама па сабе можа быць гаваркай для таго ці іншага чытача (не будзем забываць, што «гавораць» імёны па-рознаму ў залежнасці ад таго, каму яны «гавораць»)” [8, 64]. Зразумела, не кожны чытач задумваецца над этымалогіяй імені персанажа. Між іншым, этымалагічная семантыка антрапоніма дазваляе адкрыць цікавыя грані вобраза героя. Невыпадкова галоўны герой п’есы “Святло вышыні” – таленавіты рэжысёр, які ў сучасным прагматычным свеце прысвячае жыццё стварэнню фільма пра спадчыну асветніка-мысляра Скарыны, носіць імя вялікага антычнага мудраца **Платона** (ад грэч ‘шырокі’). Папулярызаваная ідэй Скарыны дапаможа, як лічыць сучасны творца, “спыніць рух грамадства да жывёльнага стану спажывецтва і цынізму. Мы дакажам, што любіць Радзіму, верыць у Бога, спачуваць і дасягаць высакароднай мэты – найвялікшае шчасце” [6, 66]. Да **онімаў-рэмінісцэнцый** належыць імя сакратара турфірмы **Алены** Казак. Атрымаўшы ў спадчыну ад гаспадара фірмы грошы, Алена вырашае накіраваць іх на стварэнне фільма пра славу тага суайчынніка. Невыпадкова таленавіты рэжысёр праводзіць паралель паміж іменем і лёсам сучасніцы і апякункі хрысціян **Святой Алены**: “Уласна кажучы, імя **Алена** ты нясеш годна. Я меў на ўвазе **Алену**, маці імператара Канстанціна, якая прывезла ў Візантыю крыж, на якім укрывавалі Хрыста” [6, 80].

Адаптуючыся да славянскіх моў, хрысціянскія імёны сталі ўтвараць размоўна-бытавыя і ацэначныя формы. Так, памяншальныя формы (дэмінітывы) сталі выкарыстоўвацца для наймення сяброў, родных людзей, дзяцей, што знайшло адлюстраванне ў рэпліках герояў драмы: “Гадуюцца сынкі Сімяон і **Францішак**” [6, 65]; “Калі памёр мой муж **Юрка**, вечны спакой яго душы, ты каля яго труны ледзь не кляўся мне ў каханні, гаварыў, што ўсе сем гадоў кахаў і чакаў мяне, што не дазволіш мне прыніжацца” [6, 66]. У сучаснай беларускай лінгвакультуры каляндарныя імёны ўтвараюць шэраг эмацыйных і гіпакарыстычных формаў, перадаючы шырокі спектр эмоцый і ацэнак: цеплыню, фамільярнасць, пяшчоту і многае іншае, што прадстаўлена ў рэпліках герояў п’ес: “Як я... Калі груба – рабыня. **Люську**, нашу аднакласніцу, памятаеш” [6, 66]; “**Толя** Кот паехаў і добра пачуваецца ў фаворы” [6, 76]; “Рэальна, **Барыс** тайна закаханы ў **Светку**” [7, 85]. Носьбітамі канатацыі іншамоўнасці з’яўляюцца выкарыстаныя ў п’есе “Святлы грэшнік” формы імені галоўнага героя **Петруча**, **Патрык**.

У замалёўках сучаснага жыцця ўжыты Георгіем Марчуком такія этыкетны знак, як спалучэнне імені з іменем па бацьку. У грамадстве XXI стагоддзя гэта паказчык павагі да суразмоўцы і ягонага сацыяльнага статусу. Такая этыкетная формула выкарыстаная для называння былой настаўніцы **Ніны Цімафееўны** (“Святло вышыні”), супрацоўніцы Саўміна **Сняжаны Нілаўны**, уладальніцы салона прыгажосці **Вольгі Яраславаўны** (“Муж, жонка і целаахоўнік”), намесніка мэра **Міхаіла Кірылавіча** (“Святлы грэшнік”). У адлюстраванні падзей мінуўшчыны патронім з’яўляецца носьбітам канатацыі сацыяльнасці. У Маскоўскім княстве патронімы ўжываліся ў вышэйшых сляях грамадства і не толькі ідэнтыфікавалі чалавека, але і сцвярджалі яго статус як спадчынніка валадарных асоб. У п’есе “Святло вышыні” спалучэннем імені з іменем па бацьку названы маскоўскі цар **Васіль Іванавіч**.

У кантэксце драматургіі Г. Марчука выкарыстаны прыём метафарычнага ўжывання ўласных імён – **антанамазія**, што дазваляе лаканічна і ярка акрэсліць сутнасць персанажа праз супастаўленне з вядомай гістарычнай асобай. Так, Аксану Фёдараўну Багадухаву (гераіню п'есы “Усё будзе заўтра”), якая імкнецца асэнсаваць сучасны зменлівы свет праз прызму спрадвечных маральных законаў, даччына сяброўка характарызуе праз параўнанне са славутым філосафам: “У цябе не мама, а нейкі Гегель” [7, 85]. Наіўнага летуценніка Пятра Самасейку характарызуе метафара **Дон Кіхот** (п'еса “Святы грэшнік”), а супрацоўніцу Саўміна **Сняжану Нілаўну** акрэслівае анамастычная метафара **Тэтчэр** (п'еса “Муж, жонка і целаахоўнік”).

Прозвішчы персанажаў п'ес Г. Марчука утвораны ад празванняў-мянушак адапелятыўнага паходжання, матываваных найменнямі раслін (**Верас, Самасейка**), прадметаў побыту (**Коржыкаў**) словамі-характарыстыкамі фізічнага аблічча (**Аднавухаў**), сацыяльнага статусу асобы (**Казак, Кубышкін**). Сэнсавая нагрузка асобных **прозвішчаў-паэтонімаў** бывае звязана са старажытнымі міфалагічнымі ўяўленнямі пра Сусвет і чалавека. Прозвішча таленавітага рэжысёра (героя п'есы “Святло вышыні”), які імкнецца расказаць сучаснікам на мове кінематографа пра вялікага асветніка, утворана ад назвы расліны – **Верас**. “На мове кветак **верас** з'яўляецца сімвалам адзіноты і безнадзейнасці” [3]. На жаль, намаганні маладога творцы не знаходзяць падтрымкі ні сярод сяброў (акцёр ягонага фільма з'язджае ў Маскву), ні сярод бізнесоўцаў-мецэнатаў, якія зусім не імкнуцца фінансаваць фільм, а падманваюць маладога рэжысёра і хочуць спакусіць яго прыгажуню-каханую. Прозвішча каханай Платона Вераса **Прылюбка** асацятаўна звязваецца з семантыкай дзеяслова **любіць**: прыгажосць маладой актрысы не пакідае аб'якавымі многіх мужчын – уладальніка начнога клуба, чыноўніка Міністэрства культуры, якія хочуць заслужыць прыязнасць і любоў прыгажуні. Сэнсавая нагрузка прозвішча героя меладрамы “Усё будзе заўтра” – уласніка начнога клуба Руслана Леанідавіча **Валкаўца** суадносіцца з метафарычным значэннем слова **воўк**, якое характарызуе і ацэньвае чалавека жорсткага, агрэсіўнага. Менавіта такім з'яўляецца бізнесовец, у начных клубах якога працуюць старшакласніцы, які падманвае не толькі сваіх супрацоўнікаў, каханак, але і хлопца, апекуном якога з'яўляецца. Станоўчую ацэнку маці і дачцэ **Багадухавым** дае прозвішча, якое падкрэслівае ў гераінях іх веру ў Бога, што дапамагае людзям у часы цяжкіх выпрабаванняў, іх імкненне жыць па Божых законах. У ліку прозвішчаў герояў п'есы “Аднойчы на дачы” вылучаюцца паэтонімы-характарыстыкі. Прозвішча Віталіны **Кубышкінай** (параўн рус. **кубышка** – ‘скарбонка’, **клясть в кубышку** – ‘накапліваць’) адпавядае характару бізнес-лэдзі – уладальніцы кафэ, рэстаранаў, нястомнай збіральніцы матэрыяльных даброт. Прозвішча **Коржыкаў** ускосна сведчыць аб родзе дзейнасці героя-кулінара.

Прозвішча **Самасейка** называе сціплага служачага, героя п'есы Георгія Марчука “Святы грэшнік”. М.В. Бірыла выводзіць антрапонім **Самасейка** ад назвы расліны, якая вырастае ў выніку самарасейвання [2, 200]. Сэнсавая нагрузка прозвішча-паэтоніма асацятаўна звязваецца са значэннем этымона антрапоніма: па волі выпадку Пётр **Самасейка** становіцца кіраўніком Фонда “Справядлівасці і маралі”, бяздумна растрачваючы (рассейваючы) сродкі на жонак, чыноўнікаў і выпадковых знаёмых. Гаваркое прозвішча **Стобаксаў** належыць герою п'есы “Муж, жонка і целаахоўнік”. У паэтоніме – указанне на заможнасць дэпутата парламента, а таксама на яго перакананасць, што ўсё ў жыцці можна купіць за грошы.

Складнікам анамастыкону п'ес Г. Марчука з'яўляюцца ацэначна-характарыстычныя **мянушкі** персанажаў. У гістарычных фрагментах п'есы “Свят-

ло вышыні” ўжываецца **прыдомак** расійскага цара – бязлітаснага знішчальніка асабістых праціўнікаў, а таксама знешніх і ўнутраных ворагаў дзяржавы: “*Цар Васіль Іванавіч памёр, пакінуў двое сыноў, аднаго глуханямога, а другога – будучага Івана Жаклівага, грознага да ворагаў і паклёпнікаў Расіі, валадара моцнага і мудрага*” [6, 55]. У апісанні сучаснага жыцця ўжыта мянушка, утвораная на аснове паранамазійнага каламбура, што ператварае напышлівае асабовае імя **Авідзіў** (яно належыць бізнесоўцу, уладальніку начнога клуба) у паблажліва-насмешлівае празванне **Авадзень**: “*За вочы мяне завуць Авадзень. Але я не рэвалюцыянер. Усе рэвалюцыі пакуль што сціхлі – і сацыяльныя, і сексуальныя. Я за мірныя рэформы, калі яны на карысць грамадству. Не будуць зарабляць члены соцыуму – не будзем зарабляць і мы, бізнесмены*” [6, 55]. За высокімі фразамі патэнцыйнага мецэната фільма пра вялікага асветніка Скарыну хаваецца амаральны спакушальнік прыгожай дзяўчыны-актрысы, які падштурхоўвае яе да працы стрыптызёркай.

Арцёма Валкаўца (героя меладрамы “Усё будзе заўтра”) характарызуе празванне **Шэры** (прыгадаем эпітэт ваўка ў фальклоры – шэры Воўк). **Шэры**, як і яго апякун, упэўнены, што ўсё ў жыцці можна купіць, нават каханне аднакласніцы Святланы. Арцём стварае невыносныя ўмовы жыцця дзяўчыне, каб прымусіць яе да ўзаемнасці. Светлым, чыстым чалавекам з’яўляецца Барыс, названы аднакласнікамі мянушкай **Белы**. Хлопец, шчыра закаханы ў Святлану, робіць усё, каб выратаваць дзяўчыну. Менавіта **Белы** вяртае маральна зламанага Паэта да жыцця. Падлеткі – героі меладрамы “Каханне маё нешчаслівае” – ненавідзяць шкіпера Пятра Пятровіча, па мянушцы **Бомба**, за тое, што ён не дазваляў ім лавіць рыбу з баржы, якую ахоўваў. Празванне **Бомба**, прысвоенае гора-рыбакамі ворагу і крыўдзіцелю, падкрэслівае гнеў, агрэсію шкіпера. “*Мы з яго баржы рыбу лавілі. Не дазваляе. Злы, як галодны чорт. Ён уначы з ружжом ходзіць*” [4, 141]. Любімы занятка падлетка Васіля перадае мянушка **Рыбак**. Неразлучных сяброў-старшакласнікаў характарызуе антрапонім **Салодкая парачка “Твікс”**.

Факты жыцця гераіні п’есы “Муж, жонка і целаахоўнік” перадае мянушка Пані Куба: “*У дваццаць гадоў закахалася ў творы Хемінгуэя і завербавалася на Кубу*” [5, 56]. Камплекцыю героя згаданай п’есы акрэслівае мянушка **Калабок**.

Такім чынам, паэтонімікон п’ес Г. Марчука адлюстроўвае менталітэт беларускага народа, яго культурна-гістарычныя і міфалагічныя карані. Разгледжаныя імёны, прозвішчы, мянушкі ўжываюцца ў драматургіі ў адпаведнасці з нормамі называння чалавека, прынятымі ў беларускай лінгвакультуры. У кантэксце драматургічных твораў названыя антрапанімічныя адзінкі актуалізуюць разнастайныя сэнсавыя і экспрэсіўныя адценні, сутнасць якіх выяўляецца ў маўленні герояў і іх учынках.

Літаратура

1. Барыс, С. Як у нас клічуць? : Беларускія імёны / С. Барыс. – Мінск: Медысонт, 2010. – 124 с.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Легенды и поверья о растениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myphs.jimdofree.com>. – Дата доступа: 9.08.2022.
4. Марчук, Г. Каханне маё нешчаслівае : меладрама / Г. Марчук // Беларуская драматургія. – Мінск: Бел. навука, 1994. – Вып.5. – С. 131–170.
5. Марчук, Г. Муж, жонка і целаахоўнік / Г. Марчук // Польшча. – 2008. – № 4. – С. 51–87.
6. Марчук, Г. Святло вышыні / Г. Марчук // Маладосць. – 2016. – № 11. – С. 62–83.
7. Марчук, Г. Усё будзе заўтра: меладрама / Г. Марчук // Маладосць. – 2013. – № 12. – С. 81–105.
8. Рогалев, А.Ф. Ономастика художественных произведений: пособие / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Изд-во ГГУ, 2003. – 194 с.

УДК 81'367.622.12'373.2

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПОЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Ключевые слова: семиотика, ономастика, семантика, имя собственное, онимы, прагматика, прагматическое значение, коннотации.

В статье рассматриваются вопросы развитие ономастики как особого научного направления в его современном понимании, анализируются дискуссии и оцениваются различные предложения относительно определения имени собственного как специфической лексической единицы языка. Обращается внимание на трудности формулировки таких определений в рамках традиционной лексикологии. Предлагается относительно новый подход к определению имен собственных под углом зрения семиотики и, в частности, прагматического рассмотрения имен собственных и имен нарицательных, при котором их различие сглаживается, а содержание определяется лишь различными коннотациями.

L.M. Vardomackiy
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

PROPER NAME AS AN OBJECT OF LINGUISTIC PRAGMATICS

Key words: *semiotics, onomastics, semantics, proper name, onyms, pragmatics, pragmatic meaning, connotations.*

The article deals with the development of onomastics as a special scientific direction in its modern sense, analyzes discussions and evaluates various proposals regarding the definition of a proper name as a specific lexical unit of a language. Attention is drawn to the difficulties of formulating such definitions within the framework of traditional lexicology. A relatively new approach is proposed to the definition of proper names from the point of view of semiotics and, in particular, a pragmatic consideration of proper names and common nouns, in which their difference is smoothed out, and the content is determined only by different connotations.

Активное развитие ономастики как особого научного направления в его современном понимании начинается лишь в первой половине XX века. В числе наиболее известных авторов, ономастические исследования которых внесли существенный вклад в формирование ономастической теории и практики, – В.Н. Топоров, Н.Д. Арутюнова, А.В. Суперанская, В.Д. Бондалетов, В.А. Никонов, А.Ф. Лосев. Белорусская ономастика широко представлена трудами М.В. Бирилло, В.П. Лемтюговой, А.М. Мезенко, А.Ф. Рогалева, П.П. Шубы. Разумеется, этот перечень далеко не исчерпывает всех языковедов-ономастов, чьи кропотливые исследования в итоге и создали ономастику – науку, признанную сегодня в качестве самостоятельной отрасли научного знания.

О заинтересованности ученых различных стран ономастической тематикой, о важности и сложности изучения проблем ономастики говорит хотя бы тот факт, что с 1938 г. (Париж) по 2021 г. (Краков) состоялось уже 27 конгрессов специаль-

но созданного «Международного совета ономастических наук» (International Council of Onomastic Sciences, ICOS). Так, XIII Международный ономастический конгресс, который проходил в Кракове в 1978 году, был специально посвящен обобщенной проблеме «Имена собственные и имена нарицательные». Выступления участников конгресса были посвящены вопросам определения специфики онимов, их принципиальных отличий от имен нарицательных. Но следует отметить, что и к настоящему времени дискуссии по отдельным принципиальным вопросам как понимания самого онима, его особенностей и специфичности как языковой единицы, так и выработки его оптимального определения, все еще не близки к разрешению. «Противоречия начинаются, - пишет Г.Ю. Сызранова, - с термина «имя собственное» - русская калька с лат. *nomen proprium* (ср. нем. *Eigenname*, фр. *nom propre*, англ. *proper name*). В латыни этот термин калькирован с греч. *Ὀνομα κύριον*» [7, 18]. Но в самом древнегреческом языке термин *ὄνομα* «мог обозначать и нарицательные имена (у Платона и Аристотеля), и собственные (у Ксенофонта)» [Там же]. В итоге, несмотря на кажущуюся простоту, самым сложным в истории ономастики оказалось сформулировать достаточное определение имени собственного как феномена языка. В.Д. Бондалетов, например, различает собственные и нарицательные имена по их назначению: «Собственные имена - это единицы языка-речи (слова и словосочетания), служащие для подчёркнуто конкретного названия отдельных предметов действительности...» [3, 27]. Однако вторая часть предлагаемого определения заметно противоречит этому высказыванию: «Назначение собственных имён - называть определённый предмет, соотнося его с классом однотипных, или родственных предметов» [Там же].

Е.П. Игнатъева вслед за Е.М. Галкиной-Федорук утверждает, что «имена собственные не включают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающим знаком» [4]. В продолжение этой мысли М.В. Никитин пишет, что имя собственное «ничего не сообщает об обозначаемой вещи» [5, 36]. А.В. Суперанская, проводившая сопоставительное исследование собственных и нарицательных имен, также приходит к выводу, что специфической особенностью имени собственного является отсутствие у последнего понятия, именам собственным характерна лишь «связь с единичным объектом и выраженная идентифицирующая функция» [Цит. по: 4]. В ономастической литературе известно мнение, что имена собственные семантически пусты и наполняются соответствующим значением только конкретизируясь в речи.

Но в некоторых лингвистических исследованиях можно проследить и относительное несогласие с такой оценкой онимов. Так, например, Н.И. Толстой пишет: «Собственное имя несёт какую-то, не для всех одинаковую информацию («содержание»), которую нельзя путать со значением» [8, 200].

В последние десятилетия XX - нач. XXI вв. в науку о языке на его разных уровнях активно вторгается антропоцентрический принцип исследований, для которого объектом наблюдения является, в первую очередь, живая речь, или (по Дж. Остину) «обыденный язык». И в связи с этим формальное (или логико-формальное) языкознание отходит в область теории, поскольку не соответствует прагматическим потребностям говорящих. Слабость логико-формального описания языка Дж. Лич, в частности, видел в том, что «семантика управляется правилами, а правила всегда конвенциональны». И в этом смысле семантика, как и грамматика, схематичны. «Заложенное в природе имен собственных противоречие между их свойствами как единиц общения и расширением их семантики в процессе функционирования» [1] стремиться к своему разрешению с позиций все

более активно внедряемого в лингвистическую исследовательскую практику семиотического подхода. С позиций семиотики и имя собственное, и имя нарицательное являются языковыми знаками. И каждый из разделов семиотики (по Ч. Моррису) (семантика, синтактика, прагматика) определяют языковой знак как элемент функционирующей системы. Семантика в семиотическом поле рассматривает отношение знаков к обозначаемому, т.е. к содержанию знаков. (Ср. приведенную выше цитату Н.И. Толстого). Для синтактики совершенно нет необходимости различать имена собственные и имена нарицательные, поскольку с точки зрения сочетаемости с другими знаками они не выявляют каких-либо существенных различий. И наконец, в поле прагматики, языковые знаки рассматриваются в связке «знак – участник коммуникативной ситуации». То есть на первый план выступает не проблема константной семантики, а проблема интерпретации знаков теми, кто их использует, их полезности и ценности для интерпретатора. С точки зрения прагматики, семантика, как правило, мотивируется разговорными целями, она «межличностна и текстуальна». Традиционная семантика имеет дело со значением как членом диадического отношения (знак – объект). Лингвопрагматика рассматривает любой языковой знак как единство трех сущностей, то есть имеет дело с триадой знак – объект – говорящий. И рассматриваемые с этих позиций, изначально семантически «пустыми» являются любые номинации (и имена собственные, и имена нарицательные), если они не связаны с конкретной речевой ситуацией и если они не реализуются и не интерпретируются в конкретном тексте. «Значение языкового выражения есть его употребление». Эта мысль Л. Витгенштейна является основным аргументом при изучении любых языковых знаков с позиций лингвистической прагматики.

Внелингвистическую сущность имен собственных отмечает и А.Н. Беляев, который пишет: «В отличие от нарицательных имён они характеризуются особой экстралингвистической направленностью, а именно соотнесённостью с предметом реальной действительности, минуя ступень понятийного обобщения. Наричательные имена служат для обозначения предмета вообще, класса предметов в целом, неопределённого предмета (предметов), входящего в некоторый класс» [7, 8]. Однако вторая часть приведённой цитаты с точки зрения лингвистической прагматики может быть оценена по-другому. В частности, можно отметить, что утверждение, что имена собственные «характеризуются соотнесённостью с предметом реальной действительности, минуя ступень понятийного обобщения», в поле прагматики будет справедливо только для конкретной коммуникативной ситуации. В случае не привязанности к конкретному лицу, оним, оставаясь именем собственным, как и имя нарицательное, включается в определённую обобщающую, хоть и специфическую, группу лексики,

Особенно наглядно прагматический компонент имени собственного проявляется в различного рода товарных знаках и названиях пространственных объектов. Это происходит за счет активизации оценочных, экспрессивных, фоновых коннотаций. Вместе с тем, неучет прагматических условий использования языкового знака, которым в данном случае является имя собственное, приводит к искажению первоначального намерения создателя товарного знака. Так, например, один из ресторанов г. Минска называется «Заслонов». В данном случае это фамилия художника, создававшего дизайн внутреннего пространства ресторана. Но совокупность коннотативных отношений, содержащихся в названии, которые, под-

держиваются и внутренней атрибутикой помещения (картинами художника), все же не позволяют данному имени собственному нести его заданное значение. Историческая коннотация оказывается намного сильнее, и практически все посетители заведения связывают это название с фамилией известного партизанского командира Константина Заслонова.

С точки зрения лингвистической прагматики, совершенно очевидно, что онимы всегда должны создаваться с учетом закладываемых в них планируемых (первичных) и реализующихся (вторичных) коннотаций, где «важную роль играют культурные коннотации, которые реализуют связь с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией». Так, во второй половине XX века начали создаваться различные детские учреждения, пионерские лагеря, клубы и т.п. с названием «Алые паруса» как символом сбывшейся мечты. Но следует отметить, что в одноименной повести А. Грина (может быть, вне воли автора) просматривается очевидный и несколько иной подтекст: шхуна с алыми парусами, которую так ждала Ассоль, – это на самом деле всего лишь прагматический ход капитана Артура Грэя, а не реально сбывшаяся мечта героини.

Прагматический потенциал имен собственных на самом деле очень высок. И «использование их в метафорическом значении, – пишет Б.Ю. Норман, – весьма эффективный способ воздействия на общественное сознание, состоящий в обращении к эмоциональной сфере психики. Имена подобного рода принято называть прецедентными онимами. Они очень часто встречаются в публицистических текстах и призваны не просто поведать читателю о чём-то, но и разъяснить ему глубинный смысл событий, сформировать общественное мнение, возбудить читателя эмоционально, наконец, мобилизовать его, подготовить к активному действию» [6, 203].

Литература

1. Ахметзянова, Л.М. Проблема семантики имени собственного / Л.М. Ахметзянова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-semantiki-imeni-sobstvennogo/viewer>. – Дата доступа: 05.02.2023.
2. Беляев, А.Н. Топонимы как источник историко-лингвистической и культурологической информации: монография / А.Н. Беляев. – М., 2018. – 394 с.
3. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
4. Игнатьева, Е.П. Концепции имен собственных / Е.П. Игнатьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/sch2_soderzhanie/Sch-2-30.pdf. – Дата доступа: 05.02.2023.
5. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
6. Норман, Б.Ю. Лингвистика каждого дня / Б.Ю. Норман. – Минск, 1991. – 301 с.
7. Сызранова, Г.Ю. Ономастика: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Г.Ю. Сызранова. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2013. – 248 с. – Режим доступа: <https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/367/1/Сызранова%201-14-12.pdf>. – Дата доступа: 05.02.2023.
8. Толстой, Н.И. Ещё раз о семантике имени собственного / Н.И. Толстой // Актуальные проблемы лексикологии: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (17–20 июня 1970 г.) / отв. ред. А.Е. Супрун. — Минск: Изд-во БГУ, 1970. – С. 200–201.

Е.Н. Варникова

Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
e-mail: e-varnikova@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.2:599.723.2+81'38

ИЗ АРХИВНОЙ ЗООНИМИИ

Ключевые слова: *русская зоонимика, зоонимы, клички лошадей (гиппонимы), семантика, структура гиппонимов, способы зоонимообразования, документы специализированного объединения совхозов «Севмаслотрест» 1930-х гг.*

В статье рассматриваются семантические и словообразовательные особенности русских кличек лошадей, выбранных из документов специализированного объединения совхозов «Севмаслотрест» 1930-х гг., которые хранятся в Государственном архиве Вологодской области. Отмечаются устойчивость номинативных зоонимических традиций, тесная связь зоонимов с антропонимической и агентивной лексикой, отражение в зоонимии состава русского именника начала XX века.

E.N. Varnikova

Vologda Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation

FROM ARCHIVAL ZOONYMY

Key words: *russian zoonymy, zoonyms, horse names (hyponymy), semantics; hyponymy structure, methods of forming zoonyms, archival documents of the Soviet farms «Sevmaslotrest» having functioned in 1930s.*

The article deals with semantic and word-formation features of Russian horse names selected from documents of the specialized association of state farms "Sevmaslotrest" in the 1930s, which are stored in State archive of the Vologda region. There are noted: the stability of nominative zoonymic traditions, close connection of zoonyms with anthroponymic and agentive vocabulary, reflection of the composition of the Russian name list in the zoonymy of the beginning of the 20th century.

Разные разряды русской зоонимии изучены в разной степени. Своеобразным показателем степени их изученности является наличие / отсутствие работ, посвященных рассмотрению зоонимов одного какого-то разряда, поскольку в таких работах выявляется специфика кличек животных определенного вида. Русские клички лошадей стали предметом особого изучения в исследованиях Т.П. Романовой [4; 5 и др.], Л.М. Щетинина [10]. В этих исследованиях анализируются семантика и структура официальных гиппонимов – кличек племенных лошадей. Такие имена, как известно, присваиваются животным по особым правилам: клички создаются по принципу инициального соответствия именам родителей: в имени жеребенка передается его полное происхождение по матери (первая буква клички) и отцу (буква в одном из следующих слогов): *Волянка* – от *Вязьмы* и *Лукавого*, *Статус* – от *Симы* и *Таланта*, *Мечта* – от *Маруси* и *Чипа* и под. и наоборот: *Доха* – от *Движка* и *Ханки*, *Жемчужина* – от *Жребия* и *Аварии*, *Прима* – от *Прометейя* и *Магдалины* и др. [10, 112–113]. Инициальная фиксация родства породистых животных необходима для проведения селекционной работы на конных

заводах. В то же время она отражает общую тенденцию к преобладанию формальной номинации в современной русской зоонимии.

Клички беспородных лошадей, в недавнем прошлом содержавшихся в колхозах и совхозах севера и центра России, создавались без строгих ограничений и в большей мере отражали те или иные свойства животных. Однако такие гиппонимы представляют собою исчезающий (если не исчезнувший) зоонимический класс: начиная с 60-х гг. XX в. по мере оснащения сельских хозяйств техникой лошади были постепенно ликвидированы. В полевых условиях удастся записать лишь малую часть кличек – от 10 до 30 % бывших зоонимиконов, полные списки кличек лошадей получается обнаружить далеко не всегда. Сельские гиппонимы обычно рассматриваются в общей массе кличек животных, собранных на какой-либо территории. Так, в статье П.Т. Поротникова «Из уральской зоонимии» анализируются зоонимы, собранные автором в южной части Талицкого района Свердловской области [3], статья Т.П. Романовой, О.В. Салминой «Традиционный пласт русской зоонимии» выполнена на материале кличек животных с. Покровка Самарской области [6], статья В.И. Супруна «Архивная зоонимия: материалы колхозных документов, содержащие клички животных» посвящена описанию архивной зоонимии 1930-х гг. с. Горный Балыклей Дубовского района Волгоградской области [9].

В нашей статье рассматриваются клички лошадей, выбранные из документов специализированного объединения совхозов «Севмаслотрест» 1932–33 гг. (со 2 октября 1934 г. – «Севмолмясотрест»), которое было организовано на территории Вологодской области 1 октября 1931 года и просуществовало до 1 января 1936 года. В состав этого объединения входили двенадцать совхозов: «Возрождение», «Новое», «Великий Устюг», «Красное», «Усть-Кубинский», «Северная Ферма», «Куркино», «Бушуиха», «Печора», «Черевково», «Шуйское» и «Чёбсара».

«Материалы о развитии коневодства в совхозах Севмаслотреста в 1932–33 гг.» хранятся в Государственном архиве Вологодской области. Они представляют собою инвентарные ведомости, в которых содержатся списки лошадей отдельных хозяйств, входивших в данное объединение, а также довольно подробные описания животных: их видовые характеристики, возраст, масть, особые приметы. Из этих материалов было выбрано 77 зоонимов. В статье выявляется лексический состав сельских гиппонимов, определяется семантика апеллятивов и онимов, от которых они образованы, анализируется структура кличек лошадей, описываются способы зоонимообразования.

По семантике производящих слов выделяются следующие группы гиппонимов.

1. Самую многочисленную группу составляют клички, образованные от личных имен: *Аза, Граня, Егор, Ида, Мавра, Макарко, Маруська, Марфа, Розка, Степка, Танька, Федька, Фимка*. Состав антропозоонимов отражает особенности репертуара личных имен начала XX века (в этом отношении показательно и образование гиппонима *Масалиха* от женского именования по мужу), в настоящее время многие из приведенных имен вышли из активного употребления. В качестве производящих выступают в основном гипокористические формы русских по использованию антропонимов, только одна кличка *Матис* может быть соотнесена с немецким вариантом имени *Маттиас*. Отмечена также кличка *Ермак*, производная от прецедентного имени. Образование антропозоонимов, как показывает анализ сельской исторической гиппонимии, имеет давние традиции [2, 57].

2. Немногим уступают по количеству зоонимы, производные от различных нарицательных наименований лиц: *Балерина, Богатырь, Вестник, Гетман, Злодей, Красотка, Лоцман, Мальчик I, Мальчик II, Матрос, Пилот, Попадья, Рыцарь, Цыган-*

ка. Возможно, некоторые из зоонимов мотивированы прямо или косвенно какими-либо признаками животных (например, клички *Богатырь*, *Рыцарь* могут отражать силу, стать лошадей, кличка *Злодей* – особенности нрава жеребца, кличка *Балерина* – легкость бега лошади, кличка *Красотка* – общую положительную оценку экстерьера животного), но документально это не подтверждается (например, кобылы *Попадья* и *Цыганка* не вороны, как можно было бы предполагать, а гнедые). Кличка *Мальчик*, по данным Словаря русских народных говоров, типична для русской гиппонимии: ‘обычное название коня’; ‘кличка лошади’ Дмитр. Моск. 1904, Прейл. Латв. ССР [7, 17, 345].

3. Также многочисленны клички, образованные на основе названий внешних признаков животных. Прежде всего, среди них отметим зоонимы, возникшие на базе наименований лошадей по основному цвету шерсти: *Буланко* – 2 (с помощью цифр указывается количество повторяющихся кличек), *Бурко*, *Буско* – 2 (ср. *бусой* и *бусый* ‘серый, пепельный, дымчатый’ Южн.-Сиб., Арх., Волог., Перм., Иркут. Сиб., Том., Вят. [7, 3, 306–307]), *Воронуха*, *Гнедая*, *Рыжик*, *Рыжко*, *Серко*. К этой группе, по-видимому, следует отнести и зоонимы, образованные от названий вкраплений на основной масти: *Белоногий*, *Звезда* (ср.: звезда ‘светлое пятно на лбу у животного’ [1, 6, 666–667; 8, 4, 1135]), *Звёздка* («вороная со звездой»), *Звёздочка*.

4. В основе ряда гиппонимов лежат названия животных, птиц (в большинстве случаев), насекомых: *Баклан*, *Векша*, *Ласточка*, *Муха*, *Орлик* – 2, *Соколик*, *Соколик I*, *Соколик II*. Кличка *Муха* может быть обусловлена особенностями окраса кобылы, наличием отметины: «на левой стороне шеи белое пятно». Зоонимы *Ласточка*, *Орлик*, *Соколик* могут символически отражать красоту и силу лошадей (см. об этом: [10, 108]; о развитии «птичьей» модели в истории русской гиппонимии см. также: [2, 64]).

5. Отдельные клички образованы от названий различных предметов: *Лафет*, *Ракета* – 2, *Тюфяк*, *Шарик*. На наш взгляд, эти клички могут иметь метафорический характер: зооним *Лафет* (напомним, нарицательное *лафет* имеет значение ‘станок, на котором закрепляют артиллерийское орудие’ [1, 9, 73; 8, 6, 84]), скорее всего, отражает физические недостатки жеребца («косолапость задних ног, абсцесс холки»), зооним *Ракета* может быть связан (реально или на уровне пожелания) с быстротой бега лошади, зооним *Тюфяк*, очевидно, мотивирован переносным значением слова *тюфяк* ‘о вялом, нерасторопном, безвольном человеке’ [8, 15, 1223].

6. Зоонимы *Верный*, *Гордый*, *Сердечный*, образованные от прилагательных, выражают особенности нрава лошадей и отношение к ним.

7. Наконец, отметим клички, соотносительные со словами разных тематических групп: *Баян*, *Ветерок*, *Зорька Молодая*, *Зорька Старая*, *Малютка*, *Минорка*, *Непобедимка*, *Планета*, *Ромба*, *Совхозный*, *Экстра*. Зоонимы *Непобедимка*, *Экстра* явно выражают общую высокую оценку беговых качеств и экстерьера лошадей. Кличка *Ветерок* может отражать легкость и быстроту бега коня. Кличка *Малютка*, скорее всего, присвоена лошади, когда она была еще жеребенком, и поэтому может не отражать реальные размеры взрослого животного. Но говорить об этом можно лишь на уровне предположений: ведомости не содержат необходимой для определения мотивов номинации информации. Другие гиппонимы этой группы пока оставляем без комментариев.

Кроме кличек, в рассматриваемых материалах приводятся прозвища лошадей: жеребец *Серко* – прозвище *Грек*, мерин *Федька* – прозвище *Кривой* («правый глаз отсутствует»), мерин *Шарик* – прозвище *Клубок*.

По структуре почти все гиппонимы однословны, за редким исключением омонимичных именованных, противопоставленных друг другу с помощью разных дифференциаторов: *Зорька Молодая*, *Зорька Старая*, *Соколик I*, *Соколик II*. Подав-

ляющее большинство однословных кличек субстантивны по форме, адъективные гиппонимы немногочисленны (только пять кличек из 77 имеют форму прилагательных: *Белоногий, Верный, Гордый, Сердечный, Совхозный*). Род производящих слов, как правило, соответствует полу животных, отмечается только одно феминное образование – кличка кобылы *Ромба*.

Основными способами образования рассматриваемых гиппонимов являются трансонимизация (*Аза, Егор*), онимизация апеллятивов (*Бурко, Векша*), суффиксация (*Орлик, Непобедимка*) и субстантивация прилагательных (*Верный, Совхозный*).

Сопоставление наших материалов с данными работ, в которых рассматривается сельская гиппонимия, обнаруживает большое сходство в лексическом составе, производящей базе и способах образования кличек лошадей, что, безусловно, свидетельствует об устойчивости традиций зоонимической номинации. В образовании гиппонимов последовательно используются названия мастей лошадей, антропонимы, агентивы, выражающие возрастные, социальные, профессиональные, личностные и др. характеристики людей, различные наименования фауны и пр. Слова этих групп активно участвуют и в создании официальных кличек породистых лошадей, но лексическое наполнение некоторых групп совершенно иное. Так, среди производящих антропонимов преобладают имена «иноязычного, античного и вообще книжного и легендарного происхождения» [10, 109], среди агентивов – названия лиц по «должности, титулу, чаще благородному» [Там же]. По-видимому, сопоставительный анализ производящей базы официальной и сельской гиппонимии заслуживает особого внимания.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – М., СПб.: Наука, 2004–2021.
2. Варникова, Е.Н. Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI – начала XVIII вв.) / Е.Н. Варникова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 47–83.
3. Поротников, П.Т. Из уральской зоонимии / П.Т. Поротников // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А.В. Суперанская. – М., 1972. – С. 210–250.
4. Романова, Т.П. Иппонимическая система способов фиксации родства и её эволюция // Системность языковых средств и их функционирование: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. Е.С. Скобликова. – Куйбышев: Куйбышевск. гос. ун-т, 1989. – С. 26–34.
5. Романова, Т.П. Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.П. Романова; Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола. – Воронеж, 1988. – 22 с.
6. Романова, Т.П. Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных с. Покровка Самарской области) / Т.П. Романова, О.В. Салмина // Proceedings of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists. Lublin, 24–29 July 2000. Volume I / Editor-in-Chief Stefan Warchol. – Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 2003. – С. 221–231.
7. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – Вып. 1–49. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин. – М.–Л.: Наука, 1948–1965.
9. Супрун, В.И. Архивная зоонимия: материалы колхозных документов, содержащие клички животных / В.И. Супрун // Диалог культур: Россия – Польша: материалы международной научной конференции, Смоленск, 20–22 ноября 2014 года / Смоленский гос. ун-т; отв. ред. В.С. Картавенко. – Смоленск: Маджента, 2015. – С. 116–127.
10. Щетинин, Л.М. Клички лошадей // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 107–114.

Источники

Материалы о развитии коневодства в совхозах Севмаслотреста в 1932–33 гг. // Государственный архив Вологодской области, ф. 643, оп. 1, д. 181.

Ю.М. Галковская
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
e-mail: yulya_galkovskaya@mail.ru

УДК 811.161.1'373.231

НОМИНАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

Ключевые слова: *антропоним, антропонимия, выбор имени, модель номинации, мотив, номинация, имянаречение.*

В статье представлен анализ мотивации имянаречения с позиции ее цикличности и вероятностного прогнозирования. Предпринята попытка изучить мотивацию выбора личного имени новорожденного как алгоритм действий, а совокупность мотивов – как тенденцию в имянаречении. Выявлены и сопоставлены основные мотивы выбора личного имени на территории приграничья на протяжении 70-летнего временного интервала. В результате анализа создана модель выбора личного имени и проверена ее цикличность.

Yu.M. Galkovskaya
Saint-Petersburg University of Aerospace Instrumentation

NAME GIVING MODELING: HYPOTHESIS TESTING

Key words: *anthroponym, anthroponymy, name giving practice, nominative model, motive, motivation set, name choice.*

The article reveals the findings of the name giving practice around the border area based on the data anticipating and the cyclical approach. The motivation set shows the step-by-step correlation among the motives in name choosing to predict further tendencies. The study covers the period between the middle of the XXth century and the first decades of the XXIst century. The study tests the hypothesis of the cyclical development in the name giving practice by the border territory residents.

Современная антропонимика нацелена на изучение влияния человека на язык как особую знаковую систему. Последние исследования в области номинативной практики позволяют заключить, что такое влияние двунаправленно. С одной стороны, на выбор антропонимной единицы оказывает влияние феномен первичной антропологизации языка (то есть влияние мышления на язык в целом, в частности на антропонимы как единицы языковой системы). С другой стороны, на номинативный выбор влияют неязыковые факторы, которые охватывают так называемую вторичную антропологизацию. Иными словами, номинативный выбор – результат действия различных картин мира: религиозной, философской, научной и др. – на деятельность человека (в том числе на номинативную).

Первичная антропологизация антропонимикона была доказана во второй половине XX в. выдающимися российскими учеными В.Д. Бондалетовым, А.В. Суперанской и др., которые в своих трудах обосновали принцип структурности в системе личных имен на примере разных региональных антропонимиконов.

Вторичная антропологизация системы имен собственных активно изучалась на рубеже XX–XXI вв., когда интерес к антропонимам совпал с активными иссле-

дованиями в области языка и культуры, одним из «хранителей» которых и выступает имя собственное [1, 665]. Как часть лексической системы, имена собственные содержат обширную лексическую информацию. Вместе с тем, поскольку антропонимный материал – это не только часть языковой действительности, но и различных явлений и фактов этой действительности, личные имена имеют тесную связь с историей и культурой общества в целом. Способность имен собственных аккумулировать и транслировать культурную, историческую, мировоззренческую и другую информацию была доказана такими учеными, как Р.А. Агеева, Е.Л. Березович, М.В. Горбаневский, И.А. Королева, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, В.Н. Топоров, Л.В. Успенский и др. Типологическая (структурная), национальная и ассоциативно-культурная составляющие топонимов Витебщины на протяжении нескольких десятилетий широко представлены в многочисленных трудах белорусского ученого А.М. Мезенко (см., например, работы [2; 3]).

В современных исследованиях, ведущихся в области номинативной практики, нередко применяется метод математического моделирования, который позволяет создать и визуализировать модель выбора личного имени и частотности распространения той или иной номинативной тенденции.

В данном исследовании, выполненном в русле ономастики, предпринята попытка проверить гипотезу цикличности на материале номинативной практики. Гипотеза цикличности заключается в том, что ядро номинативного процесса с позиции мотивации выбора личного имени новорожденному динамично, но циклично, что проявляется в относительной устойчивости мотивов выбора личного имени. В научной литературе термин *мотивация*, как правило, используется в двух значениях: 1) как психофизиологический процесс формирования движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, имеющей определенную целевую направленность; 2) как совокупность мотивов. В рамках данной статьи термин «мотивация» употребляется во втором значении.

Цель статьи заключается в проверке гипотезы цикличности мотивации имянаречения и возможности применить метод вероятностного прогнозирования для создания модели номинативного выбора.

Материалом для номинативного моделирования послужили результаты очного и заочного анкетирования 1097 жителей приграничных населенных пунктов Витебской области: городов Браслав, Верхнедвинск (Дрисса), Городок, Дубровно, Мёры, Постава, городских поселков Видзы, Езерище, Лёзно, Лынтупы, Россоны, Сураж, – за период 1950-е, 1970-е, 1990-е, 2010-е гг. с опорой на математическую формулу $N = M : 38,88$, где N – количество анкетного материала, M – количество новорожденных в населенном пункте за единицу времени (10 лет), 38,88 – коэффициент корреляции.

Как факт культуры, личное имя, а также его выбор, во многом определяется механизмами формирования народа, историческим опытом, характером межкультурной коммуникации, социальными процессами и др. С этой позиции личные именованья могут быть рассмотрены как результативные рефлексивные единицы номинативных приоритетов, определить которые возможно посредством анализа мотивов выбора личного имени новорожденному.

Используя простейшие инструменты статистического моделирования, мы создали модель номинативной практики с опорой на выявленные в результате анкетирования мотивы выбора личного имени новорожденному. Для формирования модели были использованы основные (наиболее частотные) мотивы имянаречения, указанные респондентами (в рамках каждого контрольного среза та-

ких мотивов было выявлено 5–6 единиц). На рисунке ниже представлена ядерная модель номинативного процесса на приграничных территориях за 1950-е, 1970-е, 1990-е и 2010-е гг. (см. Рисунок_Номинативное моделирование: мотивация выбора личного имени новорожденному в приграничном ареале).

Как видно на Рисунке, несмотря на динамические колебания в частотности выбора личного имени (и количестве респондентов, которые отдали предпочтение тому или иному мотиву выбора имени), ядро номинативного выбора в целом стабильно. Пересечения т.н. статистических изоглосс демонстрируют наличие цикличности в номинативных приоритетах жителей приграничных территорий и подтверждают нашу гипотезу о том, что ядро номинативного процесса с позиции мотивации выбора личного имени новорожденному динамично, но циклично, что проявляется в относительной устойчивости мотивов выбора личного имени.

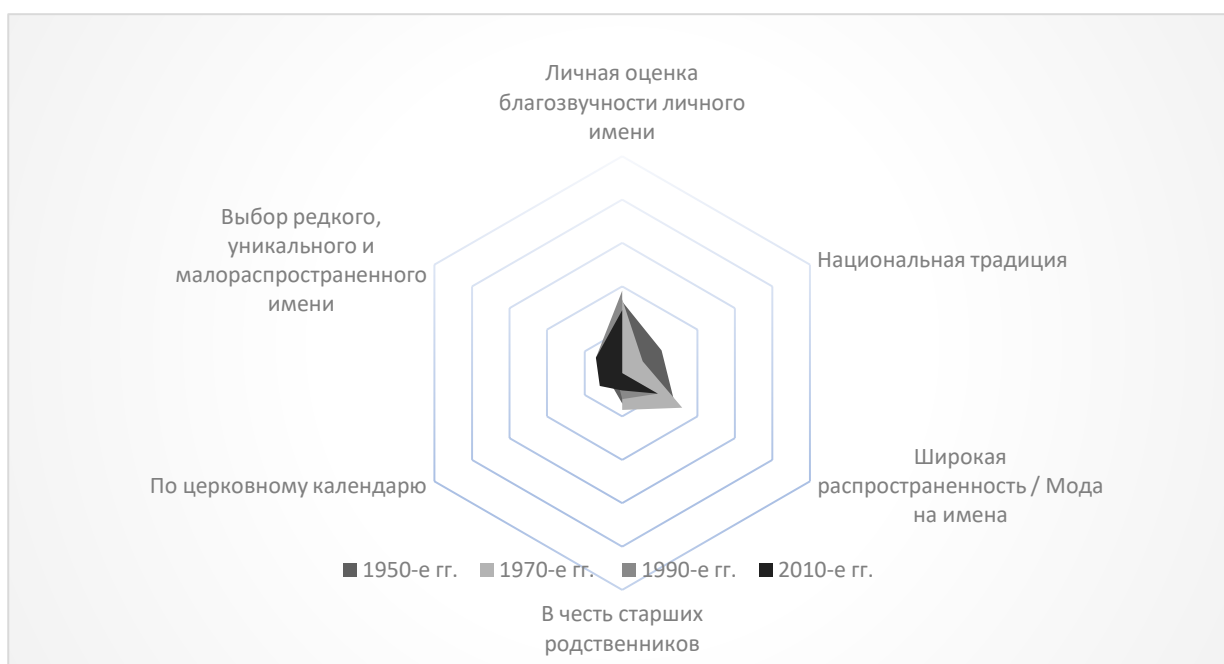

Рисунок – Номинативное моделирование: мотивация выбора личного имени новорожденному в приграничном ареале

Таким образом, анализ эмпирического материала исследования в области мотивов выбора личного имени позволяет, с одной стороны, установить особенности номинативно-мотивационной сферы у жителей приграничья, а с другой – с опорой на современные инструменты моделирования визуализировать номинативные приоритеты жителей приграничья и прогнозировать динамику развития номинативной деятельности, в том числе, прогнозировать тенденции имянаречения в целом.

Ядро номинативной деятельности составляют:

1) мотивы выбора широкораспространенного имени («модного», «популярного», по словам респондентов, имени, что, как показывает частотный анализ регионального антропонимикона не всегда совпадает с реальной ситуацией, то есть широко распространенное, по мнению имядателя, личное имя, не всегда имеет высокую позицию в рейтинге имен исследуемого региона);

2) положительные субъективные реакции номинаторов на имя при его выборе;

- 3) учет номинативного опыта старшего поколения (выбор имени и наречения в старших родственниках по материнской или отцовской линии);
- 4) национальные традиции и конфессиональная принадлежность;
- 5) стремление к уникальности, проявляющееся в возрастающем интересе номинаторов к редким / малораспространенным на территории регистрации именам в начале XXI в.

Литература

1. Максимчук, Н.А. Комплексный учебный словарь собственных имён как форма представления нормативно-научной картины мира / Н.А. Максимчук // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск. – С. 665–669.
2. Мезенко, А.М. Топонимия и культура / А.М. Мезенко // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. – 1996. – № 1. – С. 66–70.
3. Mezenko, Anna Church names of intra-settlement objects in the toponimic system of Belarus: territorial / Anna Mezenko // Chrzescijanskie dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Literatura. Język. Kultura. Historia. Seria V. Monastycyzm i mistycyzm w literaturze, kulturze i języku Slowian. – Białystok, 2021. – S. 393–405.

В.М. Генкин

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: vgenkin@yandex.ru

УДК 811'161.1'373.2'27:659.4(476.5)

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ СТРАНЫ И РЕГИОНА В ТОВАРНЫХ БРЕНДАХ ВИТЕБЩИНЫ

Ключевые слова: бренд, номинация, регион, товарный знак, рынок, способ презентации, средство презентации, языковая игра, языковые средства.

В статье рассматриваются прямые и опосредованные способы презентации страны и региона в ряде товарных знаков и брендов, определяются языковые средства и элементы языковой игры, используемые с этой целью. В качестве материала исследования выступают прагматонимы, служащие для именования товаров, выпускаемых предприятиями Витебской области.

V.M. Genkin

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

WAYS AND MEANS OF COUNTRY AND REGION PRESENTATION IN PRODUCT BRANDS OF VITEBSK REGION

Key words: brand, nomination, region, trademark, market, presentation method, presentation means, language game, linguistic means.

The article is devoted to the direct and indirect ways of the country and region presentation in the list of trademarks and brands. Linguistic means as well as the language game elements used for this purpose are determined in the article. The research material are pragmatonyms used for naming goods produced by Vitebsk region enterprises.

На современном потребительском рынке с его уже сложившейся жесткой и постоянно усиливающейся конкуренцией, а также в условиях перепроизводства

многих видов продукции производителям необходимо завоевывать и удерживать свою долю рынка. Покупателя, конечно, в первую очередь привлекает классическое соотношение «цена – качество», которое (заметим попутно) выгодно отличает многие белорусские товары, реализуемые на внутреннем и внешних рынках. Не случайно прилагательное ‘белорусский’ уже само по себе воспринимается как бренд (элемент бренда). Подтверждением этого факта могут служить, например, распространенные названия торговых объектов типа «Белорусские продукты», «Белорусская обувь», «Белорусская косметика», «Белорусские обои» в соседних (и не только) странах. Необходимость подчеркнуть белорусское происхождение того или иного товара, продаваемого на внешних рынках, в том числе, а иногда и в первую очередь, через его торговое название становится для производителей важной маркетинговой задачей.

Внутренняя конкуренция, особенно на рынке продовольствия, и объективное сходство продукции (выпускаемых сортов хлеба, ряда мясных и молочных продуктов и под.) обуславливают необходимость обозначить производителя через бренд или торговое название товара. При этом торговый знак товара и/или бренд, под которым позиционирует себя на рынке производитель, становится со временем одним из своеобразных гарантов качества в глазах покупателя, тогда как на первом этапе своего существования товарное (торговое) имя в первую очередь служит как раз средством привлечения внимания покупателя, способом выделить товар из числа подобных. Это особенно отчетливо прослеживается, в частности, на рынке продовольственных товаров (молочной, мясной, хлебобулочной, кондитерской и другой подобной продукции), рынке предметов широкого потребления (одежды, обуви, косметики, хозяйственных товаров и т.д.). Проблема дифференциации товара может усложняться из-за конкуренции внутри самой системы товарных знаков, где иногда сортовые наименования соперничают с брендовыми. Так, например, покупатель, предпочитая определенный сорт сыра (*голландский, пошехонский, маасдам* и т. д.), не всегда обращает внимание информацию о его производителе.

Прежде чем непосредственно переходить к представлению результатов заявленного в заглавии исследования, остановимся на некоторых терминах и понятиях, используемых в данной работе. Так как современная терминология в данной области еще не является полностью устоявшейся, требуют комментария, как минимум, три понятия: ‘товарный знак’, ‘бренд’ и ‘прагматоним’. Первое из них имеет общепринятую словарную дефиницию, но не имеет признанного лексического статуса: исследователи различно квалифицируют товарные знаки, относя их то к апеллятивам, то к именам собственным, то называя их онимоподобными речевыми образованиями. «Словарь русской ономастической терминологии» определяет товарный знак как «словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом» [1, 127].

Сложнее определить понятие ‘бренд’ в силу его многозначности и особенно из-за отсутствия четкой терминологической дефиниции. Разные источники, в том числе лексикографические, дают не вполне совпадающие по объему и содержанию определения бренда. Не ставя целью делать полный обзор имеющихся точек зрения, отметим лишь некоторые важные для нас содержательные элементы данного понятия. В этом плане следует выделить:

1) ментальный характер понятия ‘бренд’ (говоря о бренде, исследователи акцентируют внимание на том, что он связан с целым комплексом представлений,

ассоциаций, эмоций и т. п.; применительно к нашему материалу отметим формируемые через бренд ассоциации: белорусский товар – товар хорошего качества, местный производитель обеспечивает высокий уровень качества и т. п.);

2) при употреблении слова 'бренд' в качестве синонима к терминам 'товарный знак', 'торговая марка' обычно имеют в виду расширительное значение последних терминов (бренд – известная торговая марка, товарный знак продукции высокого качества);

3) бренд ассоциируется не только с качеством продукта, но и выступает в роли рекомендательной характеристики производителя, а также (что особенно актуально для нас) места производства.

Термин 'прагматоним' в ряде работ используется в своем первоначальном узком значении: как абсолютный синоним понятия 'товарный знак', хотя во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» автор счел необходимым заменить его «на общепринятый термин товарный знак, словесный» и охарактеризовать прагматоним как разряд онимов, который пока условно объединяет «различные категории имен собственных, имеющих денотаты прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой» [1, 110]. Как видим, новая дефиниция позволяет нам считать бренды и товарные знаки разновидностью прагматонимов, а следовательно, и употреблять данный термин в качестве их синонима.

Объектом нашего исследования выступают способы представления места производства (страны и ее региона) в системе товарных знаков и брендов. Предметом рассмотрения являются языковые средства презентации данной идеи в указанной группе прагматонимов.

Материал для исследования собирался методом наблюдений за именованными товарами, реализуемых предприятиями торговли, и путем обращения к официальным сайтам предприятий-производителей. Из-за ограниченного объема публикации и большого числа обращений к сайтам мы вынуждены были отказаться от их перечисления (за исключением случаев прямого цитирования) в списке источников и, соответственно, от прямых ссылок на них. Данные об интернет-запросах имеются у автора, который возлагает на себя всю полноту ответственности за точность представленной информации.

Исходя из коммуникативной стратегии, которой руководствовались номинаторы при выборе названий для своего товара, все способы презентации Беларуси и Витебщины как места производства можно разделить на 1) прямые и 2) косвенные.

Первые непосредственно, напрямую информируют потенциального покупателя о том, где был произведен товар. Подобная стратегия, естественно, реализуется за счет использования языковых средств, способных прямо указывать на место. Таковыми предсказуемо преимущественно являются топонимы и оттопонимные дериваты.

Анализ показал, что наиболее распространенным языковым средством из них оказались адъектонимы, входящие, как правило, в составное название в качестве согласуемого зависимого компонента (примеры здесь и далее приводятся в алфавитном порядке):

«*Верхнедвинский легкий*», «*Верхнедвинский пряный*» (названия сортов сыров, выпускаемых на ОАО «Вехнедвинский маслосырзавод»);

«*Витебское молоко*» (ОАО);

«**Витебский экопродукт**» (общее торговое название продовольственных товаров, производимых предприятиями государственного объединения «Витебский концерн «Мясо-молочные продукты»);

«**Двинский бровар**» (пивоваренный завод, расположенный в г. Витебске и общее торговое название нескольких сортов напитка, выпускаемых им);

«**Толочинские сыры**» (название филиала ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» и производимой на этом филиале продукции);

«**Шумилинские сыры**» (на данный момент предприятие, производившее отраженный в его названии вид молочной продукции, не работает).

Адъектоним может входить в состав названий-аббревиатур инициального типа: «**ОМКК**» (Оршанский мясоконсервный комбинат). Подобный тип названий, более характерный для советской эпохи, в данное время сохраняется преимущественно как традиционный в старых брендах, давно привычных покупателю. Новые бренды и торговые марки, основанные на аббревиации или на использовании ее элементов, включают в состав названия слоговое усечение адъектонима:

«**Витконпродукт**» (общество с ограниченной ответственностью в составе агропромышленного холдинга «Славянский велес»);

«**МяскоВит**» (торговая марка продуктов ОАО «Витебский мяскокомбинат»). Прагматоним, имея все признаки слоговой аббревиатуры, при этом содержит элементы языковой игры и в рекламе продукции комбината дополняется слогом «МяскоВит отменным мясом знаменит».

Значительно реже, чем оттопонимные прилагательные, в составе брендов и товарных марок используются сами топонимы (ойконимы и гидронимы), которые или подвергаются трансонимизации, или выступают в роли компонента сложного или составного названия:

«**Браславрыба**» (производственный филиал ОАО «Глубокский молочноконсервный комбинат» расположен в г. Браслав);

«**Витьба**» (название кондитерской фабрики и бренд производимой на ней кондитерской продукции);

«**Глубокое**» (марка молочных продуктов, производимых в одноименном районном центре);

«**Двина**» (торговая марка, под которой реализуется торф и почвогрунт производства филиала УП «Витебсказ»);

«**Поставы городок**» (торговое название продукции ОАО «Поставский молочный завод»).

Один из исторических вариантов астионима Браслав, упоминаемый в летописи, использован в качестве названия сорта сыра «**Браславль**» (производитель – Браславский филиал ОАО «Глубокский молочный комбинат»).

Немногочисленную группу составляют названия, основанные на использовании катойконимов:

«**Витебчанка**» (название коммунального унитарного производственного предприятия, расположенного в г. Витебске и занимающегося выпуском швейной продукции);

«**Полочанка**» (серия продуктов, ранее производимых на ОАО «Полоцкий молочный комбинат»); показательно, что производитель изменил прежнюю торговую марку на иную, в основе которой лежат элементы языковой игры и возможности визуализации (см. ниже).

Прямое оттопонимное производное со значением «места, пространства, непосредственно прилегающего к тому, что названо мотивирующим словом» [2,

154], использовано в прагматонимах «*Каравай Придвинья*» и «*Придвинье*». Первый из них является торговой маркой для продукции ОАО «Витебскхлебпром», второе, наряду с прямой отгидронимной мотивацией, обыгрывает дополнительную ассоциативную семантику (см. ниже).

Косвенные способы презентации страны и региона более интересны в лингвокультурологическом отношении и, очевидно, более функциональны в рекламном плане.

Стремясь подчеркнуть белорусское происхождение товара, производители используют в качестве его названия антропонимы, имеющие национальный колорит. В качестве примера приведем бренд «*Ян-сыродел*», под которым реализуется продукция Верхнедвинского маслосырзавода. Это предприятие выпускает также сливочное масло под торговой маркой «*Ульянка*», продолжающей номинативную идею первого бренда.

Торговая марка ОАО «Витебская бройлерная фабрика» имеет торговую марку «*ГАННА*», которая в восприятии потенциального потребителя ассоциируется с белорусским женским именем, хотя сами номинаторы говорят о том, что прагматоним был образован путем аббревиации. Директор фабрики А. Шарейко в одном из интервью пояснила: «Мы занялись брендингом около 15 лет назад, когда только начали развивать свою розничную сеть. Полгода думали – ничего никому не нравилось. Но как-то мы ехали на фабрику в машине вместе с моими заместителями (Галина Раджюнене, Анна Шарейко, Надежда Журко, Надежда Семченкова). А я недавно прочитала, что из первых букв имен создают новые имена. В режиме такой словесной игры у нас и получилась неожиданно ГАННА» [3]. Газета «Комсомольская правда» материал о Витебской бройлерной фабрике и ее продукции разместила под рубрикой с красноречивым названием «Легендарные бренды Беларуси» [4].

Некоторые региональные производители используют в своих торговых названиях более или менее выраженные элементы языковой игры, рассчитанной на интерес потребителя. Частично это было видно на примере прагматонима «*Мясковит*» с его относительно прозрачной и потому не требующей комментария структурой. Более сложным для «разгадывания» является, например, торговое название «*Придвинье*» (графический вариант «*ПридВинье*»), под которой реализуется продукция ОАО «Витебский ликеро-водочный завод». Во дополнительном варианте за счет выделения внутри названия прописной буквы *В* происходит разделение его на две части, вторая из которых ассоциируется с лексемой 'вино'. В итоге значительно изменяется первоначальный смысл слова, положенного в основу прагматонима: если *Придвинье* – это территория, расположенная недалеко от Двины (отметим, что завод как раз располагается по близости от главной водной артерии областного центра), то *ПридВинье* – абсолютно новое словополисемант.

Лепельский молочно-консервный комбинат представляет свою продукцию под маркой «*Лепелька*». С одной стороны, название содержит очевидную отсылку к городу, где производится продукция; с другой – вызывает ассоциацию с некой возможной народной формой антропонима. В рекламе, в частности размещенной на автотранспорте предприятия, ассоциация с именем актуализируется за счет графического образа мужчины, одетого в национальный белорусский костюм.

Разговорный вариант антропонима *София* (имя *Сафійка*, переданное в белорусской графике) используется в качестве торговой марки продуктов Полоцкого молочного комбината. Здесь также маркетологи визуализировали название путем

нанесения на упаковку продукции изображения девочки. На официальном сайте предприятия дается комментарий, позволяющий понять смысл языковой игры, положенной в основу бренда: «Софийка» – именно так называют символ Полоцка Софийский собор. София – ласково звучащее женское имя. Торговая марка «Сафійка» объединила в себе эти близкие каждому белорусу ассоциации. Историческая отсылка и имя девочки воплощены в дизайне упаковки. Очаровательная и милая девчушка Софийка на фоне знаменитого храма – косвенная отсылка к Полоцку, где и выпускается продукция» [5].

Обратим внимание на то, что прагматоним «Сафійка» представляет собой крайне редкий случай прямого использования белорусского языка в составе региональных брендов и торговых названий. По нашему мнению, именно вовлечение в процесс брендинга белорусских языковых средств может быть достаточно перспективным, хотя бы потому что здесь, в силу малой востребованности белорусского языка на коммерческом рынке, сохраняются большие возможности его использования. Более того, белорусскоязычное название будет привлекательным и, даже в его оригинальном варианте, понятным для потребителей из ряда других стран. Белорусский во всех смыслах этого слова бренд сможет актуализировать и указание на место производства, и успешно выполнять свою рекламную функцию.

Таким образом, в системе региональных брендов и товарных знаков одной из наиболее ярких номинативных стратегий является стремление подчеркнуть в названиях белорусский или региональный характер производителя и самого товара. При этом можно утверждать, что лингвокультурологический потенциал, способный максимально разнообразно выразить в прагматонимах данную идею, задействован лишь частично.

Анализ показал, что производители отдают предпочтение при создании названий топонимам и оттопонимным дериватам, являющимися средствами прямого информирования потребителя, и недостаточно активно привлекают для брендинга лексические и иные возможности белорусского языка. На сегодня имеется мало названий, созданных на принципах косвенного информирования покупателя, и номинаций, в основу которых положена призванная привлечь внимание к товару языковая игра.

Литература

1. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – Москва: Наука, 1988. – 192 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка / [С.Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н.Ю. Шведова]; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. – Москва: Наука, 1970. – 767 с.

Источники

3. “Ганна”. Рождественская история, отнюдь не похожая на сказку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://produkt.by/story/ganna-rozhdestvenskaya-istoriya-otnyud-ne-pohozhaya-na-skazku>. – Дата доступа: 27.01.2023.
4. Легендарные бренды Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/spesproject/by/legendarnye-brendy-belarusi/>. – Дата доступа: 27.01.2023.
5. “Сафійка” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.polotskmilk.by/about/brands/safiyka/>. – Дата доступа: 27.01.2023.

А.А. Гладкова
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: anngrin@mail.ru

УДК 821.161.1-31:811.161.1'373.23

АНТРОПОНИМНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Ключевые слова: *антропоним, роман, литературный герой, ядро антропонимной системы, патроним.*

В статье анализируется антропонимное пространство романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». На материале художественного текста определяются имена собственные, составляющие ядро антропонимной системы романа, имена, входящие в околоядерное пространство, исследуются варианты имянаращения, используемые писателем для создания законченного художественного образа.

А.А. Gladkova
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE ANTHROPONYMIC SPACE OF I.S. TURGENEV'S NOVEL "FATHERS AND CHILDREN"

Keywords: *anthroponym, novel, literary hero, the core of the anthroponymic system, patronym.*

The article analyzes the anthroponymic space of I.S. Turgenev's novel "Fathers and Children". Based on the material of the literary text, proper names that make up the core of the anthroponymic system of the novel, names included in the near-nuclear space are determined, naming options used by the author of the novel to create a complete artistic image are investigated.

Имена собственные в литературном произведении выполняют значимую роль при создании художественного образа. Как отмечает А.М. Мезенко, «любое реалистическое произведение содержит имена, типовые для данной социальной группы в данную эпоху». Профессор указывает, что «существует ряд более частных литературоведческих проблем, например, зависимость имён персонажей от мировоззрения автора, от круга лиц, с которыми он общается, наконец, от его симпатий и антипатий» [2, 21].

Роман классика русской литературы И. Тургенева «Отцы и дети» в своё время вызвал полемику в кругах критиков и читателей, образ необычного, «странного», по словам Анны Одинцовой, героя представлял в литературе новое поколение разночинцев, стремящихся «расчистить место» для построения нового мира. Произведение и сегодня не забыто: оно входит в школьную программу по русской литературе, становится основой для всесторонних филологических исследований.

Ядро антропонимной системы романа включает в себя имена собственные главных героев: Евгения Васильевича Базарова, его явного антагониста – Павла Петровича Кирсанова и антагониста скрытого – Николая Петровича Кирсанова. К ядру также принадлежит имя друга главного героя – Аркадия Николаевича Кирсанова. Говоря о поколении «отцов», писатель использует двучленную модель «личное имя + патроним», что свойственно русскому речевому этикету и указывает на давнюю традицию обращения в дворянских семьях.

Братья Кирсановы представляют в романе дворянство, это поколение формировалось в эпоху после подавления восстания декабристов. Политические интересы уже не могли проявляться открыто, поэтому на первый план выступило увлечение литературой, музыкой, философией. Имена собственные *Николай* и *Павел* традиционны для русского имянаречения. Греческое по происхождению имя *Николай* означает «победитель народов» [3, 165], оно имеет высокую частотность, представлено среди представителей разных сословий. На Руси особо почитаемым святым стал Николай Чудотворец, количество посвящённых ему храмов и написанных икон было самым большим после Богородицы. В фольклоре славян Никола считается покровителем домашнего скота, диких животных, земледелия, пчеловодства. Народная коннотация имени Николай – «милостивый», в народном сознании он противостоит «грозному» Илье-пророку. Образ Николая Петровича Кирсанова полностью гармонирует с авторским имянаречением героя: Николай Петрович имеет добрый характер, он скромнен, деликатен, сердечен, его домашняя жизнь складывается из тихих семейных радостей. Авторский идеал семейной жизни связан в романе именно с этим героем. Отметим, что в речи Николай Кирсанов почти не использует галлицизмы. Исключение составляет однажды произнесённое героем имя *Матвей* на французский манер – *Mathieu*. Большей склонностью к использованию галлицизмов отличается брат Николая Петровича Павел.

Павел Петрович Кирсанов олицетворяет аристократизм духа, верность традициям, способность к большому чувству любви. Однако, по сути, его жизнь лишена цели, он живёт в семье брата, скорее обращён к прошлому, жертва героя во имя любви оказалась бесполезной и необязательной. Имя *Павел* в переводе с латинского означает «малый» [3, 172]. В контексте романа оно может быть прочитано как «слабый», не способный одержать победу в идейном споре и открытом противостоянии антагонисту Базарову.

Показательно, что оба героя носят патроним *Петрович*, что указывает на родовую опору, основательность династии, так как имя Пётр в переводе с греческого означает «камень». Фамилия *Кирсанов*, очевидно, производная от имени *Хрисанф* (Хрисан, Кирсан) со значением «златоцветный», что может трактоваться, с учётом концепции произведения, как указание на славное прошлое семьи, два поколения которой представлены на страницах произведения.

Аркадий Кирсанов в романе редко будет назван по имени-отчеству, герой молод, и его величание только по имени служит дополнительным указанием на возраст. Идейная нагрузка образа молодого Кирсанова – показать изменение мышления героя от лишённого критики подражания старшему товарищу и его идеям до самостоятельно принятого решения создать семью и, фактически, вернуться в лоно «отцов». Имя *Аркадий* греческое, его значение – «житель Аркадии» (скотоводческая область в Пелопоннесе), «пастух». Показательно, что Аркадия понимается в литературном контексте как символ счастливой земли, населённой беззаботными пастушками. Имя героя в данном случае указывает на его лёгкий характер, доброжелательность к окружающим, нежную любовь к отцу. Отец часто называет сына вариантом имени *Аркаша*, что звучит по-семейному тепло и отражает доброе отношение отца к сыну. Аркадий при Базарове стесняется высказать свою точку зрения, если она не совпадает с мнением товарища, герой подчиняется влиянию Базарова, его увлечение нигилизмом не так основательно. Евгений говорит на прощание Аркадию: «Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не создан», – и в этом Базаров оказывается прав [5, 583].

Антропонимное ядро романа включает в себя имя главного героя – нигилиста *Евгения* Базарова. Имя, означающее «благородный», вступает в противоречие с происхождением Евгения. Он не относится к дворянскому сословию, отец его – разночинец, сын дьяка, ставший врачом. Следовательно, это противоречие указывает на главную особенность, идейную роль образа в романе – вступать в противоречие со всеми героями, проповедуя нигилизм, отрицающий аксиологические устои общества. Отец Евгения носит имя *Василий Иванович*. Такое имя собственное и патроним принадлежат к самым популярным в России именам. Это служит косвенным указанием на близость Евгения простому народу, ведь по происхождению герой ближе стоит к крестьянам, с чувством гордости он замечает: «*Мой дед землю пахал*» [5, 443]. Неслучайно в романе И. Тургенев неоднократно показывает Евгения в разговорах с крестьянами. Базаров убеждён, что он ближе стоит к народу, чем аристократы Кирсановы. Взгляды Евгения жизненней, справедливее и ближе к народной правде, чем размышления Павла Петровича о патриархальности и религиозности крестьян.

Околоядерное пространство романа составляют имена собственные второстепенных героев. Отнесём в эту группу имена родителей Евгения – Василия Ивановича и Арины Власьевны, Анны Сергеевны Одинцовой, Авдотьи Никитишны (Евдоксии) Кукшиной и Виктора Ситникова.

Мать Евгения, Арина Власьевна, представляет собой образ беззаветно любящей своего сына матери. Как известно, имя *Арина* – народная форма имени Ирина, означающего «покой», «мир». Имя полностью соответствует характеру героини, по словам И. Тургенева, «*настоящей русской дворяночке прежнего времени*» [5, 518]. Трепетное отношение супруга передано через вариант *Ариша*, которым он обращается к жене, взволнованной приездом сына. Любовь матери аккумулируется в варианте имянаречения *Енюша*, очевидно, так Арина Власьевна именвала сына с рождения. Писатель использует данную номинативную деталь, чтобы подчеркнуть несоответствие материнского взгляда на сына и реального героя, взрослого самостоятельного человека.

Фамилия *Базаров* не придумана писателем, в России был такой старинный дворянский род, известный со времён Большой Орды. Толкование фамилии имеет несколько версий. Так могли назвать ребёнка, рождённого в праздничный либо благоприятный для торговли день (восточная Россия) [1]. Возможно, что фамилия отражает склонность героя к словесной полемике – важнейшему способу идейного раскрытия образа.

В доме Базаровых есть несколько слуг, обращение к которым со стороны хозяев служит показателем доброго покровительства (используются слова с уменьшительно-ласкательным значением *Танюшка*, *Анфисушка*). Отметим, что старший Базаров и братья Кирсановы обращаются к крестьянам, как правило, по отчеству (*Тимофеич*, *Егоровна*, *Прокофьич*), к молодым слугам – по фамильярной форме имени (*Федька*, *Митюха*), к дворовым девушкам более вежливо (*Дуняша*).

В основе жизни и характера Анны Сергеевны Одинцовой лежит спокойствие. Героиня ведёт размеренный образ жизни по установленному порядку, она совершает выбор скорее умом, чем сердцем. Самостоятельность с юного возраста, расчёт на собственные силы, уверенность, здравомыслие – таковы основные черты художественного образа Одинцовой. Вероятно, фамилия, данная героине писателем, неслучайна. Корень *один-*, лежащий в основе фамилии Анны Сергеевны, доставшейся ей от мужа, аккумулирует основные черты характера и образа жизни героини. Кроме этого, происхождение фамилии трактуется от слова *одинец*, что

значит «одиноким человеком», «бобыль». Такое прозвище могли давать также единственному ребёнку в семье. Показательно, что эту фамилию героиня получает в замужестве, точно так же, как она по стечению обстоятельств рано взрослеет, берёт на себя обязанности по управлению имением и воспитанию младшей сестры Катерины. Имя *Анна* характеризуется высокой частотностью среди русских имянаречений, в переводе с древнееврейского означает «милость», что по значению гармонирует с авторской концепцией образа. Патроним *Сергеевна* трактуется как отсылка к римскому родовому имени без конкретной коннотации.

К женским образам романа принадлежат ещё две героини – эмансипированная помещица Авдотья Никитишна Кукшина и Фенечка, мать Мити и возлюбленная Николая Петровича Кирсанова. Отметим, что *Авдотья* (народный вариант имени *Евдокия*) Кукшина предпочитает представляться как *Евдоксия*, что свидетельствует об отрыве героини от народных, русских корней и её увлечении европейскими веяниями. Имя *Евдоксия* – женский вариант греческого мужского имени *Евдóксий*, которое переводится как «славный», «превосходный». Образ Кукшиной, как известно, задуман автором как пародия на нигилизм, слепое следование моде, за которым скрывается чувство ущербности героини. В ней всё неестественно, поддельно, некрасиво и пошло. Обращение к Ситникову на французский манер *Викто́р* добавляет в поведение Кукшиной оттенок подражания, манерности, что работает на контрастность восприятия образа в начале встречи с Базаровым и в финале эпизода. Любопытно значение фамилии героини. Возможны две версии: по одной, фамилия *Кукшина* отсылает читателя к названию птицы – кукушке. Возникает вероятная ассоциация с пустотой, надоедливый шумом, трескотнёй, которые свойственны манере поведения Авдотьи Никитишны. По другой версии, фамилия может происходить от слова *кукуша* со значением «неопрятная, дурно одетая женщина». Оба значения зафиксированы в «Толковом словаре живаго великорусскаго языка» В.И. Даля [4, 218]. К слову, неопрятность как деталь в портрете Кукшиной подчёркивает сам писатель: «... дама, ещё молодая, белокурая, несколько растрёпанная, в шёлковом, не совсем опрятном платье...» [5, 459].

Как известно, авторским женским идеалом в романе является Фенечка, которая воплощает лучшие черты русской женщины: доброту, деликатность, сердечность, мягкость характера, вежливость обхождения, естественность поведения, умение любить. Имя *Фенечка* – краткая форма имени *Федосья* (церк. *Феодосия*), в таком обращении к героине подчёркивается ласковое отношение Николая Петровича к ней. Греческое имя *Федосья* переводится как «Богом данная», что идеально передаёт значение образа Фенечки в судьбе Николая Петровича Кирсанова. После смерти супруги он смог обрести новое счастье, вторую молодость, найти новую любовь. В финале романа сообщается о браке Николая Кирсанова и Фенечки, что говорит о торжестве истинной любви над условностями происхождения и общественным мнением.

В романе также упоминается женское имя *Агафоклея* (*Agathe*) – имянаречение матери братьев Кирсановых, которое переводится как «добрая слава» [3, 251], в сочетании с патронимом *Кузминична* (от *Кузьма* – «порядок», «мир») в точности передаёт типаж, по меткому выражению И. Тургенева, «матушек-командирш». Встречаются также имена высокой частотности употребления: *Мария* (так звали первую супругу Николая Кирсанова, в честь которой возник топоним Марьино), *Катя* (сестра Анны Одинцовой), *Арина* (мать Фенечки). Память Павла Петровича

хранит редкое имя любимой женщины *Нелли* (княгини Р.), которое является вариантом имени *Елена* со значением «свет». Свет этой единственной любви сопровождает Павла Петровича всю жизнь, с большой вероятностью можно утверждать, что выбор имени возлюбленной героя неслучаен, ведь, как известно, личные переживания и собственная история многолетней любви писателя легли в основу данной сюжетной линии романа.

Анализ антропонимного пространства романа И. Тургенева «Отцы и дети» позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, выбор имени героя, как правило, становится действенным художественным приёмом, дополняющим создаваемый художественный образ. Толкование значений имён героев антропонимного ядра и околядерного пространства позволяет увидеть ключевые черты характеров персонажей (*Павел, Аркадий, Арина, Фенечка* и др.), показать психологическую трансформацию художественного образа (*Авдотья – Евдоксия*). Во-вторых, антропонимы помогают писателю в создании исторической атмосферы событий, часто в тексте романа упоминаются имена и патронимы относительно редкой частотности (*Агафокля, Евдоксия, Порфирий, Саввишна, Власьевна, Платоныч*). Внимательное отношение к антропонимному полю художественного произведения служит вспомогательным средством литературоведческого анализа, что, бесспорно, углубляет и обогащает понимание литературного текста как уникального явления творческой лаборатории писателя.

Литература

1. Ведина, Т. Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения / Т. Ведина. – М.: АСТ, 2008. – 768 с.
2. Мезенко, А.М. Теория имени собственного: учебное пособие / А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 202 с.
3. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-Пресс, 2005. – 384 с.
4. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Томъ второй. И-О / Издание М.О. Вольфа. – СПб., М., 1881. – 807 с.
5. Тургенев, И.С. Рассказы; Повести; Стихотворения в прозе; Дворянское гнездо; Отцы и дети / И.С. Тургенев. – М.: Астрель: АСТ, 2012. – 604 с.

Е.Н. Горегляд

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: ylgoregliad@yandex.ru

УДК 81-13+81-114.4

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ (ОНОМАСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: *социокультурная компетенция, ономастическое пространство, лингвострановедение, реалии, межкультурная коммуникация.*

Овладение иностранным языком как средством общения неразрывно связано с изучением реалий страны пребывания, ее общественной и культурной жизни. Включение в лекционный и практический курс ономастического материала способствует формированию у студентов общекультурной и социальной компетенции, системных культурологических знаний.

**REGIONAL COMPONENT IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN
TO FOREIGN STUDENTS (ONOMASTIC ASPECT)**

Key words: socio-cultural competence, onomastic field, cross-cultural studies, realia, intercultural communication.

Mastering a foreign language as a means of communication is closely linked with studying the realia of the host country, its social and cultural life. The inclusion of onomastic material in the lecture and practical course contributes to the formation of students' general cultural and social competence, as well as integral cultural knowledge.

Установление и развитие межкультурных контактов является одной из важных задач в современном многополярном мире. В процессе формирования готовности к межкультурному диалогу значительная роль отводится языковой политике в образовании. Необходимость решения проблем межкультурной коммуникации обуславливает то внимание, которое современная научно-методическая парадигма уделяет формированию социокультурной компетенции в практике обучения иностранных студентов. Важность овладения данной компетенцией при изучении иностранного языка – одно из условий взаимопонимания, способность преодолевать и разрешать коммуникативные конфликты.

Под социокультурной компетенцией обычно понимают совокупность знаний о стране изучаемого языка, навыки пользования приобретёнными знаниями, личностное отношение к фактам иноязычной культуры, правильное употребление социально маркированных языковых единиц в речи [1]. В условиях системы высшего образования в Республике Беларусь социокультурная компетенция предусматривает также приобретение знаний о стране пребывания.

Среди составляющих социокультурной компетенции выделяют знание и понимание собственной культуры, осмысление картины мира иной культуры, позитивное отношение к изучаемому языку и его носителям, умение видеть сходство и различие между культурами и использовать это знание в процессе коммуникации, умение распознавать «смысловые ориентиры» другого лингвистического социума, способность решать коммуникативные конфликты, наличие умений и навыков проведения межкультурного диалога [5]. С целью формирования социокультурной компетенции методисты рекомендуют в ходе лекционных и практических занятий с иностранными студентами и магистрантами уделять внимание национально-культурным особенностям жизни носителей изучаемого языка, помогать обучающимся осваивать специфику аксиологической системы иной культуры и невербального поведения её представителей, овладевать страноведческой информацией и т.д.

Процесс изучения того или иного языка представляет собой не только запоминание новой лексики или правил использования грамматики, но и знакомство с реалиями иноязычной культуры, традициями и обычаями. Для глубокого освоения иностранного языка это особенно важно, поскольку реалии – это компонент национального достояния страны, они маркируют ее историю и позволяют понять ментальность народа. Отсутствие смысловых ассоциаций, фоновых знаний, составляющих основу лингвострановедения, приводит к появлению информационных лагун.

Немаловажным компонентом языковой и культурологической системы является ономастическое пространство, поскольку собственные имена представляют собой дополнительный источник изучения языка, истории, материальной и духовной культуры народа [8]. Использование составляющих этого пространства в процессе обучения иностранных студентов способствует оптимальной адаптации молодых людей, приехавших из-за рубежа, и усвоению элементов белорусской культуры.

В Витебском государственном университете имени П.М. Машерова обучаются иностранные студенты из Туркменистана, Узбекистана, России, Китая, Индии, Нигерии и других стран. Сложность обучения обусловлена рядом причин, в том числе неподготовленностью (иногда абсолютной) молодых людей к иноязычной культуре, отсутствие языковой среды, недостаточностью практического материала культурологической направленности в учебных текстах. Особую трудность в процессе обучения иностранных студентов представляет тот факт, что они должны усвоить материал, предусмотренный типовой программой, рассчитанной на русскоязычных студентов [3].

Нахождение в иноязычной среде обуславливает необходимость общения, в процессе которого навыки, полученные при изучении родного языка, подсознательно переносятся студентами на язык изучаемый (в нашем случае русский). Возникающие при этом разного рода ошибки обусловлены отсутствием более или менее прочных навыков в области грамматики русского языка, действительным или кажущимся сходством.

Ведущим в обучении иностранных студентов является коммуникативный подход, предусматривающий формирование умений спонтанного общения на русском языке. В рамках активизации межкультурных связей важен социокультурный аспект содержания обучения. На факультете гуманитаристики и языковых коммуникаций в этом плане главная роль отводится лексикологии и фразеологии (в ходе изучения модулей дисциплины «Современный русский язык»), поскольку именно слово и устойчивое сочетание – основные носители страноведческой информации. Однако формирование социокультурной компетенции может происходить и в процессе изучения связей, отношений между языковыми единицами, в ходе выявления их грамматических значений, т.е. и при изучении морфологии и синтаксиса.

В основе любой компетенции лежат знания и умение их использовать. В процессе изучения синтаксических конструкций русского языка страноведческая информация извлекается студентами прежде всего из учебных текстов, которые должны быть подобраны таким образом, чтобы одновременно происходило усвоение лекционного материала. Иными словами, помимо определенного уровня грамматической сложности предлагаемые иностранным студентам материалы для практических занятий должны иметь лингвокультурологическую насыщенность. И здесь особая роль отводится именам собственным как культурным маркерам, неотъемлемым компонентам национальной когнитивной базы, части картины мира носителей конкретной лингвокультуры.

При изучении раздела «Синтаксис» включение в задания лексем, маркирующих реалии, обозначаемые онимами, позволяет формировать социокультурную и лингвистическую компетенцию иностранных студентов [9]:

– образуйте словосочетания, вставляя подходящий по смыслу предлог:
приехать (Пекин), вернуться (Китай), поехать (Брест), отдыхать (озеро Нарочь), уехать (Витебск), купаться (Двина); работать (Национальная библиоте-

ка), встретиться (музей Марка Шагала), ехать (Московский проспект), слушать орган (Софийский собор);

– определите синтаксическую роль имён собственных в следующих предложениях:

1) В природе Белорусского Поозерья есть много загадочного и непонятного. 2) Детская библиотека имени А.М. Горького – одна из лучших в нашем городе. 3) Около десяти миллионов человек проживает сейчас в Беларуси. 4) Отъезжающие в Несвиж должны собраться у автобуса. 5) Толпы людей приходят в зоопарк Витебска посмотреть на редких животных. 6) Я бы посоветовал вам съездить на экскурсию в Мирский замок;

– два простых предложения объедините в сложное. Какое предложение у вас получилось?

1) В Беларуси шесть областей. В них проживает около десяти миллионов человек. 2) Полоцк – древний белорусский город. Он расположен на реке Западная Двина. 3) Ефросинья Полоцкая – святая. Она считается защитницей белорусской земли. 4) Большим спросом пользуется шоколад фабрики «Коммунарка». Он изготовлен по рецептам пятидесятих годов прошлого века. 5) Между Китаем и Беларусью был подписан договор о дружбе и сотрудничестве. Многие молодые люди стали приезжать в Беларусь на учёбу. 6) 7 ноября 2007 года в Минске была открыта новая ветка метро. Она соединила центр города с отдалёнными районами. 7) Первый в Беларуси трамвай появился в Витебске. Жители города могут гордиться этим. 8) Зубр является символом Беларуси. Он обитает в Беловежской пуще. 9) Небольшой белорусский город Витебск знают во всем мире. Здесь жил и работал художник Марк Шагал. 10) Многие города Беларуси построены заново. Во время Великой Отечественной войны они были разрушены фашистами.

– письменно ответьте на вопросы так, чтобы получились сложносочинённые предложения. При этом указывайте на сходство или на различие сопоставляемых подчёркнутых слов. Используйте при этом союзы *и, тоже, также, а, же, но, однако* и другие.

1) В Минске есть метро. А в Пекине? 2) Белорусские студенты учатся в университетах четыре года. А китайские? 3) В Витебске есть троллейбусы, автобусы и трамваи. А в вашем родном городе? 4) Обычно на свадьбах в Беларуси невеста надевает платье белого цвета. А в Китае? 5) В белорусской школе учебный день начинается в 8 часов. А в китайской?

При работе с текстом для формирования социокультурной компетенции важен контроль понимания прочитанного, что осуществляется путем постановки вопроса и ответа на него в виде конкретной синтаксической конструкции [9].

Принцип коммуникативности предполагает широкое использование на занятиях ситуаций, стимулирующих активное общение. Это может быть составление мини-диалогов, задания на завершение предложений, задания на выбор правильного ответа и исправление ошибок и т.д. Так, возможна работа в парах при составлении вопросно-ответных реплик. При этом даётся и грамматическое задание: например, ответить на вопросы, используя сначала простые предложения, затем – сложноподчинённые предложения нерасчленённой структуры с пространственными отношениями между частями. Ответ, предполагающий употребление онимов, позволит выявить уровень культурологической компетентности студента:

Куда вы собираетесь поехать во время каникул? (*заповедник Беловежская Пуща*);

Где в Минске стоит памятник первопечатнику Франциску Скорине? (*Национальная библиотека Беларуси*);

Где в Беларуси можно поиграть в хоккей летом? (*Дворец спорта*);

Куда вы любите приезжать? (*Здравнёво*);

Где находится мемориальный комплекс, созданный в память защитников в первые дни Великой Отечественной войны? (*Брест*) и под.

В процессе изучения раздела «Синтаксис» нужно помнить, что для иностранных студентов существенным является постижение механизмов построения синтаксических единиц и законов их функционирования, поэтому в соответствии с коммуникативным принципом обучения важно сформировать у иностранцев основы правильной речи; необходимо научить иностранных студентов воспринимать на слух конструкции различных типов, строить свою речь с учетом широких возможностей синтаксического строя русского языка [4; 6]. Важен тот факт, что, изучая построение синтаксических единиц разного уровня, студенты обнаруживают наличие широких возможностей формулирования фразы посредством разных грамматических средств и параллельно увеличивают объем знаний о знаковых именах и объектах Беларуси, расширяют свой культурный кругозор, что позволит им оптимизировать социокультурную среду.

Формирование социокультурной компетенции – это сложный и многогранный процесс, который, конечно же, не ограничивается рамками одной учебной дисциплины. В учебном плане факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций есть ряд дисциплин, задачей которых является не предоставление набора готовых формул речевого поведения, а выработка у студентов умений квалифицировать речевую ситуацию, применять оптимальную стратегию и тактику, использовать соответствующие речевые модели для достижения поставленной коммуникативной цели [4]. Изучение этих дисциплин предусмотрено на старших курсах, поэтому оно происходит не обособленно, а с опорой на сведения, уже полученные студентами-иностранцами в ходе обучения.

Всё это способствует формированию и развитию социокультурной компетенции иностранных студентов, что призвано обеспечить эффективную коммуникацию, адекватный перевод, диалог культур и – шире – взаимопонимание между странами и людьми. Знание реалий, традиций и культуры страны в целом позволит учащимся в будущем адекватно воспринимать и понимать не только друг друга, но и непосредственно самих носителей языка [6].

Литература

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Генкин, В.М. Начальные этапы формирования топонимии Витебщины / В.М. Генкин // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11 марта 2021 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 207-209. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26943>. – Дата доступа: 05.02.2023.

3. Горегляд, Е.Н. Использование ономастического материала в обучении иностранных студентов-филологов / Е.Н. Горегляд // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверина; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С.7-10. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/14336>. – Дата доступа: 03.02.2023.

4. Горегляд, Е.Н. Изучение синтаксиса словосочетания в системе подготовки иностранных студентов-филологов / Е.Н. Горегляд // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов,

Витебск, 13-14 марта 2014 г.: в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 2. – С. 95–97. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/5635>. – Дата доступа: 03.02.2023.

5. Гутнова, З.К. Методика обучения идиоматичной диалогической речи на продвинутых этапах обучения английскому языку в лингвистическом вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / З.К. Гутнова. – Москва, 2000. – 209 с.

6. Леонтьев, А.А. Мыслительные процессы в усвоении иностранного языка: учеб.-методич. Пособие / А.А. Леонтьев. – ИЯШ. – 2005. – № 5. – С. 72–76.

7. Николаенко, С.В. Воспитательный потенциал ономастики / С.В. Николаенко // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 320–324. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/32440>. – Дата доступа: 04.02.2023.

8. Романова, Т.Н. Использование ономастического материала в школьной практике / Т.Н. Романова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 24. – С.70. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/95280.html>. – Дата доступа: 03.02.2023.

9. Современный русский литературный язык. Синтаксис сложного предложения: учебно-методический комплекс по учебной дисциплине для филологических специальностей / сост. Е.Н. Горегляд; Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Фак. гуманитаристики и языковых коммуникаций, Каф. общего и русского языкознания. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 84 с. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26626>. – Дата доступа: 03.02.2023.

И.А. Дамбуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
e-mail: igor_dambuev@mail.ru

УДК 81'373.21

ЯВЛЕНИЕ ГИПЕРКОРРЕКТНОСТИ В ТОПОНИМИИ

Ключевые слова: *гиперкорректность, топонимия, топонимическое варьирование, нормализация топонимов, безударные гласные, орфография.*

В статье поднимается вопрос о применимости употребления в топонимике терминов гиперкорректность, гиперкоррекция, гипернормализация. На материале Государственного каталога географических названий и результатов нормализованных в последние годы названий населенных пунктов России приводятся примеры написания топонимов с варьированием безударных а/о, возникшие в результате гиперкоррекции. Отмечается, что гиперкорректность при написании топонимов распространена достаточно широко, и гиперкоррекции чаще всего подвергаются деэтимологизированные названия.

I.A. Dambuev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

THE PHENOMENON OF HYPERCORRECTION IN TOPONYMY

Key words: *hypercorrection, toponymy, toponymic variation, standardization of toponyms, unstressed vowels, spelling.*

The article raises the question of the applicability of the terms hypercorrectness, hypercorrection, hypernormalization in toponymy. The author gives examples of toponyms with variation of unstressed a/o that occurred because of hypercorrection. Examples are taken from the State Catalog of Geographical Names and the results of the names of

settlements normalized in recent years in Russia. It is noted that hypercorrectness in writing toponyms is widespread enough, and de-etymologized names are most often subjected to hypercorrection.

В лингвистике под гиперкорректностью понимается «свойство форм (слов и т.п.), ошибочно «исправленных» на основании неправильного этимологизирования» [6, 99]. В ономастике гиперкорректной формой называется «форма имени собственного, возникшая из потребности говорящего (или пишущего) произносить (или писать) имя в такой форме, которая ощущается как правильная, и при этом устранить или обойти элементы (прежде всего фонологического плана), ощущаемые как некорректные» [8, 50–51]. В топонимике термины гиперкорректность, гиперкоррекция не употребляются, хотя явление распространено достаточно широко в топонимии. Причиной этого является, вероятно, недостаточная изученность проблем топонимического варьирования.

Современные процессы нормализации топонимов позволяют не только вскрыть тенденции определения того или иного написания топонима, но и углубить знания о природе топонимического варьирования. В Государственном каталоге географических названий (ГКГН) среди нормализованных за последние пять лет топонимов встречается достаточно большое количество названий населенных пунктов, в которых варьировались на письме буквы *a* и *o*, обозначающие безударные гласные. В безударной позиции качество гласных значительно изменяется, в результате чего они в устной речи становятся неразличимыми. Правила же русской орфографии основаны на принципе «необозначения на письме мены звуков под влиянием положения в слове» [9, 14]. Для выбора той или иной буквы на месте безударной гласной используется метод проверки другими формами и словами, где в той же части слова проверяемый гласный находится под ударением. Если при написании нарицательной лексики такая проверка возможна, за исключением непроверяемых слов, написание которых определяется в словарном порядке, то с топонимами такой метод не работает. Невозможно поставить в ударную позицию безударный гласный, например, в топониме *Карькóво / Корькóво*.

Варьирование в топонимах безударных гласных объясняется исследователями в основном влиянием местного диалекта [1, 174; 4, 44], а также ошибками и искажениями официальных наименований [2, 18]. При этом отмечается, что в слабой (безударной) позиции такие ошибки встречаются чаще [3, 54]. Собранный нами материал по топонимическому варьированию на материале ГКГН подтверждает последнее утверждение.

Среди нормализованных в последние годы в ГКГН названий населенных пунктов можно выделить такие, варьирование которых было вызвано, на наш взгляд, гиперкоррекцией. Например, в 2020 г. в ГКГН было нормализовано написание названия деревни *Карькóво / Корькóво* → *Карькóво* Унженского сельского поселения Макарьевского района Костромской области. На Подробной карте Российской империи и близлежащих заграничных владений 1816 г. и на Специальной карте Западной части Российской империи Ф.Ф. Шуберта 1826–1840 гг. находим написание *Каркова*. На Специальной карте Европейской России И.А. Стрельбицкого 1871 г. дано написание *Карькова*. В списках населенных мест Костромской губернии по сведениям 1870–1872 и 1907 гг. в обоих случаях зафиксировано написание *Карьково* [11, 223; 14, 134]. В законе Костромской области от 30.12.2004 №237-ЗКО «Об установлении границ муниципальных образований в Костромской области и о наделении муниципальных образований статусом го-

родского, сельского поселения, муниципального района, муниципального округа и городского округа» также кодифицировано написание *Карьково*. Но на генштабовских картах 1980-х гг. издания деревня дана в написании *Корьково*, которое можно признать ошибочным. Название деревни образовано от фамилии *Карьков*, которая этимологически связана с прил. *карий*. В результате нормализации топонима было выбрано узуальное написание, известное на протяжении последних двух веков. Вариант же *Корьково* мог появиться в результате гиперкоррекции на фоне местных окающих говоров.

В 2019 г. в ГКГН было нормализовано написание названия деревни *Харáблино / Хорáблино* → *Харáблино* Клепиковского района Рязанской области. На карте Рязанской губернии А.И. Менде 1850 г., на Специальной карте Европейской России И.А. Стрельбицкого 1871 г., на карте Рязанской губернии 1875 г. населенный пункт обозначен *Граблина*. Списки населенных мест дают следующие написания деревни: в 1859 г. – *Хараблина (Машутина)* [12, 16], в 1906 г. – *Харабрино, Хараблино* [7, 512]. На карте Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) 1941 г. находим вариант *Хараблино*. В законе Рязанской области от 07.10.2004 №83-ОЗ «О наделении муниципального образования – Клепиковский район статусом муниципального района, об установлении его границ и границ муниципальных образований, входящих в его состав» также кодифицирован вариант *Хараблино*. Только на генштабовских картах 1980-х гг. издания дан вариант *Хораблино*. Топоним остается этимологически неясным, но, вероятно, имеет отантропонимическое образование. Также неясно, можно ли вариант *Граблина* считать исходным или ошибочным. Появление на картах варианта *Хораблино* мы связываем с проявлением гиперкоррекции, когда в условиях деэтимологизации топонима и неопределенности выбора буквы, обозначающей безударную гласную, ставится на всякий случай орфографически допустимая буква.

В 2019 г. в ГКГН было нормализовано написание названия деревни *Шегашáново / Шегошáново* → *Шегашáново* Касимовского района Рязанской области. В списках населенных мест разных лет издания даны разные написания названия: 1859 – *Шигашеново* [12, 63], 1906 – *Шегашаново* [7, 192]. В Российском атласе А.М. Вильбрехта 1800 г. и на карте Рязанской губернии А.И. Менде 1850 г. находим вариант *Шигашанова*. На Специальной карте Европейской России И.А. Стрельбицкого 1871 г. и на карте Рязанской губернии 1875 г., дано написание *Шагашанова*. На генштабовских же картах 1980-х гг. издания зафиксировано написание *Шегошаново*, как и в топонимическом словаре А.В. Бабурина [10, 456]. В законе Рязанской области от 07.10.2004 №82-ОЗ «О наделении муниципального образования – Касимовский район статусом муниципального района, об установлении его границ и границ муниципальных образований, входящих в его состав» закреплено написание *Шегашаново*. Происхождение названия, как отмечает А.В. Бабури, неизвестно [10, 456]. В данном примере вариант *Шегошаново*, отличающийся от традиционного и узуального, можно считать гиперкорректным.

В 2020 г. в ГКГН было нормализовано написание названия деревни *Костаря́та / Косторя́та* → *Костаря́та* Пермского района Пермского края. В списках населенных мест 1875 и 1905 гг. издания населенный пункт дан в написании *Дерибы (Деребина и Костарева)* [13, 15] и *Костарева* [15, 241]. На карте Пермского горного округа 1870 г. и на карте И.А. Стрельбицкого 1919–1921 гг. издания дано написание *Костарева*. Вариант *Косторята* нанесен на генштабовских картах 1980-х гг. издания. Ввиду варьирования топонима в региональных нормативно-правовых актах был издан закон Пермского края от 04.10.2010 №690-ПК «О вне-

сении изменений в отдельные законы Пермского края», постановивший заменить название *Косторята* на *Костарята*. Очевидно, что ойконим образован от фамилии *Костарев*, и вариант *Косторята* является гиперкорректным.

Представленные примеры далеко не исчерпывают список вариативных топонимов, возникших в результате гиперкоррекции. Они объединены в статье на том основании, что в результате анализа вариантов общим источником гиперкорректных написаний явились в данном конкретном случае генштабовские топографические карты 1980-х годов издания. Это имеет свое объяснение. Целенаправленная деятельность по нормализации топонимов в России активизировалась во второй половине XX века и в большей степени сказалась на написании топонимов на топографических картах того времени. Как мы видим по нормативно-правовым актам XXI века, в качестве официальных написаний утверждаются такие, которые соответствуют традициям употребления.

Благодатной почвой для возникновения гиперкорректных написаний является деэтимологизация топонимов, когда теряется видимая связь с производящей основой. Топонимам подобная деэтимологизация присуща. На нее обращала внимание А.В. Суперанская: «лексическое значение апеллятива, лежащего в основе имени собственного, обычно бывает редуцировано, а связь имени с понятием этого апеллятива стремится к нулю» [5, 258]. Часто в топонимах на месте апеллятива выступает антропоним, порой настолько забытый в настоящее время, что с трудом поддается распознаванию. Особенности местных говоров (аканье и оканье) также могут закрепиться в письменной речи, особенно на фоне деэтимологизации.

В настоящее время с созданием российского законодательства в сфере наименований географических объектов, пополнением Государственного каталога географических названий, требованием единообразного и устойчивого употребления топонимов, признанием их как части исторического и культурного наследия народов России, активизировалась деятельность по нормализации топонимов. При этом основными ориентирами нормализации являются правила орфографии и традиции употребления топонимов. В рассмотренных примерах правила орфографии неприменимы, поэтому при нормализации основным критерием выступает традиция употребления названия. В случаях же синхронического варьирования безударных *а/о* при отсутствии традиции, например, когда в разные исторические периоды узуальными были разные написания, вопрос о выборе официального написания остается открытым. Для решения этого вопроса необходимо накопление соответствующего материала и осмысление результатов нормализации или гипернормализации.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258–9)

Литература

1. Воробьева, И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби / И.А. Воробьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. – 247 с.
2. Карпенко, Ю.А. Проблема вариантов в топонимике / Ю.А. Карпенко // Всесоюзная конференция по топонимике Советского Союза. – Л., 1965. – С. 17–20.
3. Матвеев, А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I / А.К. Матвеев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 346 с.
4. Рубцова, З.В. Варьирование и норма в белорусской и русской топонимии: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / З.В. Рубцова; Ин-т яз-ния РАН. – М., 1993. – 88 с.
5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр. / А.В. Суперанская. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 368 с.

Источники

6. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
7. Населенные места Рязанской губернии. – Рязань: Тип. Н.В. Любомудрова, 1906. – 693 с.
8. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
9. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007. – 480 с.
10. Рязанский этнографический вестник. №32: Рязанский топонимический словарь: (названия рязанских деревень) / А.В. Бабурин. – Рязань: Ряз. обл. науч.-метод. центр нар. творчества, 2004. – 545 с.
11. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 18: Костромская губерния. – Санкт-Петербург, 1877. – 465 с.
12. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 35: Рязанская губерния. – Санкт-Петербург: Тип. К. Вульфа, 1862. – 168 с.
13. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: по сведениям 1859. Т. 31: Пермская губерния. – Санкт-Петербург, 1875. – 443 с.
14. Список населенных мест Костромской губернии / Костром. губ. земство. – Кострома: тип. Т.П. Андрониковой, 1908. – 385 с.
15. Список населенных мест Пермской губернии. – Пермь: Тип. губ. земской управы, 1905. – 526 с.

А.С. Дзядова

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
email: honey.dedova@bk.ru

УДК 811.161.3'372.1:398.2(=161.3)

ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦЫФІКА АНАМАСТЫЧНЫХ НАЙМЕННЯЎ У МОВЕ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ КАЗКІ

Ключавыя словы: *анамастычная лексіка, беларуская народная казка, нацыянальна-культурны, тапонім.*

У артыкуле на матэрыяле тэкстаў беларускіх народных казак праведзена даследаванне анамастычных найменняў у этналінгвістычным аспекце. Выяўленыя і прааналізаваныя антрапонімы і тапонімы служаць адным з найважнейшых сродкаў для перадачы нацыянальна-культурнай інфармацыі і ў мове казачнага эпасу з'яўляюцца тымі лексічнымі кампанентамі, якія найбольш выразна рэпрэзентуюць асаблівасці ўспрымання свету носбітамі беларускай этнакультуры.

A.S. Dziadova

Vitebsk State University named after P.M.Masherov

ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY OF ANOMASTIC NAMES IN THE LANGUAGE OF THE BELARUSIAN FOLK FAIRY TALE

Key words: *anomastic vocabulary, Belarusian folk tale, national-cultural, place name.*

The article on the material of the texts of Belarusian folk tales conducted a study of anomastic names in the ethno-linguistic aspect. The revealed and analyzed anthroponyms and place names serve as one of the most important means for the transfer of national and cultural information and in the language of the fairy-tale epic are the lexical components that most clearly represent the peculiarities of the world's perceptions of the Belarusian ethno-culture.

Вусная народная творчасць дае багаты матэрыял для вывучэння традыцыйнай этнічнай культуры і асаблівасцей нацыянальнага менталітэту. Між тым у айчыннай лінгвістыцы на сённяшні дзень адсутнічаюць сур'ёзныя навуковыя напрацоўкі па пытаннях даследавання нацыянальна-культурнай адметнасці мовы беларускай народнай казкі як фальклорнага жанру. Спецыяльных прац, прысвечаных вывучэнню беларускага казачнага эпасу ў лінгвакультуралагічным аспекце, няшмат.

Гэтым вызначаецца актуальнасць і перспектыўнасць нашага даследавання, якое праведзена ў межах антрапацэнтрычных тэндэнцый сучаснага мовазнаўства на матэрыяле зборнікаў беларускіх народных казак [1; 2; 3; 4; 5].

Асаблівае месца ў мове беларускага казачнага эпасу займае анамастычная лексіка, якія служаць не толькі для намінацыі пэўных асоб ці мясцін, дзе адбываецца дзеянне, але і для характарыстыкі паводзін, учынкаў, якасцей характару герояў і інш. Сярод разнастайных паводле семантыкі лексічных сродкаў з этнакультурным зместам даволі распаўсюджанымі ў беларускім казачным эпасе з'яўляюцца імёны *Сцяпан (Стопак): Ты чаго тут шляешся, валацуга? – крыкнуў лакей на Стопка і давай яго цкаваць сабакамі* ("Асцярожны пасланец"); *Галя (Галюся), Апанас, Кацярына, Пятро (Пятрук), Іван, Хомка, Несцерка, Мікола, Мікіта, Мар'я, Кірыла, Ахрэм і інш.*

Дастаткова часта ў мове казачных тэкстаў ужываюцца антрапонімы з этнакультурнай семантыкай, якія характарызуюць

1) сацыяльны статус героя. Напрыклад, *Іван Царэвіч, Мар'я Царэўна, Іван Іванавіч купецкі сын: Тады Мар'я Царэўна пайшла дамоў, а Іван Царэвіч з хорткамі стаў адпачываць* ("Хорткі");

2) сямейнае становішча. Напрыклад, *Сірата Іван: Жыў сабе дзед ды баба, быў у іх сын Іван. Дзед і баба праз колькі год памерлі, адзін толькі Іван застаўся беднаю сірацінаю, нечага яму было нават і есці* ("Сірата Іван, дзядзіца-чараўніца і пан"); *Марыська-сястрыца: Марыська-сястрыца, у свіным капытку нап'юся, гэтак мне піць хочацца* ("Пра бараньку");

3) прафесійную прыналежнасць, род заняткаў герояў. Напрыклад, *Міхей-кравец, Марцін-шавец, Галеначка-работнічка, Іван-слугавін, Салдат Іванька, Няшчасны Егар, Мікіта Кажамяка, Шыдар: У адным месцы жыў бедны чалавек, вялікі шыдар (хто жарты якія ўмее гаварыць). Яго так і не называлі па імені, звалі Шыдарам* ("Поп і Шыдар");

4) разумовыя здольнасці казачных персанажаў. Напрыклад, *Іван-дурак, Андрэй за ўсіх мудрэй, Іванка-Прастачок, Мікіта-дурань: У некаторым царстве, у некаторым гасударстве жыў сабе так адзін чалавек законны. І меў сабе траіх сыноў. Два так і сяк, а трэці Мікіта-дурань* ("Мікіта-дурань");

5) фізічныя якасці чалавека. Напрыклад, *Мал-Малышок, Аўдзей – вышэй за ўсіх людзей: А ёсць у нас, паночку, Аўдзей – вышэй за ўсіх людзей* ("Адказы мужыка").

У працэсе даследавання анамастычнага матэрыялу нярэдка сустракаюцца ўласныя найменні, якія семантызуюць рэлігійны светапогляд нашых продкаў.

Напрыклад, *Пятро, Ілля: І кажэ Бог Пятру: Пасылай тады дождж, як людзі просяць*. А ён недачуе ды пасылае дождж, як людзі косяць (“Ілья і Пятро”), дзе Пятро – святы апостал. І сёння праваслаўныя вернікі 12 ліпеня адзначаюць свята народнага календара ў гонар святых Пятра і Паўла, якіх раней сяляне ўяўлялі сваімі памочнікамі ў разнастайных земляробчых занятках летняга перыяду: у касьбе, працы на пашы і агародзе, падрыхтоўцы да жніва. З часоў глыбокай старажытнасці Святы Ілля лічыўся апекуном земляробства і абаронцам ад “нячыстай сілы”. Рэлігійнае свята Ілля адзначаецца ва ўсходніх славян 2 жніўня і лічыцца святам дажджоў і навальніц, успрымаецца як канец лета і пачатак восені.

Наданне імені персанажу часам даецца згодна з месцам ці абставінамі яго нараджэння. Напрыклад, *Іван Сучкін сын Залатыя гузікі, Пакацігарошак, Іскарка-парубак Дзявочы сын, Васька-Папалышка, Іван Світаннік, Іван Знайдзён, Івашка Мядзвежае вушка: Жыў сабе так чалавек і была ў яго гаспадыня. Пайшла яна ў лес у грыбцы і заблудзіла. Налучыўся на яе той жа час мядзведзь. Ён яе ўзяў ды і занёс к сабе ў лес. Пажыла яна з ім гады тры і нарадзіла сабе сына. Далі яму імя Івашка Мядзвежае вушка (“Івашка Мядзвежае вушка”); *Іван Вячорнік, Іван Паўночнік, Заравы Іван: Жыў сабе так мужычок з жонкай. Пражылі да старасці, і не было ў іх дзяцей. Потым на старасці баба гэта нарадзіла ў адну ноч трох сыноў: большага сына нарадзіла вячэрняга, сярэдняга – паўночнага і меншага – заравога. І баба пупарэзніца налажыла ім усім імя тры Іваны: Іван Вячорка, Іван Паўночнік і Заравы Іван (“Вячорка, паўночнік і заравы”) і інш. Сустракаюцца ў казках, але даволі рэдка, і такія імёны з нацыянальна-культурнай семантыкай, якія надаюцца герою ў залежнасці ад роду дзейнасці ці заняткаў яго бацькоў: *Жыў сабе дзед ды баба. І быў у іх сын Іван... Сам чалавек быў вялікі п’яніца... Таму і звалі яго сына П’янішнін сын (“Чавалай”)*.**

Некаторыя асабовыя імёны выразна рэпрэзентуюць сацыяльнае асяроддзе беларусаў. Так, вядомым героем беларускіх народных казак, разумным, кемлівым, дасціпным і спрытным бедняком, які ў любой сітуацыі знойдзе выйсце і зможа перахітрыць і паноў, і папоў, з’яўляецца *Несцерка: Жыў сабе так Несцерка, меў дзетак шэсцерка. Рабіць ляніца, красці баіца, папрасіць не пасмее – не з чага яму пражыць. Вось ён узяў ды пайшоў к богу (“Несцерка”)*.

У мове беларускага казачнага эпасу даволі часта асабовыя імёны ўжываюцца з памяншальна-ласкальнымі суфіксамі, радзей – з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі. Такія формы ўводзяцца ў казачны кантэкст для перадачы асаблівых аўтарскіх адносін ці для паказу пэўных стасункаў паміж героямі: *Галеначка, Ілюшка, Ванечка (Іванічка, Івашка), Васька* і інш. Трэба адзначыць, што назвы асоб нярэдка змяшчаюць у сабе невялікія першасныя характарыстыкі казачных герояў. Станоўчая ці адмоўная ацэнка вобразаў настрайвае чытача на правільнае ўспрыняцце твора.

У моўнай тканіне беларускіх народных казак часта назіраецца такая з’ява, калі сэнсавае напаўненне імені таго ці іншага персанажа пэўным чынам адлюстроўвае спецыфіку яго паводзін ці ўчынкаў. Напрыклад, *Кацярына* – ‘чыстая, разумная’: у аднайменнай казцы галоўная гераіня, дзякуючы сваёй мудрасці, абхітрыла пана і выйшла за яго замуж; *Кірыла* – ‘уладар’: у казцы “Кірыла Кажамяка” галоўны герой перамог змея, а ўрочышчу, дзе ён жыў, з часам далі назву *Кажамякі*.

Нярэдка ў мове казачнага тэксту сустракаюцца назвы гарадоў, населеных пунктаў ці пэўных мясцовасцей. У іх ліку такія тапанімічныя найменні, як *Гомель: Дзед, вось я закручу чатыры гусі, і вязі на базар у Гомель, і прадавай па пяцьдзясят рублёў, а як меней даюць – не прадавай* (“Як баба гусі прадавала”); *Сянно: Даўно-*

даўно жылі ў нас два браты. Паехалі яны раз у Сянно (“Залатое пяро”) і інш. Тапанімічная лексіка, як правіла, уводзіцца для дэталізацыі дзеяння і месца, а таксама для “перанясення” чытача ў рэальны паказачны свет ці для акрэсленасці пэўнага гістарычнага часу, адлюстраванага ў казцы.

Даследаваны пласт анамастычнай лексікі ў мове беларускага казачнага эпасу захоўвае нацыянальную адметнасць і этнамоўны каларыт, дазваляе пранікнуць у духоўны свет казачнага героя і ў цэлым “працуе” на выяўленне этналінгвістычнай і лінгвакраіназнаўчай спецыфікі фальклорных твораў і асаблівасцей моўнай карціны свету беларусаў як самастойнага этнасу, які склаўся на пэўнай геаграфічнай, гістарычнай і традыцыйна-духоўнай прасторы.

Літаратура

1. Бацькаў дар. Беларускія народныя гераічныя і фантастычныя казкі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1978. – 223 с.
2. Беларускі казачны эпас / склад. і ўступ. артыкул У.В. Анічэнка. – Мінск: Выдавецтва БДУ, 1976. – 206 с.
3. Беларускія народныя казкі: Для дашкол. узросту / апрац. А. Якімовіча; Уклад. М.А. Казбярук. – Мінск: Юнацтва, 1990. – 302 с.
4. Беларускія народныя казкі: Зборнік / склад.: Г.А. Барташэвіч, К.П. Кабашнікаў; уступ. арт. К.П. Кабашнікава. – 2-е выд., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 512 с.
5. Не сілай, а розумам: Бытавыя казкі і казкі пра жывёл: [Для дашк. і малод. шк. узросту / уклад. А. Гурскі; Маст. В. Александровіч]. – Мінск: Юнацтва, 1997. – 223 с.

М.Л. Дорофеенко

Белорусский государственный университет

e-mail: mari008@mail.ru

УДК [811.161.3+811.133.1]’373.21-132

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

Ключевые слова: *внутрипоселенческий топоним, синтагма, синтагматика, синтагматические отношения, Беларусь, Франция.*

В статье определяются пути реализации синтагматических отношений во внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции. Определено, что в двух онимных системах (Беларуси и Франции) они репрезентируются посредством синтагм, выделяемых с учетом характера синтаксической связи между компонентами, части речи и грамматической формы.

В системе внутрипоселенческих названий Беларуси выделены четыре простых типа синтагм – номинативный, генитивный, атрибутивный и нумеративный, на основе каждого из которых сформировано несколько сложных типов. В составе внутрипоселенческих топонимов Франции обнаружены две больших разновидности синтагм (генитивного и атрибутивного типов), включающие как простые, так и сложные формы. Разное количество выделяемых типов синтагм обусловлено несколькими причинами: 1) морфологическими особенностями языков, основанными на сходстве и различии языковой структуры, способе соединения морфем, выражающих то или иное грамматическое значение, 2) аналитичности и синтетичности грамматического строя и 3) локальными номинативными особенностями.

SYNTAGMATIC ORGANIZATION OF INTRASETTLEMENT TOPONYMY OF BELARUS AND FRANCE

Key words: *intrasettlement toponym, syntagma, syntagmatics, syntagmatic relations, Belarus, France.*

The article defines the ways of realization of syntagmatic relations in the intrasettlement toponymy of Belarus and France. It has been determined that in two onym systems (Belarus and France) they are represented by means of syntagmas, distinguished taking into account the nature of the syntactic connection between the components, part of speech and grammatical form.

In the system of intrasettlement names of Belarus, four simple types of syntagmas are distinguished – nominative, genitive, attributive and numerative, on the basis of each of which several complex types are formed. Two large varieties of syntagmas (genitive and attributive types), including both simple and complex forms, were found in the intrasettlement toponyms of France. The different number of distinguished types of syntagmas is due to several reasons: 1) morphological features of languages based on the similarity and difference in the linguistic structure, the method of connecting morphemes expressing a particular grammatical meaning, 2) the analyticity and synthesizing of the grammatical structure, and 3) local nominative features.

Каждая единица лексической системы входит одновременно в два вида отношений: синтагматические (или линейные), то есть отношения между единицами в речевой цепи, основанные на линейном характере языка, включающем возможность произнесения более чем одного элемента одновременно, и парадигматические / ассоциативные (нелинейные), то есть отношения между единицами в группах языковых элементов.

Заметим, что понятие системности складывалось в лингвистике постепенно. Ещё в начале XIX в. В. фон Гумбольдт отмечал, что каждый отдельный элемент языка проявляет себя лишь как часть целого. Законченная теоретическая концепция системности языка появилась позднее благодаря таким учёным, как Бодуэн де Куртене (Россия, конец XIX в.) и Фердинанд де Соссюр (Швейцария, начало XX в.).

Ф. де Соссюр считал, что «отношения и различия между лингвистическими единицами происходят в двух различных сферах, каждая из которых порождает определенный порядок значений; противопоставление этих двух порядков позволяет лучше понять природу каждого из них. Они соответствуют двум формам нашей мыслительной деятельности, необходимым для жизни языка» [8, 170].

С. Каан полагает, что синтагматическая ось (то есть ось комбинаций знаков в тексте) – один из компонентов совокупности языкового воплощения наряду с парадигматической и семиотической осью [7].

В своем труде «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюр полагает, что «с одной стороны, в дискурсе слова заключают между собой отношения в силу своей последовательности, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов одновременно. Они располагаются друг за другом в речевой цепочке. Эти сочетания, опорой которых является протяженность, можно назвать синтагмами» [8, 170].

При всем разнообразии и многочисленности состава, проницаемости, подвижности, внутренней неоднородности лексического уровня языка он представляет собой хорошо организованную систему. Ономастическим единицам, как части лексики, также свойственны синтагматические и парадигматические отношения. Однако работы, посвященные данному вопросу, очень редки. Одной из наиболее известных можно назвать исследование В.И. Супруна, посвященное изучению ономастического поля русского языка и определению его художественно-эстетического потенциала: ученый выявляет синтагматико-парадигматические отношения литературной ономастики в художественном дискурсе [3].

Цель нашего исследования – установить пути реализации синтагматических отношений во внутриселенческой топонимии Беларуси и Франции.

Для начала обратимся к определению термина *синтагматика*.

В русской лингвистике *синтагматика* (синтагматический план) – это «1. Учение о членении речи на синтагмы; учение о линейном (одновременном) соотношении элементов в отличие от ассоциативного (разновременного) их соотношения в парадигматике, Синтаксис 2. Первая фаза исследования языка, состоящая в последовательном разделении текста на всё менее протяженные единицы; противоп. парадигматика; ср. систематика. 3. Учение о словосочетании; ср. малый синтаксис. Синтагматика предикативная англ. predicative syntagmatics. Учение о предложении при понимании последнего как разновидности синтагмы» [1, 408–409].

Во французском языке одна лексическая единица *syntagmatique* обозначает как существительное *синтагматика* (в этом случае имеет следующее значение: «изучение языковых единиц с точки зрения их последовательности в разговорной цепи» [6]), так и прилагательное *синтагматический* (со значениями «1. Относящийся к синтагме. 2. Сказано об отношениях, существующих между языковыми единицами, которые действительно появляются в разговорной цепочке» [6]).

Можем заметить, что данные дефиниции отсылают к определению лингвистической единицы *синтагма*, которая в русском языке имеет следующие значения: «1. Двучленная структура, члены которой соотносятся как определяемый (Т) и определяющий (Т1), причем этими членами могут быть как слова, так и морфемы; сложнообразованный знак речи, в котором функции отождествления – различения распределяются между составляющими его элементами, которых (элементов) вследствие бинарного характера синтагмы нормально два» [1, 408], а во французском – «1. У Соссюра любое сочетание в речевой цепочке двух или более последовательных единиц ... 2. В структурной лингвистике – группа элементов, образующих единицу в иерархической организации ...» [6]).

Ф. де Соссюр полагал, что «синтагма всегда состоит из двух или более последовательных единиц ... Помещенное в синтагму слово приобретает свое значение только потому, что оно противостоит тому, что предшествует, или тому, что следует, или тому и другому одновременно» [8, 170].

Внутриселенческий топоним, состоящий из двух компонентов – апеллятивного и проприального, – является синтагмой, то есть **словосочетанием, интонационно-смысловой единицей**.

Определить место языковой единицы в лексической системе – значит описать ее синтагматические и парадигматические свойства.

Синтагматические отношения можно определить как отношения сочетаемости элементов одного уровня в речевой цепи, то есть сочетание фонем с фонемами, морфем с морфемами, слов со словами и т.п. (объединяет единицы языка по непосредственному их сочетанию).

Синтагматическая характеристика лексических единиц основывается на понятии позиции, то есть их положении в тексте по отношению к другим семанти-

чески однородным словам. И в русско- и в франкоязычной лингвистике изучены собственно словосочетания и типы синтаксической связи. Однако в системе имен собственных наблюдается несколько иная картина: существует логично представленная и обоснованная структура урбанонимов Беларуси [2], которую мы примем за основу при исследовании синтагматических отношений во внутриселенческой топонимии Беларуси и Франции.

Учитывая количество компонентов и тип синтаксической связи между ними, различают два разряда внутриселенческих топонимов: простые и сложные, каждый из которых формируется из определенного числа типов, выделяемых с учетом характера синтаксической связи между компонентами, части речи и грамматической формы.

Простые внутриселенческие топонимы – двусловные названия, между компонентами которых существует один вид связи:

- *атрибутивный тип*: проприальный элемент – прилагательное, характер связи между компонентами – согласование (*Городокский пер.* – г. Витебск, *Двинская ул.* – г. Витебск; *Велижская ул.* – д. Арехи Витебский р-н Витебской области, *Суражская ул.* – д. Балаши Витебского района Витебской области). Апеллятивный элемент следует за проприальным.

- *генитивный тип*: проприальный элемент – генитивная форма имени существительного, характер связи между компонентами – управление (*ул. Заслонова* – г. Витебск; *ул. Космонавтов* – д. Глазомичи Витебского района Витебской области; *ул. Никифоровского* – аг. Вымно Витебского района Витебской области). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

- *номинативный тип*: проприальный элемент – номинативная форма имени существительного, характер связи между компонентами – неполное согласование (*ул. Витьба* – Витебск). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

- *нумеративный тип*: проприальный элемент – числительное, характер связи между компонентами – согласование (*Первый пер.* – д. Савченки Витебского района Витебской области). В зависимости от модели апеллятивный элемент может как предшествовать проприальному, так и следовать за ним.

Сложные внутриселенческие топонимы – трехсловные и более длинные названия, между компонентами которых существует несколько видов связи:

- нумеративно-смешанные:

нумеративно-атрибутивный (*1-й Луговой пер.* – г. Витебск, *1-я Магистральная ул.* – г. Витебск; *1-й Каспьянский пер.* – аг. Шапурово Витебского района Витебской области); *1-я Садовая ул.* – аг. Зароново Витебского района Витебской области. Апеллятивный элемент следует за проприальным.

нумеративно-генитивный (*2-й пер. Азина* – г. Витебск; *1-й пер. Мелиораторов* – аг. Мазолово Витебского района Витебской области). Апеллятивный элемент следует за числительным.

- генитивно-смешанные:

генитивно-адъективный (*ул. Парижской Коммуны* – г. Витебск). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

генитивно-субстантивный (*пр-т Генерала Людникова* – г. Витебск, *ул. Генерала Маргелова* – г. Витебск; *ул. Генерала Друзенкова* – д. Шапуры Витебского района Витебской области). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

генитивно-числовой (*ул. 27-й Дивизии* – г. Витебск; *ул. 33-й Армии* – аг. Копти Витебского района Витебской области). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

- номинативно-смешанные:

номинативно-адъективный (ул. *Новый Быт* – г. Витебск). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

номинативно-субстантивный (ул. *30 лет Победы* – г. Глубокое, ул. *70 лет Октября* – г. Городок). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

номинативно-числовой (пер. *8-е Марта* – г. Витебск). Апеллятивный элемент предшествует проприальному.

Французские внутрипоселенческие названия пока не исследованы в структурном плане, поэтому будем исходить из общей лингвистической теории изучения словосочетаний. Так, под словосочетанием понимается «соединение на основе подчинительной связи двух знаменательных частей речи, передающее разнообразные синтаксические отношения. Одно из слов – стержневое, другое – зависимое» [5, 175].

По признаку «морфологической принадлежности стержневого слова словосочетания могут быть глагольными, именными, или субстантивными (эти две категории словосочетаний являются ведущими), адъективными, адвербиальными и местоименными» [5, 175].

Что касается собственно синтагм, во французской лингвистике различают именную синтагму (фр. 'syntagme nominal'), прилагательную синтагму (syntagme adjectival), Наречную синтагму (фр. 'syntagme adverbial'), глагольную синтагму (фр. 'syntagme verbal'), предложную синтагму (фр. 'syntagme prépositionnel') [9].

С.Г. Шафиков, посвящая статью исследованию типологии атрибутивных словосочетаний в языках сравнения – в английском, немецком, французском. Автор выделяет и описывает функционирование трех следующих типов и их подтипов [4]:

субстантивный тип (S): «[зависимое слово + N]; в качестве главного слова используется существительное [N], в качестве зависимого слова в функции определения используется прилагательное [Adj], существительное [N], наречие [Adv], местоимение [prn], числительное [nmb], глагол [V]» [4, 447];

адъективный тип (A): «[зависимое слово + Adj]; в качестве главного слова используется прилагательное [Adj], в качестве зависимого слова в функции определения используется наречие [Adv]» [4, 449];

глагольный тип (V): «[зависимое слово + V]; в качестве главного слова используется глагол [V], в качестве зависимого слова может использоваться наречие [Adv], существительное [N], глагол [V]» [4, 449].

Опираясь на изученные классификации, выделим основные типы синтагм внутрипоселенческой топонимии Франции, которые могут быть как простыми, так и сложными по структуре:

I. *Генитивный тип* (главное и зависимое слово – существительные). Включает несколько подтипов:

1) подтип генитивный простой без предлога (в качестве главного слова используется существительное в значении именительного падежа, в качестве зависимого слова используется другое существительное в значении генитива без предлога): *allée Van Gogh* – Реймс, *allée Pissaro* – Реймс; *rue Curie* – д. Серне-ле-Реймс, *rue Charles de Gaulle* – д. Серне-ле-Реймс департамента Марна региона Гранд-Эст. Здесь нужно уточнить, что родительный падеж реализуется во французском языке, как правило, при помощи предлога *de*. Однако по правилам этот предлог не употребляется при номинации улицы в честь какой-либо личности;

2) подтип генитивный простой с предлогом (в качестве главного слова используется существительное в значении именительного падежа, в качестве зависимого слова используется другое существительное в значении генитива с предлогом): *allée des Bretons* – Реймс, *allée des Catalans* – Реймс, *allée des Champenois* –

Реймс, *rue de Madrid* – Реймс, *boulevard de la Paix* – Реймс; *rue de la Libération* – д. Прюне, *rue d'Avignon* – д. Прюне;

3) подтип генитивно-субстантивный сложный (в качестве главного слова используется существительное в значении именительного падежа, в качестве зависимого компонента используется другое существительное с именем собственным в значении генитива с предлогом): *avenue du Général de Gaulle* – Реймс, *avenue du President Kennedy* – Реймс; *rue du President Roosevelt* – д. Прюне департамента Марна региона Гранд-Эст. Данные синтагмы коррелируют с синтагмами простого генитивного типа и его сложными разновидностями в системе внутриселенческих названий Беларуси;

II. *Атрибутивный тип* (главное слово – существительное, зависимое – прилагательное): *Grande rue* – д. Пюизьё департамента Марна региона Гранд-Эст, *rue Haute* – д. Пюизьё департамента Марна региона Гранд-Эст. Данная синтагма коррелирует с синтагмой простого атрибутивного типа в системе внутриселенческих названий Беларуси.

Стоит отметить, что в двух системах различается количество выделяемых типов синтагм, что обусловлено в том числе и локальными номинативными особенностями. Так, французской внутриселенческой топонимии чужды так называемые «номерные» названия, включающие в свой состав порядковое числительное и пространственные во внутриселенческой топонимии Беларуси, поэтому в системе французских онимов не обнаруживаем простой нумеративный тип и сложные подтипы, имеющие в своем составе числовой компонент. Сближает две системы тот факт, что главным словом в синтагмах является существительное, однако аналитичность и синтетичность грамматического строя языков обуславливает многие отличия. Так, в системе проанализированных французских названий не обнаружен собственно номинативный тип, представленный именем существительным в именительном падеже: более распространены генитивная и атрибутивная формы.

Таким образом, синтагматические отношения в двух онимных системах (Беларуси и Франции) реализуются посредством синтагм, выделяемых во внутриселенческой топонимии с учетом характера синтаксической связи между компонентами, части речи и грамматической формы, обусловленных в том числе и морфологическими особенностями языков, основанными на сходстве и различии языковой структуры, с учетом способа соединения морфем, выражающих то или иное грамматическое значение, аналитичности и синтетичности грамматического строя. В системе внутриселенческих названий Беларуси можно выделить четыре простых типа синтагм – номинативный, генитивный, атрибутивный и нумеративный, на основе каждого из которых сформировано несколько сложных типов. В составе внутриселенческих топонимов Франции обнаруживаются две больших разновидности синтагм (генитивного и атрибутивного типов), включающих как простые, так и сложные формы. Разное количество выделяемых типов синтагм обусловлено в том числе и локальными номинативными особенностями.

Литература

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е, стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
3. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун: дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук: 10.02.01 / В.И. Супрун; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 78 с.
4. Шафиков, С.Г. Типология атрибутивных словосочетаний в языках сравнения / С.Г. Шафиков // Филология и искусствоведение. Вестн. Башкир. ун-та. – 2022. – Т. 27. – №2. – С. 446–451.

5. Шигаревская, Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи / Н.А. Шигаревская. Ленинград: изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 216 с.
6. Dictionnaire de français Larousse [Ressource électronique]. – Mode d'accès: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue>. – Date d'accès: 01.02.2023.
7. Kahane, S. Les trois dimensions d'une modélisation formelle de la langue: syntagmatique, paradigmatic et sémiotique / S. Kahane // Revue TAL. – 2015. – № 56 (1). – P. 39–63.
8. Saussure, F. de. Cours de linguistique générale / F. de. Saussure, Paris, 1972. – 520 p.
9. Syntagme – Wikipédia, L'encyclopédie libre [Ressource électronique]. – Mode d'accès: https://fr.wikipedia.org/wiki/Syntagme?utm_source=pocket_reader. – Date d'accès: 01.02.2023.

Ю.У. Дулава

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава

e-mail: jul_dulova@mail.ru

УДК 81'37:75:76

НАЗВЫ ТВОРАЎ ВЫЯЎЛЕНЧАГА МАСТАЦТВА: ПРАГМАЛІНГВІСТЫЧНЫ ПАДЫХОД ДА ДАСЛЕДАВАННЯ

Ключавыя словы: *артыонім, анамастычная перыферыя, прагматыка, намінацыя, камунікацыя, функцыянаванне.*

У артыкуле разглядаюцца напрамкі прагмалінгвістычнага падыходу да даследавання перыферыйных онімаў. Вызначаюцца асаблівасці намінацыі твораў выяўленчага мастацтва з улікам прыцыпаў інфарматыўнасці і атрактыўнасці. Вызначаюцца магчымасці аналізу характарыстык намінатара і рэцыпіента, а таксама ўмоў камунікацыі, выяўляюцца асаблівасці функцыянавання артыонімаў.

Yu.U. Dulava

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NAMES OF PAINTINGS AND DRAWINGS: A PRAGMALINGUISTIC APPROACH TO RESEARCH

Key words: *artionym, onomastic border, pramatics, nomination, communication, functioning.*

The article examines the directions of the pragmalinguistic approach to the study of peripheral onyms. The features of the nomination of works of fine art are determined, considering the principle of informativeness and attractiveness. The possibilities of analyzing the characteristics of the nominator and the recipient, as well as the conditions of communication, are determined, and the peculiarities of the functioning of artionyms are revealed.

Аналіз уласных імёнаў, якія адносяцца да анамастычнай перыферыі, апошнім часам звязаны з вызначэннем функцыянальных асаблівасцяў. Намінацыя разглядаецца як камунікацыя намінатара і рэцыпіента, таму набывае папулярнасць прагмалінгвістычны падыход да даследавання, што адлюстроўваецца і ў неабходнасці ўлічваць пры аналізе шэраг экстралінгвістычных фактараў.

Прагмалінгвістыка ўяўляе сабой адносна малады кірунак, што ўзнік як своеасаблівы вынік узаемадзеяння розных галін ведаў: лінгвістыкі тэксту, сацыялінгвістыкі, псіхалінгвістыкі, гісторыі, культуралогіі і г.д. Фундаментальныя палажэнні прагмалінгвістыкі развіваліся ў працах замежных даследчыкаў:

А. Вяжбіцкай, Дж. Лакофа, Дж. Ліча, Д. Шпербера і інш. У русістыцы развіццё тэорыі камунікацыі як міждысцыплінарнага напрамку звязана з імёнамі Н.Д. Аруцюнавай, У.Г. Гака, У.І. Карасіка, В.Б. Кашкіна, А.С. Кубраковай, Г.Г. Мацвеевай і інш.

Мэта дадзенага артыкула – вызначыць асаблівасці прагмалінгвістычнага падыходу да аналізу назваў твораў выяўленчага мастацтва.

Фактычным матэрыялам даследавання паслужыла аўтарская картатэка, атрыманая метадам суцэльнай выбаркі з крыніц аб творчасці беларускіх мастакоў канца XIX – пачатку XXI стагоддзя (лістоў паступлення асноўнага фонду калекцый жывапісу і графікі ўстановы культуры “Віцебскі абласны краязнаўчы музей”, матэрыялаў інтэрнэт-рэсурсу “Мастакі Віцебшчыны”, апублікаваных каталогаў карцін).

У дадзенай працы мы прытрымліваемся пазіцыі Н.Д. Аруцюнавай, якая вызначае лінгвістычную прагматыку як дысцыпліну, што ўключае сукупнасць пытанняў, звязаных з суб’ектам гаворкі, адрасатам, узаемадзеяннем паміж імі, а таксама сітуацыяй зносін [1].

І.В. Крукава вылучае тры асноўныя напрамкі даследавання прагматыкі ўласнага імя: 1) аналіз прагматычных кампанентаў у значэнні оніма; 2) аналіз характарыстык аўтара і адрасата, умоў намінацыі; 3) выяўленне функцыянальных уласцівасцяў уласных імёнаў [5, 139–142].

Дзякуючы натуральнаму культурнаму сэнсу і месцам на скрыжаванні мовы і культуры, артыонім – неад’емную частку твора мастацтва – можна разглядаць як кампанент камунікацыі ў схеме *аўтар – твор мастацтва / назва твора мастацтва – рэцыпіент* [2, 338].

Аналіз фактычнага матэрыялу сведчыць, што пры намінацыі ў мастацтвазнаўчым дыскурсе рэалізуюцца два асноўныя прагматычныя прынцыпы: прынцып інфарматыўнасці і прынцып атрактыўнасці. Выкарыстанне дадзеных прынцыпаў знаходзіць сваё адлюстраванне пры рэалізацыі галоўнай функцыі прагматыкі, накіраванай на выбар найбольш аптымальных моўных сродкаў для дасягнення мэты намінатара.

Суадносна з прынцыпам стварэння назвы артыонімы падзяляюцца на артыонімы-інфармемы, інфармуючая функцыя якіх рэалізуецца праз прамую канстатацыю намалёванага на палатне з дапамогай моўных сродкаў і з’яўляецца дамінуючай, і артыонімы-прагмемы, якія наадварот накіраваны не толькі на тое, каб праінфармаваць адрасата, і пры стварэнні якіх дамінуючым прынцыпам з’явіўся прынцып атрактыўнасці. Прынцып атрактыўнасці рэалізуецца ў артыонімах праз спецыяльныя стылістычна або эмацыйна акрэсленыя кампаненты – моўныя адзінкі розных узроўняў.

У артыаніміі Беларускага Паазер’я былі, напрыклад, вызначаны наступныя сродкі, выкарыстаныя намінатарамі для рэалізацыі прынцыпу атрактыўнасці (афектыўнасці): эмацыйна-ацэнная лексіка пераважна са станоўчым семным наборам (В.М. Бяляўскі «Воспоминания», У.М. Вальноў «Символ успеха»), запазычанні (А.С. Ізаітка «Метору», А.Э. Духоўнікаў «А-а-а-Ле»), словы ў пераносным значэнні (А.Ф. Карпан «Белобрысое лето»), словаспалучэнні і сказы з дыялогавай семантыкай (В.П. Дураў «Когда не перестанем удивляться...», А.У. Крошкін «Что дальше?», А.С. Каржанеўскі «Люди, помните!», устойлівыя словазлучэнні (А.Ф. Карпан «Какие наши годы...», І.М. Сталяроў «Звонит во все колокола»), прэцэдэнтныя выказванні (А.Ф. Кавалёў «Враги сожгли родную хату...», Г.П. Кісялёў «Спаси и сохрани», А.А. Салаўёў «Коварство и любовь») [3, 283–284]. Да сфер-крыніц прэцэдэнтнасці артыаніміі Беларускага Паазер’я адносяцца “Мастацтва” (44,6 % ад выяўленых прэцэдэнтных назваў), “Гісторыя” (33,9 %), “Грамад-

ства” (16,3 %), “Рэлігія” (5,2 %). Асаблівасць выкарыстання прэцэдэнтных адзінак – зварот да нацыянальна-культурнага, а таксама соцыумна-культурнага фонду [4].

Выбар сродкаў прагматызацыі не залежыць ад жанравых асаблівасцяў твора, але значны ўплыў на прагматычныя кампаненты ў значэнні аказвае спецыфіка мастацтвазнаўчага дыскурсу, для якога характэрна накіраванасць на стварэнне неабходных умоў для паспяховай камунікацыі адрасанта і адрасата. Акронімы, абрэвіятуры не былі выяўлены ў фактычным матэрыяле, таму што эканомія моўных сродкаў, у адрозненне, напрыклад, ад рэкламных назваў, накладвае абмежаванні на інтэрпрэтацыю твора мастацтва і, адпаведна, на паспяховасць камунікатыўнага акта.

На думку Н.Ю. Чыгрыдавай, улік характарыстык адрасанта і адрасата спрыяе вылучэнню сацыяльнага статусу ўдзельніка камунікацыі, камунікатыўнай ролі, ролевага чакання, ролевай дыстанцыі, рэфэрэнтнай групы як значных параметраў для даследавання прагмалінгвістычных асаблівасцяў гаворкі [6].

Аналіз характарыстык аўтара і адрасата ў выпадку артыонімаў мае свае асаблівасці. Не заўсёды ўяўляецца магчымым вызначыць намінатара, таму што назва палатна можа быць прапанавана не толькі мастаком. Намінатарамі могуць выступіць яго блізкія або, напрыклад, супрацоўнікі музея, якія ўдзельнічаюць у арганізацыі выставы. Так, назвы, якія змяшчаюць імя мастака, хутчэй за ўсё былі дадзены не ім, а іншай асобай. Напрыклад, карціны І.Ф. Хруцкага, на якіх намалеваны інтэр’еры сядзібы ў Захарнічах і якія адлюстроўваюць лад жыцця сям’і, маюць наступныя артыонімы: “*В комнатах (мальчики, рассматривающие альбом с картинками)*”, “*В комнатах усадьбы художника И.Ф. Хруцкого. Захарниччи*”, “*В комнатах усадьбы художника. Дети перед мольбертом*”. Відавочна, прыведзеныя онімы маглі дайсці да нашага часу не ў аўтарскім выглядзе. Уяўляецца, што назвы маглі быць створаны не мастаком, або захаваныя запісы на карціне маглі быць дапоўнены іншай асобай.

Нягледзячы на ўсе складанасці, пры аналізе артыонімаў асоба намінатара (і мастака, калі яны не супадаюць) павінна ўлічвацца, таму што онім трансліруе не толькі звесткі пра намалеванае, але і інфармацыю аб дамінуючым светапоглядзе, каштоўнасных арыентацыях, узроўні адукацыі і г.д. Гэта інфармацыя адлюстроўваецца ў выбары пэўных моўных сродкаў.

Асоба рэцыпіента патрабуе аналізу, які, аднак, таксама выклікае некаторыя цяжкасці. Зразумела, што мастак (або іншы намінатар) прыкладна ўяўляе, хто можа быць адрасатам для твора мастацтва, але не магчыма быць упэўненым, што абраныя сродкі прагматызацыі абавязкова будуць рэлевантнымі для рэцыпіента. Так, назва карціны можа мець адсылку да якога-небудзь літаратурнага або музычнага твора, але адрасат можа не быць знаёмы з гэтымі крыніцамі, нават калі размова ідзе пра абавязковыя творы, вывучаемыя падчас школьных заняткаў. На наш погляд, выкарыстанне тапонімаў або антрапонімаў – добры сродак для таго, каб паспрыяць паспяховасці камунікацыі, але зноў ж такі пры наяўнасці дастатковых фонавых ведаў рэцыпіента. Усё гэта ўскладняецца спецыфічнымі ўмовамі камунікацыі паміж намінатарам (мастаком) і адрасатам, для якіх характэрна адсутнасць непасрэднага кантакту паміж імі.

Вызначыць характарыстыкі адрасата і адрасанта здаецца магчымым праз лінгвістычны эксперымент: навуковец можа атрымаць пэўную характарыстыку адносінаў паміж намінатарам і рэцыпіентам, а таксама вызначыць, ці з’яўляецца, на думку рэцыпіента, назва твора мастацтва падыходзячай, якія асацыяцыі выклікае, на якія фактары абапіраўся б рэцыпіент пры выбары назвы, калі б быў на месцы намінатара.

Такім чынам, даследаванне артыонімаў з пазіцыі прагамалінгвістыкі ўяўляецца перспектыўным. Назвы, якія адносяцца да анамастычнай перыферыі, адрозніваюцца высокім прагматычным патэнцыялам, асабліва калі гаворка ідзе пра рэкламныя онімы. Аднак і для мастацтвазнаўчага дыскурсу ўвогуле, і назваў твораў выяўленчага мастацтва ў прыватнасці характэрна арыентацыя не толькі на рэалізацыю інфарматыўнай функцыі, якая заключаецца ў канстатацыі намаляванага на палатне з дапамогай моўных сродкаў. Артыонім пераважна трансліюе аўтарскую ідэю і павінен спрыяць паспяховай камунікацыі адрасата і адрасанта. Гэта становіцца магчымым дзякуючы выкарыстанню адпаведных сродкаў розных моўных узроўняў, а таксама іншых знакавых сістэм.

Паспяховасць камунікацыі залежыць ад асобы намінатара і рэцыпіента, падрыхтаванасці суб'екта да ўспрымання карціны і яе назвы, супадзення ўзроўню адукаванасці, фонавых ведаў і адпаведных уяўленняў аўтара намінацыі, таму неабходна шукаць магчымасці для вывучэння іх характарыстык, інтэнцый, а таксама ўмоў зносінаў.

Літаратура

1. Арутюнова, Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. – С. 389–390.

2. Дулова, Ю.В. Коммуникативная природа названий произведений живописи и графики / Ю.В. Дулова // Мова і культура. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019. – Вип. 22. – Т. I (196). – С. 337–342.

3. Дулова, Ю.В. Названия произведений живописи и графики: средства прагматизации / Ю.В. Дулова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / сост.: А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 282–285.

4. Дулова, Ю.В. Прецедентные имена как источник социокультурной информации (на материале артионимии Белорусского Поозерья) / Ю.В. Дулова // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2019. – № 2. – С. 84–87.

5. Крюкова, И.В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа / И.В. Крюкова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2011. – С. 139–142.

6. Чигридова, Н.Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Ю. Чигридова. – Ростов-на-Дону, 1999. – 225 с.

К.А. Зайцава

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: katsiarynazajcava@mail.ru

УДК 811.161.3'373.211.1 (476.5)

АДАПЕЛЯТЫЎНЫЯ АЙКОНІМЫ БЕШАНКОВІЧЧЫНЫ

Ключавыя словы: *тапонім, айконім, рэгіён, намінацыя, апелятыў, семантычная група, Бешанковіцкі раён, Беларускае Паазер'е.*

У артыкуле на фактычным матэрыяле разглядаюцца асаблівасці айканіміі Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці ў намінатыўным аспекце. Вызначаюцца асноўныя матывавальныя асновы, якія выкарыстоўваюцца ў працэсе намінацыі. Акрэсліваюцца найбольш частотныя семантычныя групы айконімаў, супастаўляюцца дадзеныя даследаванага рэгіёна з паказчыкамі па Віцебшчыне.

APPELLATIVE OIKONYMS OF THE BESHENKOVICHY DISTRICT

Key words: *toponym, oikonym, region, nomination, appellative, semantic group, Beshenkovichy district, Belarusian Poozerie.*

The article uses factual material to examine the features of the aikonymy of the Beshenkovichi district of the Vitebsk region in the nominative aspect. The main motivating bases used in nomination process are determined. The most frequent semantic groups of aikonyms are determined, the data of the studied region are compared with the indicators for the Vitebsk region.

Айконімы як адзін з самых пашыраных відаў тапонімаў актыўна ўжываюцца ў маўленні асобы і з'яўляюцца важным складнікам сучаснай моўнай карціны свету. Яны дапамагаюць арыентавацца ў прасторы, трансліруюць грамадска-палітычныя, гістарычныя падзеі, у сваіх назвах адлюстроўваюць асаблівасці светаўспрымання чалавека, рассялення, укладу жыцця. Шматаспектным даследаваннем айконімаў у сучаснай беларускай лінгвістыцы займаюцца Т.М. Аліферчык, Т.М. Багаедава, Н.А. Багамольнікава, Т.Ю. Васільева, У.М. Генкін, З.М. Заіка, І.Л. Капылоў, Л.В. Леванцэвіч, Г.М. Мезенка, Н.А. Радзіваноўская, З.У. Шведава, В.В. Шур, Н.Р. Якубук, С.А. Янушкевіч і інш.

Як слушна заўважае Н.А. Багамольнікава, “матывацыйныя асновы, словаўтваральныя спосабы, словаўтваральныя тыпы і мадэлі тапонімаў у розных рэгіёнах Беларусі не супадаюць. Кожны спосаб фарміруе ў залежнасці ад тэрыторыі пэўную колькасць структурна-граматычных і семантычных тыпаў. Таму ў апошні час вялікая ўвага стала надавацца рэгіянальнаму матэрыялу, які, спадзяёмся, яшчэ працяглы час будзе прадметам спецыяльных лінгвістычных даследаванняў, у тым ліку і айканімічных” [1, 7]. У дадзенай працы мы зрабілі спробу высветліць, якія семантычныя групы намінацый сельскіх аб'ектаў Бешанковіцкага раёна суадносяцца з айканіміяй Беларускага Паазер'я ў намінацыйным плане.

На тэрыторыі Бешанковіцкага раёна зафіксавана 243 назвы населеных пунктаў. Крыніцай фактычнага матэрыялу паслужыў нарматыўны даведнік “Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць” пад рэд. В.П. Лемцюговай. Зыходзячы з лексіка-семантычных асаблівасцей усе айконімы традыцыйна падзяляюцца на тры групы: айконімы апеляцыйнага паходжання, адантрапанімнага і адгідранімнага паходжання. У прыведзенай працы мы разгледзім групу айконімаў адапеляцыйнага паходжання. Асноўным крытэрыем размежавання ўтварэнняў з'яўляецца значэнне вытворнай асновы. Пры класіфікацыі айконімаў Бешанковіччыны па семантычным прынцыпу мы абапіраліся на класіфікацыю В.А. Жучкевіча ў працы “Общая топонимика”, дзе аўтар выдзяляе 8 тыпаў геаграфічных назваў [4]. Адапеляцыйныя айконімы Бешанковіцкага раёна ўяўляюць сабой шматлікую і разнапланавую з лексічнага боку групу. У залежнасці ад сэнсу ўтваральнай асноў, асаблівасцяў прыкмет апелятываў, ад якіх утварыліся тапонімы, мы раскласіфікавалі намінацыі на 8 асноўных семантычных груп.

Першую семантычную групу фарміруюць айконімы, у якіх формаўтваральныя асновы адлюстроўваюць **сувязь аб'екта з прыроднымі ўмовамі** (9%). Дадзеную групу фарміруюць айконімы, якія ўказваюць на найменні, звязаныя з

асаблівасцямі іх месцаразмяшчэння (15 адзінак): в. Буй, в. Высокая Гара, в. Верхняе Крывіна, в. Вярхоўе, в. Горкі, в. Двурэчча, в. Паніззе, в. Холм і інш.

У першую групу ўключаюцца назвы, якія характарызуюць аб'ект паводле сувязі з раслінным светам. “Наяўнасць на беларускай зямлі спрадвечу вялікага мноства лясоў, бароў і гаёў давала падставы нашым продкам вызначыць пераважную пароду дрэў, кустарнікаў і травяністых раслін, якая часта з'яўлялася адметнай асаблівасцю той ці іншай мясцовасці, мела немалаважнае значэнне ў штодзённым побыце, гаспадарчай дзейнасці, і ўтварыць ад яе назву свайго паселішча” [7, 9]. Айконімы, суадносна з апелятывамі расліннага свету, прадстаўлены наступнымі найменнямі (0,2%) – в. Асінаўка, в. Баркуны (ад баркун – расліна, сямейства бабовых), в. Дубішча, в. Дубкі, в. Луг, в. Сасняны, в. Хмельнік. Большасць жа тапаасноў на Бешанковіччыне, звязаных з раслінным і жывельным светам, паходзяць ад дахрысціянскіх імёнаў: в. Баброўшчына, в. Дразды, в. Сініцы, в. Шчукі і інш.

Адно з распаўсюджаных груп на даследаванай тэрыторыі фарміруюць айконімы, што адлюстроўваюць **нацыянальны склад пасяленцаў, іх сацыяльныя і прафесійныя якасці** (12 %): в. Латыгава, в. Латышы, в. Ліцвякі, в. Маскалёнкі, в. Немцава, в. Русілки. Цікавыя і па свайму саставу геаграфічныя назвы, асновы якіх матываваныя назвамі асоб па прафесіі. Назвы населеных пунктаў часцей за ўсё ўзніклі па назвах тых відаў дзейнасці, якімі займаліся людзі на дадзенай тэрыторыі. На тэрыторыі Бешанковіцкага раёна самымі распаўсюджанымі былі такія промыслы, як ганчарства і бортніцтва. У выніку з'явіліся наступныя назвы вёсак: в. Алейнікі, в. Ганчарова, в. Жарнасекава, в. Бортнікі-1, в. Бортнікі-2, в. Вадапоева, в. Вяжышча, в. Промыслы, в. Пушкары, в. Сватаўка.

Айконімы, утвораныя ад апелятываў, якія адлюстроўваюць назву тыпаў паселішча (7,4 %). Іх аснова матывавана апелятывамі ўсходнеславянскага і агульнаславянскага паходжання: горад, двор, дом, засценак, кут, слабада, сяло, хутар, што ў структуры кампазітаў выступаюць ў розным граматычным афармленні. На тэрыторыі Бешанковіцкага раёна распаўсюджаны наступныя назвы населеных пунктаў: в. Гародна, в. Гарадзец (у аснове намінацыі – слова горад), в. Гняздзілава (ад 'гназдзіца, сяліца'), в. Засценкі, в. Дворнікі, в. Куты. Назва паселішча паходзіць ад апелятыва кут. Куты ўспрымаліся, як 'беднае паселішча', раскіданае каля лесу ці логу. Кутнікамі ў XVI–XVIII стст. называлі збяднелых сялян, якія не мелі сваёй гаспадаркі, а жылі па кутах, у чужых людзей. Сюды ж мы аднеслі айконімы в. Малы Двор, в. Селішча ('сяліца'), в. Слабада, в. Слабодка, в. Старадворцы.

Аснова айконімаў Крывое Сяло, Наваселкі, Новае сяло матывавана апелятывам сяло, які першапачаткова абазначаў розныя тыпы паселішчаў. Дадзеная лексема ўзгадваецца ў летапісах ужо ў X ст. як 'княжацкі загарадны маёнтак з дваром і чэляддзю', у XV–XVI стст. семантыка слова змянілася на 'паселішча з феадальным дваром'. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы тлумачыць значэнне лексемы сяло як 'ралля' і звязвае з праславянскім дзеясловам *sědēti*. “На думку Куркінай, матывацыя дзеясловам *sědēti* першапачатковага *selo* 'ралля, поле' адбылася з пераходам да аседласці” [10, 147]. Сучаснае значэнне апелятыва сяло – 'вялікая вёска', у дарэвалюцыйнай Расіі – 'паселішча з царквой'.

Група айконімаў, звязаных з рэлігійнай лексікай прадстаўлена невялікай колькасцю адзінак: в. Вакрасенцы, в. Папоўшчына, в. Светагорава, в. Свяча. Агульная колькасць такіх найменняў – 2 % ад агульнай колькасці дадзеных намінацый па Віцебшчыне. Як заўважае В.А. Жучкевіч, у нашай краіне такіх назваў засталася няшмат. Асабліва многа іх сустракаецца ў краінах, дзе быў моцны ўплыў каталіцкай царквы: у Францыі, краінах Піранейскага паўвострава і

Лацінскай Амерыкі. Там з'яўляліся такія назвы, як Сан-Францыска (святы Францішак), Санта-фэ (святая вера), Лос-Анджэлес (горад анёлаў) і г.д. [5, 19].

Яшчэ адну семантычную групу ўтвараюць **айконімы, якія адлюстроўваюць колеравае светаўспрыманне**, і налічваюць 2,5 % ад агульнай колькасці айконімаадзінак: в. Белае, в. Руда, в. Рудыя, в. Сіняны, в. Чарнагосце, в. Чырвоныя Буднікі. Па словах А.В. Супяранскай, у старажытныя часы існавала свая сістэма колеравага абазначэння краін свету, зыходзячы з якой паўночныя аб'екты называліся чорнымі, паўднёвыя – чырвонымі, заходнія – белымі, а ўсходнія – блакітнымі [8, 51]. Спрабуючы суаднесці дадзеную тэорыю з даследаванай тэрыторыяй, можна прасачыць месцаразмяшчэнне аб'ектаў, адносна раённага цэнтра: в. Чырвоныя Буднікі знаходзіцца на поўдні, што адпавядае чырвонаму колеру, в. Сіняны – на ўсходзе (блакітны колер).

Група, якая змяшчае **намінацыі, звязаныя з абстрактнымі паняццямі, назвамі напрамкаў свету, рэчывамі**, налічвае 7 % ад агульнай колькасці айконімаў. Яна прадстаўлена наступнымі назвамі: в. Берасні, в. Жалезкі, в. Заходна, в. Зорнікі, в. Пясочная, в. Ржаўка, в. Руда.

Айконімы, што характарызуюць асаблівасці самога аб'екта (яго узрост, адрознівальныя рысы, стан і г.д.): в. Доўгае, в. Застарыне, в. Малы Двор, в. Прыгожае, в. Старадворцы, в. Стар (2 %).

Адну з частотных груп адапелятыўных айконімаў утвараюць **назвы, якія ўказваюць на лакалізацыю паселішчаў** (7 %). Дадзеныя намінацыі можна аднесці да назваў-арыенціраў, што апісваюць месцазнаходжанне аб'екта. Прыведзены спосаб намінацыі геаграфічных аб'ектаў дазваляе прасачыць спосабы асэнсавання прасторы чалавекам. Пры ўтварэнні такіх назваў выкарыстоўваюцца прыстаўкі за-, пры-, у-.

Айконімы з прыстаўкай за- ўказваюць на знаходжанне населенага пункта за іншым геаграфічным аб'ектам (балотам, возерам, борам, дарогай, лугам і г.д.). Семантыка такіх утварэнняў з'яўляецца даволі празрыстай: в. Забалотце, в. Забор'е, в. Задарожжа, в. Заграддзе, в. Залужжа, в. Замошша, в. Заполле, в. Заручэўе, в. Зарэчча. На тэрыторыі Віцебскай вобласці зафіксавана 83 айконімныя адзінкі, на Бешанковічыне – 15 адзінак, што складае 6 % ад агульнай колькасці намінацый.

Айконімаў з прыстаўкай пад-, якая ўказвае на размяшчэнне населенага пункта побач з іншым аб'ектам, на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна не зафіксавана.

Прыстаўкі пры-, у-/уз- у складзе геаграфічнай назвы мае значэнне лакалізацыі населенага пункта побач з адпаведным геаграфічным аб'ектам і на даследаванай тэрыторыі адлюстроўваецца ў айконімах: Прыдзвінне – пасяленне каля р. Заходняя Дзвіна, в. Узрэчча – месца каля ракі.

Заклучэнне. Аналізуючы намінатыўныя асаблівасці адапелятыўных айконімаў Бешанковіцкага раёна, можна зрабіць вывад, што ў прыярытэце іменавання геаграфічных назваў была арыентацыя на нацыянальны склад пасяленцаў, іх сацыяльныя і прафесійныя якасці (12 %), на сувязь аб'екта з прыроднымі умовамі (9 %), а таксама асаблівасці тыпаў паселішчаў, іх лакалізацыя (7 %).

Спіс скарачэнняў

в. – вёска, р. – рака.

Літаратура

1. Багамольнікава, Н.А. Адантрапанімічныя айканімічныя ўтварэнні / Н.А. Багамольнікава // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины* – 2009. – №1 (52). – С. 7–15.
2. Белорусская ономастика. Топонимия: учеб. пособие / А.М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Минск: Элайда, 2012. – 260 с.

3. Генкин, В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья: учеб.-метод. пособие / В.М. Генкин. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2009. – 115 с.
4. Жучкевич, В.А. Общая топонимика / В.А. Жучкевич. – Минск: Наука и техника, 1968. – 184 с.
5. Жучкевич, В.А. Чаму так названа / В.А. Жучкевич –Мн.: Народная асвета, 1969. – 119 с.
6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд. – М.: Наука, 1978. – 192 с.
7. Радзіваноўская, Н.А. Айконімы, суадносныя з назвамі расліннага свету: структура, утварэнне, пашырэнне: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Н.А. Радзіваноўская; Нац. акад. навук Беларусі. – Мн., 2003. – 22 с.
8. Суперанская, А.В. Что такое топонимика / А.В. Суперанская. – М., 1984. – 182 с.

Крыніцы

9. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.
10. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 13. С – Т / уклад. М.Я. Абрагімовіч [і інш.]; гал.рэд. Г.А. Цыхун. – Мінск: Беларус. Навука, 2010. – 351 с.

Л.А. Климкова
г. Арзамас, Россия
e-mail: dialekt_arz@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

ГОРОД В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИИ: ТИПИЧНОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ

Ключевые слова: *топоним, урбаноним, принцип номинации, сфера номинации, топонимическая модель, переименование, типология, динамика, системность.*

После преамбулы о важности географических названий в жизни общества, об их исторической роли, динамике автор сосредоточил внимание на урбанонимии одного среднерусского города (Арзамаса). На конкретном материале рассмотрены признаки урбанонимии в дихотомии: общее, типичное (принципы, сфера, модели номинации объектов, обусловленность разнообразными факторами – природными, социальными, идеологическими, этнолингвистическими и др., историзм) – видовое, частное, индивидуальное (отдельная урбанонимическая картина как система названий в конкретных условиях бытия, в динамике). Реализация общего в конкретных условиях создаёт своеобразие, колоритность комплекса внутригородских наименований.

L.A. Klimkova
Arzamas, Russia

CITY IN THE MIRROR OF TOPONYMY: TYPICALITY AND DISTINCTIVENESS

Keywords: *toponym, urbanonym, principle of nomination, sphere of nomination, toponymic model, renaming, typology.*

After a preamble stressing the importance of geographic names in the life of society, their historical role and dynamics, the author focuses on urbanonymy of a town in Central Russia (Arzamas). The characteristic features of urbanonymy are studied in dichotomy: the universal, typical (principles, sphere, models of nominating objects, dependence on different factors – natural, social, ideological, ethno-linguistic and others, as well as historical conditioning) – and the particular, specific, individual (particular urbanonymic

picture as a system of names in specific conditions of existence, over time). The realization of the universal features in specific conditions creates the distinctiveness and peculiarity of the complex of city place names.

Географические названия (топонимы) играют совершенно особую роль в жизни человека. Они помогают ему ориентироваться в пространстве и времени, являясь ярким показателем того и другого. В этом плане они – «зеркало нашей истории и нашей жизни».

Топонимы отражают этапы исторического развития края, страны в целом, расстановку социальных сил в стране, идеологию, непосредственно связаны с политикой. Каждый класс, приходя к власти, стремится закрепить, увековечить себя, свое время в том числе и в наименованиях различных объектов, географических мест. Это происходит именно потому, что топонимы способны пронести память о чем-то или о ком-то через века, через многие поколения, донести ее до отдаленных потомков. Неслучайно в разных регионах мира время от времени происходит борьба с топонимами – названиями городов, улиц и т.д. (как и со скульптурными памятниками). Смена слоя наименований свидетельствует, как правило, о смене власти и, напротив, соответственно – смена власти сопровождается сменой наименований. Одно из проявлений этого процесса в нашей стране развернулось, прошло, можно сказать, на наших глазах, в последние десятилетия XX века. Тогда в центре внимания топонимистов, историков, политиков определенного толка оказались вопросы наименования и переименования географических объектов. Им были посвящены Всесоюзные научно-практические конференции в Москве, организованные по линии Советского фонда культуры, – «Исторические наименования – памятники культуры» (апрель 1989 г. и июнь 1991 г.), а также региональные в целом ряде городов, в том числе научно-практическая конференция в бывшем Горьком – «Исторические наименования – память народа» (май 1990 г.), на которой обсуждался, в частности, вопрос о возвращении городу прежнего названия – Нижний Новгород. В 1989-1992 гг. был всплеск кампании восстановления бывших когда-то названий.

В результате деятельности Совета топонимии Советского фонда культуры под председательством доктора филологических наук профессора В.П. Нерознака были возвращены названия целому ряду городов бывшего Советского Союза: *Бишкек, Владикавказ, Нижний Новгород, Тверь, Луганск, Самара, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Сергиев Посад* и др., а также улиц Москвы, Санкт-Петербурга, других городов. Среди наименований внутригородских объектов (урбанонимов) совершенно своеобразны названия улиц. Их историю, как, впрочем, и историю всей топонимии, представляют часто как смену отражения: 1) физико-географических особенностей местности (типа арзамасских единиц: улицы *Полевая, Лесная, Луговая*); 2) признаков самих объектов (типа: улицы *Солнечная, Зелёная*, переулки *Узкий, Тихий*); 3) отношений принадлежности. Последний из принципов номинации был связан в свое время с усилением частного, помещичьего землевладения. Он сохранял свою действенность вплоть до Октябрьской революции и оставил значительный след в названиях населенных пунктов по фамилиям, именам бывших владельцев поместий (например, села *Мерлино, Мотовилово, Замятино, Водоватово, Саблуково, Виняево* и мн. др.), а также в названиях мелких объектов – полей, лесов, лугов, оврагов, прудов и т. д. В русле данного принципа появилась тенденция, а затем закономерность отражения принадлежности церкви, монастырям, которая активизировалась по мере усиления влияния церкви. Появились много-

численные названия культового, религиозного содержания: сел по соответствующим приходам, улиц по близрасположенным церквам, монастырям, например: села *Воскресенское, Знаменское, Ильинское, Богоявление* и мн. др.; улицы *Рождественская, Алексеевская, Ильинская* и др. На базе этого же принципа развилась тенденция, закономерность создания мемориальных названий, названий-посвящений, данных в честь кого-то (святого покровителя, царя, героя и т.д.) В результате ее действия на карте нашей страны в разное время появились названия типа *Санкт-Петербург, Екатеринбург, Екатеринодар, Николаевск, канал Романовский* и др., многочисленные названия сел и деревень. Мемориальными являются названия, например, населенных пунктов, улиц, данные в честь основателя, первопоселенца, благодетеля (мемориальность, так сказать, регионального, местного масштаба).

Так постепенно принцип отражения отношений принадлежности трансформировался: значение принадлежности уступило место значению любого другого отношения к лицу, основанного на любой другой связи человека с географическим объектом (родился, жил, прославился, погиб и др.). В советское время были расширены рамки мемориальности: название давалось в честь человека, знаменитого, известного не только в данной местности, но и в масштабах всей страны и даже всего мира, – писателя, художника, ученого, героя, государственного деятеля. Кроме того, тенденция к мемориальности названий захватила уже названные объекты, что привело к переименованию, волны которого неоднократно прокатывались по стране. При этом создавались топонимы-посвящения не только конкретным лицам, государственным деятелям, но и лицам в обобщенном понимании, а также различным явлениям, понятиям идеологического характера, знаменательным датам (например, п.п. *Путь Ленина, Возрождение, Идеал, Большевик, Коммунар*, улицы *Коммунистов, Советская, Свободы, Революции, 9-го Мая, Победы* и др.). Именно в советское время родилась и закрепилась стандартная топонимическая модель городов нашей страны, в центре которой находились (находятся) названия, связанные с именем вождя революции и его соратников, а также с понятиями идеологического характера. Родился и новый тип имен – с формой родительного падежа фамилии (улицы *Ленина, Калинина, Кирова* и др.).

Совокупность всех топонимов местности, относящихся к разным историческим эпохам, отражает историю края и страны в целом [ср.: 4, 119–123]. Не исключение из этого и топонимия нашего города, Арзамаса, представляющая собой своеобразную систему. Она делится, прежде всего, на официальную и неофициальную. Неофициальные названия живут в устной речи жителей города, в повседневном общении и в официальных письменных источниках не используются. Это, например: *Комбул* (Комсомольский бульвар), *Кольцуха* (улица Кольцова), *Верх, Низ* (части города), *Тракторный* (магазин), *Смех и слезы, Печали и радости* (спуск у собора), *Долина смерти* (спуск у оврага), *Сопливая горка, Вишневый пруд* и др. Официальная топонимия представлена названиями улиц, переулков, площадей, фиксируемыми в документах городского масштаба, а также в почтовых отправлениях. Именно в этой области наблюдается внешнее, административное воздействие, регулирующее наименование и переименование, прежде всего через отражение социального фактора – желания увековечить память о важнейших страницах истории страны, о выдающихся людях Отечества, в XX века – о деятелях международного рабочего и коммунистического движения, представителях науки и культуры.

В нашей урбанонимии сохранились лишь отдельные, немногие старые названия, насчитывающие века своей жизни. Это, прежде всего, название самого

города – *Арзамас* (рубеж I–II тысячелетия н.э.) [см.: 3, 17–21], водных источников – реки *Теша*, *Акша* (III в. до н.э.), *Шамка*, пруд *Рамзай* [см., например: 6, 87–89, 108]. Эти имена свидетельствуют о проживании некогда в нашем крае нерусских племен и народов – угро-финских (мордвы, в частности, эрзи) и тюркских, о контактах с ними русских, заселявших этот край. В разговорной речи (особенно жителей старшего поколения) употребительно название рынка – *Мытный*. Оно было образовано некогда на базе словосочетания *Мытный двор* – «место для взимания торговых пошлин и заключения сделок», а также – «торговые ряды» [см.: 2, 24]. В основе названия *Мытный* – корень слов *мыт*, *мыто* – «пошлина за проезд в заставу, через мост или за провоз товара, припасов; вообще пошлина за товары» [см.: 1, II]. В основе адъектива в возвращенном названии улицы *Гостиный ряд* заключен корень слова *гость*, восходящего к эпохе индоевропейского языкового единства, в первоначальном значении «приезжий купец».

Безусловную историческую ценность имеют такие изъятые из обращения единицы, как: улицы *Прогонная* – отражение той страницы в биографии города, когда он был крупным экономическим центром в Нижегородском крае (по ней прогоняли стада на Нижегородскую ярмарку); *Стрелецкая* – как свидетель того времени, когда город был пограничной крепостью на юго-восточной границе Русского государства (с войсками, стрельцами); *Бутырская слобода* (*Бутырки*) – в основе названия лежит старое слово *бутырки* – «изба, селитьба, отделенная от общего поселения, дом на отшибе, особняком» [1, I], название говорит о характере застройки города, о направлении расширения его территории.

Одна из страниц истории края и города – крещение народов, населявших территорию Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья. Распространение, укрепление в феодальной Руси христианства как государственной религии сопровождалось интенсивным строительством храмов, церквей, часовен, в г. Арзамасе – с XVI века. Время наиболее интенсивного возведения культовых построек в Арзамасе – XVIII и XIX века. В конце XIX века в Арзамасе было уже 36 церквей (вместе с монастырскими) и 6 монастырей [см., в частности: 5]. Множество культовых сооружений придавало городу неповторимый облик: «...куда ни взглянешь – повсюду такое обилие золочёных куполов, что, казалось, этот город был вышит в золотошвейной мастерской руками искусных женщин» (К. Паустовский). Данный факт обусловил активность создания и употребления в городской языковой картине мира названий культовых сооружений – экклезионимов. Образовались они от имен святых (агионимов) или от великих православных праздников. При этом полное многокомпонентное официальное название храма в обиходной речи горожан заменялось более коротким. Например: кафедральный собор в честь Воскресения Христова (1814–1842 гг.) – *Воскресенский собор*; церковь Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова (1675 г.) – *Богословская*; церковь Сошествия Святого Духа (1768 г.) – *Духовская*; церковь иконы Божьей Матери «Живоносный Источник» (1794 г.) – *Живоносного Источника*, *Живоносная*; а также др. Экклезионимы дали жизнь названиям других городских объектов: *улица Рождественская*, *Софийский переулок*, *Троицкая площадь*, *Всехсвятское кладбище* и др.

Многие прежние названия улиц и других объектов в нашем городе были образованы также от фамилий купцов, заводчиков, посадских людей, творивших добрые дела [см. об этом: 7].

В основном же топонимия города молодая. Так, названия улиц входят в ту стандартную топонимическую модель, о которой говорилось выше: проспект *Ленина*, улицы *Ленина*, *Карла Маркса*, *Кирова*, *Калинина*, *Свободы*, *Революции*, *50 лет*

ВЛКСМ, 1-го Мая, Победы, переулок Стахановский; здесь же названия-посвящения предводителям крестьянских восстаний: улицы *Пугачёва, Разина, Болотникова*; писателям, поэтам, художникам, композиторам, ученым, героям войны, покорителям космоса: улицы *Лермонтова, Белинского, Грибоедова, Достоевского*, улицы *Репина, Чайковского, Мичурина, Матросова, Титова*, площадь *Гагарина* и др.

Безусловно, оправданны названия, данные в честь знаменитых людей, имеющих то или иное непосредственное отношение к нашему городу: живших, бывавших в нем, проезжавших через него, – улицы *Гайдара, Горького, Пушкина, Короленко, Л. Толстого*. В основе этой модели названия, присвоенные улицам в честь знаменитых, отличившихся земляков: улицы *Ступина* – факт основания в Арзамасе первой в России художественной школы достоин памяти потомков; *Вахтерова* – в честь учёного, педагога; улицы *Владимирского, Березина* – в честь видных партийных и государственных деятелей; улицы *Гоппиус, Шер* – в честь большевиков, организаторов советской власти в Арзамасе и Арзамасском уезде; *улица Куликова, переулок Новикова* – в честь героев Великой Отечественной войны; *улица Угодникова* – в честь милиционера, геройски погибшего на своем посту; *улица Пландина* – в честь первого директора приборостроительного завода. Именно такие единицы создают местный колорит топонимической системы города. Характерен для нашего города блок названий, связанных с псевдонимом писателя Гайдара, проведшего здесь часть своего детства и отрочество, его именем назван ряд объектов: *улица, парк, пруды, детская библиотека, школа, до недавнего времени – педагогический институт, недавно же был еще Дворец пионеров.*

«Блоковость», наличие ансамблей названий, – типичное явление в урбанонимии любого города. Для арзамасской, кроме названных выше мемориальных блоков, характерны нумеративные блоки: улицы *1-я, 2-я, 3-я Вокзальная, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я линия, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 6-я, 7-я Магистральная* и др.; «растительные» блоки: улицы *Садовая, Парковая, Вишневая, Лесная*; блок номинант по городам: *Казанская, Ленинградская, Московская, Одесская, Севастопольская, Симбирская* и др.; по тем или иным объектам: улицы *Станционная, Овражная, Складская, Школьный переулок* и др.; по расположению, направлению: улицы *Береговая, Загородная, Нагорная, Заклубная, Заводская, Северная* и др.; по собственным признакам: улицы *Солнечная, Малая, Новая*, переулки *Тихий, Узкий* и др. Характерны объединения одноименных единиц: *улица Тургенева* и *1-й, 2-й, 3-й, 4-й переулок Тургенева*; *улица Чехова* и *переулок Чехова, Чеховский проезд*; а также др. Все это свидетельствует о системности арзамасской урбанонимии.

Многие современные названия улиц города, в том числе и мемориальные, появились как результат замены прежних. Волны переименования их прокатились в 1918 году – были заменены все культовые и «купеческие» названия; в 30-е годы, 50-70-е, 90-е. Например: была *улица Рождественская* – теперь *улица Ленина*; соответственно: *Прогонная* – *Советская*, *Стрелецкая* – *1 Мая*, *Софийский переулок* – *улица Революции*, *Духовская* – *Малая*, *Алексеевская* – *Свободы*, *Ореховская* – *Красной милиции*, *Сальникова* – *Карла Маркса*, *Голодаевская* – *Пролетарская* и т.д. Некоторые улицы переименовывались не один раз: *Новая* – *Краснолубная* – *Кирова* (1934), *Новоспасская* – *Федеративная* – *Ступина* (1956), *Большеказарменный переулок* – *3-я Трудовая улица* – *улица Куликова* (1958), *Скоблинская* – *Заводская* – *Угодникова* (1963), *Рамзайская* – *Полевая* – *Гоппиус* (1965), *улица Куриная* – *Цыбышева* – *Глухая* – *Пушкина* (1930), *порядок Кирилловский* – *Социальный* – *улица 50 лет ВЛКСМ, Троицкая площадь* – *Гражданская* – *Гагарина* (1961), *Ильинская улица* – *Троцкого* – *Рыкова* – *Ворошилова* (1937) – *Космонавтов* (1962), *Всехсвятская роща*

– Березовая роща – парк имени Гайдара, а также: Попов переулок – Демократический переулок – улица Владимирского, Гостиный ряд – Милиционная улица – Кооперативная – снова Гостиный ряд, Никольский монастырь – Комсомольский городок – снова Никольский монастырь, Соборная площадь – Красная – Ленина – снова Соборная.

Некоторые из приведенных рядов наименований свидетельствуют, в частности, о ненадежности и потому нецелесообразности ориентации при присвоении названий на отдельные личности, значимость деяний которых не проверена временем, не оценена потомками отдаленных поколений; они свидетельствуют о перипетиях политической борьбы, борьбы за власть, об изменчивости оценок явлений, личностей, иногда отражают чьи-то субъективные представления и предпочтения (ср. из недавних: улицы *Талькова*, *В. Цоя*). Академик Д.С. Лихачев в свое время предложил, и это зафиксировано в документе, подготовленном Советом по топонимии Советского Фонда культуры, производить увековечивание памяти деятеля государства, науки, культуры лишь по истечении 15–20 лет со времени его кончины. В целом же следует избегать создания новых мемориальных топонимов. Несомненно, при этом нужно учитывать масштаб личности, её роль в отечественной истории, культуре. Следует сделать акцент и на нежелательности переименования, поскольку это всегда насилие над сложившейся топонимической системой и её пользователями.

Таким образом, получается, что Арзамас, старинный русский город, насчитывающий более четырехсот лет жизни, имеет в сущности молодую топонимию, отразившую в основном самые последние страницы в его биографии. Объективно это объясняется также интенсивным ростом города именно в XX веке. Так, если в конце XIX века в нём было немногим более 20 улиц, то в конце XX века, через сто лет, – более 200.

Здесь рассмотрены в основном названия линейных объектов в арзамасской урбанонимии. Однако в ней есть и иные тематические группы единиц – эргонимы, эмпоронимы и др., значительная часть их представляет собой продукт новейшего времени, являясь более подвижной, изменчивой, и тем самым – предмет особого разговора.

Таким образом, при всей общности принципов, закономерностей становления и развития топонимической картины мира, наличия общего фонда единиц каждая подсистема в ней является своеобразной.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV / В.И. Даль. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
2. Каптерев, Л.М. Нижегородское Поволжье X–XVI веков / Л.М. Каптерев. – Горький: ОГИЗ, 1939. – 183 с.
3. Климова, Л.А. Арзамас / Л.А. Климова // Русская ономастика и ономастика России / под ред. О.Н. Трубочёва. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 17–21.
4. Мезенко, А.М. Современный провинциальный урбанонимикон как реализатор кодов культуры / А.М. Мезенко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 2 ч. / Урал. ун-т; редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург. – Ч. 1. – С. 119–123.
5. Петряшин, А.С. Арзамасские монастыри. История, архитектура, хозяйственная деятельность XVI–XX / А.С. Петряшин. – Арзамас: АГПИ, 2010. – 215 с.
6. Русинов, Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики / Н.Д. Русинов. – Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. – 202 с.
7. Щегольков, Н. Исторические сведения о городе Арзамасе / Н. Щегольков. – Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911. – 281 с.

О.А. Климкович
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: olga-klimkovich@mail.ru

УДК 811.161.1'373.231:930"1533/1540"(476.5)

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ
В ДОКУМЕНТАХ ИЗ «СУДЕБНОЙ КНИГИ ВИТЕБСКОГО ВОЕВОДЫ М.В. КЛОЧКО.
1533–1540 ГГ.»**

Ключевые слова: *деловой текст, акт, именование, собственное имя, антропоним, структура имени.*

В статье рассматриваются закономерности употребления именовании лиц в витебских документах середины XVI в.

V.A. Klimkovich
Vitebsk State University named after P.M. Masherov

**REGULARITIES OF THE USE OF NAMES OF PERSONS
IN DOCUMENTS FROM THE «JUDICIAL BOOK OF THE VITEBSK
VOIVODE M.V. KLOCHKO. 1533–1540»**

Key words: *business text, act, naming, proper name, anthroponym, name structure.*

The article considers the patterns of the use of names of persons in Vitebsk documents of the mid-XVI centuries.

Характеристика антропонимической системы деловой письменности донационального периода представляет собой важное направление современных лингвистических исследований. Во-первых, потому что в антропонимике отражается языковая картина мира определенного этноса. Как указывает И.А. Кюршунова, «антропонимическая система определенной территории в конкретное историческое время может служить значимым элементом в познании языка, культуры народа, населяющего данный регион» [5, 4]. Во-вторых, потому что изучение именовании различных лиц проводится на современном этапе в рамках актуального функционально-стилистического подхода, при котором имя рассматривается в связи с его употреблением в определенном жанре текстов, относящихся к разным типам письменности. Важность такого подхода подчеркивается в работах А.М. Невониной [7], Ю.И. Чайкиной [13], С.Н. Смольникова [10] и др. Многочисленны исследования антропонимов в отдельных памятниках старорусской письменности (Т.Ф. Кузенная [4], Л.В. Окунева [6], Н.В. Чугаев [14], О.Е. Афанасьева [1], М.Г. Рыгалина [9], Л.М. Городилова [3], Н.Н. Парфёнова [8]). Антропонимическая система старобелорусских деловых документов является предметом изучения в работах А.К. Устинович [12], Т.Г. Трофимович [11], Л.М. Вардомацкого [2] и др.

Цель представленной статьи – рассмотреть особенности структурных типов и функционирования именовании официальных и частных лиц в деловых письменных памятниках, включенных в перечень документов «Судебной книги витебского воеводы М.В. Клочко. 1533–1540». Актуальность такой работы определяется важностью именовании субъектов деловой коммуникации как одного из стилиобразующих элементов документов определенного жанра. Специфика употребления антропони-

мов отражает историю становления официальных имен в деловом языке, таким образом показывая нам, как происходило формирование особенностей этого стиля.

Материалом для исследования стал 721 случай употребления антропонимических единиц, извлеченных методом сплошной выборки из 50 документов, написанных непосредственно в самом Витебске. Среди этих документов приговоры и решения судов, записи приговоров, решений судов, записи о компенсации ущерба, о возвращении документов, записи речей бобровнического, жалоб, заявлений, о разделе древесного угля, об установлении срока суда, листы витебского воеводы М.В. Ключко. К этим документам в полной мере можно отнести высказывание Т.Г. Трофимович об актовых книгах городских магистратов, которая указывает, что их датированность, большое количество, четкое определение места создания «в сочетании с высокой насыщенностью актовых записей антропонимами создает прекрасные условия для выяснения особенностей состава антропонимов различных белорусских территорий, получения выводов о характере старобелорусского антропонимикона вообще, о закономерностях и направлениях его эволюции, о происхождении и миграции различных фамилий и т.д.» [11, 146].

В состав рассмотренных антропонимов входят мужские имена (655 случаев употребления) и женские имена (66 случаев употребления). Диспропорциональное соотношение мужских и женских имен обусловлено социальными факторами: как правило, все жалобы были поданы от имени мужчин, они же выступали в качестве свидетелей. Женщины могли быть субъектами судебных разбирательств (*Што жаловалъ перед нами и позвы нашыми позывалъ городничьи и хоружьи витебьскии Роман Гарасимовичъ ... на сестру свою Чаплиную Ганъну...* (СК, № 22, с. 79), однако чаще их имена встречаются либо при упоминании жены субъекта судебного процесса (*тогда жона твоее м(и)л(о)сти кнегини Анъна* (СК, № 8, с. 65)), либо при упоминании умерших родственников (*небощица Вртюшковая на имя Богдана, сестричьна ихъ* (СК, № 13, с. 70)), либо при характеристике социального статуса мужчины (*и ж наместъникъ пани Федковою Будовестъское на имя Еско* (СК, № 18, с. 75)).

Среди мужских имен отмечены однословные (321 случаев употребления), двухсловные (299 случаев употребления) и трехсловные единицы (35 случаев употребления).

1. Однословные мужские антропонимы представлены

а) именами: *Богуш, Лукъян, Лукаш, Иван, Тишка, Кузма, Ян, Василец, Костя, Жданъ, Федор, Роман, Миколай, Конон, Анъдреи, Яков, Ленарт, Авъкгушътынъ, Прокопъ, Влферъ, Ходор, Тишъка, Юшъка, Васко, Санько, Сенько: И Ходор к тымъ пене-зем ся зналъ* (СК, № 7, с. 64).

б) прозвищами и фамилиями: *Красавец, Пилецкии, Трубицкии, Янушевскии, Встровъскии, Втрошковичи: И Пилецкии ставилъ шапку w тотъ рокъ* (СК, № 5, с. 63).

В документах отражаются следующие особенности употребления однословных антропонимов: 1) использование однословной модели как при первом упоминании лица (обычно это фамилия или прозвище), так и при повторном упоминании уже названного человека: *Жаловалъ намъ бояринъ г(о)с(по)д(а)ръскии Витебъского повету Ленартъ Точицькии на ловъчого пана его м(и)л(о)сти Встровъского ... А такъ, кгда тотъ рокъ пришол, Ленартъ ку праву ся становилъ ...* (СК, № 3, с. 60–61); 2) употребление однословного именованья вместо двухсловного с изменением формы: *на мещанина витебъского Конона Никифоровича ... И икифор того зятя своего ...* (№ 4, с. 61); 3) упоминание фамилии / прозвища при первом указании на бояр, жибентяев, ловчих, имени – при указании на бояр, дворян, наместников, неводничьих ('старших над рыбаками' (ГСБМ, 9, с. 28)), слуг, зави-

симых людей; 4) обобщенное указание с помощью фамилии на группу людей: *И тыи Утрошковичи поведили, иж они его не били* (СК, № 6, с. 63); 5) прослеживаются тенденции употребления лексем *пан*, *имя* вместе с однословными антропонимами: лексема *имя* при упоминании зависимого человека, лексема *пан* при упоминании лица с высоким социальным статусом: *чоловека моего на имя Янка* (СК, № 3, с. 60), *которыи человекъ на имя Иванъ* (СК, № 12, с. 69), *служебъникъ на имя Фик* (№ 59, с. 120), *шт пана Сопеги* (СК, № 15, с. 72), *перед намесником витебъскимъ паномъ Климомъ* (СК, № 64, с. 127).

2. Двухсловные мужские антропонимы распространены в такой же степени, как и однословные. Среди них установлено 7 подгрупп:

а) имя + отчество / фамилия на -ович / -евич: *Богуш Васильевич, Яковъ Улехнович, Конон Никифорович, Михаил Юревич, Дмитр Жомоитинович, Роман Гарасимович, Ждан Янушкевич, Ивашко Яковлевич, Матей Войтехович, Михаило Семенович, Хветко Лвович, Андрей Иванович, Ленко Борысович* и др.;

б) имя + фамилия на -ич, -инич / -ынич: *Иван Кузминич, Сенко Микулич, Михаил Кузмынич, Петр Головнинич, Богдан Коптевич, Иван Крупенич, Васка Збоевич, Мартин Глицынич*;

в) имя + фамилия в форме притяжательных прилагательных на -ов / -ев: *Тишка Селезнев, Михаило Куреишов, Иванъка Федоров, Гриша Ленков*;

г) имя + фамилия в форме притяжательных прилагательных на -ин: *Конон Лучинин, Иван Сопежынин*;

д) имя + фамилия на -кии / -скии: *Ленарт Точицкии, Федор Соломирецкии, Федор Жославскии, Ирик Рокитницкии*;

е) имя + прозвище: *Глеб Шапка, Яков Голуб, Иван Дидерка, Васко Дюнда, Улехно Толонко, Михаило Медвед, Яков Перевалка, Матфеи Молоден, Иван Зелепуга, Павел Воротинец, Иван Салчеи, Тишко Ерш, Степан Матля, Улешка Торъсоша*.

3. Трехсловные мужские антропонимы строятся по модели имя + отчество + фамилия / прозвище. Их количество значительно меньше по сравнению с однословными или двухсловными антропонимами. *Ивашко Кузминич Пилецкии, Иван Богданович Сопега, Матей Воитеховичъ Яновича, Дмитрея Романовича Сенского, Иван Григорьевич Крупенич*.

В двухсловных и трехсловных именовании фиксируется 1) употребление лексем *сын*: *Кузма Миклашов сын* (СК, № 20, с. 77), *Иванъ Саковъ сынъ Шока, Иванъ Саковъ сын* (СК, № 25, с. 82), *чоловека его Богдана Лукъянова сына* (СК, № 26, с. 83), *Матъфея Санькова сына Риболовича* (СК, № 58, с. 119), *на човека г(о)с(по)д(а)ръского витебъского ж на имя Мартина Чернъцова сына Утрошкова* (СК, № 60, с. 121), *Семенъ Васильевъ сынъ Тупичаных* (СК, № 66, с. 129); 2) трехсловные антропонимы используются и при именовании высших должностных лиц ВКЛ *паномъ воеводою его м(и)л(о)стью витебъскимъ пана Матей его м(и)л(о)сти Воитеховичъ Яновича* (СК, № 11, с. 69), и при именовании людей самых разных сословий, среди которых бояре, мещане, наместники, служебники и др.: *боярынъ г(о)с(по)д(а)ръскии Витебъского повету Ивашко Кузминич Пилецъкии* (СК, № 4, с. 61), *воитъ витебъскии Иван Григоревичъ Крупеничъ* (СК, № 62, с. 124), *чоловекъ г(о)с(по)д(а)ръскии витебскии з Высокого Макъсимъ Климятичъ Судъиныхъ* (СК, № 67, с. 131), *на рыболова г(о)с(по)д(а)ръского Матъфея Санькова сына Риболовича* (СК, № 58, с. 119). Такое употребление трехсловных антропонимов может говорить о том, что уже в первой половине XVI века в витебских текстах формируется и активно используется в деловой письменности современная трехчленная модель, характерная для всех официальных документов.

Среди женских имен отмечены однословные (46), двухсловные (13), трехсловные (5) и четырехсловные (2) антропонимы.

Однословные женские антропонимы – это, как правило, имена (*Анна / Ганна, Вася, Влена, Хоня, Маня*). В одном документе фиксируются варианты имени жоне *своеи Ганъне / жоне своеи Анъне* (СК, № 73, с. 139–140). Кроме имени использовались антропонимы, указывающие на мужчину ли место проживания женщины: *Влександоровая, Чаплиная, Михаилова Жилинская, Багриновская*.

Двухсловные модели включали в себя имя женщины и указания на мужчину или место проживания: *небощица Вртюшковая на имя Богдана* (СК, № 13, с. 70), *на сестру свою Чаплиную Ганъну* (СК, № 22, с. 79), *на дочьку ее Влену Молоденовую* (СК, № 29, с. 86).

Трехсловные модели содержат имя, указание на мужчину и место проживания: *боярини г(о)с(по)д(а)ръская повету Витебъского Поддубеиска Ждановая Ганъна* (СК, № 65, с. 128), *на боярокъ г(о)с(по)д(а)ръских повету Витебъского: на Михаилову Куреишовую Богдану ...* (СК, № 29, с. 86).

Единичны четырехсловные и пятисловные модели: *на подданую пана Бобоедову глазомицкую Анъну Семенову жону Тупичыныхъ* (СК, № 66, с. 129), *кнегини Василевои Семеновичъ Жилинъское – Ганъны Борисовъны* (СК, № 23, с. 80).

Функционирование различных структурных типов рассмотренных антропонимов в текстах исследованных документов подчиняется общим тенденциям использования имен в деловых документах: 1) двухсловные и трехсловные модели антропонимов типичны для смысловых блоков в начале и в конце текста, где содержится информация об обращении в земский суд и о свидетелях; 2) имя обычно не употребляется изолированно, чаще всего оно используется вместе с различными определениями, содержащими указание на социальный статус человека, его родственные отношения (отмечены лексемы *воевода, боярин, воит, ключник, мещанин, хоружии, наместник, подскарбий, поп, куничник, пан, конюший, человек, брат, сын, жона и др.*), отдельная лексема *небожчик / небожчица* для именованного умершего человек: *жаловали нам мещане г(о)с(по)д(а)ръскии витебъскии Влътушко Черничынъ а Иванъ Химинокъ* (СК, № 63, с. 125); *з небожчикомъ Жданомъ* (СК, № 9, с. 67); 3) при повторяющихся в тексте именах может использоваться указательное местоимение *тот* в различных формах: *тотъ Иванъ* (СК, № 2, с. 59), *того зятя своего Анъдреика* (СК, № 4, с. 61), *тотъ Юшко* (СК, № 14, с. 72), которое используется для организации внутренних связей.

Таким образом, в использовании антропонимов в рассмотренных документах проявляются следующие особенности: 1) превалирование случаев упоминания имен, отчеств, фамилий и прозвищ мужчин над случаями, в которых упоминаются имена женщин; 2) примерно равное в количественном отношении употребление однословных и двухсловных антропонимов при именовании мужчин; 3) тенденция употребления лексемы *имя* при упоминании слуг, зависимых людей; 4) использование имени в сочетании с определениями, указывающими на социальный статус, степень родственных отношений.

Литература

1. Афанасьева, О.Е. Имена собственные в деловых документах Поонежья в XVI–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Е. Афанасьева; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2010. – 22 с.

2. Вардомацкий, Л.М. Антропонимия деловых документов Витебска конца XVI – начала XVII в. как инструмент для исторического социолингвистического исследования региона [Электронный ресурс]. / Л.М. Вардомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник

научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Т. 25. – С. 31–35. – Режим доступа: <https://ger.vsu.by/handle/123456789/14494>. – Дата доступа: 03.02.2023.

3. Городилова, Л.М. Структурные типы русских антропонимов в деловой письменности Приенисейской Сибири [Электронный ресурс]. / Л.М. Городилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: – Грамота, 2013. – № 6 (24): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 62–65. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/15.html. – Дата доступа: 02.02.2023.

4. Кузенная, Т.Ф. Типологические особенности антропонимикона разножанровых памятников древнерусской письменности [Электронный ресурс] / Т.Ф. Кузенная // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-osobennosti-antropnimikona-raznozhanrovyyh-pamyatnikov-drevnerusskoy-pismennosti>. – Дата доступа: 02.02.2023.

5. Кюршунова, И.А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: автореф. дис. ... докт. филол. наук. / И.А. Кюршунова; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2017. – 49 с.

6. Окунева, Л.В. Использование антропонимов в разных жанрах деловых документов XVI века / Л.В. Окунева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 2. – С. 63–69.

7. Неволлина, А.М. История антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.М. Неволлина; Вологодский госуд. пед. ун-т. – Вологда, 2011. – 22 с.

8. Парфёнова, Н.Н. Структурно-словообразовательный аспект исторической антропонимии в русской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Н.Н. Парфёнова // Вестник НВГУ. – 2013. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-slovoobrazovatelnyy-aspekt-istoricheskoy-antropnimii-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira>. – Дата доступа: 02.02.2023.

9. Рыгалина, М.Г. Лингвокультурологическое исследование русских фамилий конца XVIII в. (на материале официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Г. Рыгалина; Кемеровский госуд. ун-т. – Кемерово, 2013. – 27 с.

10. Смольников, С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики: (на материале деловой письменности Русского Севера XVI – XVII веков): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / С.Н. Смольников; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2005. – 40 с.

11. Трофимович, Т.Г. Актовые книги городских магистратов среди источников по истории белорусского языка [Электронный ресурс]. / Т.Г. Трофимович // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння; зборнік навуковых артыкулаў [па матэрыялах канферэнцыі]. – С. 145–148. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/50730>. – Дата доступа: 04.02.2023.

12. Усціновіч, Г.К. Антрапанімія Гродзеншчыны і Брэстчыны: XVI – XVIII стст. / Г.К. Усціновіч – Мінск, 1975. – 152 с.

13. Чайкина, Ю. И. Именования жителей Великого Устюга в деловых документах разных типов второй половины XVII в. [Электронный ресурс] / Ю.И. Чайкина. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/folk/data/imenovanie.pdf>. – Дата доступа: 03.02.2023.

14. Чугаев, Н.В. Николай Валентинович «Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году» как источник изучения русского языка XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Чугаев; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2019. – 24 с.

Источники

СК – Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судебных дел № 9) / [публ. подгот. В.А. Воронин, А.И. Груша, И.П. Старостина, А.Л. Хорошкевич; отв. ред. А.Л. Хорошкевич, Г.Я. Голенченко]; Ин-т славяноведения РАН; Ин-т истории НАН Беларуси; Белорусский гос. ун-т; РГАДА. – М.: Наука, 2008. – 525 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982 – 2017. – 37 вып.

УДК 808.2

ПОПУЛЯРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Ключевые слова: *ономастика, антропонимика, фамилия, генеалогия, популярный аспект.*

В статье рассматривается описание фамилии в русле генеалогических исследований. Обращается внимание на усиление интереса носителей фамилий к их осмыслению. Даются образцы подачи языковой и внеязыковой информации, содержащейся в основах семейных именовании, в популярном изложении.

I.A. Koroleva
Smolensk State University

A POPULAR ASPECT OF STUDYING RUSSIAN SURNAMES

Key words: *onomastics, anthroponyms, surname, genealogy, popular aspect.*

The article discusses the description of the surname in line with genealogical research. Attention is drawn to the increased interest of the bearers of surnames in their comprehension. Samples are given for the presentation of linguistic and extralinguistic information contained in the basics of family naming in a popular presentation.

В последние годы в обществе усиливается интерес человека к своей фамилии. Это семейное именование, передающееся по наследству, привлекает возможностью проникнуть в тайны прошлого, вскрыть свои корни и истоки, определить родственные связи поколений. В основах фамилий закодирована самая разноплановая лингвистическая и экстралингвистическая информация, которая дает возможность многое узнать о прошлом – ведь когда-то семьи на Руси были большими и неделимыми и семейное именование объединяло их членов не менее, чем экономические отношения. Фамилию можно назвать своеобразной «визитной карточкой» семьи.

Международный институт генеалогических исследований в рамках программы «Российские династии», которая занимается генеалогическими и ономастическими исследованиями с 1998 года, выпускает серию «Фамилии России» [5]. В числе основателей – один из ведущих российских ономастов Александра Васильевна Суперанская. Первый пробный выпуск составили именованные, отобранные и описанные по просьбам желающих узнать о своей родословной. Носители описанных в выпуске фамилий обратились в Программу с вопросом, как и откуда появились их родовые имена. Проведенные ономастические разыскания, отраженные в словаре, касаются всех соответствующих однофамильцев.

Нам показалось интересным познакомить читателей статьи с обращением Генеалогического общества к жителям России:

«Исследуйте происхождение Вашей фамилии!»

Фамильный диплом раскроет загадки значения родового имени, поведаст интересные подробности жизни родоначальника и станет прекрасным подарком родным и близким!

Восстановите историю Вашего рода!

Фамильное древо – родовое наследство, ценность которого не устареет никогда и будет умножаться Вашими потомками. Ваш семейный архив пополнится сведениями XVII–XIX веков, которые давно ждут своих владельцев во множестве архивов, разбросанных по территории бывшей Российской империи.

Генеалогическое древо украсит Ваш дом!» [5, 2].

Как видим, имеет место распространение популярного аспекта в исследовании семейного именованья, составление своеобразных фамильных аттестатов по специальным индивидуальным заказам. Но тем не менее исследование ведется и с привлечением архивных материалов, что позволяет достаточно точно отразить исторический аспект в описании фамильной основы.

Предоставляются также и ссылки на теоретические источники: дан список литературы – более 50 позиций [с. 32–45].

Мы не приводим описание фамилии из проаннотированного выпуска – мы хотим обратить внимание, что и в Смоленском регионе есть желающие узнать о своих корнях и истоках. Мы также по просьбам смолян писали фамильные аттестаты, несколько видоизменив наполнение раскрытия фамильной основы дополнительными сведениями, внеязыковой информацией, интересной носителям.

В начале описания дается структурный расклад основы фамилии и указывается на способ ее образования. Также обращается внимание на значение и на историческую фиксацию семейного именованья.

РУМЯНЦЕВ

Фамилия Румянцев относится к группе прозвищных фамилий. В ее основе – прозвищное некрестильное имя Румянец, от которого с помощью стандартного суффикса фамилий ЕВ образовалось семейное именованье. Сразу же скажем, что по фонетическим законам русского языка должно было возникнуть именованье Румянцов, так как звук Ц – твердый (в таком случае добавляется русский стандартный суффикс ОВ – Фурашов, Долгушов, Воронцов и пр.). Но, как видим, в фамилии Румянцев суффикс ЕВ, что свидетельствует о безударном окончании (сравним Солнцев – Молодцов) Действует правило написания О и Е после шипящих и Ц. Кстати, изредка фамилия Румянцов встречается в актовых материалах, что свидетельствует о переносе ударения по каким-то индивидуальным причинам и о закреплении индивидуального произношения в фамилии.

Предполагается, что в основе фамилии – прозвищное имя Румяный. Давалось такое именованье по внешнему виду. От основы румян с помощью суффикса ЕЦ сначала образовалось существительное румянец, обозначающее тот же внешний признак, а потом фамилия Румянцев с обычным для существительного беглым Е: румянец – румянца. Фамилии, как известно, имели значение притяжательности, то есть отвечали при образовании на вопрос ЧЕЙ? Например, чей сын – Румянцев.

Древнерусская форма прилагательного, ставшего некрестильным прозвищным именем, – Румяной: Никита Румяной, дьякъ Федора Ивановича, Москва, 1589 год; Румяной да Смешута, казаки донские, 1634 год. Засвидетельствовано в памятниках письменности и прозвищное имя существительное: Василий Румянецъ, боярин Нижегородский, 1592 год. Правда, примеров в памятниках письменности немного, что говорит о невысокой популярности именованья.

Фамилия Румянцев фиксируется с XVI века: Румянцевъ Захаръ, земский человек, Москва; Семень Румянцевъ, дьякъ Московский, 1680 год. Фиксаций также немного, и все они в основном относятся к Москве и близлежащим регионам: Нижний Новгород, Рязань, Тверь. Встречается в актовых материалах и вариант Румянов: Алексей Михайловъ сынъ Румянова, послух, 1584 год.

Практически не встречается фамилия Румянцев на Урале и в Сибири. Сегодня, возможно, миграционные процессы среди населения и «перенесли» ее бытование в далекие края, но в Московской Руси она отмечена в основном только в центре, большей частью – в Москве.

По какому же внешнему признаку давалось прозвищное имя? Возможны две версии: во-первых, за румяные щеки, способность кожи покрываться румянцем. Во-вторых, это имя давалось красивому ребенку, а главное – здоровому. В Древней Руси слово румяный (русский вариант румяной) имело оттенок значения ‘здоровый’, ‘красивый’. С этим значением косвенно связан фразеологизм кровь с молоком – ‘красивый, здоровый человек, у которого чистая кожа с румянцем’.

Фамилия Румянцев относится к числу русских дворянских фамилий. Это не значит, конечно, что все ее носители имеют корни «привилегированные», но в списках дворян Российской Империи, например, хорошо известен род московских графов Румянцевых.

Далее анализируется звуковой комплекс фамилии:

Р – повышенное чувство долга и ответственности, твердость убеждений, зачастую риск в отстаивании своей точки зрения.

У – возвышенные, духовные порывы, стремление помогать людям.

М – чувствительность души.

Я – высокая оценка собственного Я, иногда завышенная самооценка.

Н – внутренняя сила, стремление не принимать все подряд, без разбора; острый критический ум; избирательность в выборе друзей.

Ц – чувство собственного достоинства, умение переживать невзгоды и трудности.

Е – доброжелательность и отзывчивость.

В – некоторая мечтательность и стремление к исполнению своей мечты.

Ударный слог МЯ в фамилии превалирует среди общего звукового наполнения: Румянцевы – люди с высоким чувством собственного достоинства, высоко себя ценящие, хотя иногда могут войти в положение близкого и оказать помощь. Не зря, видимо, фамилия зачастую принадлежала дворянам, даже графам!

Потом предлагается информация, характеризующая носителя фамилии, описываются его личностные качества.

В целом же Румянцевы – люди с повышенным чувством ответственности, имеющие систему духовно-нравственных ценностей, которую они твердо отстаивают. Уверенные, хотя иногда кажется, что им помогают какие-то внешние силы. Избирательны в своих симпатиях. Всегда помогают близким.

Далее мы приводим образцы смоленских фамильных аттестатов.

СОРОКОПУД

Состав фамилии, ее основа, сразу же предполагает украинское происхождение. В основе украинских фамилий – в отличие от русских – не лежат притяжательные прилагательные, поэтому отсутствуют стандартные суффиксы принадлежности ОВ/ЕВ и ИН. Типичный суффикс украинских фамилий – ЕНКО; суффикс

указывает на принадлежность маленького ребенка к отцу или – глубже – к родовому корню.

Вторая яркая модель украинских фамилий – это прозвищные фамилии со сложными основами, не оформленные никакими суффиксами. Выделяется несколько разновидностей, которые определяются по частям речи, входящим в сложную основу фамилии: например, прилагательное и существительное (Криво-зуб – кривой зуб, Лиходид – лихой дед (дид), Рябоконь – рябой конь и т.п.); типичны фамилии, в состав основы которых входят числительные и существительные (Семиволос – семь волос, Двуручка – две руки и пр.). Именно к последней разновидности прозвищных фамилий относится рассматриваемая – *Сорокопуд*. Она образована от соединения числительного *сорок* и существительного *пуд*. Естественно, идет морфологическое оформление: появляется соединительная гласная *О*, а существительное не оформляется окончанием *ОВ* (пудов).

Как же появилось прозвище *Сорокопуд*, которое перешло в семейное именование? Возможно, оно являлось прозвищем – характеристикой: так называли человека очень сильного, который может поднимать и тянуть большой вес. Скорее всего, это было профессиональное прозвище доставщика, переносчика грузов. Известно, что числительное *сорок* образовалось от существительного *сорокъ* со значением меры измерения. *Сорокъ* – четыре десятка; это мера старого счета. По преданию, в Москве сорок сороков церквей (1600). Так, *сороками* продавали шкурки соболя: каждый сорок вложен в чехол – это материал для собольей шубы. Измерялись и считались также другие предметы и вещества.

Слово *пуд* также является старой мерой веса, известной и сегодня. Пуд – это чуть больше, чем 16 кг. (в простом обиходе 16 кг.). Не исключено, что это прозвище богатого человека, имеющего большие запасы зерна, муки и пр., то есть того, что измерялось пудами и считалось *сороками*.

Следует также выдвинуть предположение, что *Сорокопуд* – метафорическое прозвище толстого человека, у которого большой, «пудовый» вес и большой живот. Прозвище с таким значением и сегодня бытует на Украине.

Стоит упомянуть также, что в Словаре живого великорусского языка В.И. Даля находим еще одно соответствие: отмечено название птички *сорокопудъ* – обычно серого цвета, хотя может быть и иного окраса, хищной, по размеру большой, средней и маленькой. Есть и пословица: Попался, как *сорокопуд* в цапки!

Число *сорок* часто встречается в пословицах: Дороги твои *сорок* соболей, а на правду матку и цены нет. Сидела *сорок* лет, высидела *сорок* реп – да и тех нет. Продли бог веку на *сорок сороков*. *Сорок* лет бабий век.

Памятники письменности фиксируют именование в XVII веке. Так, в Актах Юго-Западной России засвидетельствован *Сорокопудъ* (не ясно, это прозвище или фамилия), лазутчикъ отъ Дорошенки изъ Полтавы, 1673 год. Приблизительно в это же время находим запись о Федке *Сорокопуде*, стрельце из Хмельницкого стана. Во втором примере, скорее всего, уже прозвищная фамилия, потому что в посланном документе имеется запись и о его брате, Сенке *Сорокопуде*. Возможно, это начальный этап формирования семейного именования, который отражен в актовых материалах.

С числительным *сорок* в древних текстах встречаются именованья Сорокоумъ, Сорокалтынъ, Сорокопеня. Время фиксаций – вторая половина XVII века. В

основном все эти прозвищные маркеры отмечены на территории Украины (Полтава, Хмельницкий, Киев и др.).

Следует обратить внимание на склонение фамилии *Сорокопуд*. Если она принадлежит мужчине, то должна обязательно изменяться по падежам: Нет *Сорокопуда*, напиши *Сорокопуду*, Пойдем вместе с *Сорокопудом* и т.п. Если же носитель фамилии – представитель женского пола, то именование не склоняется: нет *Дарьи Сорокопуд*, дай книгу *Дарье Сорокопуд*, пойдем вместе с *Дарьей Сорокопуд* и т.д. Это сегодняшний стандарт изменения.

Литература

1. Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М., 1974. – 384 с.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 2002.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1956. – Т. II. – 779 с.
4. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – М., 2005. – 1032 с.
5. Фамилии России / В.В. Астраханцев и др.; отв. ред. А.В. Суперанская; Российская акад. наук, Ин-т языкознания, Междунар. ин-т генеалогических исслед. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2008. – Вып. 1. – 213 с.
6. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии / Б.-О. Унбегаун. – М.: Прогресс: Универс, 1995. – Изд-е 2-е. – 448 с.

М.Ф. Кунтыш

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: Kuntyshmarusya@mail.ru

УДК 81373.2:821.161.1

АСТИОНИМ ВИТЕБСК И ЕГО ГОДОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: *оним, астионим, годоним, антропоним, художественный текст, ономастическое пространство.*

В статье рассматриваются астионим и годонимы, употребленные в рассказе А.Е. Геращенко «Трамвай в параллельный мир» как текстообразующее средство. Осуществляется анализ функций данных онимов в художественном тексте.

M.F. Kuntysh

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

ASTIONIM VITEBSK AND ITS GODONYMS IN A LITERARY TEXT

Keywords: *onym, astionim, godonym, anthroponym, literary text, onomastic space.*

The article deals with astyonims and godonyms, which are used in the story by Andrew Gerashchenko "A tram to a parallel world" as a text-forming tool. The analysis of the functions of these onyms in a literary text is carried out.

Анна Михайловна Мезенко, доктор филологических наук, профессор, известный ученый в области ономастики, подчеркивает актуальность изучения функционирования урбанонимов: «Антропоцентрическая идея, ставшая одной из центральных идей обновления научной парадигмы в конце XX – начале XXI в., расши-

ряет круг направлений и подходов, применяемых исследователями к анализу языкового материала, в частности урбанонимного. Так, в сфере урбанонимики востребованным становится изучение функционирования имен внутригородских объектов как одних из важнейших элементов коммуникации. Именно в функционировании познается сущность языка» [1, 253].

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования урбанонимов в художественном тексте и их организующую роль в лексической структуре текста.

Материалом для исследования стал текст рассказа А.Е. Геращенко «Трамвай в параллельный мир» [4]. Использовались методы сплошной выборки, наблюдения, анализа, сопоставления, интерпретации.

Имена собственные в художественном тексте имеют особую значимость, становясь образными средствами, задающими конкретную реальность мира, созданного сознанием автора. Именно антропонимы и топонимы позволяют в полной мере представить модель действительности.

Топонимическое пространство рассказа «Трамвай в параллельный мир» обозначено через астионим Витебск. Рассказ подробно описывает Витебск, это и объясняет использование автором в тексте достаточно большого количества урбанонимов. Отметим сразу, что не только сам астионим Витебск, но и годонимы и другие внутригородские названия, функционирующие в художественном ономастическом пространстве, являются реально используемыми в настоящее время или были таковыми до недавнего времени.

Единицы урбанонимного текста способны выполнять различные функции [1] и в реальной коммуникации, и в рамках художественного произведения.

Онимы выполняют традиционную для онимов функцию называния и различения предметов одного ряда.

Стараясь максимально конкретизировать художественное пространство, Андрей Евгеньевич Геращенко насыщает текст годонимами, т.е. названиями улиц. Перечислим годонимы: *проспект Черняховского, проспект Строителей, Московский, проспект Фрунзе (6 раз), Смоленская площадь, улица Ленина (2 раза), улица Суворова (3 раза), площадь Свободы (2 раза), улица Урицкого (2 раза), улица Смоленская (2 раза), улица Чкалова*. Перечисленные внутригородские названия являются выразителями так называемого социального кода: основой номинации стали символы эпохи, характеристика со стороны социальной принадлежности лиц как представителей определенной общности людей. Многочисленны, как видим, в годонимах фамилии известных людей и географические названия (названия городов).

В рассказе выстраивается последовательный ряд годонимов, что создает динамичный фон перемещения героя (он идет пешком, едет на трамвае, летит): *проспект Черняховского – Московский – перекресток Смоленской и Фрунзе – Смоленская площадь – улица Ленина – улица Урицкого – улица Суворова – площадь Свободы – проспект Фрунзе – Смоленская улица – Московский проспект*.

Годонимы выполняют текстообразующую функцию. «Поведение той или иной лексико-тематической группы слов в тексте обусловлено выполняемой текстообразующей функцией, которая согласуется с прагматической «заданностью» словесного знака в языковой системе. Иначе говоря, функционирование лексико-тематических групп в тексте происходит в соответствии с объективными факторами, действующими при образовании любого текста, и субъективными факторами, существенными при создании каждого отдельного текста. Максимально насыщающие текст лексико-тематические группы образованы чаще всего пред-

метными именами и создают сквозной опорный стержень повествования на основе анафорических повторов» [3, 199].

Субъективное отношение главного героя рассказа к Витебску реальному и Витебску параллельного мира выражено оппозицией ЕГО ВИТЕБСК – ЧУЖОЙ ВИТЕБСК (графическое средство используется в тексте рассказа). Астионим Витебск используется 11 раз. «Неужели это Витебск?» – задается вопросом герой. В осмыслении ответа замечаем явную градацию, психологически оправданную: *это не Витебск – это не его Витебск, а другой Витебск – это мертвый Витебск – ЧУЖОЙ ВИТЕБСК (2 раза) – ЭТОТ ВИТЕБСК (2 раза) – ГОРОД ЗЛА.*

Однако герой все же осознает, что это «*ЧУЖОЙ ВИТЕБСК, как две капли воды похожий на ЕГО ВИТЕБСК*». Отметим, что эту идентичность на уровне лексического выражения создают именно перечисленные выше топонимы, что и обуславливает их указанную повторяемость.

Другие реальные внутригородские названия – *магазин «Витязь» (3 раза), магазин «Богатырь», ресторан «Зеленая Гура», Смоленский базар/рынок (2 раза), памятник Ленину (2 раза)* – также фигурируют и в ЕГО ВИТЕБСКЕ, и в ЧУЖОМ ВИТЕБСКЕ.

Лишь два урбанонима – *названия торговых палаток «Совесть», «Убийство»* – не имеют отношения к реальной действительности. В этих названиях находят выражение оценочная функция.

В этом рассказе названия внутригородских объектов и самого города являются не просто обозначением пространства. Реальные, существующие в действительности, урбанонимы создают модель реального мира в сфере художественной условности. Одна и та же система онимов функционирует в двух художественных пространствах – реального и параллельного миров города. Примечательно, что в реальности предназначенная для ориентации в пространстве фиксированная, очень конкретная система имен собственных на самом деле вводит героя в заблуждение.

Антропонимикон рассказа представляют, во-первых, обозначения по имени, фамилии и имени и фамилии главного героя (Сергей Серебров, Сергей, Серебров), во-вторых, имя Света, в-третьих, имя Никита. Обозначение персонажа через имя собственное, как правило, стилистически нейтрально в художественном контексте. Это утверждение справедливо и для данного рассказа. Здесь представлены номинации по фамилии и имени и уменьшительному имени.

Мир реальный и параллельный мир представлены двумя антропонимами – Сергей Серебров и Света. Номинации главного героя являются сквозными, встречаются практически в каждом предложении и благодаря многократному повтору выполняют функцию текстовой скрепы; номинация Света имеет эпизодическое появление.

Имя Никита (имя маленького мальчика) встречается в тексте дважды: в самом начале (в 4-ом абзаце текста) и практически в самом конце произведения (в 9-ом от конца абзаце) в речи его отца в блоке из реплик сына и отца, полностью идентичных в этих двух местах текста, что наводит на мысль о том, что все описанное в рассказе – это «затмение» (солнца ли, разума ли).

В художественной ткани рассказа оказываются прецедентные имена – Пушкин и «Пиковая дама». Они появляются в связи номерами трамваев, на самом деле курсирующими по соответствующим улицам города, и ролью пиковой дамы, в которой блестяще показала себя в театре Света.

Теоним Христос (*иконка с ликом Христа*) и антропоним Света (*портрет Светы*) противопоставляются друг другу в эстетическом пространстве произведения, предвосхищая последующие события (*...на пол упала небольшая иконка с ли-*

ком Христа, которую Сергей немного подвинул вчера в сторону, чтобы поставить рядом портрет Светы).

Особая разновидность имен собственных – это заголовочная номинация в художественном тексте. Название дает презентацию произведения, выполняет прагматическую и прогнозирующую функции. «Параллельный мир», заявленный в заголовке рассказа, настраивает читателя на нечто обобщенно-символическое, вступая в противоречие с конкретикой, создаваемой годонимами с первых строчек текста.

Все единицы структуры художественного текста участвуют в формировании идеи произведения, поэтому выделение и описание структурных единиц текста невозможно без учета семантического аспекта. Без привлечения содержания произведения.

Ономастическое пространство занимает довольно значительное место как в общей системе языковой картины мира, так и в личных представлениях о составе и функционировании окружающей среды, которые воплощаются в лексических единицах и сохраняются во внутренних структурах человеческого мышления [2, 354].

Урбанонимы как особая категория имен собственных помогают человеку ориентироваться в окружающем пространстве, выступают носителем культурной информации. В конкретных коммуникативных ситуациях они попутно передают и отношение к действительности, и отношение к ее содержанию.

В лексическом материале рассматриваемого рассказа лексико-тематические группы отличаются по количеству единиц, по степени значимости, по функциональному назначению. Лексическая структура текста формируется опорными тематическими группами слов, определяющими содержание произведения, вокруг которых объединяются и которым подчиняются все прочие компоненты текста, взаимосвязями и взаимоотношениями в тексте слов, входящих в разные семантические группы.

В анализируемом рассказе А.Е. Герашенко «Трамвай в параллельный мир» номинации внутригородских объектов (через имена нарицательные и через имена собственные), предикаты движения и обозначения героев через имена собственные являются наиболее существенными в плане раскрытия идеи произведения. Ономастическое пространство рассказа создают имена собственные героев произведения и названия города и внутригородских объектов.

Астионим Витебск и годонимы являются ключевыми словами, упоминание реальных городских объектов дает необходимую конкретику в художественном тексте.

Художественная модель действительности в рассказе отличается подробной обозначенностью внутригородских объектов конкретного города, находящегося одновременно в реальном и параллельном мирах. Урбанонимы явились одним из важнейших элементов лексической структуры, явившись атрибутами Витебска живых и Витебска мертвых.

Антропонимическая система рассказа подчинена идее раздвоения города: Сергей Серебров из мира Витебска реального попадает в параллельный мир, в мертвый Витебск, где находится Света.

Литература

1. Мезенко, А.М. Коммуникативные функции урбанонимов / А.М. Мезенко // Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: коллективная монография. – Смоленск: Маджента, 2014. – С. 253–255. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26017>. – Дата доступа: 01.02.2023.

2. Мезенко, А.М. О некоторых аспектах исследования урбанонимов / А.М. Мезенко // И слово ваше отзовется: сб. науч. ст. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – С. 354–363. – Режим доступа: <https://ger.vsu.by/handle/123456789/26501>. – Дата доступа: 01.02.2023.

3. Серета, Л.М. Функционирование лексико-тематических групп в структуре английского короткого рассказа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.М. Серета. – Минск, 1984. – 289 с.

Источники

4. Геращенко, А.Е. Трамвай в параллельный мир / А.Е. Геращенко // Дзвіна. Віцебшчына літаратурная, 2009: альманах / рэд.-уклад.: Т.І. Краснова-Гусачэнка [і інш.]. – Віцебск: Віцеб. абл. друк., 2009. – С. 194–208.

А.А. Лукашанец

Нацыянальная акадэмія навук Беларусі

e-mail: alukashanets2021@gmail.com

УДК 811.161.3'373.23

АНТРАПАНІМІЧНЫЯ ЭЦЮДЫ (З ВОПЫТУ БЕЛАРУСКАЙ АФІЦЫЙНАЙ ІМЕНАСЛОЎНАЙ ПРАКТЫКІ)

Ключавыя словы: *іменаслоўная практыка, нацыянальны антрапанімікон, беларуска-рускае двухмоўе, уласнае асабовае імя, носьбіт імя.*

У артыкуле разглядаюцца некаторыя важныя для сучаснай беларускай афіцыйнай іменаслоўнай практыкі аспекты выбару асабовага імя і яго фіксацыі ў дакументах, абумоўленыя суб'ектыўнымі (асабістыя густы і схільнасці, культурныя прыярытэты, сямейныя традыцыі і інш. носьбіта імя ці імядаўцы) фактарамі.

A.A. Lukashanets

The National Academy of Sciences of Belarus

ANTHROPONYMIC ETUDES (FROM THE EXPERIENCE OF THE BELARUSIAN OFFICIAL NAMING PRACTICE)

Key words: *naming practice, national anthroponymycone, Belarusian-Russian bilingualism, proper personal name, bearer of the name.*

The article deals with some aspects of the choice of a personal name and its fixation in documents that are important for modern official naming practice, due to subjective (personal tastes and inclinations, cultural priorities, family traditions, etc. of the bearer of the name or name giver) factors.

У шэрагу папярэдніх публікацый аўтара гэтага артыкула [3; 4; 5; 6] на фактычным матэрыяле даследавана спецыфіка сучаснага нацыянальнага беларускага антрапанімікону, ахарактарызаваны лінгвістычныя, нацыянальна-культурныя, сацыялінгвістычныя, глабалізацыйныя і нарматыўна-прававыя аспекты сучаснай беларускай афіцыйнай іменаслоўнай практыкі. У прапануемым артыкуле з улікам уласнага аўтарскага вопыту разглядаюцца некаторыя праблемныя і спрэчныя пытанні нацыянальнай іменаслоўнай практыкі, абумоўленыя суб'ектыўнымі (асабістымі схільнасцямі, густамі і індывідуальнымі жаданнямі носьбіта імя ці імядаўцы, сямейнымі традыцыямі і г.д.) фактарамі з пункту гледжання іх адпаведнасці нарматыўным слоўнікам беларускіх уласных асабовых імён [1; 7; 8], на-

цыянальнай нарматыўна-прававой базе і стандартам фіксацыі імён у дакументах [2], а таксама міжнароднай іменаслоўнай практыцы.

Так, да найбольш распаўсюджаных у непасрэднай афіцыйнай іменаслоўнай практыцы праблем суб'ектыўнага характару, звязаных з афармленнем дакументаў, можна аднесці наступныя (усе прыведзеныя ніжэй прыклады-ілюстрацыі ўзяты з адказаў аўтара артыкула на запыты аддзелаў ЗАГС, натарыяльных кантор і інш. у Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа).

1. Выбар уласнага імя той ці іншай падсістэмы беларускага іменаслова і карэктны выбар яго рускага адпаведніка, а таксама запіс сродкамі лацінскага алфавіта.

Названая праблема абумоўлена выразным размежаваннем у беларускім нацыянальным іменніку некалькіх паралельных падсістэм уласных імён (візантыйска-праваслаўнай, рымска-каталіцкай і нацыянальнай беларускай). Таму выбар таго ці іншага варыянту ўласнага імя патрабуе а) яго паслядоўнага выкарыстання ва ўсіх дакументах, якія належаць асобе, і б) правільнага выбару рускамоўнага эквівалента для запісу ў пашпарце. Для мужчынскіх імён вельмі важным у дадзеным выпадку з'яўляецца правільнае ўтварэнне імя па бацьку.

Напрыклад, мужчынскія імёны *Васілій* (правасл.), *Базыль* (каталіцк.) і *Васіль* (бел. народнае) могуць выкарыстоўвацца як пашпартныя [1]. Аднак пры гэтым трэба дакладна размяжоўваць іх рускія эквіваленты і ўтвораныя ад іх імёны па бацьку, як гэтага патрабуе нацыянальная афіцыйная практыка афармлення, напрыклад, пашпартоў: бел. *Васілій* (*Васільевіч*, *Васільеўна*) – рус. *Василий* (*Васильевич*, *Васильевна*); бел. *Базыль* (*Базылевіч*, *Базылеўна*) – рус. *Базыль* (*Базылевич*, *Базылевна*); *Васіль* (*Васілевіч*, *Васілеўна*) – рус. *Василь* (*Василевич*, *Василевна*).

Параўн., таксама: бел. *Антон* (*Антонавіч*, *Антоняўна*) – рус. *Антон* (*Антонович*, *Антоновна*) і бел. нар. *Антось* (*Антосевіч*, *Антосеўна*) – рус. *Антось* (*Антосевич*, *Антосевна*); бел. *Міхаіл* (*Міхаїлавіч*, *Міхаїлаўна*) – рус. *Михаил* (*Михайлович*, *Михайловна*) і бел. нар. *Міхась* (*Міхасевіч*, *Міхасеўна*) – рус. *Михась* (*Михасевич*, *Михасевна*) і г.д.

2. Выбар у якасці пашпартнага ўласнага імя, якое нарматыўнымі даведнікамі трактуецца як размоўнае ці вытворнае.

У апошнія гады ў беларускай афіцыйнай іменаслоўнай практыцы пашыраецца імкненне грамадзян прысвойваць нованароджаным дзецям адметныя беларускія імёны або замяняць уласныя, на іх думку, рускамоўныя імёны на адметныя беларускія эквіваленты. Паколькі многія з гэтых імён нарматыўнымі даведнікамі класіфікуюцца як вытворныя, размоўныя, памяншальна-ласкальныя і г.д., у такіх выпадках таксама ўзнікае праблема выбару рускамоўнага эквівалента, магчымасць і карэктнасць правільнага ўтварэння імя па бацьку, што не заўсёды адпавядае жаданню імядаўцы.

Напрыклад, беларускае мужчынскае імя *Зміцер* сучаснымі слоўнікамі асабовых уласных імён кваліфікуецца як размоўнае да *Дзмітрый* (*Дзмітрыевіч*, *Дзмітрыеўна*), якому адпавядае рускамоўнае імя *Дмитрий* (*Дмитриевич*, *Дмитриевна*) [1; 7; 8]. Згодна з існуючай іменаслоўнай практыкай, імя *Зміцер* (*Зміцеравіч*, *Зміцераўна*) можа быць выкарыстана ў якасці пашпартнага, аднак па-руску яно павінна быць запісана ў дакуменце як *Змитер* (*Змитерович*, *Змитеровна*). Таксама імя *Дзіма* пазначаецца ў даведніках як вытворнае памяншальна-ласкальнае ад *Дзмітрый*. Яно таксама па жаданні носьбіта імя ці імядаўцы можа быць выкарыстана ў якасці афіцыйнага пашпартнага, аднак у такім выпадку запісы ў дакументах павінны мець наступны выгляд: бел. *Дзіма* (*Дзімавіч*, *Дзімаўна*) – рус. *Дима* (*Димович*, *Димовна*).

Параўн. таксама: бел. *Юрый* (*Юр'евіч*, *Юр'еўна*) – рус. *Юрий* (*Юрьевич*, *Юрьевна*) і бел. разм. *Юрась* (*Юрасевіч*, *Юрасеўна*) – рус. *Юрась* (*Юрасевич*, *Юрасевич*); бел.

Анатолій (Анатольевіч, Анатольеўна) – рус. *Анатолий (Анатольевич, Анатольевна)*, бел. нар. *Анатоль (Анатолевіч, Анатолеўна)* – рус. *Анатоль (Анатолевич, Анатолевна)* і бел. вытв. *Толя (Толевіч, Толеўна)* – рус. *Толя (Толевич, Толевна)*; бел. *Сяргей (Сяргеевіч, Сяргееўна)* – рус. *Сергей (Сергеевич, Сергеевна)* і бел. разм. *Сяржук (Сяржукавіч, Сяржукаўна)* – рус. *Сержук (Сержукович, Сержуковна)*.

У апошні час у іменаслоўнай практыцы таксама назіраецца тэндэнцыя да выкарыстання ў якасці афіцыйных форм старых хрысціянскіх імён, напісанне якіх адрозніваецца ад іх сучасных адпаведнікаў, што таксама часта стварае праблемы пры афармленні дакументаў. Параўн.: бел. *Аляксей (Аляксеевіч, Аляксееўна)* – рус. *Алексей (Алексеевич, Алексеевна)* і бел. стар. *Алексій (Алексіевіч, Алексіеўна)* – рус. *Алексий (Алексиевич, Алексиевна)*; бел. *Сяргей (Сяргеевіч, Сяргееўна)* – рус. *Сергей (Сергеевич, Сергеевна)* і бел. стар. *Сергій (Сергіевіч, Сергіеўна)* – рус. *Сергий (Сергиевич, Сергиевна)*; бел. *Тацяна* – рус. *Татьяна* і бел. стар. *Тацяна* – рус. *Татиана*.

Галоўнай праблемай і ў пэўным сэнсе парадоксам у такіх выпадках з’яўляецца жаданне імядаўцы выбраць у якасці пашпартнага нацыянальна маркіраванае імя і яго нязгода з прынятымі нормаў перадачы гэтага імя па-руску, а таксама нарматыўнымі патрабаваннямі да ўтварэння імён па бацьку ад такіх імён.

3. Напрамак фарміравання іменаслоўнай формулы для запісу ў пашпарце (ад беларускай мовы да рускай ці, наадварот, ад рускай да беларускай).

У адпаведнасці з прынцыпамі дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя запісы прозвішчаў, імён і імён па бацьку ў пашпарце ажыццяўляюцца на абедзвюх дзяржаўных мовах. У гэтых адносінах падчас афармлення дакументаў могуць узнікаць праблемы, звязаныя з тым, у якой паслядоўнасці адбываецца транслітарацыя імён, імён па бацьку і прозвішчаў. Гістарычна склалася так, што некаторыя пашыраныя ў беларускай і рускай мовах агульныя хрысціянскія імёны маюць пэўныя адрозненні ў вымаўленні і напісанні, якія нарматыўна замацаваны і прынятыя ў афіцыйнай іменаслоўнай практыцы Беларусі. Параўн., напрыклад: бел. *Мікіта* – рус. *Никита*, бел. *Рыгор* – рус. *Григорий*, бел. *Ганна* – рус. *Анна*, бел. *Настасся* – рус. *Анастасия* і інш. [1; 7; 8]. Аднак улічваючы тое, што пры афармленні дакументаў, што сведчаць асобу, імёны перадаюцца палітарна (транслітаруюцца), іх напісанне ў беларускіх дакументах можа адрознівацца ў залежнасці ад таго, з якой мовы на якую адбываецца транслітарацыя. Так, у сучаснай афіцыйнай іменаслоўнай практыцы гэтыя імёны фіксуюцца звычайна ў адпаведнасці з існуючай традыцыяй: бел. *Мікалай (Мікалаевіч, Мікалаеўна)* – рус. *Николай (Николаевич, Николаевна)*, бел. *Мікіта (Мікітавіч, Мікітаўна)* – рус. *Никита (Никитич, Никитична)*, бел. *Рыгор (Рыгоравіч, Рыгораўна)* – рус. *Григорий (Григорьевич, Григорьевна)*, бел. *Ганна* – рус. *Анна*, бел. *Настасся* – рус. *Анастасия* і г.д. Аднак у адпаведнасці з міжнароднымі стандартамі транслітарацыі па жаданні носбіта імя зыходна беларускае імя (імя па бацьку) *Мікалай (Мікалаевіч, Мікалаеўна)* па-руску ў пашпарце павінна быць запісана як *Микалай (Микалаевич, Микалаевна)*, *Рыгор (Рыгоравіч, Рыгораўна)* – як *Рыгор (Рыгорович, Рыгоровна)*, *Ганна* – *Ганна*, *Настасся* – *Настасья*. І наадварот, зыходна рускае імя (імя па бацьку) *Николай (Николаевич, Николаевна)* па-беларуску ў пашпарце павінна пісацца як *Нікалай (Нікалаевіч, Нікалаеўна)*, *Григорий (Григорьевич, Григорьевна)* – як *Грыгорый (Грыгор’евіч, Грыгор’еўна)*, *Анна* – *Анна*, *Анастасия* – *Анастасія* і г.д. Параўн., напрыклад, літ. *Antanas* [Антанас] – бел. *Антанас (Антанасавіч, Антанасаўна)*, а не *Антон (Антонавіч, Антонаўна)*.

Такі падыход істотна павялічвае корпус ужывальных пашпартных імён у беларускім нацыянальным соцыуме, аднак садзейнічае ўніфікацыі афіцыйнай пісьмовай іменаслоўнай практыкі і дазваляе маркіраваць нацыянальную прыналежнасць носбіта імя.

4. Змена грамадзянінам імя (прозвішча), у тым ліку на рэдкае іншамоўнае ці нават штучнае (“фантазійнае”).

Названы аспект пачынае займаць прыкметнае месца ў сучаснай беларускай афіцыйнай іменаслоўнай практыцы і патрабуе асаблівай увагі з боку адпаведных службовых асоб. З аднаго боку, змена імені і прозвішча з’яўляецца законным правам грамадзяніна. Але з другога боку, гэтая працэдура істотна ўскладняецца цэлым шэрагам акалічнасцей. З юрыдычнага пункту гледжання – гэта звычайная адміністрацыйная працэдура, але яна патрабуе ўнясення адпаведных змен у іншыя дакументы (пасведчанне аб нараджэнні, адукацыі і інш.). Таксама пры выбары ў якасці новага імя рэдкага, іншамоўнага, экзатычнага, штучнага (“фантазійнага”) літараспалучэння абавязкова патрабуецца лінгвістычнае заключэнне аб тым, што выбранае ў якасці імя слова ці літараспалучэнне не ўтрымлівае негатыўнай ацэнкі і не супярэчыць прынятым нормам этыкі і грамадскай маралі.

Прывядзем некаторыя прыклады лінгвістычных заключэнняў па асобных іншамоўных імёнах і літараспалучэннях, прапанаваных у якасці новых пашпартных асабовых імён (з рэальнай іменаслоўнай практыкі):

“У слоўніках беларускіх (рускіх) асабовых імён імя *Космас* (рус. *Космос*) не фіксуецца. Слова *космас* (рус. *космос*) можа быць выкарыстана ў якасці мужчынскага ўласнага імені. Яно не з’яўляецца немілагучным і адпавядае іменаслоўнай практыцы мінулых гадоў, калі ў якасці ўласных імён выкарыстоўваліся агульнаўжывальныя словы, якія называлі актуальныя з’явы савецкай рэчаіснасці, напрыклад *Трактар*, *Электрон* і інш.”;

“Імя *Лявар* (рус. *Левар*) не зафіксавана ў наяўных слоўніках і даведніках асабовых імён. З лінгвістычнага пункту гледжання літараспалучэнне *Лявар* (рус. *Левар*) не суадносіцца з якім-небудзь рэальным словам беларускай (рускай) мовы, не з’яўляецца немілагучным, не супярэчыць нормам грамадскай маралі і можа быць выкарыстана ў якасці дакументальнага (пашпартнага) імені”;

“Англамоўнае жаночае імя *Хіллары* ўзыходзіць да лацінскага «*hilaris*» (вясёлая) [9]. Імя *Хіллары* (рус. *Хилари/Хиллари*) не суадносіцца з якімі-небудзь словамі беларускай (рускай) мовы, не з’яўляецца немілагучным, не супярэчыць нормам грамадскай маралі і можа быць выкарыстана ў якасці дакументальнага пашпартнага імені”;

“Літараспалучэнне “*Хоўп*” з’яўляецца практычнай транскрыпцыяй (графічнай перадачай гучання) англійскага слова *hope*, якому ў беларускай мове адпавядае слова *надзея* (рус. *надежда*). Слова *hope* [хоуп] у англамоўнай іменаслоўнай традыцыі выкарыстоўваецца як жаночае асабовае імя. Параўн.: HOPE f English. From the English word hope, ultimately from Old English hopian. This name was first used by the Puritans in the 17th century (HOPE ж. англ. Ад англійскага слова *hope*, якое ўзыходзіць да стараанглійскага *hopian*. Гэтае імя было ўпершыню выкарыстана пурытанамі ў XVII ст.) (Behind the Name. www.behindthename.com).

Жаночае імя *Хоўп* (рус. *Хоуп*) як гукавы адпаведнік англійскага жаночага імя *Hope* не зафіксавана ў даведніках беларускіх (рускіх) асабовых імён, аднак яно не супярэчыць нормам грамадскай маралі і можа быць выкарыстана ў якасці дакументальнага (пашпартнага) імя”;

“Імя “*Ята*” не фіксуецца даведнікамі беларускіх (рускіх) уласных імён. З лінгвістычнага пункту гледжання літараспалучэнне “*Ята*” не суадносіцца з якім-небудзь канкрэтным словам беларускай (рускай) мовы. Яно не ўтрымлівае негатыўнай ацэнкі, не супярэчыць прынятым нормам этыкі і грамадскай маралі. Такім чынам, з лінгвістычнага пункту гледжання літараспалучэнне “*Ята*” (рус. “*Ята*”) можа быць выкарыстана ў якасці дакументальнага (пашпартнага) імя”.

Такім чынам, рагледжаныя ў артыкуле прыклады сведчаць аб істотным пашырэнні ў сучаснай беларускай афіцыйнай практыцы корпуса пашпартных імён за кошт выкарыстання нацыянальна маркіраваных размоўных і вытворных асабовых імён, вяртання ва ўжытак старых хрысціянскіх імён, а таксама прысваення рэдкіх іншамоўных і штучных (“фантазійных”) імён па жаданні носьбіта імя ці імядаўцы.

Літаратура

1. Завальнюк, У.М. Слоўнік асабовых уласных імён / У.М. Завальнюк, В.К. Раманцэвіч; пад агул. рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Народная асвета, 2017. – 286 с.
2. Закон Рэспублікі Беларусь аб шлюбе і сям’і (09.07.1999 № 278-З; у рэд. 18.12.2019 № 277-З).
3. Лукашанец, А.А. Беларуская-руская двухмоўе і праблемы сучаснай іменаслоўнай практыкі / А.А. Лукашанец // *Рэгіянальная ономастыка: праблемы і перспектывы існавання: зборнік навучных артыкулаў* / сост.: А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шаварынова; пад навуц. рэд. А.М. Мезенко. – Вiтeбск: ВГУ імяні П.М. Машэрава, 2016. – С. 180–184.
4. Лукашанец, А.А. Глобалізацыя і праблемы сучаснай іменаслоўнай практыкі / А.А. Лукашанец // *Рэгіянальная ономастыка: праблемы і перспектывы існавання: зборнік навучных артыкулаў* / сост. А.М. Мезенко [і др.]; пад навуц. рэд. А.М. Мезенко. – Вiтeбск: ВГУ імяні П.М. Машэрава, 2021. – С. 171–175.
5. Лукашанец, А.А. Патронімы ў сучаснай іменаслоўнай практыцы: мультыкультурны, поліканфесійны і білінгвальны аспект / А.А. Лукашанец // *Рэгіянальная ономастыка: праблемы і перспектывы існавання: зборнік навучных артыкулаў* / сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дарофеева, Ю.В. Дулова, О.В. Шаварынова; пад навуц. рэд. А.М. Мезенко. – Вiтeбск: ВГУ імяні П.М. Машэрава, 2018. – С. 181–184.
6. Лукашанец, А.А. Сучасны беларускі антрапанімікон: норма і варыятыўнасць / А.А. Лукашанец // *Учыныя запіскі УО “ВГУ імя П. М. Машэрава”*: зборнік навучных артыкулаў. – Вiтeбск: ВГУ імяні П.М. Машэрава, 2018. – Т. 25. – С. 137–142.
7. Слоўнік асабовых уласных імён / уклад. М.Р. Суднік; навуц. рэд. А.А. Лукашанец. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мінск: Беларуская навука, 2005. – 176 с.
8. Усціновіч, А.К. Слоўнік асабовых уласных імён / А.К. Усціновіч; навуц. рэд. А.А. Лукашанец. – Мінск: Мастацтва і Літаратура, 2011. – 240 с.
9. Słownik imion / Opracowały W. Janowowa, A. Skarbek, B. Zbijowska, J. Zbiniowska. – Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk, 1975.

К.И. Малышева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: kseniya-malysheva@list.ru

УДК 821.112.2(436)-31:78

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО» И ОСОБЕННОСТИ АРТЕФАКТОВ В РОМАНЕ Э. ЕЛИНЕК «ПИАНИСТКА»

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, артефакты, музыкальное искусство, лексемы, музыкальное произведение, музыкальные термины.

В статье исследуется лексико-семантическое поле «музыкальное искусство» в романе Э. Елинек «Пианистка». Определяются основные лексико-семантические группы, в которые входят названия музыкальных произведений и фамилии композиторов, названия музыкальных инструментов как артефактов культуры, музыкальные термины и профессии. При этом анализируются сложносоставные существительные, относящиеся к семантическим группам «музыка», «концерт», «роль», устанавливается проявляющаяся в них специфика организации немецкого словообразования. Подробно анализируются артефакты музыкального искусства и культуры, функционирующие в художественном тексте Э. Елинек.

**LEXICAL-SEMANTIC FIELD «MUSICAL ART» AND FEATURES OF ARTIFACTS
IN THE NOVEL «THE PIANIST» BY E. JELINEK**

Keywords: lexical-semantic field, lexical-semantic group, artifacts, musical art, lexemes, musical composition, musical terms.

The article explores the lexical and semantic field of "musical art" in the novel by E. Jelinek "The Pianist". The main lexical-semantic groups are determined, which include the names of musical works and the names of composers, the names of musical instruments as cultural artifacts, musical terms and professions. At the same time, compound nouns belonging to the semantic groups "music", "concert", "piano" are analyzed, and the specifics of the organization of German word formation manifested in them are established. The artifacts of musical art and culture functioning in the artistic text of Jelinek are analyzed in detail.

Одним из наиболее распространённых в современном языкознании подходов к описанию значения слова является полевой подход. В современной лингвистике анализируются не только сами языковые поля, но и полевая организация языка как системы. Множество работ исследователей по изучению семантического поля указывают на эффективность полевой модели языковой системы, которая, по мнению И.А. Стернина, описывает систему языка как непрерывную совокупность полей, периферийные зоны которых соприкасаются и характеризуются многоуровневостью [1].

Термин «лексико-семантическое поле» (ЛСП) имеет отличие от таких терминов, как «словесное поле» и «лексическое поле», состоящее в том, что элементами ЛСП являются не только лексемы, но и семантическая общность как метод их объединения [2].

Лексико-семантическое поле является самой объёмной ономазиологической и семантической группировкой слов. Лексико-семантическое поле – это термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединённых каким-то общим (интегральным) лексико-семантическим признаком; другими словами – имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения. Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня слова; позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения [3].

Так называемые «предметные лексемы» – имена существительные – вместе с глаголами образуют ядро языка, занимая первое место по частоте употребления. Большинство окружающих человека вещей и предметно-вещественных ценностей – объекты, созданные не природой, а человеком, входят в понятие «окружающий мир», и число их неуклонно растёт. Имена артефактов (от лат. *arte* - искусственный + *factum*- сделанный) составляют в языке значительные лексические пространства и требуют специального изучения.

Имена артефактов – названия объектов, которые получают свое бытие в результате трудовой деятельности человека (палка, доска, хлеб). Они, как и другие предметные имена, не всегда с абсолютной точностью воспроизводят картину естественного членения мира. Этому препятствует ряд обстоятельств, в частности, действие семантических процессов, затемняющих раздельность и границы

предметов. Еще одним следствием того, что способ членения задан языку жизнью, природой, деятельностью человека, является относительная независимость от окружения, создаваемого семантическим однородным полем. [4]

Определяя границы класса имен артефактов, мы исходим из того, что ведущим признаком его единиц является, во-первых, вещественность, предметность, во-вторых, – взаимосвязь данного объекта с миром человека.

Проза Э. Елинек не случайно выбрана нами в качестве материала исследования: творчество этого писателя богато конкретной лексикой, называющей предметы, созданные и используемые человеком, или артефакты. Состав артефактов достаточно широк и разнообразен, поэтому представляется необходимым распределить их по семантической близости. Среди наиболее многочисленных классов имен артефактов мы выделили 7, включающих наименования посуды и утвари, продуктов питания, одежды, предметов мебели, наименования художественных произведений, музыкальных инструментов, заведений общественного питания и отдыха. Рассмотрим более подробно один из этих классов артефактов, который относится к лексико-семантическому полю – «музыкальное искусство».

Музыкальность текстов – одна из самых ярких особенностей творчества Э. Елинек. В романе «Пианистка» музыке отводится одна из главных ролей, что особенно значимо для сюжета, композиции произведения и особенно его смысла. При этом музыкальность вводится в художественное произведение не только за счет включения в него песен. Музыка также присутствует на разных уровнях текста в виде музыкальной, музыкально-исполнительской лексики, используемой в метафорах, образующей выраженные смысловые ряды. Происходит «аккомпанемент» событий и эпизодов романа упоминаниями в них названий характерных музыкальных произведений и композиторов, словами из лексико-семантических групп, таких как «музыка», «концерт», «музыкальные инструменты», «музыкальное произведение», «музыкальные термины», «фразеологические обороты». Посредством создаваемого таким образом мелодического фона текст приобретает музыкальную форму.

Австрию отличает особое отношение к музыке, что нашло яркое отражение в романах Э. Елинек, особенно в «Пианистке», само название которого предполагает музыкальную тематику.

Первая лексико-семантическая группа включает в себя лексему „Musik“: *die Musikwohnung* (музыкальный салон), *das Musikstück* (музыкальная пьеса), *die Musikschule* (музыкальная школа), *die Musikkunst* (музыкальное искусство), *die Musikergebnisse* (достижения в музыке), *klassische Musikausbildung* (классическое музыкальное образование).

Ко второй лексико-семантической группе относятся сложные существительные с основой „Klavier“: *der Klavierpart* (партия, исполняемая на рояле), *der Klavierhocker* (винтовой стул, табурет), *die Klavierklasse* (занятия по классу фортепиано), *der Klavierton* (звук рояля), *die Klavierliteratur* (музыкальная литература).

Третья лексико-семантическая группа представлена лексемой „Konzert“, причем, последнее слово встречается в качестве как определительного, так и основного: *der Konzertflügel* (концертный рояль), *die Konzerttoilette* (концертное платье), *das Konzertpodium* (концертная сцена), *das Konzertbetrieb* (концертная жизнь, деятельность), *das Kammerkonzert* (камерный концерт), *die Privatkonzerte* (частные концерты), *die Hauskonzerte* (домашние концерты).

Четвертая лексико-семантическая группа репрезентирует названия музыкальных инструментов – *die Geige* (скрипка), *die Bratsche* (альт), *die Klarinette*

(кларнет), *das Klavier* (фортепиано), *der Flügel* (рояль), *die Flöte* (флейта), *die Blockflöte* (блок-флейта), *das Saxophon* (саксофон), *das Sopranosaxophon* (саксофон-сопрано), *Viola d'Amore* (итал. *Viola d'Amore* – виоль д'амур). Данные слова однозначно можно обозначить как артефакты, поскольку они функционируют в системе искусства и культуры. Артефактами культуры могут быть созданные людьми предметы, вещи, а также феномены духовной жизни общества: научные теории, суеверия, произведения искусства и фольклор.

Названия музыкальных инструментов встречаются в произведении не только в эпизодах, в которых происходит репетиция концерта, выступление в музыкальном салоне или описание уроков в Венской консерватории, но также автор упоминает о них как неотъемлемой части обстановки в домашнем кругу.

О высоком уровне культуры и музыкальной образованности говорит обстановка в квартире бывших польских эмигрантов в романе «Пианистка». Хозяйка квартиры часто устраивала домашние концерты: приглашались гости, ученики музыкальной школы вместе с их родителями и педагогами, маэстро музыки. Для этой цели предоставлялись два концертных рояля и богатая библиотека партитур (*zwei Flügel und dazu die reichhaltige Partiturenammlung*), кроме того, семья владела коллекцией старинных музыкальных инструментов.

Вот как об этом пишет Э. Елинек: „*Außerdem besitzen sie dort, wo ein anderer sein Auto hat, nämlich ihrem Herzen sehr nahestehend, eine Sammlung alter Instrumente. Sie haben kein Fahrzeug, aber sie haben ein paar schöne Mozartgeigen und -bratschen und eine ganz auserlesene Viola d'Amore, welche an der Wand hängt, von einem Familienmitglied ständig bewacht, wenn die Kammermusik in der Wohnung ausbricht, und zu Studienzwecken heruntergenommen wird*“ [5, 63] – [Кроме этого, в той части дома, где у других обычно стоит автомобиль, то есть ближе к сердцу, они хранят свою коллекцию старинных музыкальных инструментов. У них нет машины, зато есть несколько прекрасных моцартовских скрипок и альтов и совершенно редкостная виоль д'амур, висящая на стене и постоянно находящаяся под неусыпным надзором одного из членов семьи, когда в доме разражается камерный концерт. Со стены ее снимают только для демонстрации специалистам – перевод А. Белобратова] – [6, 97]

Ценители музыкального искусства всегда восхищались редкими инструментами, в том числе виоль д'амур (итал. *Viola d'Amore*). Особенность этого инструмента состоит в том, что он имеет шесть или семь сдвоенных струн. Виола д'амур обладает необычайно нежным, бархатным и мягким звучанием, отчасти напоминающим человеческий голос.

Следует отметить, что в развитии венской скрипичной школы важную роль играли связи с традициями народного бытового музицирования, а также салонного музицирования, что представлено в произведении Э. Елинек «Пианистка». Создатели венского вальса (И. Штраус-отец, И. Штраус-младший) обогатили новым опытом венских скрипачей, стимулируя их поиски в области мелодической и ритмической выразительности, штриховой техники и колорита звучания. Именно поэтому хозяйка дома поездкам на автомобиле предпочитала живой звук классической и старинной музыки и одухотворенную музыкальную атмосферу.

Э. Елинек упоминает многочисленные имена великих австрийских, немецких и польских композиторов и их творения, множество видов и жанров музыкальных произведений, которые образуют *пятую лексико-семантическую группу*. Сюда можно отнести: *die Obertastenétude* (этюды по черным клавишам), *Beethovens Quartetten* (квартеты Бетховена), *die Bramslieder* (вокальные сочинения Брамса), *Bachs Solosonaten* (сольные сонаты Баха).

Музыкальные произведения, упомянутые Э. Елинек, задают тональность и сопровождают события в романе. Сведущий читатель «проиграет» данные композиции в памяти, чтобы уловить важность и тонкость сюжетной линии: *das zweite Bachkonzert für zwei Klavier* (Второй концерт Баха для двух фортепьяно), *Bachs sechs Brandenburgische Konzerte* (шесть Брандербургских концертов Баха), *Mozarts Figaro* («Свадьба Фигаро» Моцарта), *Beethovens Sonaten ab op. 101* (сонаты Бетховена с опуса № 101), *die A-Dur Sonate* (Соната до-мажор Шуберта), *Chopins Phantasie f-Moll, op.49* (Фантазия фа-минор, опус № 49 Шопена), *Schumanns Carneval oder die Prokofieffsonate* («Карнавал» Шумана или сонаты Прокофьева).

Шестую лексико-семантическую группу образуют названия музыкальных терминов, которыми изобилует роман «Пианистка». Наряду с немецкими терминами, как, например, *die Sonatenform* (сонатная форма), *der Fugensbau* (строение фуги), *pianistische Anschlagkultur* (техника *мушэ* при игре на рояле), *Czerny-Schule der Geläufigkeit* (школа беглости по Черни) в романе Э. Елинек также встречаются типично итальянские заимствования: *pianissimo*, *sforzandos*, *molto vivace*; *Forте!*» Для немецкого языка характерны также заимствования из французского языка, в том числе и для музыкальной сферы, которые всегда произносятся на французский манер, что, на наш взгляд, только украшает речь повествователя: *das Musicalpotpourris* (муз. поппурри), *die Manege* (манеж), *das Ensemble* (ансамбль), *das Musikrepertoire* (муз. репертуар), *arrangieren* (аранжировать).

Седьмую лексико-семантическую группу составляют названия профессий. Э. Елинек упоминает различных специалистов в области музыкального искусства, подавляющее большинство которых представлено существительными женского рода, что является редким явлением в русском языке. Указатель женского рода в немецком языке – суффикс *-in*, мужского – суффикс *-er* либо *-ist*, что представлено в тексте Э. Елинек: *die Klavierlehrerin* (учительница по классу фортепиано), *der Klarinettenlehrer* (учитель-кларнетист), *die Flötistin* (флейтистка), *die Begleiterin* (в муз. смысле аккомпаниаторша), *die Musikantin* (музыкантша), *die Sopranistin* (певица-сопрано), *die Klavierprofessorin* (преподавательница музыки, профессор), *der Komponist* (композитор), *gesangliche Solistik* (певицы-солистки). Некоторые музыкальные профессии представлены существительными множественного числа, образованными от основы глагола с добавлением суффикса *-er*: *die Musikschöpfer* (сочинители музыки), *die Bläser* (музыканты, играющие на духовых инструментах – духовики), *die Streicher* (музыканты, играющие на смычковых инструментах)

В повествовании Э. Елинек также можно встретить фразеологические выражения, метафорически устойчивые словосочетания, имеющие музыкальный подтекст, которые, следовательно, образуют заключительную, восьмую, лексико-семантическую группу: *aus dem Zug springen* (фальшивить), *sich aufs Spiel setzen* (рисковать, *das Spiel* – игра), *(klavierlich) zu Wort kommen* (обрести дар речи (в фортепьянном исполнении), *mit dem Feuer spielen* (играть с огнем), *aus dem Takt bringen* (сбить с толку, смутить, выбить из колеи), *im Akkord werken* (совместно работать), *sich ganz nach dem Ohr richten* (обратиться в слух), *anflöten* (петь в уши, что-либо вкрадчиво говорить). Данные выражения не только дают образно-эмоциональную оценку происходящему в романе, но и, благодаря своей выразительности, помогают создать и дополнить музыкальную ауру произведения.

Анализ лексико-семантического поля «музыкальное искусство» в творчестве Э. Елинек показал, что оно чрезвычайно плотно и разнообразно насыщено языком музыки, что выявляется в вычленении восьми лексико-семантических групп разной музыкальной направленности, представленных сложными существительными

ми, французскими и итальянскими заимствованиями, фразеологическими оборотами. Специфическую мелодичность придает роману «языковой перевод» музыкальных композиций великих композиторов, метафорические средства образности, немецкие языковые особенности музыкальных терминов, которые создают свою языковую мелодику событийности повествования.

Литература

1. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи [Электронный ресурс] / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Leksicheskoe_znachenie_v_rechi_1985.pdf. – Дата доступа: 01.02.2023.
2. Тихонов, А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля / А.Н. Тихонов // Теория поля в современном языкознании. Тезисы докладов научно-теоретического семинара. – Уфа, 1994. – Ч. III. – С. 3–7.
3. Лигвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
4. Шадрина, А.А. Эстетическое функционирование лексики, обозначающей артефакты, в поэзии Серебряного века (на материале лирики А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Северянина): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Шадрина. – Саратов, 2006. – 310 с.
5. Jelinek, E. Klavierspielerin / E. Jelinek. – Reinbek bei.: Hamburg: Rowohlt, 1986. – 285 S.
6. Елинек, Э. Пианистка / Э. Елинек. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 448 с.

Н.Н. Михолап, А.Е. Оксенчук

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: oxenchuk.anna@yandex.by

УДК 811.161.1'373.2:665.57

«ANNIVERSARY», «LETTIE A ANNA» И ДРУГИЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИЗЫСКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПАРФЮМА

Ключевые слова: *парфюмоним, мотивированное основание, прагматика, код культуры, концепт-донор, оним.*

Авторы статьи используют тематическую классификацию 200 современных названий духов для доказательства изменившейся структуры и функции парфюмонимов. Название парфюма предлагается рассматривать как элемент современной массовой культуры. По мнению авторов, название парфюма помогает потребителю выбрать аромат, чтобы позиционировать себя как сложного субъекта, носителя общечеловеческих культурных знаний и перспектив.

N.N. Miholap, A.E. Oxenchuk

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

“ANNIVERSARY”, “LETTIE A ANNA” AND OTHER ONOMASTIC DELIGHTS IN THE PERFUME SPACE

Key words: *perfumonym, motivated foundation, pragmatics, culture code, concept donor, onym.*

The authors of the article use the thematic classification of 200 modern perfume names to prove the changed structure and function of perfumonyms. The name of the perfume is proposed to be considered as an element of modern mass culture. According to the authors, the name of the perfume helps the consumer to choose a fragrance in order to position himself as a complex subject, a carrier of universal cultural knowledge and perspectives.

Современная культура ориентирована на внимание к повседневности человека, который осмысливает свою жизнь, свою индивидуальность через доступный для него смысловой горизонт. Эмоциональная жизнь современного человека в первую очередь нуждается в определённой социальной легализации и выраженности (при существующем запрете на вербальное выражение сильных, неоднозначных или негативных эмоций в присутствии других людей). Именно парфюму в современной культуре отводится роль конвенционального кода невербальной коммуникации. Это тем более понятно, если вспомнить, что духи во всех культурах с древнейших времён выполняли функции симулятора души, *живой сущности, делающей человека самим собой*, с которой нужно было договариваться, заманивать обратно в тело, защищать и охранять (см. подробнее [1]). Сегодня духи становятся самым надёжным и одобряемым средством самопрезентации и социальной «защиты» одновременно, объектом массовой культуры.

Важнейшим элементом прагматического значения парфюмонима является наличие базового концептуального образа, так как значение такого онима зарождается и формируется не только и не столько на уровне семантики, сколько на концептуальном уровне, в когнитивной системе: какой запах имеют духи *Chance* («Шанс») от Chanel или *Splendor* («Великолепие») от Elizabeth Arden? Чем пахнут *Innocent* («Невинный») Thierry Mugler? Кто знает. И вероятно, тщеславие действительно имеет запах *Vanitas* («Тщеславие») от Versace. Человек интерпретирует название и переносит часть информации концепта-донора на называемый предмет. Отношение между названием и мыслительным образом устанавливается потребителем и связано с закономерностями употребления знака, а не с семантикой знака: *Le Toit* («Сад на крыше»), *Honneur* («Честь»), *Sauvage* («Дикарь»), *Amaranthine* («Неувядающий»), *Curious* («Возбуждающий любопытство») *Cashmere Mist* («Кашемировый туман») и даже *Jeux de Peau* («Игры хлебной корочкой») – семантика этих названий устанавливается опытным путем в связи с мыслительным понятием отраженной в сознании человека действительностью.

Сгруппируем наш набор парфюмонимов по семантике мотивирующих апеллятивов, т.е. по наличию их тематического признака. На основе анализа внутренней формы можно выделить следующие группы онимов:

Мотивированные названия с семантическим переносом по смежности.

Элемент рецептуры (нота):, *Mimosa Prada*, *Thé Vert* («Зеленый чай») Bvlgari, *Greentea* Elizabeth Arden, *Red Harissa* («Красная харисса») (харисса – острая приправа из перца чили и чеснока, используемая в кулинарии стран Магриба), *Series 3 Incense Avignon* («Серия 3. Ладан Авиньона») *Comme Des Garçons*, *Bigarade Cologne* (Бигардия – померанец, горький апельсин) Frederic Malle, *Amandes Orientales* («Восточный миндаль»), *Wild Pears* («Дикая груша») Montale.

Букет: *Champ de fleurs* L'artisan parfumeur, *Carnal Flower* Frederic Male, *Jus de Fleurs* («Цветочный сок») Blumarine, *Secret Potion* («Секретное зелье») Christina Aguilera, *Anthology Jubilee Bouquet* («Антология: Праздничный букет») Nina Ricci.

Необычное сочетание (например, релевантные ноты ваниль и соль; красный перец и груша) – *Sage&seasalt* Jo Malone, *Couleur vanille* L'artisan parfumeur; акцент на качественном признаке ингредиента – *Rose Glacée* («Ледяная роза») Armand Basi, *Lovely Blossom* («Прекрасный цветок») Armand Basi, *Opium* Yves Saint Laurent, *Poison Dior*, *Poison Pure* («Чистейший яд») Christian Dior, *Gelsomino Nobile* («Благородный жасмин»), *Mon Jasmin Noir* («Мой черный жасмин») Bvlgari, *Cuir de Russie* («Русская кожа») Chanel, *Blu Mediterra neo Mirtodi Panarea* («Синее Средиземноморье. Мирт Панареи»), Панарея – уютный итальянский островок в Средиземном мо-

ре), *Blu Mediterra neo Mandorlo di Sicilia* («Синее Средиземноморье. Сицилийский миндаль») *Acquadi Parma, Prive Bois D'encens* («Частное. Древесный ладан»), *Prive Cuir Noir* («Частное. Черная кожа»), *Prive Éclat De Jasmin* («Частное. Жасминовый взрыв») *Giorgio Armani, Flora Generous Violet* («Флора. Интенсивная фиалка») *Gucci, Aqua Allegoria Pamplelune* («Аква Аллегория. Грейпфрут»), *Aqua Allegoria Herba Fresca* («Аква Аллегория. Свежая трава»), *Aqua Allegoria Lys Soleia* («Аква Аллегория. Солнечная лилия») *Guerlain, EAUDE GENTIANE BLANCHE* (Вода «Белая горечавка»), *EAUDE PAMPLEMOUSSE ROSE* (Вода «Розовый грейпфрут»), *L'Ambredes Merveilles* («Чудесная амбра») *Hermes, EAUDE FLEUR DE PRUNIER* (Вода «Цветок сливы») *Kenzo, C'est la Fête! Patchouli* («Это праздник! Пачули») *Christian Lacroix, English Fern* («Английский папоротник»), *Juniper Sling* («Можжевельниковый слинг» (в данном случае слинг – напиток на основе джина) *Nina Ricci, Clair de Musk* («Чистый мускус»), *Daim Blond* («Белая кожа») *Serge Lutens*.

Виды воды – *Youth Dew* («Молодая роса») *Estee Lauder, Acqua Azzurra* («Синяя вода») *Gianfranco Ferré, Eau du Soir* («Вечерняя вода») *Sisley, Flora Eau Fraiche* («Флора. Свежая вода») *Gucci, EAUDES MERVEILLES* («Чудесная вода») *Hermes*.

Название бренда переносится на продукт – «*Chanel №5*», *A Scent By Issey Miyake* («Аромат от Иссей Мияке»).

Большую часть этой группы составляют парфюмонимы, мотивированные названиями растений, что является вполне понятным, так как ароматы создаются на основе запаха прежде всего цветов, фруктов или трав. Но большая часть онимов этой группы – это названия, которые включают периферийный семантический признак слова, что даёт возможность использовать его для выражения другого мотивирующего признака: *Rose Glace* («Ледяная роза») или *English Fern* («Английский папоротник»), *Juniper Sling* («Можжевельниковый слинг»). Появление новых онимических единиц такого типа обеспечивается сложной работой человеческого сознания, позволяющего отражать в речемыслительной деятельности внутреннюю структуру языкового знания и применять их в соответствии с общими знаниями о мире. Вероятно, поэтому за последние 20 лет в пространстве парфюма в разы увеличилось количество онимов со сложной образной мотивацией. Эти названия мы объединили во вторую группу.

Сложномотивированные парфюмонимы (вторичная номинация на основе ассоциаций).

Географические объекты: *Rive Gauche* («Рив Гош») (*Рив Гош* – богемный квартал в Париже, переводится как «Левый берег») *Yves Saint Laurent, 24 Faubourg* – адрес главного бутика дома *Hermes* в Париже) *Hermes, Cyclades* («Киклады») (острова в Эгейском море) *Lancôme, Oriental Express* («Восточный экспресс») *Mugler, California Reverie* *Van Cleef and Arpels, Moscow Mule* *Juliette has a gun*.

Тип пространства – *Ciel* («Небо») *Agent Provocateur, Un Jardin Sur Le Toit* («Сад на крыше») от *Hermes*.

Ситуативы – *By Fire place* («Возле огня») *Replica Maison Margiela, Dzing!* *L'artisan Parfumeur*. (*Дзинг* – это звонок на цирковое представление, или звоночек на цирковом одноколесном велосипеде). *Emporio* («Торговый центр», «Ярмарка» (у этого итальянского слова есть и другое значение – место пересечения различных культур и общественных сфер) *Giorgio Armani, Caleche* («Экипаж») *Hermes, Pleasures* («Удовольствия») *Estee Lauder, «Peta le Noir»* («Лепесток ночи») *Agent Provocateur, Diamonds and Emeralds* – «Бриллианты и изумруды» *Elizabeth Taylor, Diamonds and Rubies* – «Бриллианты и рубины» *Elizabeth Taylor, Bois Farina* («Мучной лес»), *L'Eteen Douce* («Лето в сладком»). *La chasse aux papillons* («Охота на бабо-

чек»), *Le loup mechant* («Злой волк») L'Artisan Parfumeur, *Jeux de Peau* («Игры хлебной корочкой») Serge Lutens.

Необычные предметы: *Prive Pierre De Lune* («Частное. Лунный камень») Giorgio Armani, *Envy* – «Предмет зависти» Givenchy, *Habit Rouge* («Красная одежда»), *La Petite Robe Noir* («Маленькое черное платье») Guerlain, *Trésor* – «Сокровище» Lancôme, *Miroir des Vanites* («Зеркало тщеславия») Thierry Mugler, *Sheer Veil* («Прозрачный покров») Vera Wang.

Абстрактные понятия, идеалы: *Chance* («Шанс») Chanel, *Honour* («Честь») Agent Provocateur, *Splendor* («Великолепие») Elizabeth Arden.

Персоны – *Miss Dior Dior*, *L'eaud' Hadrien*, *Ma petite Cherie* Annick Goutal, *Maîtress* («Госпожа», или «Хозяйка») Agent Provocateur, *Brit Sheer* – «Чистый Брит») Burberry, *Sauvage* («Дикий») Christian Dior, *Miss Dior Blooming Bouquet* («Мисс Диор. Цветущий букет») Christian Dior, *Adventurous* («Авантюрный») Estee Lauder, *Poupée* («Кукла») Rochas, *Salvatore Ferragamo* Salvador Dali, *Fille en Aiguilles* («Девушка на шпильках» или «Цикада») Serge Lutens, *Baby Doll* («Куколка») Yves Saint Laurent.

Качества человека – *Captivating* («Пленительный»), *Luminous* («Светящийся») Ghost, *Allure* («Очарование», или «Привлекательность») Chanel, *Irresistible* («Неотразимый») Givenchy, *Ca Sent Beau* («Хорошо пахнет») Kenzo, *Guilty* («Винный») Gucci, *Insolence* («Дерзость») Guerlain, *Cheap & Chic* («Недорого и шикарно»), *Incanto* («Очарование») Salvador Dali, *Glamour Toujours* («Очарование навсегда») Moschino, *Amaranthine* («Неувядающий») Penhaligon's, *Curious* («Возбуждающий любопытство») Blumarine, *Notorious* («Известный») Ralph Loren, *Tocade* («Прихоть») Rochas, *Fabulous* («Невероятный») Salvador Dali, *Alien* («Чужеземный»), *Innocent* («Невинный») Thierry Mugler, *Vanitas* («Тщеславие») Versace.

Психоэмоциональные состояния – «*Mimosa pour moi*» («Воспоминание для меня») L'artisan parfumeur, *Jubilation XXV* («Ликование XXV») Agent Provocateur, *Loco* («Сумасшествие») Loewe, *Contradiction* («Противоречие») Calvin Klein, *Crave* («Жажда») Calvin Klein, *Obsession* («Одержимость») Calvin Klein, *Addict* («Пристрастие») Christian Dior, *Dolce Vita* («Сладкая жизнь») Christian Dior, *Inspire* («Вдохновлять») Christina Aguilera, *Red Sin* («Красный грех») Christina Aguilera, *Anticipation* «Ожидание» Ghost, *In The Mood For Love* «В настроении для любви» Gianfranco Ferré, *Deseo* «Желание» Jennifer Lopez, *Le Monde* («Мир») Kenzo, *La Vie Est Belle* – «Жизнь прекрасна» Lancôme, *Connexion* («Связь») Lancôme.

Чувства – «*Inna morata*» («Любовь») Blumarine, *Amor Amor Tentation* («Любовь, Любовь. Искушение») Cacharel, *Amor Amor Forbidden Kiss* («Любовь, Любовь. Запретный поцелуй») Cacharel, *Par Amour Toujours* («Всегда с любовью») Clarins.

Время, времена года – *Soir* («Вечер») Bvlgari, *Eternity* («Вечность») Calvin Klein, *L'Instant* «Мгновение» Guerlain, *L'Air du Temps* («Дух времени»), *Premier Jour* («Первый день») Nina Ricci, *Attimo* («Мгновение») Salvador Dali.

События – *Anniversary* («Юбилей») Roberto Cavalli,

Явления природы – *Bellissima Acquadi Prima vera* («Прекрасная весенняя вода») Blumarine, *Cashmere Mist* («Кашемировый туман») Donna Karan, *Aire* («Воздух») Loewe, *Datura Noir* («Ночной дурман»), *Chergui* («Шерги», так в Марокко называют сильный и сухой летний ветер, с арабского переводится как «восточный») Serge Lutens.

Космос – *Glow* («Свечение») Jennifer Lopez, *Attraction* («Притяжение») Lancôme, *Climat* («Атмосфера») Lancôme, *Cosmic Radiance* («Космическое сияние») Blumarine.

Цвет – *Noir Esquis* L'artisan Parfumeur, *Amaz in green* («Изумительный зеленый») Idylle Guerlain, *Light Blue Dreaming in Portofino* («Голубое. Грезы в Портофино») Comme Des Garçons, *Red Door Velvet* («Красная дверь. Бархат») Elizabeth Arden,

Cinnabar («Киноварь») Estee Lauder, *Pure Turquoise* («Чистая бирюза») Ralph Loren, *Oro* («Золото») Roberto Cavalli, *Truly Pink* («Истинно розовый») Vera Wang.

Фонетические – *F For Fascinating* – «“Ф” для пленительных» Salvador Dali.

Музыкальные, ритмические – *Diorissimo* Christian Dior, *The Beat* («Ритм») Burberry, *Batucada* («Батукада») (*батукада* – направление в танце, один из видов самбы) L'Artisan Parfumeur.

Литературные: *Aqua Allegoria* Guerlain, *Poeme* Lancome, *Omnia* («Всё») Bvlgari, *Signature* («Подпись») Chloe, *Forever and Ever* («Во веки веков») Christian Dior, *Danstes Bras* («В твоих руках») Frederic Malle, *Bel Ami* («Милый друг») Hermes, *Parlez Moid'Amour... encore* («Поговори со мной о любви... еще») John Galiano, *Quizas, quizas, quizas* («Возможно, возможно, возможно». Название духов – цитата из популярнейшей песни. Она же была использована в рекламном видео аромата) Loewe.

Мифологические – *Flora Gucci*, *Anthology 10 La Rouéde La Fortune* («Антология: 10 Колесо Фортуны»), *Anthology 14 La Temperance* – «Антология: 14 Умеренность», *Anthology 1 Le Bateleur* – «Антология: 1 Жонглер», *Anthology 21 Le Fou* – «Антология: 21 Шут» – карты Таро от Dolce&Gabbana; *Apparition* («Видение») Emmanuel Ungaro, *Ange ou Etrange* («Ангел или незнакомка») Givenchy, *Incense* («Фимиам») Givenchy, *Coeurde Vetiver Sacre* («Сердце священного ветивера») L'Artisan Parfumeur.

В данной группе онимов заключены фоновые знания людей общей культуры и французского или английского языков: знания о географии больших городов (*Moscow Mule*), их престижных мест (*24 Faubourg*, *5 Avenu*) или живописных побережий (*Light Blue Dreaming in Portofino*, *Cyclades*); о психофизических качествах людей, которые подчёркивают человеческую сложность и динамичность (*Guilty* («Винный»), *Insolence* («Дерзость»)); о социально значимых событиях; об искусстве (*Batucada*, *Coeurde Vetiver Sacre* и др.) и новых научных направлениях (*Climat*, *Cosmic Radianse*). То, какое содержание соотносит носитель языка с названием духов, зависит от характера и объема имеющихся у него знаний об обозначенном объекте, его личной значимости: *Lettie a Anna* («Письмо Анне») от Isabel Deroisne – аромат устойчивый, плотный, потому что письмо идет некоторое время. Может быть, цветочный, но сложный, как и сама Анна. В нём должно быть что-то восточное, потому что Анна – древнееврейское имя и означает в нём «благосклонность, благоволение» – а значит в аромате ничего лишнего, только пачули или смола босвеллии (или ладан). *Lettie a Anna* почувствует тот, кто читает, переворачивает страницы книг, выбирает слова и вдыхает бумажную пыль, возможно, изучает тайну имён, занимается ономастикой.

Планирование прагматического эффекта в момент создания парфюмонима выражается в стремлении маркетологов отразить в названии наиболее существенные и общезначимые признаки современного социального запроса на свободу от запретов и стереотипов. Прагматика парфюмонима предполагает соотношение его с некоей психической сущностью, представленной в сознании потребителя: *Anniversary* («Юбилей») от Roberto Cavalli – аромат с этим названием должен дать ощущение торжества, совместного проживания радости и даже ликования, он будет шлейфовым и устойчивым, как и все долго существующее, ацентным и демонстративным, как достижения юбиляра, ярким и сложным, как долгие годы приобретения опыта и получения результата. *Anniversary* обещает вручение наград и подарков, много торжественных речей и усталость от суеты.

Мотивирующее основание названий парфюма часто раскрывается при помощи рекламного контекста, в котором важную роль играет сюжет, музыкальная тема, образ героя или героини и последняя сцена. Именно рекламный видеоряд

помогает адресату связать предлагаемый аромат с определённой социально одобряемой ситуацией. Название парфюма отсылает потребителя, используя его воображение, к определённому виртуальному событию, а затем и к его собственной системе ценностей и смыслов, одновременно пополняя и изменяя её.

Тематическая классификация даже этого небольшого для современного пространства парфюма набора онимов (200 названий духов известных брендов, предлагаемых для продажи в интернете) позволяет говорить о том, что и мотивирующее основание, и сама структура парфюмонима изменились и усложнились по сравнению с данными анализа этой группы онимов 2000-х годов (см. исследование Смирновой Е.С. [2, 3]). Это усложнение, на наш взгляд, связано с изменившейся функцией этой группы лексики в современном взаимодействии людей: название парфюмерии можно рассматривать внешне как элемент современной массовой культуры, но глубже – как один из составляющих идеи, инструмента персонального осмысления своего бытования. Духи определённого названия и производителя начали выполнять социальную функцию маркирования социального статуса носителя аромата или характеристикой той или иной социальной ситуации. Они помогают потребителю позиционировать себя как сложного субъекта, меняющегося, реактивного, динамичного; носителя общечеловеческих культурных знаний и перспектив.

Литература

1. Оксенчук, А.Е. Следы древних мифов о душе в русской фразеологии [Электронный ресурс] / А.Е. Оксенчук // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1996. – № 2 (2). – С. 84–89. – Режим доступа: <https://ger.vsu.by/handle/123456789/10204>. – Дата доступа: 1.02.2023.

2. Сотникова, Е.А. О собственных именах парфюмерной продукции (к постановке проблемы) / Е.А. Сотникова // Афанасий Матвеевич Селищев и современная филология: материалы Всероссийской научной конференции 24–26 сентября 2003 г. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2003. – С. 249–257.

3. Сотникова, Е.А. «Аромат цветущих роз» Об именовании в парфюмерии / Е.А. Сотникова // Русская речь. – 2004. – №4. – С. 104–108

Источники

4. Названия для магазина парфюмерии – список из 100 креативных вариантов на английском и русском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://f.partnerkin.com/blog/open/nazvanie_dly_parfymerii. – Дата доступа: 01.02.2023.

Е.Ю. Муратова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
email: mouratova@tut.by

УДК 811.161.1'37

НАЗВАНИЯ КАРТИН ЖИВОПИСИ И ИХ СОДЕРЖАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ И БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Ключевые слова: живопись, названия картин, история, религия, культура, менталитет.

В статье исследуется роль названий картин и их содержания в отражении религиозных воззрений, истории, культуры, традиций и образа жизни народа. Живопись всех веков буквально «пропитана» библейскими и мифологическими картинами. Не явилась в этом плане исключением русская живопись, особенно XVIII–XIX веков. Религия всегда играла важную роль в жизни русского человека, что дока-

зывается в статье анализом ряда картин на религиозную тему. История не менее важная тема в русской живописи. В статье анализируются важные вехи истории, отраженные в названиях картин и в их содержаниях. Огромный пласт в живописи отражает русскую литературу, архитектуру, театр и под., что также нашло свое освещение в статье.

E.Y. Muratova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NAMES OF PAINTINGS AND THEIR CONTENTS AS A REFLECTION OF THE SPIRITUAL AND EVERYDAY CULTURE OF THE PEOPLE

Key words: painting, names of paintings, history, religion, culture, mentality.

The article examines the role of the names of paintings and their content in reflecting religious beliefs, history, culture, traditions and lifestyle of the people. The paintings of all ages are literally "saturated" with biblical and mythological paintings. Russian painting was no exception in this regard, especially in the XVIII-XIX centuries. Religion has always played an important role in the life of a Russian person, which is proved in the article by the analysis of a number of paintings on a religious theme. History is no less important topic in Russian painting. The article analyzes the important milestones of history reflected in the names of paintings and in their contents. A huge layer in painting reflects Russian literature, architecture, theater, etc., which also found its coverage in the article.

Вся деятельность человека по выработке, обмену и хранению информации обладает определенным единством. Культура – это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем. И каждый текст является источником разнообразной информации: жизненной, научной, исторической, культурологической и т.д. Причем «сам текст мыслится не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции... В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории» [3, 179].

В разных жанрах искусства «специфическая трансформация знаковой материи в смысловую» [4, 16] происходит при помощи разного инструментария: у поэта – это слово, у художника – краски, у музыканта – ноты.

Названия картин также представляют собой краткий, но часто очень емкий текст, дающий «ключ» к пониманию всей картины художника, определяющий эпоху, героев, конкретное событие, изображенное на полотне. Связь между словом (название картины) и образом (ее художественное содержание) здесь наиболее тесная и даже прямолинейная. Такой художественный симбиоз способен отражать менталитет народа в полной мере: его религиозные воззрения, историю, культуру, традиции и образ жизни.

Религия всегда играла важную роль в жизни русского человека. «Религиозный фактор в жизни народов является настолько важным, что без учета его особенностей невозможно представить развития и становления культуры в целом» [2, 11]. В русском понимании Бог вбирает в себя представления о душе, соборности, открытости, доброте. Он отражает ядро православной ментальности и главную ценность русской культуры. «Бог в культурном ареале, начиная с первых веков православия, был своеобразным вместилищем морали, гуманистических традиций, питающих искусство...» [1, 59]. Поэтому неудивительно, что живопись всех веков и народов буквально «пропитана» библейскими и мифологическими картинами. Не явилась в этом плане исключением русская живопись, особенно XVIII–

XIX веков. Не только сами картины, но и их названия несут значительную культурную нагрузку, открывая зрителю библейские и мифологические сюжеты: «Вакханка, поющая Амура» (Федор Бруни, 1828г.), «Нарцисс, смотрящий в воду» (Карл Брюллов, 1819г.), «Авраам приносит в жертву сына своего Исаака» (Антон Лосенко, 1765 г.), «Распятие» (Карл Брюллов, 1838г.), «Тайная вечеря» (Николай Ге, 1883 г.), «Христос и грешница» (Василий Polenov, 1888 г.) и др.

Значительным культурным событием в жизни России стала экспозиция картины Александра Иванова «Явление Христа народу», написанная в 1837–1857 годах. В Библии это событие, которое произошло уже после крещения самого Иисуса, описано так: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. <...> Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю» [5].

В центре композиции находится фигура Иоанна Крестителя (Предтечи). Увидев приближающегося Иисуса Христа, Иоанн указывает на него. Христос занимает особое место в композиции: он идёт по возвышенности, так что создаётся впечатление, что он поднят высоко над толпой. Хотя Христос служит центром всеобщего внимания, содержание полотна раскрывается не через его образ, а через реакцию других людей на его появление, через нравственный переворот, который происходит в их душах, запечатленный художником в разных позах людей и выражениях их лиц.

Свою картину А. Иванов писал в Риме. В мае 1858 года Александр Иванов вместе с полотном отправился в Россию. Картина была огромных размеров, внутрь корабля не поместилась, ее в упакованном виде установили на палубе, где она испытала все тяжести пути: сильный ветер и дождь.

Выставка произведений Иванова в Санкт-Петербурге началась 10 июня 1858 г. 3 июля Александр Иванов скончался от холеры. В тот же день, через несколько часов после смерти художника, прибыл посыльный из придворной канцелярии с известием о том, что император Александр II покупает «Явление Христа народу» за 15 тысяч рублей серебром, а также жалует Иванову орден Святого Владимира.

Совсем другая религиозная эпоха отражена в картине Василия Ивановича Сурикова «Боярыня Морозова», одно название которой отсылает нас к тяжелым событиям на Руси середины XVII века – эпохе раскола русской православной церкви, вызванного реформами патриарха Никона. В результате этих реформ были исправлены церковные книги, изменены некоторые церковные обряды: двухперстное крестное знамение заменено на трехперстное; крестные ходы стали проводить не по солнцу, а против солнца; «аллилуйя» стали произносить не дважды, а трижды и др. «Однако жесткие, часто непродуманные меры, которыми насаждались новые книги и обряды, вызывали у части духовенства и пастырей бурное отторжение» [6, 238].

В результате эти реформы трагически разделили русский народ на два непримиримых лагеря: на тех православных, кто согласился с нововведениями в церкви, и тех, кто продолжал придерживаться дореформенных церковных обрядов (старообрядцев).

Феодосия Прокофьевна Морозова принадлежала к высшей аристократии того времени, обладала огромным состоянием и при этом была фанатично религиозной личностью, истязала себя постами и молитвами. Она стала активной деятельницей русского старообрядчества, сподвижницей протопопа Аввакума. За приверженность к «старой вере» в результате конфликта с царём Алексеем Михайловичем она была арестована, лишена имений, а затем сослана в Боровск и помещена в земляную яму, в которой по приказу царя умерена голодом.

Именно арест боярыни Морозовой и ее этапирование в тюрьму изображены на картине Сурикова: в центре на простых санях, застеленных соломой, полулежит Феодосия Морозова с поднятой вверх рукой с двумя перстами в знак неистового протеста против церковной реформы Никона. Отчаянный фанатичный жест – ее последняя попытка отстоять старую веру.

Картину В. Сурикова отличает не только яркий образ Ф. Морозовой. Вокруг ссыльной боярыни собрались москвичи, их образы играют огромную роль: кто-то жалеет боярыню и плачет, кто-то восхищается ее силой духа и верит ещё больше, а кто-то смеётся. Сани с боярыней как будто «раскалывают» толпу на сторонников и противников церковной реформы, аллегорически показывая трагедию религиозного противостояния русского народа.

Передать вехи истории государства может не только содержание картин, но и их названия. Приведем некоторые примеры:

Название картины Виктора Васнецова «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (1880 г.) рассказывает о неудачном походе князя Игоря Святославовича Новгород-Северского, предпринятого им в 1185 году против половцев. Этот поход описан неизвестным автором в великом памятнике древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»:

Тут и стяги Игоревы пали!

...Уж у храбрых русичей не стало

Тут вина кровавого для пира,

Напоили сватов, да и сами

Полегли за отческую землю.

И пусть реют стрелы, ломаются копья, идёт страшная битва»...

На полотне предстает поле битвы после столкновения русских воинов с половцами, когда «пали стяги Игоревы и полегли русичи на поле不知емом». Поле усыпано трупами. Мертвые руки еще сжимают красные щиты, над мертвыми телами летают стервятники, почуявшие смерть и кровь. «Тоска разлилась по земле русской и печаль потекла широко» [7].

Другой пример из нашей истории: *название картины Григория Угрюмова «Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 г.» (1800 г.)*. Речь идет о Смуте на Руси начала XVII века (1589–1613 гг.). Последним в царской династии Рюриковичей был Иван Грозный, который умер в 1584 году и не оставил наследников: старший сын Иван был смертельно ранен отцом в 1581 г., младший Дмитрий погиб в Угличе при таинственных обстоятельствах, слабоумный Федор умер в 1598г. Затем черед временщиков: Борис Годунов, Василий Шуйский, Лжедмитрии. Страна стояла на грани государственного самоуничтожения. Народное ополчение во главе с Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским освободили Москву от польской оккупации и в целом от Смутного времени. На всесословном собрании Руси в 1613 году новым царем был выбран Михаил Федорович Романов. Так началась новая, вторая на Руси царская династия Романовых.

Название картины Николая Ге «Петр 1 допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871г.) переносит нас в XVIII век. Царевич Алексей, невольный жестким правлением отца, бежал в Западную Европу, но был оттуда возвращён и обвинён в подготовке захвата власти в России. На картине внутреннее состояние отца и сына полно переживаний и душевного напряжения. Видимо, в результате разговора Пётр I ещё более уверился в предательстве сына. Прежде чем вынести приговор, Пётр I всматривается в лицо сына, всё ещё надеясь увидеть на нём признаки раскаяния. Алексей же уверен в том, что Пётр I не решится приговорить к смерти собственного сына, он молчит и не просит о прощении. В

конечном итоге царевич Алексей был заключён в Петропавловскую крепость, где умер от пыток 26 июня 1718 года.

Название картины Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895 г.) раскрывает еще одну страницу русской истории. Процесс покорения Сибири начался в конце XVI века с Сибирского похода Ермака Тимофеевича. Местные племена оказывали сопротивление продвижению русских на восток. Наиболее активное сопротивление русским оказали Сибирское ханство и енисейские кыргызы. Сюжетом картины является решающий бой на Чувашевом мысу между казачьей дружиной Ермака и воинами сибирского хана Кучума в 1582 году. В целом покорение Сибири завершилось уже к концу XVII века.

Фрагмент трагической мировой истории отображен в картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи», которую он писал в Италии почти 6 лет: с 1827 по 1833 гг. Сюжет повествует об известной трагедии — гибели древнеримского города Помпеи в результате катастрофического извержения Везувия 24 августа 79 года н. э. На картине мы видим черное небо, пылающий вулкан, вспышки молнии сквозь пепел и гарь, падающие с крыш статуи, несчастных людей, пытающихся спастись:

*Летели в небо камни, пепел, газ,
Закрыли солнце — не пробьётся лучик,
Светилось жерло в темноте, как глаз,
Кровавым светом озаряя тучи.*

*В багровых сумерках метался люд.
Спаستись стремления напрасны были.
Стенанья, крики, плач то там, то тут
Сливались в жуткий хор. Собаки выли.*

*И тут посыпал с неба чёрный снег
Из пемзы, мелких камешков и пепла.
Он погребал бесстрастно всё и всех
В багровом свете адового пекла.*

*И вдруг сильнейший взрыв вулкан сотряс
И треснул конус, не сдержав напора,
А вырвавшийся раскалённый газ,
Не в небо устремился, а на город!*

*С немыслимою скоростью поток
Гиеной огнедышащей катился,
Прошёл по городу и всё живое сжёг.*

Помпеи в город мёртвых превратился. (М. Костынюк)

Из 20000 жителей Помпей погибло около 2000 (Всего в трех городах и соседних селах погибло примерно 16 000 человек). На фотографиях можно видеть не только положение тел в момент гибели, но даже выражение ужаса и агонии на их лицах. Сила извержения была такова, что пепел от него долетал даже до Египта и Сирии. Люди сгорали заживо при температуре 500 и более градусов. Тепловая энергия, выделенная Везувием, многократно превосходила ту, что выделилась при атомном взрыве над Хиросимой.

И при всем ужасе страданий, страха, боли картина излучает добро и милосердие: сыновья выносят парализованного отца, женщина закрывает своих детей, мужчина защищает телом свою семью. Карл Брюллов в своей картине воспевает человека, его силу духа, способность противостоять смерти.

Живопись – это не только история, религия, мифология, она являет собой художественное зеркало жизни людей, бытовых ситуаций, окружающей природы.

Достаточно перечислить, например, названия картин Алексея Венецианова, отражающих жизнь простых крестьян: «На пашне. Весна», «Гумно», «Жнецы», «Спящий пастушок», «На жатве», «Крестьянка с васильками»; бытовые картины Павла Федотова: «Свежий кавалер», «Разборчивая невеста», «Сватовство майора», «Завтрак аристократа»; отражение социальной жизни в картинах Ильи Репина «Бурлаки на Волге», «Запорожцы», «Крестный ход в Курской губернии»; сказочные сюжеты в картинах Виктора Васнецова: «Ковер-самолет», «Три царевны подземного царства», «Витязь на распутье», «Богатыри», «Иван Царевич на Сером Волке».

Огромный пласт в живописи отражает русскую литературу, архитектуру, театр и под. Назовем лишь некоторые из многочисленных портретов русских писателей, композиторов, общественных деятелей: известнейший портрет А.С. Пушкина кисти О. Кипренского, портреты И.А. Крылова (К. Брюллов), А.И. Герцена (Н. Ге), А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского (В. Перов), Л.Н. Толстого, П.М. Третьякова, Д.П. Григоровича, И.И. Шишкина (И. Крамской), А.Ф. Писемского, М.П. Мусоргского, А.К. Глазунова (И. Репин).

Таким образом, содержание любого настоящего, талантливого текста культуры, любого жанра и объема, является художественным транслятором жизни народа, его истории, религиозных воззрений и традиций, при этом происходит не просто отражение, а художественное преобразование многомерного, сложного, постоянно меняющегося мира человека и человечества.

Литература

1. Граудина, Л.К. Русское слово в лирике XIX века / Л.К. Граудина, Г.И. Кочеткова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 386 с.
2. Иванов, Е.Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси: монография / Е.Е. Иванов, В.А. Маслова, В.М. Мокиенко. – М.: РУДН, 2022. – 406 с.
3. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: «Прогресс», 1992. – 272 с.
4. Маслова, В.А. Филологический анализ поэтического текста / В.А. Маслова. – Минск: Могилевская областная типография, 1999. – 208 с.
5. Новый Завет, Евангелие от Иоанна: Ин. 1:29–31.
6. Религии мира: история, культура, вероучение / под. ред. А.О. Чубарьяна и Г.М. Бонгард-Левина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 400 с.
7. Слово о полку Игореве / Повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 395–419.

С.А. Мызников

Институт славяноведения Российской академии наук
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
e-mail: myznikovs@rambler.ru

УДК 800.87

КАТОЙКОНИМЫ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРОЗВИЩА В БЕЛОМОРЬЕ

Ключевые слова: *катойконим, прозвище, этноним, этнофолизм, эндонимы, экзонимы.*

В данной статье представлен анализ коллективных прозвищ, катойконимов, которые были собраны в Беломорье на территории Карелии, Мурманской, Архангельской областей. Отмечается, что большая группа коллективных прозвищ мотивирована представлениями об особенностях поведения, внешнего вида или чертах характера жителей той или иной местности. Представлены наименования побережий Белого моря, которые закреплены в устной традиции.

KATOIKONYMS AND COLLECTIVE NICKNAMES IN THE WHITE SEA

Key words: *katoikonym, nickname, ethnonym, ethnopholism, endonyms, exonyms.*

This article presents an analysis of collective nicknames, katoikonyms, which were collected in the White Sea region on the territory of Karelia, Murmansk, Arkhangelsk regions. It is noted that a large group of collective nicknames is motivated by ideas about the behavior, appearance or character traits of the inhabitants of a particular area. The names of the coasts of the White Sea, which are fixed in the oral tradition, are presented.

Материалом исследования послужили прозвища, полученные в ходе работы над книгой «Русские говоры Беломорья» [5]. Книга написана по оригинальным материалам, собранным автором в полевых условиях в ходе диалектологических экспедиций на территориях Республики Карелия, Мурманской и Архангельской областей в течение 30 лет. В работе имеется также словарь, в текст которого включались ономастические материалы: топонимия, микротопонимия, антропонимия, зоонимия и т. п., ввиду важности данных этих пластов для дальнейших этнолингвогеографических исследований.

Кроме того, в ходе полевой работы нередко удавалось получать нужные сведения по прозвищам, распространенным в регионе, например:

Прозвища были: ре'пники лапинские – лапича'не, сумля'не – мещане, виремчане – кочегары, соль варили, су'хонцы – обливанцы, колежо'мы – лопари, юковляне – моржы', нюхчане – цари, Пётр Первый был, кафта'н стащи'ли, Ендогуба' – гага'ры, по имени отчеству посылают визитные записки, у них не дать и не просить, цену себе знают. Лапино – дереве'нцы, те'стельники – заонежские (Запись: Кузнецов Ф.А. Сумский Посад Беломорский р-н Карелии) [5, 577].

В данной статье фокус внимания сосредоточен на коллективных прозвищах, представленных в русских говорах Беломорья, под которыми понимаются характеризующие обобщенные именованья жителей какого-либо населенного пункта, не связанные напрямую с его названием. Коллективные прозвища трактуются также как микроэтнонимы, не связанные с топонимом и дающие оценку местному сообществу. Причем можно выделить два вида таких прозвищ: эндонимы – самоназвания, и экзонимы – прозвища, созданные вне характеризуемого сообщества. Вполне возможна такая их двоякая функция, как этнодифференцирующая и этноинтегрирующая. С помощью коллективных прозвищ выделяются различные местные сообщества: общерегиональный пласт, уровень района, деревни и т.п. Прозвища могут также отражать различные формы этнического самосознания и осознания других [1, 69; 2; 3].

Наряду с коллективными прозвищами для обозначения территориальных сообществ используются катойконимы — наименования, образованные от названий поселений. Приведем некоторые примеры, когда при наличии катойконима фиксируются также коллективные прозвища.

Варзуга – варзужа'на, варзужа'не, варзуча'не, также **мешо'чники, фарао'ны**. Вирма – виремча'не, ви'ремцы. Вожма Гора – вожмого'ра. Ворзога'ры – ворзога'р-

цы. Выгостров – выгостровля'не. Ендогуба – ендогубы, также **толстогу'бы, енду'шники**. Камени'ха – каменё'ва. Кашкара'нцы – кашкара'на. Кемь – кемля'не. Кереть – кереча'не. Ки'расозеро – ки'расозёры. Ковда – ко'вдяна, ковдя'не, также **крекали', крокали'**. Ко'йкинцы – койкинча'на. Ко'ла – коля'не. Колвица – колвица'не.

Колежма – колежо'мы, колемжа'не, также **лопари'**. Ку'зомень – кузомля'на, кузомля'не. Ла'пино – лапича'не, также **бога'товцы, дереве'нцы, ре'пники**. Мезе'нь – мезя'на. Нёнокса – ненокша'на, нёнокша'не. Ни'меньга – нименьжана, также **фараоны**. Ню'хча – нюхча'не. Подуже'мье – подуже'мцы. Соро'ка – сороча'не, сороча'на. Сумско'й Поса'д – сумля'не, также **меща'не**. Сухо'е – су'хонцы, сухончане, также **обли'ванцы, долгохребётны**. Хачела – хачеля'та [4, 16]. Чапома – чапомля'на. Чаваньга – чаванжа'на, также **чирки', кулики'**. Ши'жня – ши'жемцы, также **соба'чьи отцы'**. Ю'ково – юковляне, также **моржы'**.

Коллективные прозвища, хотя и в ряде случаев функционируют довольно широко, используются все же на неофициальном уровне. Обычно их задача – характеристика жителей какого-либо населенного пункта или местности с репрезентацией каких-либо отличительных черт. Довольно большая группа коллективных прозвищ мотивирована представлениями об особенностях поведения, внешнего вида или чертах характера жителей той или иной местности. Приведем некоторые примеры.

Пи'саные батоги' 'прозвище жителей н.п. Пулозеро'; **дрыны'** 'прозвище жителей д. Кильца'. Могли играть роль иные условия жизни или более высокий статус населения: **кофе'йники, меща'не** 'прозвище жителей г. Мезени'; **каричи'** 'прозвище жителей г. Сольвычегодска' (при коми *кар* 'город').

Причем, имеются случаи, когда в разных частях Беломорья фиксируются одинаковые прозвища: **зауго'льники** 'прозвище жителей г. Холмогоры'; 'прозвище жителей г. Кеми'; **фараоны** 'прозвище жителей с. Нименьга', 'прозвище жителей с. Варзуга'.

Нередко жители значимых в хозяйстве, торговле края населенных пунктов имели несколько прозвищ, представляющих разные стороны жизни: **Китай-город; кита'йцы** 'прозвище жителей с. Варзуга', также **коро'вы, мешо'чники, фарао'ны**.

Довольно часто при рассказе о прозвище следует разъяснение его происхождения

Кочега'ры 'прозвище жителей с. Вирма'. *Кочегары, соль варили.*

Мяки'нники 'прозвище жителей с. Кашкаранцы'. *Кашкарана – мякинники, очень любили пироги из мякины, ботвы репы. Варзуга. Кашкаранцы – мякинники. Ростили репу, так ботву ели с квасом. Чапома*

Опа'рники 'прозвище жителей д. Совполье'. *Совпола раньше рожь растили, рожь – то мололи и варили опару, потому что здесь речка нерыболовна.*

Рекоста'вы 'прозвище жителей д. Целегора': - *Жителей деревни Целегора прозвали рекоставами, потому что поздней осенью они вывозили сено с другого берега и ускоряли ледостав на Мезени с помощью брёвен. Мезен.*

Сажое'ды 'прозвище жителей г. Мезень и Мезенского уезда'.

Хотя в ряде случаев информант не может предложить объяснения происхождения прозвища, например: **куркаши'** 'прозвище жителей с. Ворзогоры', хотя

в диалектном лексиконе существует сходный апеллятив. Ср. **ку'ркатыш** 'затонувшее бревно, один конец которого торчит над водой'.

У носителей русских говоров Беломорья была распространена внутрорегиональная дифференциация, в первую очередь – противопоставление помор – не помор. Например: **Верхо'вцы** 'жители верховья какой-л. реки, не поморы'; **дв'ня'не** 'жители сел, деревень по берегам реки Северной Двины, выходцы с этих мест'; **вага'ны** 'прозвище архангелогородцев у жителей Терского берега'. Имеются прозвища, относящиеся к целому региону: **кра'сные голени'ща** 'прозвище жителей Беломорья'; **бахи'лье** 'прозвище поморов'. Иногда такое прозвище локально фокусируется: **бахилы** 'прозвище жителей д. Кянда' или **ля'мицкая бахила** 'прозвище жителей д. Лямца'.

Значительная часть селений Беломорья расположена вблизи от морского побережья, что может отражаться в коллективных прозвищах: **бережа'на** 'прозвище жителей сел Сорока, Шижня, Сухой Наволок, расположенных вблизи моря'. Кроме того, в недавнем прошлом большое значение имели названия исторических частей Белого моря, игравшие важную географическую и, нередко, дифференцирующую роль. Ниже приводятся все такого рода наименования, которые были зафиксированы по полевым и историко-этнографическим источникам.

1) **Абра'мовский бе'рег**. Южная часть побережья Мезенской губы от устья реки Мезень до мыса Воронов. 2) **Зи'мний бе'рег**. Побережье южной части Белого моря, восточной части Двинской губы от устья Северной Двины до мыса Воронов. 3) **Кандала'кшский бе'рег**. Побережье Белого моря от Кандалакши до Варзуги. 4) **Ка'нинский бе'рег**. Побережье в восточной части Белого моря от мыса Конушин до мыса Канин Нос. 5) **Каре'льский бе'рег**. Западное побережье Белого моря от Кандалакшского залива до реки Кемь. 6) **Ки'беремский бе'рег**. Часть Кандалакшского берега. 7) **Конушинский бе'рег**. Побережье в восточной части Мезенской губы от устья Мезень до мыса Конушин на полуострове Канин. 8) **Ле'тний бе'рег**. Юго-западный берег Белого моря. от устья Северной Двины до мыса Ухтнаволок. 9) **Ля'мицкий бе'рег**. Часть Онежского берега от устья р. Онеги до мысы Летний Орлов. 10) **Мезе'нский бе'рег**. Побережье Мезенской губы, состоящее из Абрамовского и Конушинского берегов. 11) **Му'рманский бе'рег**. Побережье Кольского полуострова Баренцева моря от мыса Святой Нос до границы с Норвегией. 12) **Оне'жский бе'рег**. Побережье в южной части Белого моря на северо-востоке Онежской губы от устья Онеги до мыса Ухт-Наволок. 13) **Помо'рский бе'рег**. Побережье Белого моря между реками Кемь и Онега. 14) **Пуло'ньгский бе'рег**. Побережье Белого моря от реки Шлица до реки Лиходеевка и устья реки Пулоньга. 15) **Ру'сский бе'рег**. Побережье, включающее в себя части Кандалакшского и Терского берегов. 16) **Те'рский бе'рег**. Побережье Белого моря от устья р. Варзуги до р. Пулоньги или мыса Святой Нос.

Представительна группа, мотивированная названиями птиц, рыб, животных, насекомых.

Ворона' прозвище жителей с. Чапома'.

Гага'ры 'прозвище жителей н.п. Ендогуба'; 'прозвище жителей н.п. Воренжа; 'прозвище жителей с. Княжая Губа'.

Гарьюса' 'прозвище жителей д. Кипарово'. *Рыба, мало ли её в бесчисленных озерах и реках Севера. Семга, сиг, лосось, палья, форель, гарьюс.*

Го'луби 'прозвище жителей с. Заакаурье'.

Гу'люшки 'прозвище жителей с. Заакакурье'.
Дрозды 'прозвище жителей д. Азополье'.
Журавли 'прозвище жителей д. Медведково'.
Коро'вы 'прозвище жителей с. Варзуга'.
Косачи 'прозвище жителей д. Макарьино'.
Куку'шки 'прозвище жителей с. Жердь'.
Кулики 'прозвище жителей с. Чаваньга'; 'прозвище жителей д. Большой Бор'.

Ку'ропти 'прозвище жителей д. Погорелец'; 'прозвище жителей д. Чаваньга'.
Ср. **Ку'ропоть** 'самец куропатки': - *Ку'ропти, ну куропатки*. Большая Кудьма.

Ку'ропы 'прозвище жителей с. Койда'.

Моржи 'прозвище жителей н.п. Юков'.

Мо'шки 'прозвище жителей д. Долгощелье'.

Стерля'дники 'прозвище жителей г. Онеги и Онежского района'.

Те'тринские соба'ки 'прозвище жителей с. Тетрино'.

Чирки 'прозвище жителей с. Чаваньга'; 'прозвище жителей с. Стрельня'.

Имеются прозвища, мотивированные наименованиями растений.

Кана'бреники 'прозвище жителей с. Кашкаранцы'. Ср.: **Кана'бра** 'багульник' Беломор. (Сумский Посад.), Сегеж. (Валдай, Вожма Гора), Медвежьегор. (Челмужи, Черкасы, Федотово, Ламбасручей), Прионеж. (Педасельга, Заозерье, Суйсарь), Лодейноп. (Коковичи, Тененичи, Акулова Гора), Тихв. (Пяхта, Новинка, Куневичи, Пильдеж Гора).

Рыбная ловля является весьма важным занятием в Беломорье, что нашло отражение в коллективных прозвищах, мотивированных орудиями лова, их частями, названиями рыб и т.п.

Керчаки 'прозвище жителей д. Пялица'. *Бо'льшэ селётку варили, но варили и треску'. И этово, там бычки эти, керчаки*. Княжая Губа. *И бычки, мы называем керчаки*. Умба.

Ки'басники 'прозвище жителей с. Лампожня'. Ср. **Ки'бас** 'оплетенный берестою или гибким корнем небольшой камень, привязываемый в качестве груза к нижней тетиве рыболовной сети' Кандалакш. Терск. (Тетрино) [Меркурьев 1979: 65].

Ки'слые ка'мбалы 'прозвище жителей д. Заозерье Мезенского района'.

Ревчае'ды 'прозвище жителей д. Патракеевка'. Ср. **ре'вча** 'рыба бычок': - *Ревчаеды за то, что ели ревчу*.

Тё'щенники 'прозвище жителей села Колежмы'. Ср. **тёщник** 'пирог, каравай белого хлеба, которые печет теща зятю на зверобойный промысел'. Терск.

Треское'ды 'прозвище жителей с. Нюхча'.

Единичны прозвища, которые мотивированы предметами рыбацкой одежды. **Рокана'** 'прозвище жителей Терского берега': - *Так роканама нас и зовут*. Кашкаранцы. *Рокана, рокана, у вас непарны рукава!* Варзуга. *А они' нас зва'ли рокана', прозвище. Рокана' –это одежда, а они рокана звали*. Умба.

Как уже отмечалось, для народов, населяющих северо-западную часть России, наряду с нормативными этнонимами *карелы, вепсы саамы, финны* имеются также диалектные наименования. Прозвищный этноним традиционно рассматривается как разновидность коллективного прозвища, неофициального наименования какой-либо этнической общности. Причем достаточно часто эта единица

может содержать указание на некоторые характеризующие данную общность признаки. Когда речь идет о прозвищных этнонимах, несомненна их диалектная характеристика, нередко узко локальное бытование. Эти единицы являются своего рода экзоэтнонимами, которые, фиксируются в русских говорах преимущественно как этнофолизмы. В русских говорах Беломорья такого рода данные также зафиксированы.

Кайва'ны 'прозвище жителей с. Нижмозеро'. Причем, в настоящее время эта единица фиксируется преимущественно как пренебрежительное наименование вепсов на территории их проживания в настоящем и в прошлом, при отсутствии сейчас этой этнической группы в Беломорье. Ср.: **кайва'ны** 'насмешливое прозвище вепсов' Тихв. Новг., 1895. Капш., Оят. Ленингр. [СРНГ, 12, 324].

Лопари 'прозвище жителей с. Колежда'. Данная единица представляет собой прежнее название народности саамы. В настоящее время фиксируется преимущественно в контактной зоне проживания саамов в Мурманской области, а также в пинежских говорах, хотя в XIX веке имело более широкое распространение: **Лопарь** 'не уважающий христианскую религию, нехрист' Тихв. Новг., 1852. [СРНГ 17: 131].

Америка'нцы 'прозвище жителей с. Оленица': - *Оле'ница была', они' де'лали э'ти вот ло'тки, их америка'нцы зва'ли, про'звище. Вот де'лали суда', Аме'рика у'мна, а мы ещё дураки' бы'ли.* Умба.

Причем единица **англича'не** фиксируется как прозвище жителей с. Кузрека, а также имеется следующая запись: *Нюхчане – те же англичане, только наречие не то.* Нюхча. Последний пример, на наш взгляд, все же нельзя рассматривать как реализацию прозвища, он скорее всего является присловьем.

В отношении этнонимов (по источникам начала XX века) отмечается общая номинация для иностранцев - **не'мцы** 'иноземцы (шведы, финны)', **ка'инские не'мцы** 'норвежцы', **све'йские немцы** 'шведы'. В описании прозвищ (по позднейшим полевым данным) приводятся также и другие материалы, которые ранее не фиксировались: **алба'нцы, турки, францу'зы** [4, 16].

Таким образом, в основе номинации жителей определенной деревни или части региона могут лежать самые разнообразные признаки: род занятий, этническая принадлежность, особенности местного говора, внешний вид, некоторые черты характера, предпочтения в еде, ассоциации с флорой и фауной.

Литература

1. Дранникова, Н.В. Образ архангелогородца в микроэтнонимах – прозвищах / Н.В. Дранникова // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-99» / редкол.: Р.Б. Калашникова и др. – Петрозаводск, 2000. – С. 69–74.

2. Дранникова, Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. / Н.В. Дранникова. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 432 с.

3. Кушкова, А. Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозерского р-на Вологодской области) / А. Кушкова // Антропологический форум - № 11. – ONLINE. – С.1–32.

4. Макарова А.А. Коллективные прозвища жителей Онежского района Архангельской области / А.А. Макарова, К.А. Чекан // Живая старина. – 2019. – № 3 (103). – С. 16–19.

5. Мызников, С.А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования /С.А. Мызников. – М.; СПб.: Нестор-История, 2021. – 912 с.

УДК 811.161.1'373.2:811.161.3'373.2

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ОНОМАСТИКОН БЕЛАРУСИ: НОМИНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА)

Ключевые слова: *периферийный ономастикон, артионим, номинативная стратегия, номинативная тактика, номинативная практика.*

Объектом исследования в статье выбраны артионимы – названия произведений разных видов искусства. Предметом исследования являются номинативные стратегии, реализующие их тактики, и языковые средства, используемые в номинативной практике в области артионимии. Подчеркнуто, что артионимы способствуют пониманию и интерпретации смысла произведения искусства, служат для декодирования его невербальной формы. Сделан вывод о том, что артионимия Беларуси репрезентирует сложившуюся систему номинативных стратегий и тактик, проявляющих в отдельных подсистемах артионимии разную степень активности.

O.B. Perekhod
Brest State University named after A.S. Pushkin

PERIPHERAL ONOMASTICON OF BELARUS: NOMINATIVE STRATEGIES AND TACTICS (BASED ON THE NAMES OF WORKS OF ART)

Key words: *peripheral onomastycon, artionym, nominative strategy, nominative tactics, nominative practice.*

The object of research in the article is chosen artionyms – the names of works of different types of art. The subject of the study is nominative strategies, implementing their tactics and language tools used in nominative practice in the field of artionymy. It is emphasized that artionyms contribute to the understanding and interpretation of the meaning of a work of art, serve to decode its nonverbal form. It is concluded that the artionymy of Belarus represents the established system of nominative strategies and tactics that demonstrate different degrees of activity in individual subsystems of artionymy.

Периферийный ономастикон современной Беларуси отражает тенденции, происходящие в области искусственной номинации, и характеризуется динамическими процессами, такими как расширение ономастического пространства, активное обновление и пополнение разных онимических разрядов новым фактическим материалом. Новые языковые факты вводятся в научный обиход, исследуются на основе современных теоретико-методологических разработок в области ономастики, междисциплинарных научных направлений, сложившихся в русле антропоцентрической парадигмы научного знания. Объектом нашего научного интереса выбраны артионимы – значимый сегмент идеонимной подсистемы периферийного ономастикона, которые выполняют ряд социальных функций, тесно связаны с общественным сознанием, духовной жизнью социума. Наше внимание

сосредоточено на характеристике номинативных стратегий и тактик в области артионимии.

К артионимам относятся названия произведений разных видов искусства: изобразительного, декоративно-прикладного, монументального, музыкального, сценического, искусства фотографии, кино, искусства слова (литературы). Артионимы представляют собой обширный и пестрый по составу разряд имен собственных, находятся на периферии ономастического пространства, отличаются разнообразием в семантическом, структурном, деривационном, функционально-прагматическом плане. Данный подкласс имен собственных, помимо номинативной, идентифицирующей, дифференцирующей, аттрактивной, прагматической функций, обладает «особой эстетической функцией» [2].

Номинативная стратегия в именовании произведений искусства является «стратегией понимания и интерпретации смысла» [3, 108]. Стратегия создания артионима представляет собой сознательный акт воплощения авторского замысла в вербальном выражении, «в донесении сути произведения в концентрированной словесной форме до адресата» [1, 3]. Стратегия получает реализацию через коммуникативные тактики – совокупность практических ходов в реальном процессе коммуникативного взаимодействия, позволяющих достичь поставленных целей в конкретных ситуациях. В качестве средств реализации тактик при вербальной коммуникации выступают языковые единицы разных уровней – лексемы, свободные сочетания слов, фразеологизмы, предикативные единицы.

Для презентации произведений кино, музыкального, театрального, изобразительного и циркового искусства, художественных выставок используются афиши (баннеры, растяжки, буклеты), представляющие собой семиотически осложненные, поликодовые образования – креолизованные тексты, содержание которых раскрывается как вербальными средствами, так и средствами других семиотических систем (цвет, шрифт, рисунок, оригинальный дизайн и др.) Артионим – вербальная часть креолизованного текста, способствующая оптимизации воздействия его невербальной части, реализации рекламной и аттрактивной функций, – вносит дополнительные семантические и экспрессивные оттенки в первоначальное восприятие произведения искусства.

Анализ языкового материала показал, что артионимы как вторичные по отношению к называемому арт-объекту знаки используются для выражения плана содержания, отражают его в однословной, многословной или предикативной номинации, т.е. служат для декодирования, объективации невербальной формы произведения искусства. Основная задача артионима – передача темы/идеи произведения искусства, акцентирование мыслей автора.

Для достижения коммуникативных целей номинаторы произведений разных видов искусства пользуются определенными номинативными стратегиями и тактиками. Каждая из установленных стратегий реализуется в номинативных тактиках (НТ) с помощью целого ряда языковых средств разных уровней (графических, словообразовательных, лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических).

Стратегия презентации (информирования). Основная цель стратегии – представление произведения искусства, донесение информации до адресата. В произведениях невербального искусства (живопись, скульптура, графика, монументальное искусство) основным компонентом является невербальная – иконическая часть (рисунок, картина, скульптура, памятник). Вербальная часть представляет собой надпись или подпись, т.е. наиболее распространенная модель:

изображение+надпись/подпись, серия изображений+надписи/подписи. [1, 9]. Стратегия реализуется через номинативные тактики (НТ), учитывающие содержательную, концептуальную или жанровую природу произведения искусства: НТ «Называние темы», «Определение жанра», «Определение основной идеи», «Тактика объяснения» (раскрытие, уточнение сущности предметов, явлений), «Презентация интересных фактов, героев», «Прямое называние/идентификация» (героя, предмета, детали, места, времени, события), «Называние-посвящение», «Характеризующее называние», «Условно-символическое называние» (устанавливает связь между артионимом и произведением искусства косвенно), «Символическое называние» (в артиониме вербализуются внутреннее состояние, рефлексии автора или адресата), «Указание локализации» и др. В качестве языковых средств выражения выступает широкий круг слов с информативным значением, актуализирующим разные признаки денотата: жанровый, тематический (гендерный, семейный, профессиональный, социальный, локальный, темпоральный, акциональный и др.): «Портрет учительницы Т.В. Филипенко» (В. Андросов, живопись), «Мстиславский пейзаж» (Ф. Киселев, живопись), «Натюрморт с чертополохом» (В. Рубцов, живопись), «Беларускі пейзаж» (П. Маслеников, живопись), «Полевки» (А.А. Алонцев, живопись), «Свеча» (А.А. Григорьев, живопись); «Маковое поле» (Д.Н. Выморкова, гобелен), «Леопард» (Л. Антимонов, монотипия), «Король» (И. Казак, скульптура), «Коллекционер» (И. Базан, фотография), «Гимнаст» (М. Глушко, живопись), «Люпин» (А. Шеремет, живопись), «Паяцы, короли и шуты» (В. Рубцов, живопись), «Народный поэт Белоруссии Якуб Колас» (В. Андросов, живопись), «Художник В. Вольнов» (И. Барсуков, фотография), «Солнце русской поэзии А.С. Пушкин» (В. Андросов, живопись), «Актриса театра Я. Коласа Галина Дягилева» (М. Шмерлинг, фотография), «Кудяны – забытая деревня» (И. Барсуков, фотография); проект «Среда музыкальная» (Гомельский симфонический оркестр), кованный арт-объект «Фонарщик» (аллея фонарей в г. Бресте); скульптуры «Девочка с совой», «Молодожены», «Скорбящая мать», «Девочка с зонтиком», «Глашатай», «Почтальон», «Клоуны-музыканты».

Стратегия самопрезентации имеет целью представление в артиониме личности создателя произведения искусства. Любое произведение искусства – это прежде всего самовыражение автора, субъективное видение мира, событий, героев, экспликация чувств, переживаний и т.д., поэтому в нем всегда виден автор, создатель. В основе стратегии при номинировании произведения искусства лежит задача создания автором «образа себя», «моделирования личности автора». Автор через название произведения может войти в непосредственный контакт с адресатом, поделиться собственными впечатлениями, выразить эмоции. Стратегия воплощена в НТ «Прямая/косвенная дескрипция автора»: «Экслибрис Николая Селищука» (Н.М. Селешук), «Рожденный в маске» (Л.Б. Алимов), «Автопортрет в Инфанте» (В. Кочан) и др. НТ «Интимизация» достигается с помощью использования личных и притяжательных местоимений, качественных имен прилагательных, глаголов 1-го лица: «Моя Брестчина» (П.А. Данелия), «Любимая пара» (Л.А. Довбуш), акварельные серии «Маё Палессе», «Палессе майго дзяцінства» (М.И. Кебец), «Город детства» (А. Фетисова); книги «Мой храм», «Я буду пить любовь...», «Я слышу музыку во мне» и др. НТ «Мы-эффект» выражается в побуждении адресата идентифицировать, отождествлять себя с автором, в установлении баланса в отношениях адресант – адресат, в общности интересов: Проект «Наши традиции» (симфонический оркестр г. Гомеля), «Не забудем» (Э.С. Куфко) и др.

Стратегия определения, формирования и удержания целевой аудитории направлена на привлечение внимания и активизацию восприятия произведения искусства зрителем (слушателем, читателем). Получает репрезентацию в НТ «*Апелляция к адресату*», использующей признаки диалогичности, ориентированной на взаимодействие с аудиторией. Обращение к адресату реализуется через побуждение, приглашение, вопрос: концертная программа «*Добро пожаловать в филармонию*» (Гродненская областная филармония), «*Всё?*» (А.А. Григорьев), музыкальный проект «*Проведи каникулы с пользой*» (Гродненская областная филармония); скульптура «*Тебе, спасатель*» и др. Применяется НТ «*Кооперация*»: ретро-салон в стиле 60-х «*Танцуют все!*» (Брестская областная филармония), х/ф «*Поговорим, брат*», музыкальный альбом «*Гэта МЫ!*» (Андрэй Мельнікаў).

Ценностно-ориентированная стратегия основана на актуализации в артиониме важных для автора, адресата, общества ценностей, нравственных начал, принципов, жизненных установок (патриотизм, любовь, вера, верность, единение, долг, память и др.). Данная стратегия пронизывает ряд имен собственных, наслаиваясь на иные стратегии и тактики. Получает реализацию в НТ «*Апелляция к духовно-нравственным ценностям*»: скульптуры «*Родина-мать*», «*Возрождение слущкого пояса*»; скульптурные композиции «*Верность*» (В. Пантелеев), «*Адзінства*» (А. Воробьев); «*Памяти моего отца*» (М.К. Коньков), «*Цветы Родины*» (А.А. Алонцев), «*Родны край*» (А. Толкач, живопись), «*Родительский дом*» (Ф. Гумен, живопись); концертная программа «*Наша армия – символ отваги и доблести*» (театр танца, Гродно) и др. Особую группу в рамках данной стратегии составляет НТ «*Апелляция к библейским мотивам*»: «*Адам и Ева*» (М. Бычковский, керамика), «*Иисус Христос*» (И. Казак, скульптура), «*Изгнание из рая*» (О. Костогрыз, живопись).

Стратегия эмоционального воздействия призвана вызвать эмоциональный отклик у адресата произведения искусства, ориентирована на актуализацию общих для адресата и адресанта категорий, возникающих в результате восприятия и оценки информации на определенной эмоциональной основе. Реализуется в номинативных тактиках с помощью коннотативно маркированных лексических средств, существительных с абстрактным значением, метафор, олицетворений, оценочных эпитетов: НТ «*Апелляция к эмоционально-чувственным или ментальным состояниям человека*»: скульптура «*Грустный клоун*» (В. Пантелеев), монументальная роспись «*Мастацтва акрыяе*» (П. А. Данелия), триптих «*На парозе бессмяротнасці*» (Н.Д. Чурабо), «*Морщины земли*» (П. А. Данелия, живопись), «*Теплый сентябрь*» (Т.В. Потворова); «*Радость*» (А. Ковалев, живопись), «*Счастье есть*» (А. Изоитко, живопись), «*Восторг*» (Н. Таранда, живопись), «*Грусть*» (В. Лебедко, живопись), «*Вдохновение*» (Н. Таранда, живопись), «*Самота*» (М.Б. Князева, живопись), «*Сакавік. Ціхі дзень*» (П.С. Мысливец, живопись); проект симфонического оркестра «*Вечность*» (Гомельская областная филармония). НТ «*Эстетизация*» позволяет транслировать информацию о произведении искусства, актуализируя представления о красоте, гармонии и акцентируя экспрессию изображения: живописные полотна «*Знак лазурного дня*» (В. Вольнов), «*Дыхание весны*» (Б. Лалыко), «*Восеньская звонкасць*», «*Румянец у срэбры*» (П.А. Данелия); композиция из стекла «*Свежасць восені*» и др. Авторы произведений искусства в процессе номинации часто прибегают к приему синестезии (восприятие зрительных образов через слуховые): «*Рапсодия в сиреневом*» (В. Джукич, живопись), «*Восеньская мелодыя*» (Н. Арсланов, картина), «*Ритмы лета*» (Т. Лисица, гобелен), «*Апассионата*» (Б. Кузьмичев, графика), «*Музыка осени. Танец сухой мимозы*» (В. Лебедко, живопись) и др. В рамках этой стратегии действует НТ «*Апелляция к*

адресату», направленная на изменение отношения адресата к окружающей действительности. Основные языковые репрезентанты – глаголы в форме повелительного наклонения, предложно-падежные сочетания с предлогом «за» в значении ‘лицо или предмет, во имя или в защиту которых совершается действие’: «Помогите детям Чернобыльской зоны» (В. Круковский, плакат), «Будь оптимистом» (И. Столяров, акварель), «За экологию» (В. Круковский, плакат) и др.

Стратегия воздействия на когнитивный уровень сознания. Номинатор обращается к уже усвоенным адресатом понятиям, знаниям, историческим, культурным фактам. Стратегия реализуется посредством следующих тактик: НТ «Погружение в историю/актуализация исторического прошлого» используется в названиях произведений искусства, созданных на историческую тему, обращенных к прошлому: мозаика «Старожытнае Бярэсце» (В.С. Базан), «Год 1945» (А. Толкач, живопись), «Курловский расстрел» (И. Давидович, живопись), «Дорогами войны» (П. Гривусевич, живопись), «Ленинградская блокада» (В. Андросов, живопись), «Память. Холокост» (В. Вольнов, инсталляция), концертная программа «Шаги времени» (театр танца, Гродно) и др.; НТ «Апелляция к мировому культурному наследию»: «То время года видишь ты во мне» (Б. Кузьмичев, графика) – цитата из сонета У. Шекспира; «Гулливер» (А. Гвоздикив, скульптура) – отсылка к роману Джонатана Свифта «Приключения Гулливера» и др.; НТ «Апелляция к фоновым знаниям» устанавливает рациональный, эмоциональный контакт с целевой аудиторией; маркерами НТ активно выступают прецедентные феномены (антропонимы, высказывания, тексты, фразеологизмы): цикл акварелей «Жыві і памятай» (Л.А. Довбуш), концертные программы «Память сердца», «Старая пластинка», «Вальс о вальсе», «Конфетти-шоу, или когда часы 12 бьют» (Гомельская областная филармония) и др. Сферы-источники прецедентности – фольклор, религия, наука, история. Номинаторы часто обращаются к литературе, названиям и героям литературных произведений: скульптура В.Н. Пантелеева «Лягушка-путешественница» (ср. «Лягушка-путешественница» – детская сказка В.М. Гаршина), скульптура Н.С. Скляра «Кот Василий» (герой русских народных сказок); артионим «Фауст. Прудмова» (А. Сильванович) – аллюзия на тему философской драмы И. Гёте «Фауст». Встречаются номинации-цитаты, например, картина «...вдоль осенних оград, вдоль деревьев неясных...» (М.К. Коньков) – цитата из стихотворения И. Бродского «Проплывают облака»; название картины А.А. Алонцева «У бубны дахаў вецер б’е» навеяно стихотворением М. Богдановича «Завіруха»; серия картин «А снег идет...» (Е. Кузнецова) – цитата из стихотворения Е. Евтушенко.

В артионимии стратегии и тактики демонстрируют разную степень активности. В монументонимах наиболее востребованы тактики «Прямое название», «Называние-посвящение», «Называние-объяснение»; в фильмонимах, библионимах набор стратегий и тактик расширяется: прямые номинации соседствуют с вторичными, порождая новые культурные, ценностные смыслы; в названиях произведений живописи, графики, фотографии применяется максимально широкий спектр стратегий и тактик.

Используемые для номинации произведений искусства стратегии и тактики обычно действуют комплексно, усиливая производимый аттрактивный эффект, например, «Берёзы летом. Раздумье» (К.К. Колодич) – стратегия презентации и одновременно стратегия эмоционального воздействия; «Несцерка» (М. Борисова, резьба по дереву) – стратегия информирования (НТ «Прямое название/идентификация») и стратегия эмоционального воздействия (НТ «Актуализация фоновых знаний»), «Иулиания и Ольгерд» (С. Баранковская, гобелен) – страте-

гия информирования («Прямое название/идентификация») и стратегия адресации коммуникативного воздействия к когнитивному уровню сознания реципиента (НТ «Актуализации исторического прошлого»), «Родина» (И. Барсуков, фотография) – стратегия информирования (НТ «Локализация») и ценностно-ориентированная стратегия.

Таким образом, артионимия Беларуси репрезентирует вполне сложившуюся систему номинативных стратегий и тактик.

Литература

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креализованных текстов): учеб. пособие для студ. фак-в иностр. языков вузов / Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.

2. Бурмистрова, Е.А. Названия произведений искусства как объект ономастики [Электронный ресурс] / Е.А. Бурмистрова. – Режим доступа: <https://docplayer.com/36369517-Nazvaniya-proizvedeniy-iskusstva-kak-obekt-onomastiki.html>. – Дата доступа: 03.04.22.

3. Редько, Г.В. Коммуникативная стратегия как стратегия понимания и интерпретации смысла / Г.В. Редько, А.А. Еремеева // Вестник АГУ. Сер. Филология и искусствоведение. – 2017. – Вып. 4 (207). – С. 108–113.

И.М. Петрачкова

Учреждение образования «Гомельский государственный
медицинский университет»
e-mail: innamihail@mail.ru

УДК 811.161.1'373.23:821.161.1-2Галин

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРИ СОЗДАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ АНТРОПОЭТОНИМОВ В ДРАМАТУРГИИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ГАЛИНА

Ключевые слова: *имя собственное, антропоэтоним, ономапоэтические средства, авторская репрезентация, драма, фикциональное имя, прецедентное имя.*

В статье исследуются имена собственные в контексте таких драматургических произведений А. Галина, как «Чешское фото», «Аккомпаниатор», «Сирена и Виктория», «Аномалия», «Звезды на утреннем небе», «Восточная трибуна», «Ретро», «Библиотекарь». Здесь рассматриваются антропоэтонимы, представленные фикциональными и прецедентными проприальными единицами, номинирующими сюжетных и внесюжетных действующих лиц драм, варианты личных имен, а также роль апеллятивно-онимного взаимодействия. Прослеживаются ономапоэтические тенденции при выборе антропоэтонимов, которые присущи идиостилю драматурга второй половины XX века А. Галина.

I.M. Petrachkova

Educational Institution "Gomel State Medical University"

MAIN REGULARITIES IN THE CREATION AND USE OF ANTHROPOETONIMS IN THE DRAMA BY ALEXANDER MIKHAILOVICH GALIN

Key words: *proper name, anthropoetonym, onomapoetic means, author's representation, drama, fictional name, precedent name.*

The article examines proper names in the context of such dramatic works by A. Galina, as "Czech Photo", "Accompanist", "Siren and Victoria", "Anomaly", "Stars in the Morning Sky", "Eastern Tribune", "Retro", "Librarian". Here we consider anthropoetonyms represented by fictional and precedent proprietary units that nominate plot and extra-plot actors in dramas, variants of personal names, as well as the role of appellative-onymic interaction. Onomapoetic tendencies are traced in the choice of anthropoetonyms, which are inherent in the idiostyle of the playwright of the second half of the 20th century A. Galina.

Произведения, написанные для театра, отличаются от прозаических текстов, поскольку они создаются, прежде всего, для того, чтобы быть представленными на сцене. Драматург (в отличие от писателя-прозаика, чье творение, как правило, имеет два компонента: текст повествователя и текст персонажей), достаточно ограничен в средствах характеристики того или иного действующего лица, выражения своего отношения к происходящим событиям, героям и их поступкам, передачи авторской концепции. Именно поэтому в театральных пьесах значимо каждое слово, в том числе особая смысловая нагрузка отводится проприальным единицам, присутствующим в художественном тексте (ХТ). Имя собственное (ИС) здесь весьма нагружено в смысловом и идейно-философском отношении. Оно наряду с короткими авторскими ремарками (вводными / интродуктивными, указывающими на обстановку, декорации, а также межрепликового характера, отражающие передвижение персонажей на сцене и / или особенности произнесения ими реплик), речевой характеристикой самих героев, их поведением в ходе спектакля несет в себе огромный характеристический, семантико-эстетический, историко-культурный и эмоциональный потенциал. Благодаря экспрессии, эмоциональному накалу создается конфликт в пьесе, который и является движущей силой ее сценичности. Степень поэтичности драматургической речи, ее словесно-образная выразительность в свою очередь зависят от разнообразия речевых актов и от экспрессии языковых средств, в том числе, и литературных ИС.

Материалом исследования для нашей статьи стали антропоэтонимы, взятые методом сплошной выборки из таких ХТ драматургических произведений А. Галина, как «Аккомпаниатор», «Чешское фото», «Сирена и Виктория», «Аномалия», «Звезды на утреннем небе», «Восточная трибуна», «Ретро», «Библиотекарь» в фокусе их ономапоэтического прочтения. Нами выявлено более 230 проприальных единиц, не считая варианты. Объектом изысканий стали антропоэтонимы из вышеназванных драм. Предмет изучения статьи – общие (универсальные) возможности и свойства антропоэтонимов в указанных драматургических текстах. Цель работы – установление ономапоэтических универсалий, присущих творческой манере А. Галина при выборе им литературных антропоэтонимов, характерных для драматургических произведений автора последней четверти XX века. Статья отражает результаты применения дескриптивного, этимологического, лингвокультурологического, парадигматического и прагматического аспектов анализа антропоэтонимов.

В «Словаре русской ономастической терминологии» (1978 г.) Н.В. Подольская дифференцирует термины антропоним – «вид онима. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей, в т. ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка» [7, 30–31] и антропоним поэтический, под которым автор понимает «антропоним художественного произведения, который несет, кроме номинативной функции, стилистическую;

может иметь социальную и идеологическую нагрузку, обычно служит характеристикой героя произведения» [7, 31]. Далее исследователь дополняет дефиницию и предлагает другие возможные для нее обозначения: «Примеч.: а. п. может относиться к категории вымышленных имен, но часто писателем используются и реально существующие антропонимы или комбинации тех и других; часто вместо термина антропоним поэтический используются описательные словосочетания «антропоним художественного произведения», «имена в таком-то произведении», а также термин «антропоним литературный», однако последний неудобен в силу своей противопоставленности антропониму диалектному» [7, 32]. Составитель Словаря в своем вступительном очерке указывает: «Обозначение данным словом данного понятия – вещь условная. Слово-термин может меняться» [7, 8]. И далее: «Автор вполне отдает отчет в своей ответственности за возможную неполноту словника, за неточность некоторых дефиниций, связанную с неуточненностью в настоящее время отдельных ономастических понятий» [7, 6]. Профессор В.М. Калинин в своей статье «Знакомьтесь: поэтонимология» называет четыре принципиальных отличия семантики онима ХТ от семантики ИС в языке, констатируя тот факт, что «действительность литературного произведения по сути представляет собой виртуальную (от лат. *virtualis* – возможный) реальность» [4, 11–12], в связи с чем предлагается и новый понятийный аппарат по отношению к терминологической базе, касающейся именно ИС ХТ. Руководствуясь данными доводами, В. М. Калинин обуславливает и введение нового термина антропоэтоним [5, 38].

Под основными закономерностями в выборе и создании антропоэтонимов в нашем исследовании будем понимать общие тенденции (универсалии), свойственные антропонимикону ХТ отдельного автора или же характерные для целого литературного направления либо жанра, свидетельствующие об известной общности (универсальности) в области номинации героев литературных произведений одного автора или же текстов определенного художественного метода.

1. Отличительной особенностью проприального пространства пьес А. Галина является выбор писателем индивидуально-авторских, или фикциональных имен (далее ФИ) из современного реального антропонимикона, обладающих металогически значимым косвенным или скрытым подтекстом, а также отсутствие автологически мотивированных (искусственных) номинаций с прямой характеристикой действующих лиц драм [6, 69–70]. Так, в пьесе «Чешское фото» фамилия сюжетного персонажа Павла Раздорского соотносится с лексемой «раздор» – «разногласия между кем-либо, ссора, вражда» [9, 605] и косвенно раскрывает весьма натянутый и неприязненный характер межличностных отношений между бывшими друзьями-фотографами. Они встретились спустя много лет после события, перевернувшего судьбу каждого из героев. За появление сделанной молодыми людьми из Саратова фотографии обнаженной девушки в зарубежном журнале «Чешское фото», одного из друзей Льва Зудина посадили в тюрьму «за порнографию» [3, 13]. И, напротив, другому фотографу, Павлу Раздорскому, благодаря связям своих родителей, удалось полностью избежать какой-либо ответственности. Именно поэтому возникает определенная напряженность при встрече в ресторане и общении главных героев пьесы, которая постепенно перерастает в ссору. Лев Зудин решает наконец-то задать бывшему другу те вопросы, которые не давали ему покоя его все эти годы: «Почему я сидел, а ты нет?.. Почему меня объявили маньяком, а тебя нет? <...> Я сидел в колонии... Почему тогда ты ни разу не приехал ко мне... за столько лет. <...> Где ты был все это время?» [3, 13]. Напротив, «но-

вый русский» Пашка по кличке Павлин (ср. павлин – «крупная южно-азиатская птица семейства фазановых, с пестрым ярким оперением и большим распускающимся хвостом (у самцов)» [9, 9] отнюдь не пострадал от случившегося, а стал только элегантнее, богаче и успешнее: «ЗУДИН. ... А твой роскошный вид для меня не неожиданность – ты ведь в молодые годы имел кличку Павлин. По оперению ты теперь настоящий павлин, Павел... [3, 7]. Вопрос о несправедливости жизни давно терзает Зудина (ср. зуд – в перен. значении «разг. беспокойство, нестерпимое стремление к чему-либо» или с глаголом зудеть – перен. «надоедать, докучливо приставать с чем-либо» [8, 624]), поэтому Лев демонстрирует неприкрытую враждебность и назойливо возвращается к старым воспоминаниям и событиям прошлого, задавая неудобные вопросы и высказывая накопившиеся обиды. Он стремится раскрыть подлинную сущность Павла, уличить его в подлости и предательстве. Так, выбор автором ономапоэтических средств (Раздорский и Зудин) вовсе не случаен, поскольку в центре сюжета – непримиримый конфликт длиной в жизнь, который внутренне снедает и угнетает героев, является причиной раздора. Этимология личных имен действующих лиц драмы, на наш взгляд, тоже весьма символична и значима. Антропонимы коннотативно контрастируют друг с другом, внося дополнительные штрихи к образам персонажей драмы. Происхождение имени Павел – «лат. paulus малый» [10, 172] в завуалированной скрытой форме передает ничтожность «маленького человека», всю низость совершенного им поступка – предательства. И, напротив, Лев – «из греч. leon лев» [10, 143] смело и благородно берет всю вину на себя. В этой связи А. Галин, словно противопоставляет образы двух персон, Льва и Павлина, сравнивая их поступки с инстинктивным поведением одноименных животных: смелого царя зверей льва и красивой, но все же боязливой птицы, павлина.

2. В каждой из пьес весомая роль отводится авторской репрезентации (порой достаточно субъективной) избранных драматургом многих ФИ. Она осуществляется именно посредством реплик персонажа, т.к. текст повествователя отсутствует в драматургическом произведении. Героини комедии «Сирена и Виктория» обсуждают своих поклонников. Виктории совершенно не нравится фамилия ее нового знакомого: «ВИКТОРИЯ. ... Потом, его фамилия... СИРЕНА. ... Да какая же такая фамилия?! ВИКТОРИЯ. Он пришёл, <...> и говорит: «Моя фамилия Куль <...> Товарищи за глаза называют Кулёк». СИРЕНА. ... Ну, Куль и Куль. Какая разница тебе? ВИКТОРИЯ. Ты смогла бы жить с Кульком? СИРЕНА. ... Ты знаешь, какие у этого Кулька миллиарды? Одна моя подруга встретила мужчину с очень похожей фамилией, <...> Фамилия его была Пакет. ВИКТОРИЯ. Пакет – это всё-таки не Кулёк, это совсем другое дело. Пакет... Это даже красиво... <...> СИРЕНА. ... Потом у другой подруги был француз по фамилии Дебил. Пишется фамилия: Де Билль, а произносится – Дебил. <...> Мне его так и представили, сказали: его зовут Дебил, в переводе на русский – Дурак. А он был поумней многих наших... <...> ВИКТОРИЯ. ... А у этого Кулька ещё ко всему прочему имя – Герасим. Герасим Куль... СИРЕНА. ... Да если он не Кулёк и не Герасим (переключка с тургеневским героем из рассказа «Муму» – И.П.), то его знаешь, какая злая Муму (аллюзивное ИС употреблено в метафорическом значении «властная женщина» – И. П.) держит на коротком поводке, если он не Герасим!» [2, 11]. Авторская репрезентация ИС – это не только важное средство характеристики персонажей, но и один из приемов создания комического эффекта в ХК.

3. Апеллятивно-онимное взаимодействие характерно для всех пьес А. Галина. Апеллятивные слова при ИС обладают особым экспрессивно-

семантическим зарядом, они соотнесены с образом автора как выразителем главного идейно-эстетического смысла текста. Квалификатор в пре- или постпозиции рядом с ИС позволяет автору создавать яркий образ персонажа всего несколькими штрихами. Он может указывать на профессию, пол, возраст, социальный статус, степень родства, внутренние свойства героя, его внешние характеристики, факты биографии (молодой Козерог / высокий Козерог, отчим Руслан, композитор Чайковский – «Сирена и Виктория», Махлаков из управления, электрик Василий Иванович – «Ретро» и др.), а также выражать почтение, преклонение или, напротив, уничижение, сарказм, иронию, выступать в качестве маркеров вежливости и под. (милый Саша, Манька-оторва – «Звёзды на утреннем небе», товарищ Кукин / господин Кукин – «Аккомпаниатор» и пр.).

4. Использование ИС в качестве выразительных средств для создания юмора, иронии, сарказма и комического эффекта в драматургическом контексте (см. п. 2, 3). С этой целью автор вводит в ХТ и прецедентные имена (ПИ). Все ПИ, как нам представляется, подразделяются на две группы в зависимости от использования денотативного (привлечения энциклопедического контекста) или коннотативного (раскрытия филологического контекста) значения аллюзивного онима. В ряде пьес, чтобы тонко подчеркнуть необразованность героев, автор сознательно искажает широко известные аллюзии, включая их в речь персонажей драмы. Так, Сирена, чье имя, собственно, тоже заимствовано из греческой мифологии, Медузу Гаргону называет Медуза Горгонская, или Медуза. В диалоге Раздорского и Зудина А. Галин также использует подобную игру с ПИ: «РАЗДОРСКИЙ. ... Столько я переимел их (о женщинах – И.П.) за это время. Математик Ковалевский не смог бы подсчитать. <...> ЗУДИН. По-моему, математик была женщиной... Была математик Ковалевская... РАЗДОРСКИЙ. Это Лобачевская была женщиной... не путай. ЗУДИН. Да? По-моему, наоборот – женщины Лобачевской – не было. Была Ковалевская женщина, а Лобачевский был – мужчина. РАЗДОРСКИЙ. Мужчина Ковалевский был...» [3, 11]. Драматург в ХК пьес использует не только денотативное значение ПИ, требующее раскрытия определенных энциклопедических знаний о референте, но и их коннотативные возможности, когда данные номинации требуют привлечения филологического контекста и выступают, к примеру, в качестве ономастических сравнений, ономастических метафор и ономастических метонимий. Сирена, к примеру, так отзывается о своем бывшем муже, используя при этом ПИ: «Он, скот, как папа Карло (ономастическое сравнение – И.П.), строгал буратин (переход ИС в апеллятив: использование ед. ч. в значении мн. ч., ономастическая метафора – И.П., имеются в виду дети) по всей России, в то время когда я вдвоём с матерью, <...> мыкалась по подвалам [2, 9]. Достаточно часто мастер слова употребляет ономастические метонимии, например, в драме «Аккомпаниатор»: «ГРИГОРИЙ. Слушали Чайковского?» [1, 9], имеются в виду произведения этого композитора и другие примеры. Следовательно, коннотативные онимы несут дополнительные смысловые оттенки эмоциональности, выразительности, социальной оценочности.

5. Употребление в ХК всего спектра вариантов имен персонажей (гипокористик, квалитативов: деминутивов и пейоративов). Герои социально-бытовых пьес А. Галина чаще всего называют друг друга по именам, используя всю палитру вариантов ИС с целью передачи разноплановых оттенков эмоций героев по отношению друг к другу, а также избегания повторов в репликах действующих лиц пьес. Среди модификатов ИС есть гипокористики, выражающие эмоционально нейтральные отношения, указывающие на достаточно близкие семейные или

дружеские связи (например, имена бывших одноклассников, которые встретились спустя много лет из пьесы «Восточная трибуна» – Вадик, Шура, Наташа, Мила / Люда, Паша Толик, Витя, Валера и пр.). Активно транслирует драматург весь спектр эмоций и чувств героев посредством использования квалитативов, в частности, деминутивов Танюша / Татьяна, Васенька, Сашок, Володенька – «Аномалия»; Юрочка, Валерик, Наташенька – «Библиотекарь»; Шурочка, Верочка, Наташенька, Иванушка – «Восточная трибуна» и пейоративов Вадька, Верка, Ленька, Витька, Валька – «Восточная трибуна» и под.

6. Паритет однокомпонентных (личное имя / его вариант / прозвище, либо фамилия – см. примеры из п. 1, 2, 5) и двухкомпонентных (имя + отчество, имя + фамилия) по структуре антропонимов, отражающих сферу неофициальных, чаще бытовых отношений между героями пьес. ». Частотность использования таких номинации наблюдается в основном по отношению к возрастным персонажам, например, героям-старикам из двух драм А. Галина: Николай Михайлович, Нина Ивановна, Роза Александровна, Диана Владимировна / Диана Барабанова, Василий Иванович и др. («Ретро») и Жанна Владимировна, Светлана Васильевна, Изольд Тимофеевич, Софья Викторовна, Тимофей Кукин («Аккомпаниатор»). Весьма редко встречается трионимия (в основном только в прологе пьес или единичных репликах героев при их знакомстве).

Таким образом, в творчестве А. Галина прослеживаются основные универсалии, связанные с использованием металогически значимых антропонимов с косвенным и скрытым подтекстом, определенных (одно- и двухкомпонентных) структурных форм, вариантов личных имен, передающих всю полифонию чувств и переживаний героев, раскрывающих сферу их взаимоотношений, а также употреблением ИС в качестве средства создания на сцене юмористического, сатирического, комического эффектов.

Литература

1. Галин, А.М. Аккомпаниатор / А.М. Галин. – М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1998. – 32 с.
2. Галин, А.М. Сирена и Виктория / А.М. Галин. – М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1993. – 34 с.
3. Галин, А.М. Чешское фото / А.М. Галин. — М.: Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1993. – 26 с.
4. Калинин, В.М. Знакомьтесь: поэтономология / В.М. Калинин // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2017. – Т. 3. Вып. 1 (9). – С. 10–17.
5. Калинин, В.М. Литературная ономастика, или Поэтика онама / В.М. Калинин. – Донецк: ДНУ, 2002. – 41 с.
6. Петрачкова, И.М. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова / И.М. Петрачкова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология, 2021. – №1 – С. 64–76.
7. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Институт языкознания АН СССР / под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. // под ред. А.П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985—1988. – Т. I. А – Й. – 1985. – 696 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. // под ред. А.П. Евгеньевой. — 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. III. П – Р. – 1987. – 752 с.
10. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – Москва: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

УДК 81.373.211.5

О РОЛИ УРБАНОНИМИЧЕСКОГО МАРТИРОЛОГА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ключевые слова: *топонимия, урбанонимы, годонимы, социолингвистика, топонимический мартиролог, лингвокраеведение.*

В статье впервые осуществляется исследование исчезнувших наименований внутригородских линейных объектов в социолингвистическом и лингвокраеведческом аспектах, вошедших в топонимический мартиролог определенного региона России. Определяются основные причины лингвистического и экстралингвистического характера, приведшие к исчезновению урбанонимов в разных субъектах Российской Федерации в разные исторические эпохи. Выявляется связь между исчезнувшими урбанонимами и событиями местной истории и культуры. Автор приходит к выводу о необходимости издания словаря исчезнувших топонимов в каждом субъекте Российской Федерации. Начать же эту масштабную работу следует с выявления и социолингвистического анализа исчезнувших урбанонимов, в частности, годонимов.

S.A. Popov
Voronezh State University

ON THE ROLE OF THE URBANONYMIC MARTYROLOGY IN REGIONAL TOPONYMIC STUDIES

Key words: *toponymy, urbanonyms, godonyms, sociolinguistics, toponymic martyrology, linguistic local history.*

The article is the first to study the disappeared names of intra-city linear objects in sociolinguistic and linguocraevedic aspects included in the toponymic martyrology of a certain region of Russia. The main reasons of linguistic and extralinguistic nature that led to the disappearance of urbanonyms in different subjects of the Russian Federation in different historical epochs are determined. The connection between the disappeared urbanonyms and the events of local history and culture is revealed. The author comes to the conclusion that it is necessary to publish a dictionary of disappeared toponyms in each subject of the Russian Federation. This large-scale work should begin with the identification and sociolinguistic analysis of disappeared urbanonyms, in particular, godonyms.

Наименования внутригородских объектов (урбанонимы), в частности, годонимы (названия линейных объектов населённых пунктов), являются одним из самых частотных разрядов топонимов.

Большой вклад в изучение урбанонимии Республики Беларусь внесла достойный представитель Витебской ономастической школы – доктор филологических наук, профессор Анна Михайловна Мезенко, которая по праву признана коллегами из многих стран мира крупнейшим специалистом в этой сфере. Результаты её научной и общественной деятельности впечатляют не только специалистов-ономастов.

В частности, благодаря многолетней исследовательской работе Анны Михайловны определен статус урбанонима в топонимии и ономастике; выявлены границы урбанонимного пространства, включающие годонимы, агоронимы, ойкодомонимы, городские хоронимы, урбаногидронимы, экклезионимы; установлены основные процессы в истории белорусской урбанонимии и её этапы: донативный и национальный; определены структурные, урбанонимообразовательные, семантические типы урбанонимов и их ареалы; зафиксирована степень продуктивности структурных, урбанонимообразующих моделей в урбанонимии Беларуси на современном этапе и на иных исторических этапах; показаны особенности проявления принципов номинации в разных урбанонимных полях; разработаны требования к русской передаче белорусских урбанонимов; установлены критерии оценки наименований и переименований внутригородских объектов. При непосредственном участии А.М. Мезенко установлен лингвистический статус названий культурно-бытовых учреждений; выявлены структурные типы и способы грамматического выражения названий культурно-бытовых учреждений Беларуси; определены мотивы номинации и выделены тематические группы названий культурно-бытовых учреждений разных типов в разные исторические периоды; охарактеризованы основные коннотативные семы, наиболее последовательно прослеживающиеся в названиях культурно-бытовых учреждений Беларуси; выработаны практические рекомендации по номинации культурно-бытовых учреждений Беларуси. И этот список заслуг А.М. Мезенко далеко не полный, в связи с чем исследователям урбанонимии всё сложнее совершать новые открытия в этой сфере.

Линейные внутригородские объекты очень чувствительны к воздействию топонимической политики, проводимой в разные исторические эпохи представителями органов власти. Как отмечает М.В. Голомидова, «топонимическая политика представляет собой деятельность уполномоченных органов власти по присвоению наименований и переименованию географических объектов, а также нормализации, употреблению, регистрации, учету и сохранению наименований географических объектов. Сложный характер топонимической политики обусловлен как спецификой самих географических имен, так и комплексом связанных с ней идейных установок, задач и действий» [1, 172].

Любой топоним, будь то ойконим, ороним, урбаноним или годоним, несёт в себе адресную функцию, помогая людям ориентироваться в пространстве. При естественной топонимической номинации первичные топонимы, как правило, отражают особенности географического объекта (*с. Большие Ясырки, с. Верхняя Хава, с. Старая Криуша, ул. Набережная, ул. Среднемосковская*), указывают на его принадлежность к тому или иному человеку (*г. Владимир, г. Ярославль, с. Нащёкино, Севастьяновский съезд, с. Капканчиковы Дворики*). Географические названия также несут в себе и культурно-историческую информацию о времени своего возникновения, отражая особенности эпохи своего появления (*с. Краснофлотское, хут. Родина Героя, г. Сталинград, ул. Большая Дворянская, ул. Старых Большевиков, Площадь Победы, ул. Пеше-Стрелецкая, Пик Коммунизма, гора Военных Разведчиков*).

При резкой смене политического курса в любой стране мира новые власти в первую очередь пытаются стереть из памяти народа всё, что было связано с предыдущими правителями. Зачастую в таких ситуациях от властей сильно страдала топонимическая система страны, формируемая не один десяток лет. Государственная топонимическая политика требовала массовых переименований по

идеологическим соображениям как населенных пунктов, так и внутригородских объектов: улиц, бульваров, проспектов, площадей, скверов и т.д.

В результате с начала XX века по настоящее время в Российской Федерации исчезли или были переименованы тысячи населенных пунктов и других географических объектов (улиц, площадей, скверов, парков и др.), отражающих национальный элемент языковой картины мира.

В исчезнувших топонимах каждого субъекта Российской Федерации отражены особенности исторического развития региона, «законсервированы» следы материальной и духовной культуры, взаимопроникновения культур различных эпох и народов, в связи с чем сегодня возникла острая необходимость зафиксировать и исследовать ушедшие географические названия, чтобы передать потомкам культурно-историческую информацию о нашей стране, зафиксированную в топонимах.

С этой целью нашим научным коллективом начата работа по реализации проекта «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», поддержанного Российским научным фондом (номер проекта 23-28-01737). В результате планируется подготовить словарь исчезнувших топонимов (ойконимов и урбанонимов) Российской Федерации (предполагаемый объем – не менее 6000 названий).

Для обозначения исчезнувших наименований географических объектов нами введён в научный оборот термин «топонимический мартиролог» (от греч. *μάρτυρολόγιον*, *μάρτυς* – свидетель, мученик и *logos* – слово, сказание; лат. *martyrologium* – перечень жертв преследований или гонений; в более широком смысле этим словом обозначают перечень умерших или погибших людей; таким образом, «топонимический мартиролог» – перечень исчезнувших наименований географических объектов (топонимов) [6, 108].

В настоящее время подготовлена концепция, разработана структура «Словаря исчезнувших названий населенных пунктов Воронежской области» [4, 108], опубликованы пробные словарные статьи [5].

В результате проведения необдуманной топонимической политики наибольшие массовые потери по сравнению с ойконимией понесла урбанонимия страны, поэтому сейчас необходимо в каждом регионе зафиксировать исчезнувшие наименования внутригородских объектов, включив их в региональный урбанонимический мартиролог. Примеров, к сожалению, можно привести великое множество.

В первые послереволюционные годы массовым спонтанным переименованиям со стороны большевиков подверглись внутригородские объекты, и прежде всего – линейные (проспекты, улицы, линии, переулки, проезды, бульвары, набережные), поскольку, как отмечает Р.В. Разумов, «Разработка советского законодательства в области номинации внутригородских объектов началась сравнительно поздно. В 1920–1950-х годах не существовало единых правил присвоения или изменения урбанонимов, этими вопросами занимались местные власти, опиравшиеся на собственный опыт. Ситуация изменилась в 1960-е годы, когда после разоблачения культа личности центральные власти вынуждены были регламентировать процесс наименования и переименования географических названий, в том числе имен внутригородских объектов» [7, 122].

В апреле 1918 года был принят Декрет Совета Народных Комиссаров «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции», согласно которому Особой комиссии из народных комиссаров просвещения и имуществ Республики и заве-

дующего отделом изобразительных искусств при Народном комиссариате просвещения поручалось «спешно подготовить декорирование города в день 1-го мая и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России» [2]. Областные и губернские Советы должны были приступить к этому же делу по соглашению с вышеуказанной комиссией, однако с 1921 года право менять названия улицам стал иметь исключительно Моссовет.

Результат не заставил долго ждать. В Москве появились переименованные улицы *Большевицкая* вместо *Большого Предтеченского переулка*, *пер. Безбожный* вместо *Протопоповского*, *пл. Восстания* вместо *Кудринской площади*, *ул. Дзержинского* вместо *Большой Лубянки* и др., в Петрограде – *пр. Володарского* вместо *Литейного проспекта*, *пр. Бакунина* вместо *Калашниковского проспекта*, *пл. Восстания* вместо *ул. Знаменская* и др.

Даже в небольшом городе Торжок Тверской области «из 68 улиц, переулков и площадей, существовавших до 1917 года, свои старые названия сохранили лишь 11: *Водопойная*, *Гончарная*, *Зеленая*, *Конная*, *Кузнечная*, *Подольная*, *Старицкая* – улицы; *Соминка*, *Пустынь*, *Дальняя Троица* – бывшие подгородные или подмонастырские слободки; *Ильинская площадь*» [3, 4].

В годы так называемой «перестройки» (середина 1980-х – начало 1990-х годов) в советском обществе проснулся живой интерес к своему историческому прошлому. Ряд отечественных учёных обратились к исследованию названий географических объектов, ушедших в советское время в связи с массовыми идеологическими переименованиями населённых пунктов и внутригородских объектов (Нерознак В.П., Горбаневский М.В., Поспелов Е.М., Барандеев А.В. и др.). Активным сторонником возвращения исторических названий был академик Д.С. Лихачев. По его инициативе в 1989 году в Москве состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры», давшая толчок развитию топонимических исследований в заданном векторе. Тогда же был опубликован сборник материалов конференции.

Активная деятельность ученых и известных общественных деятелей дала свои плоды – по всей стране прокатилась волна возвращения географическим объектам (населённым пунктам и внутригородским объектам – улицам, площадям, паркам, скверам и т.д.) их исконных, исторически сложившихся названий (только в 1990 году было переименовано сразу несколько крупных городов, областных центров: *Калинин* – в *Тверь*, *Куйбышев* – в *Самару*, в 1991 году: *Ленинград* – в *Санкт-Петербург*, *Свердловск* – в *Екатеринбург*, *Горький* – в *Нижний Новгород*).

Многим внутригородским объектам Санкт-Петербурга, Москвы и ряда других населённых пунктов также были возвращены их исторические названия (в Санкт-Петербурге: *Александровский парк* (с 1923 по 1997 гг. – *парк Ленина*), *Биржевой мост* (с 1922 по 1989 гг. – *мост Строителей*), *ул. Гороховая* (с 1927 по 1991 гг. – *ул. Дзержинского*, с 1918 по 1927 гг. – *ул. Комиссаровская*), *ул. Миллионная* (с 1918 по 1991 гг. – *ул. Халтурина*) и др.; в Москве: *ул. Знаменка* (ранее – *ул. Фрунзе*), *Тверская площадь* (ранее – *Советская площадь*), *пер. Нововаганьковский* (ранее – *пер. Павлика Морозова*) и др.). В 2015 г. *ул. Эсперанто* в Казани была переименована в *улицу Нурсултана Назарбаева*, что вызвало огромный всплеск возмущений местных жителей.

Таким образом, в настоящее время необходимо сохранить для последующих поколений россиян исчезнувшие названия внутригородских объектов, включив их в региональный урбанонимический мартиролог.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

Литература

1. Голомидова, М.В. Топонимическая политика [Электронный ресурс] / М.В. Голомидова // Социолингвистика. – 2022. – № 3 (11). – С. 172–177 DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-172-177.
2. Декрет Совета Народных Комиссаров «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. – 1918. – № 74. 14/1 апреля.
3. Лопатина, Н.В. История города Торжка в названиях улиц / Н.В. Лопатина. Тверь: Лилия принт, 2002. – 93 с.
4. Попов, С.А. Проблемы словаря ушедших географических названий Воронежской области / С.А. Попов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2019. – № 4. – С. 45–47.
5. Попов, С.А. Пробные статьи «Словаря исчезнувших ойконимов Воронежской области» / С.А. Попов // Воронежское лингвокраеведение. Выпуск 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. – С. 116–131.
6. Попов, С.А. Топонимический мартиролог региона как часть национального культурного пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] / С.А. Попов // Социолингвистика. – 2022. – № 3 (11). – С. 104–119. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-104-119.
7. Разумов, Р.В. Онимическая политика в городском пространстве: проблемное поле и перспективы нормализации [Электронный ресурс] / Р.В. Разумов // Социолингвистика. – 2022. – № 3 (11). – С. 120–135. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-120-135.

В.Ю. Радзюль

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: letoshneva33@mail.ru

УДК 811.161.3'271'373:62

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ БЕЛАРУСКАМОЎНЫХ НЭЙМАЎ У СФЕРЫ ВЫТВОРЧАСЦІ

Ключавыя словы: *беларускамоўныя нэймы, нэймінг, семантыка, гандлёвая марка, сфера вытворчасці.*

У артыкуле разглядаюцца спецыфічныя асаблівасці беларускамоўных нэймаў, якія выкарыстоўваюцца ў сферы вытворчасці. Выяўлена лексіка-семантычная спецыфіка беларускамоўных назваў гандлёвых марак і прадпрыемстваў, ахарактарызаваны іх структурныя асаблівасці. Адмысловая ўвага надаецца нацыянальна-культурнай афарбоўцы даследаваных намінацый.

O.Yu. Radyul

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF BELARUSIAN NAMES IN THE SPHERE OF PRODUCTION

Key words: *Belarusian-language names, naming, semantics, trade mark, sphere of production.*

The article discusses the specific features of the Belarusian-language names used in the field of production. The lexico-semantic specificity of the Belarusian-language names of

trademarks and enterprises is revealed, their structural features are characterized. Particular attention is paid to the national and cultural color of the studied nominations.

У апошнія дзесяцігоддзі ў Беларусі актыўна развіваецца нэймінг – працэс распрацоўкі назвы брэнда для кампаніі, тавара ці паслугі, найважнейшая частка маркетынгавай стратэгіі кампаніі, неад’емная частка пазіцыянавання брэнда [3]. Трэба адзначыць, што сёння набывае пашырэнне нэймінг на беларускай мове. Гэта звязана з тым, што “ўдала падабраныя назвы брэндаў прыцягваюць да сябе ўвагу пакупнікоў тавараў і паслуг і пераконваюць у іх высокай якасці, ствараюць станоўчую эмоцыю і спрыяюць пашырэнню беларускай мовы ў грамадстве” [2, 247]. У сувязі з пастаянным папаўненнем рынку новымі таварамі і павышэннем попыту на беларускамоўныя камерцыйныя назвы ўзрастае актуальнасць даследаванняў, прысвечаных асобным аспектам стварэння і функцыянавання беларускамоўных намінацый прадпрыемстваў і тавараў на айчынным унутраным рынку.

Мэта нашай навуковай працы – выявіць структурна-семантычныя асаблівасці беларускамоўных нэймаў у сферы вытворчасці. Матэрыялам даследавання паслужылі 70 беларускамоўных намінацый гандлёвых марак і прадпрыемстваў, у асноўным, лёгкай і харчовай прамысловасці. Адбор матэрыялу даследавання праводзіўся метадам суцэльнай выбаркі на аснове інфармацыі, прадстаўленай у інтэрнэт-крыніцах.

У працэсе аналізу лексіка-семантычных асаблівасцей даследаванай групы ўласных найменняў выяўлена, што ў сферы вытворчасці дастаткова часта сустракаюцца нацыянальна-маркіраваныя назвы, якія ўвасабляюць сімваліку і нацыянальную адметнасць Беларусі, асаблівасці грамадскага жыцця нашых продкаў. Так, спецыфічны нацыянальна-культурны каларыт нясе ў сабе назва прадпрыемства па вытворчасці тэкстыльных вырабаў *Валошка*. Менавіта валошка сімвалізуе духоўныя каштоўнасці беларусаў і ўвасабляе гасцінны, сціплы народ Беларусі. Па адной з легенд, сялянін, які працаваў у полі, бачыў гэтую далікатную кветку і разумеў, што не ўсё ў жыцці вымяраецца матэрыяльнымі каштоўнасцямі. Каштоўнасці і звычаі беларусаў таксама адлюстроўваюцца ў наступных нэймах: назва гандлёвай маркі бакалейнай прадукцыі *Добрая жонка* выклікае ў пакупніка асацыяцыі з вобразам беларускай спрытнай гаспадыні. Назва гандлёвай маркі сыроў *Вітаем!* падкрэслівае традыцыйныя беларускія каштоўнасці: ветлівасць, адкрытасць і гасціннасць. Назва гандлёвай маркі сочыва *Сёлета* – беларускамоўнае прыслоўе, якое належыць да безэквівалентнай лексікі і азначае ‘ў гэтым годзе’, добра перадае ідэю свежага, толькі-толькі зваранага сочыва з сёлетняга ўраджаю ягад. Назва гандлёвай маркі мясных біяпрадуктаў *Ветлінка* змяшчае ў сабе канатацыю значэнняў слова *ветлівасць* і безэквівалентнага дыялектнага слова *ветліца* ‘дарога, абсаджаная вярбой’. Назвы гандлёвых марак *Родныя мясціны*, *Мястэчка*, *Краіна мар* напоўнены шчырай любоўю да Беларусі, свайго роднага краю.

Пэўную «беларускамоўную аўру» і нацыянальна-культурны каларыт нясуць у сабе наступныя адапелятыўныя назвы: назва гандлёвай маркі мёду *Мроя*, назва гандлёвай маркі жаночага адзення *Belarusachka*, назва гандлёвай маркі тэкстыльнай прадукцыі *Блакiт*, назва гандлёвай маркі трыкатажных вырабаў *Світанак*, назва швейнага прадпрыемства *Верас*, назва збожжаперапрацоўчага прадпрыемства *Уладар*, назва фабрыкі па вытворчасці мэблі *Кветка*, ювелірны завод *Zorka* і інш.

Сярод беларускамоўных намінацый гандлёвых марак і аб’ектаў вытворчасці дастаткова шырока прадстаўлены назвы з празрыстай матывацыяй, якія прама або апасродкавана характарызуюць напрамак дзейнасці прадпрыемства, вызна-

чаюць катэгорыю прадуктаў той ці іншай гандлёвай маркі. Так, назва гандлёвай маркі цукру *Цудоўная цукерня* ўтворана на аснове прыгожага старадаўняга беларускага слова *цукерня*, корань якога імгненна “заяўляе” пра катэгорыю прадукту. Да групы нэймаў з празрыстай матывацыяй адносяцца таксама наступныя нэймы: назва гандлёвай маркі марожанага *Беларускі пламбір*, назва гадзіннікавай мануфактуры *Хвіліна*, назва гандлёвай маркі льняных тканін і вырабаў з ільну *Беларускі лён*, назва гандлёвай маркі малочнай прадукцыі *Малочны гасцінец*, назва гандлёвай маркі хлебабулачнай прадукцыі *Водар Хлеба*, назва сельскагаспадарчага холдынгу *БелБульба*, назва мясаперапрацоўчага прадпрыемства *Кумпяк*, назва прадпрыемства па вытворчасці паперы *АртПапера* і інш. Назва гандлёвай маркі Магілёўскага мясакамбіната *ГурмістР* вызначае прыналежнасць гандлёвай маркі да свету вытанчанай гастраноміі. Змяніўшы літару *Б* на *Г* у слове *бурмістр* ‘кіраўнік горада’ (значэнне, якое ўжывалася ў XIX - пачатку XX стагоддзяў), атрымалі слова з новым значэннем. Частка слова *гур-* выклікае асацыяцыі са словам *гурман*, значэнне *фіналі -містр* захоўвае цесную сувязь са словам *бурмістр*. Алюзія са словам, якое ўжывалася больш за стагоддзе таму, падкрэслівае пераемнасць традыцый і багаты векавы досвед нашых продкаў.

Вялікую групу сярод даследаваных намінацый складаюць нэймы, у аснове якіх ляжаць уласныя імёны. Сярод іх звяртаюць на сябе ўвагу назвы, утвораныя на аснове антрапонімаў. Так, сустракаюцца намінацыі, утвораныя ад дастаткова распаўсюджаных сярод беларусаў жаночых імён, часам у памяншальна-ласкальнай форме, што, безумоўна, стварае пачуццё добразычлівасці і “настройвае” спажыўца на даверлівыя адносіны. Напрыклад, назва прадпрыемства па вытворчасці хатняга тэкстылю *NADZEJKA*, гандлёвая марка малочнай прадукцыі Полацкага малочнага камбіната *Сафійка*. Між тым назва *Сафійка* можа трактавацца не толькі як папулярнае імя дзяўчынкі, але і выклікаць асацыяцыі з Полацкам і Сафійскім саборам – старажытным культавым збудаваннем, сімвалам горада.

Прысваенне прадпрыемству ці гандлёвай марцы наймення, якое ўказвае на яго ўладальніка, з’яўляецца адносна новым спосабам для айчыннага нэймінгу, а таму недастаткова распаўсюджаным [1]. Тым не менш падобныя намінацыі актыўна функцыянуюць у анамастычнай прасторы нашай краіны, напрыклад, назва Віцебскай бройлернай птушкафабрыкі і гандлёвай маркі *Ганна*. Варта адзначыць, што назва *Ганна* ўтварылася не ад аднаго жаночага імя, а была ўтворана з першых літар імён кіраўнікоў кампаніі. Сярод даследаваных нэймаў таксама сустракаюцца назвы, утвораныя ад мужчынскіх імёнаў. Гэта могуць быць як і звычайныя беларускія імёны, напрыклад, у назве гандлёвай маркі Пружанскага пладовагародніннага завода *Спадар Мікола*, так і гістарычна маркіраваныя антрапонімы. Так, *Князь Рыбанька* – гэта беларускі брэнд, які мэтанакіравана ствараўся на падмурку беларускай гісторыі і шэрагу культурных асацыяцый. Моўная гульня, на якой заснаваны нэйм, аб’ядноўвае ў адным дыскурсе і таварную групу (рыбная прадукцыя), і гістарычны і культурны кантэкст, закладзены ў сэнсавы змест гандлёвай маркі. Нагадаем, што князь Міхал Казімір Радзівіл Рыбанька – адзін з найбольш слаўных магнатаў беларускай зямлі. У цэлым род Радзівілаў можна назваць самым вядомым у Беларусі. Іх уладанне – Нясвіжскі замак – сёння з’яўляецца адной з самых вядомых славетасцей нашай краіны. Сам жа Міхаіл Радзівіл Рыбанька быў заснавальнікам вядомай у мінулыя часы мануфактуры шаўковых слукціх паясоў, шклянных мануфактур, стваральнікам прыватнага тэатра. Сваю мянушку, з якой ён увайшоў у гісторыю, атрымаў за ласкавы зварот да жанчын – *рыбанька*. У складзе

даследаваных назваў таксама можна сустрэць старажытнагрэчаскія міфалагічныя імёны. Напрыклад, назва мясаперапрацоўчага прадпрыемства *Арыён* адсылае нас да міфа пра героя і паляўнічага Арыёна, у гонар якога названа сузор'е.

Сярод прааналізаваных аданамастычных назваў значную колькасць складаюць найменні, утвораныя ад тапонімаў, – уласных імёнаў геаграфічных аб'ектаў. Як правіла, такія назвы вызначаюць месцазнаходжанне прадпрыемства ці месца вытворчасці прадукцыі: гандлёвая марка *Віцебскае малако*, гандлёвая марка каўбасных вырабаў і мясных далікатэсаў *Маладзечна*, гандлёвая марка мукі вышэйшага гатунку ад Пінскага камбіната хлебапрадуктаў *Гасцінец з Палесся*, гандлёвая марка Клецкага філіяла Слуцкага сыраробнага камбіната *Клецкая крыначка*, Пінская фабрыка мастацкіх вырабаў *Крыніца Палесся*, гандлёвая марка *Пружанскі слоік* (г. Пружаны Брэсцкай вобласці) і інш.

У структурным плане сярод даследаваных назваў можна вылучыць аднакампанентныя, двухкампанентныя і шматкампанентныя намінацыі розных структурных тыпаў і мадэляў, у складзе якіх прадстаўлены адзінкі розных моўных узроўняў: лексічныя адзінкі, словазлучэнні, сказы. Адзначым, што такія структурны падзел у нейкім сэнсе ўмоўны, бо суаднесенасць назвы з тым ці іншым тыпам не заўсёды вызначаецца адназначна. Таксама неабходна адзначыць, што пры падліку кампанентаў улічваліся таксама службовыя часціны мовы: злучнікі і прыназоўнікі.

Большасць даследаваных назваў у сферы вытворчасці прадстаўлена аднаслоўнымі простымі ўтварэннямі. Сярод назваў такога тыпу пераважаюць найменні, аснова якіх супадае з каранем: *Мроя, Блакіт, Асалода, Крыніца Верас, Смак* і інш. На другім месцы знаходзяцца вытворныя найменні, у якіх аснова ўяўляе сабой спалучэнне кораня з адной ці некалькімі афіксальнымі марфемамі: *Сафійка, Беларуська, Ветлінка, Хатні* і інш. Таксама сярод даследаваных аднаслоўных нэймаў сустракаюцца складаныя найменні, аснова якіх мае дзве і больш каранёвых марфем, напрыклад, назва *ЭкаЕжа*.

Што датычыцца часцінамоўнай прыналежнасці аднакампанентных намінацый, то ў дадзеным выпадку пераважаюць назоўнікі: *Гаспадар, Уладар, Кветка, Польша, Мястэчка* і інш. Значна радзей сустракаюцца прыметнікі: *Хатні*.

Сярод даследаваных двухкампанентных намінацый можна вылучыць сінтаксічныя канструкцыі, пабудаваныя па наступных мадэлях:

1) прыметнік + назоўнік: *Добрая жонка, Цудоўная цукерня, Белы полюс, Родныя мясціны, Беларускі пламбір* і інш.;

2) назоўнік у Н. скл. + назоўнік у Р. скл.: *Краіна мар, Водар Хлеба, Крыніца Палесся* і інш.

3) два назоўнікі ў Н. скл, якія пішуцца праз дэфіс: *Ласункі-пачатункі, Пацалункі-падарункі*.

Полікампанентныя назвы складаюцца з трох і больш кампанентаў. У сваёй большасці яны прадстаўлены канструкцыяй назоўнік у Н. скл. + прыназоўнік + назоўнік у Р. скл.: *Гасцінец з Палесся*.

Такім чынам, найбольш ужывальнымі, і эфектыўнымі варыянтамі назваў з'яўляюцца аднакампанентныя і двухкампанентныя намінацыі. Колькасць шматкампанентных назваў у нашай выбарцы значна меншая. Дазволім выказаць меркаванне, што гэта тлумачыцца магчымасцямі чалавечага ўспрымання і памяці, таму што запомніць доўгія назвы і тым больш карыстацца імі – дастаткова складаная задача для звычайнага спажываўца.

Такім чынам, беларускамоўныя нэймы, нягледзячы на іх нешматлікасць, з'яўляюцца адметнымі нацыянальна-культурнымі знакамі, якія характарызуюцца асаблівай краізнаўчай рэпрэзентатыўнасцю і разнастайнасцю культурна-гістарычных асацыяцый. Нацыянальная спецыфіка выражаецца ў дадзеных назвах праз выкарыстанне прэцэдэнтных імёнаў, слоў, якія рэпрэзентуюць спецыфіку беларускай этнакультуры, традыцыйныя сімвалы і нацыянальную самабытнасць Беларусі, асабліваці жыцця нашых продкаў, іх гістарычнае мінулае. Абсалютная большасць даследаваных нэймаў актуалізуе нашы спрадвечныя жыццёвыя каштоўнасці: шчодрасць, гасціннасць, павагу да гісторыі сваёй краіны, сваёй мовы, што, несумненна, выклікае ў спажываўцоў станоўчыя асацыяцыі і эмоцыі.

Літаратура

1. Детинкина, В.В. Типологические и структурные особенности эргонимов с антропонимическим компонентом (на материале названий предприятий сферы торговли услуг города Ижевска) / В.В. Детинкина, Ю.В. Железнова, И.Ю. Русанова // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2021. – Т. 31, вып. 5. – С. 971–977
2. Жаўняровіч, П.П. Беларускаямоўны нэймінг як маркетывгавая стратэгія / П.П. Жаўняровіч // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 окт. 2020 г. / Беларус. гос. ун-т; редкол.: О.М. Самусевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 247–251.
3. Нейминг. Словарь маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_n/naming/Нейминг. – Дата доступа: 22.01.2023.

Крыніцы

4. Интерактивная поисковая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belarusinfo.by/ru/company/promyshlennost.html>. – Дата доступа: 20.01.2023.
5. Промышленный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://factories.by/producers>. – Дата доступа: 20.01.2023.
6. Brand Catalog [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brandcatalog.ru/country/belarus?ysclid=ldq8wkemo6856700822>. – Дата доступа: 20.01.2023.

Р.В. Разумов

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
e-mail: rvrazumov@mail.ru

УДК 811.161.1'373.211.5

УРБАНОНИМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Ключевые слова: *ономастика, топонимика, имя собственное, городское онимическое пространство, урбаноним.*

В статье рассматриваются различия в принципах номинации внутригородских объектов в городах Российской Федерации. Материалом для исследования послужили данные о системах внутригородских названий населенных пунктов Центральной России, а также сведения о времени возникновения названий, извлеченные из топонимических справочников и путеводителей различных городов данного региона. Проведенное автором исследование позволит выявлять особенности систем урбанонимов, типичные для всех российских городов или характерные лишь для отдельного региона.

URBANONYMIC SYSTEMS OF THE RUSSIAN FEDERATION: UNIQUE AND UNIVERSAL

Key words: *onomastics, toponymics, a proper name, city onymic space, urbanonym.*

The article considers differences in principles of nominating town objects in the Russian Federation. The research is based on the information about the systems of intracity names in Central Russia localities, as well as on the data of the time when the names appeared which was taken from toponymic reference and guide books of difference cities and towns in the region. The author's research helps to identify the features of urbanonymic systems typical for all Russian cities and towns and only characteristic of a certain region.

Современное состояние урбанонимических исследований по-прежнему характеризуется сравнительно малым количеством обобщающих работ, связанных с сопоставительным изучением топонимических систем нескольких населенных пунктов, расположенных в соседних регионах или странах. Анализ публикаций показывает, что подобные исследования составляют количественное меньшинство в российской ономастике. В то же время очевидна потребность в обращении к анализу общероссийских и региональных особенностей номинации в урбанонимических системах регионов нашей страны, выработке единых подходов в реализации основ топонимической политики в Российской Федерации [8; 9]. На это указывают существующие проблемы в присвоении новых названий и переименовании существующих объектов, которые регулярно отмечаются в публикациях, рассматривающих эти вопросы [2; 3; 4; 8].

При разработке подходов к выявлению общероссийских и региональных особенностей урбанонимической номинации следует, безусловно, учитывать опыт коллег, проводивших аналогичные исследования в других странах и накопивших значительный опыт выявления территориальных топонимических различий. К числу них, безусловно, относятся работы А.М. Мезенко и ее учеников, которые смогли подробно рассмотреть системы названий городов Беларуси [см., например: 1, 5, 6]. Без обращения к указанным исследованиям невозможно представить целостную картину развития номинации объектов в СССР, выявить общие закономерности и тенденции развития. Нам представляется важным замечание А.М. Мезенко о том, что «фреквентальный анализ названий улиц имеет основания открыть определенные закономерности формирования урбанонимной и виконимной систем конкретного народа и стать основой для лингвокультурологических и этнолингвистических исследований» [7, 106–107]. Указанный подход позволяет установить общие и региональные особенности номинации внутригородских объектов.

Выявление общероссийских и региональных особенностей номинации невозможно без накопления объективных данных о присвоении названий в различных субъектах Российской Федерации. Мы проделали подобную работу, систематизировав доступные нам сведения адресных реестров и баз данных почтовой индексации об урбанонимах Центрального федерального округа (далее – ЦФО). В результате проведенного анализа нам удалось выявить 50 самых частотных названий, характерных для большинства городов региона. Другим источником для нашего исследования стали тексты путеводителей, реестры внутригородских названий, постановления о присвоении наименований объектам, содержащие сведения о времени появления годонимов и агоронимов, созданных в 60 населенных пунктах Российской Федерации.

Сравнение данных о возникновении названий в городах ЦФО позволило установить, что для урбанонимических систем больших городов характерна высокая концентрация часто повторяющихся названий. Более чем в половине населенных пунктов региона представлено 110 онимов, в то время как в малых городах их количество составляет всего 25 онимов. Это объясняет наличие в крупных поселениях проблем с созданием оригинальных дескриптивных названий: в них довольно сложно придумывать подобные урбанонимы из-за ограниченности природных реалий (рек, озер, возвышенностей) или объектов, созданных человеком (школы, спортивные сооружения, храмы и т.д.). По этой причине в урбанонимии городов существует следующая закономерность: чем больше размер города, тем выше вероятность присутствия в нем названий, встречающихся в других населенных пунктах. Указанная особенность и приводит к вытеснению дескриптивных названий меморативными, символическими или эвсемантическими онимами.

Принято считать, что одновременное появление одинаковых мемориальных названий в разных городах характерно исключительно для советского периода истории страны. На самом же деле подобные случаи широко встречались и в дореволюционный период истории страны. Так, еще до 1917 года возникла традиция увековечивать в названиях улиц память об известных политиках и военных. Наиболее массовыми дореволюционными онимами Российской империи данного типа были, по-видимому, урбанонимы *Сталыпинская улица / переулок* (Бобруйск, 1914; Киев, 1911; Одесса, 1911; Ростов-на-Дону, 1912; Рыбинск, 1912; Самара, 1912) и *Скобелевская улица / проспект / площадь* (Минск, 1882; Москва, 1912; Санкт-Петербург, 1886 (проспект), 1915 (улица); Харьков, 1886). Широко создавались до революции в провинциальных городах урбанонимы в честь писателей и поэтов. В 1899 году, к столетию со дня рождения А. С. Пушкина, названия *Пушкинская улица* появились в Барнауле, Екатеринбурге, Иванове, Казани, Рыбинске, Самаре, Симферополе, Томске и ряде других населенных пунктах, а в 1900 г. – в Пскове. В указанную эпоху во многих городах появились названия в честь Н. В. Гоголя (Барнаул, 1902; Екатеринбург, 1902; Краснодар, 1908; Курск, 1911; Нижний Новгород, 1909; Рыбинск, 1908; Санкт-Петербург, 1902; Саратов, 1909; Симферополь, 1902; Томск, 1909; Тула, 1902) и М. Ю. Лермонтова (Москва, 1900-е гг.; Санкт-Петербург, 1900, 1912, Томск, 1914).

В советский период истории страны случаи массового одновременного создания одинаковых урбанонимов стали регулярными.

Наибольшее количество одинаковых названий, составивших советский урбанонимический стандарт, впервые появилось в российских городах в течение 1920–1940-х гг. В 1920-е гг. улицам впервые стали активно присваивать 30 онимов: *улица 8 Марта, улица Володарского, улица Гоголя, улица Горького / Максима Горького, улица Дзержинского, улица Калинина, Колхозная улица, Комсомольская улица, Красноармейская улица, улица Ленина, улица Лермонтова, улица Карла Маркса, улица Мичурина, улица Некрасова, Октябрьская улица, улица Островского, Первомайская улица, Пионерская улица, Пролетарская улица, улица Пушкина, Рабочая улица, улица Свердлова, улица Свободы, Советская улица, улица Толстого / Льва Толстого, улица Урицкого, улица Фрунзе, улица Чапаева, улица Чехова, улица Энгельса*. В 1930-е гг. этот список пополнился всего 3 урбанонимами: *улица Кирова, улица Маяковского, улица Чкалова*, а 1940-е гг. не подарили ни одного названия, ставшего массовым на всей территории страны. Приведенные нами данные указывают на то, что развитие урбанонимических систем российских городов в первой половине 1920–1940-х гг. имело много общего. Желание создать новый мир привело к возникновению в населенных пунктах одних и тех же названий.

История возникновения урбанонимов 1920–1940-х гг. различна: некоторые из них активно создавались весь советский период истории страны, другие – присваивались ограниченный период времени.

Наиболее стабильными оказались урбанонимы *Советская улица, Комсомольская улица, улица Ленина*, которые могли быть созданы на протяжении всего советского периода истории страны. Так, присвоение внутригородским объектам имени В.И. Ленина началось практически с первых дней советской власти: в 1918 г. подобное название появилось в Калязине, Кирове, Костроме, Курске, Рыбинске, в 1919 г. – в Екатеринбурге, Орле, Пскове, в 1920 г. – в Краснодаре и Перми, в 1921 г. – в Красноярске, в 1922 г. – в Туле и Тюмени, в 1923 г. – во Владимире, Волгограде, Воронеже и Санкт-Петербурге. После смерти вождя урбанонимы появились в Барнауле (1924), Великих Луках (1924), Рязани (1924), Симферополе (1924), Санкт-Петербурге (1924), Улан-Удэ (1924), Липецке (1924–1925), Пензе (1926), Твери (1926), Кемерово (1927), Череповце (1927), Биробиджане (1938) и т.д. Третья волна увековечиваний пришла на 1950–1970-е гг.: в 1955 г. название было создано в Краснодаре, в 1956 г. – в Волгограде, в 1957 г. – в Астрахани, Москве и Самаре, в 1958 г. – во Владимире, в 1959 г. – в Орле, Пензе, Саратове, Томске, в 1960 г. – в Махачкале, Иваново, Казани, Челябинске, в 1963 г. – в Братске, Великих Луках и Туле, в 1964 г. – в Великом Новгороде, в 1965 г. – в Нарьян-Маре, в 1967 г. – во Владимире, в 1968 г. – в Лениногорске, в 1973 г. – в Архангельске, в 1977 г. – в Санкт-Петербурге. Отметим, что это единственный персональный меморатив, входящий в первую десятку самых частотных названий ЦФО.

Иную картину мы наблюдаем при присвоении урбанонима *улица Кирова*. Создание названий в честь С.М. Кирова в основном производилось после его гибели в 1934 г. До этого времени урбанонимы появились в Томске (1927), Барнауле (1920-е) и Красноярске (1920-е). Основной пик присвоения названий в честь политика приходится на середину и вторую половину 1930-х гг.: в этот период топонимы созданы в Воронеже (1934), Курске (1934), Перми (1934), Челябинске (1934), Владикавказе (1935), Иркутске (1935), Калязине (1935), Краснодаре (1935), Москве (1935), Оренбурге (1935), Пензе (1935), Рыбинске (1935), Саратове (1935), Санкт-Петербурге (1935), Липецке (1936), Астрахани (1938), Улан-Удэ (1938). В послевоенное время создание названий в честь С.М. Кирова продолжилось, однако массовых волн увековечивания его памяти уже не наблюдалось. В 1940–1970-е гг. названия были присвоены в Великом Новгороде (1946), Иваново (1954), Туле (1955), Орле (1958), Чите (1958), Самаре (1961), Братске (1963), Саратове (1966), Самаре (1967), Махачкале (1974), Твери (1976).

Похожую картину мы наблюдаем и при увековечивании памяти В. Маяковского. В проанализированном материале нам не встретились прижизненные меморативы в честь поэта. В год смерти В. Маяковского появился всего один урбаноним в Саранске. Активно названия в честь поэта начали создаваться во второй половине 1930-х гг.: в 1935 г. урбаноним возник в Москве; в 1936 г. – в Астрахани, Липецке, Перми, Санкт-Петербурге и Твери; в 1937 г. – в Костроме, в 1938 г. – во Владикавказе, Кемерово, Кирове и Череповце; в 1939 г. – в Калязине, Краснодаре, Рыбинске и Ярославле; в 1940 г. – в Нижнем Новгороде, Оренбурге, Рязани, Самаре и Элисте; в 1945 г. – в Курске, в 1946 г. – в Улан-Удэ, в 1949 г. – в Орле и Томске, в 1950 г. – в Иваново, в 1951 г. – в Красноярске, в 1954 г. – в Торжке, в 1955 г. – в Бронницах, в 1957 г. – в Барнауле и Владимире, в 1970 г. – в Калининграде и т.д. Как видим, урбанонимы в честь поэта активно создавались только в течение одного десятилетия, а далее нами отмечаются лишь единичные случаи.

Период 1950–1980-х гг. был отмечен общим сокращением количества одинаковых новых урбанонимов, одновременно присваиваемых в разных населенных пунктах. В список 50 самых частотных названий, встречающихся на большей части территории ЦФО, вошло всего 9 названий этого периода: *улица Гагарина, улица Мира, Молодежная улица, Новая улица, улица Победы, Полевая улица, Солнечная улица, улица Строителей, Юбилейная улица*. Все перечисленные онимы стали активно создаваться лишь в 1950-е гг., до этого времени они были единичными. Так, урбаноним *Молодежная улица* в довоенный период был зафиксирован всего в двух городах: в 1938 г. он появился в Перми, а в 1939 г. – в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Массовое его присвоение приходится на вторую половину XX века: в 1946 г. он был создан в Калининграде, в 1948 г. – в Кемерове, в 1940-е гг. – во Владимире, в 1950 г. – в Рыбинске, в 1953 г. – в Рязани, в 1955 г. – в Костроме, в 1958 г. – в Иванове и Москве, в 1959 г. – в Барнауле и Липецке, в 1960 г. – в Краснодаре, в 1962 г. – в Волгограде, в 1968 г. – в Пензе, в 1969 г. – во Владикавказе, в 1970-е гг. – в Твери, в 1979 г. – в Ижевске, в 1991 г. – в Торжке.

Аналогичную картину мы наблюдаем и при анализе времени возникновения других частотных урбанонимов 1950–1980-х гг. Первые *Зеленые улицы* появились в российских городах еще в довоенное время: в 1927 г. топоним зафиксирован во Владимире, Иванове и Казани, в 1930-е гг. – в Биробиджане, в 1937 г. – в Пензе, в 1938 г. – в Астрахани, в 1939 г. – в Санкт-Петербурге. После войны урбаноним был создан в Великом Новгороде (1940-е гг.), Твери (1945), Калининграде (1946), Архангельске (1948), Кемерове (1948), Краснодаре (1948), Торжке (1948), Великих Луках (1949), Томске (1949), Рыбинске (1950), Улан-Удэ (1953), Липецке (1957), Элисте (1963), Рязани (1964), Костроме (1968), Калязине (1978). Краснодаре (1979), Чите (1983), Москве (1987), Оренбурге (1992).

Таким образом, выявить общероссийские и региональные особенности урбанонимической номинации возможно только с помощью накопления большого массива данных о присвоении названий в различных населенных пунктах нашей страны. Проведенный нами анализ позволил показать, какие явления являются типичными для подобных населенных пунктов, а какие могут считаться региональными.

Литература

1. Белорусское Поозерье: монография / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеенко; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: Издательство ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. – 180 с.
2. Голомидова, М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 185–203.
3. Голомидова, М.В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 36–61.
4. Качалкова, Ю.А. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов / Ю.А. Качалкова, М.Э. Рут // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 179–192.
5. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории: об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в. / А.М. Мезенко. – Минск: Вышэйшая школа, 2003. – 301 с.
6. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко; под ред. П.П. Шубы. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
7. Мезенко, А.М. Частотность годонимов как экспонент культурно-исторической информации / А.М. Мезенко // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 106–113.
8. Никитина Т.Г. Городской топонимикон: уникальное и универсальное (на материале г. Пскова) / Т. Г. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6. – Ч. 2. – С. 128–130.
9. Разумов, Р.В. Онимическая политика в городском пространстве: проблемное поле и перспективы нормализации / Р. В. Разумов // Социоллингвистика. – 2022. – № 3. – С. 120–135.

И.Э. Ратникова
Белорусский государственный университет
e-mail: ratnikova@list.ru

УДК 811.161.1'373.2

ТЕОРИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО И ЮРИСЛИНГВИСТИКА В АСПЕКТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КООРДИНАЦИИ

Ключевые слова: *имя собственное, антропоним, топоним, эргоним, коммерческое имя, конфликтогенные онимы, междисциплинарная координация.*

В публикации отражен опыт преподавания курса «Теория имени собственного» для второй ступени высшего образования на филологическом факультете БГУ. Внимание акцентировано на межпредметных связях данной дисциплины с курсом «Юридическая лингвистика». Характеристики Nomina Propria рассмотрены в контексте задач лингвоэкспертной деятельности. Показано, каким образом знание семантической и прагматической специфики ономастических единиц помогает учащимся анализировать конфликтогенный потенциал имен в спорных речевых произведениях.

I.E. Ratnikova
Belarusian State University

THE THEORY OF PROPER NAME AND LEGAL LINGUISTICS: INTERDISCIPLINARY COORDINATION ASPECT

Key words: *proper name, anthroponym, toponym, ergonym, advertising name, conflict potential, interdisciplinary connections.*

The paper focuses on the experience of teaching the "Theory of Proper Names" course for the second stage of higher education at the Philological Faculty of Belarusian State University. Special emphasis is made on the interdisciplinary connections between this subject and the "Legal Linguistics" course. The characteristics of Nomina Propria are examined in the context of linguistic expertise. It is shown how knowing the specific semantic and pragmatic features of onomastic units helps students to analyze the conflict potential of names in controversial utterances.

Среди прецедентных имен белорусской лингвистической науки особое место занимает имя Анны Михайловны Мезенко – яркого и талантливого ученого, чье научное творчество повлияло на ономастические исследования славистов многих стран. Ее фундаментальные работы «Урбанонимия Белоруссии» (1991 г.), «Назвы вуліц расказваюць» (1995 г.), «Віцебшчына ў назвах вуліц» (2008 г.), «Антропонимное пространство Витебщины» (2013 г. – в соавторстве с Т.В. Скребневой), «Гісторыя беларускай зямлі ва ўласных імёнах: па слядах дзён пісьменства» (2015 г. – в соавторстве с И.Л. Копыловым) и др., а также вдохновленные ею коллективные труды стали настольными книгами не только для тех, кто профессионально занимается ономастикой, но и для всех, кого интересуют история и культура Беларуси. Это помогает также привлечь интерес студентов к научным изысканиям в области собственных имен, наглядно показать полидисциплинарный характер ономастики, поскольку в работах А.М. Мезенко исследование имени всегда реализуется в парадигме «культура – ономастика – социум».

Доминантой научного творчества А.М. Мезенко нам видится то, что она сама в контексте изучения виконимов назвала «проникновением в номинационную лабораторию народа». Отталкиваясь при анализе топонимов от созидющего сознания носителей языка, Анна Михайловна предвосхитила широкое распространение когнитивных тенденций в изучении топонимики.

С точки зрения задач этой статьи особый интерес представляет еще один аспект научно-педагогической деятельности А.М. Мезенко – методическое обеспечение дисциплин, связанных с именами собственными. Анна Михайловна инициировала включение в учебный план второй ступени высшего образования в Витебском государственном университете имени П.М. Машерова дисциплины «Теория имени собственного», а также вдохновила своих учеников и коллег на создание первого в Беларуси одноименного учебного пособия [9]. На филологическом факультете БГУ магистрантам также преподается этот учебный предмет (наряду с курсом «Беларуская анамастыка»). В данной публикации мы предлагаем свое видение роли дисциплины «Теория имени собственного» в интеграции учебного знания как перспективном направлении совершенствования содержания высшего образования, заостряя при этом внимание на координации изучения ономастической теории и правовых аспектов языка.

В учебном процессе естественное взаимодействие наук, их конвергенция выражаются в межпредметных связях, которые позволяют поддерживать единство научной картины мира при различиях предмета, методов и задач отдельных дисциплин и соответствуют такому принципу дидактики, как системность. Исходя из того, что «познавательная и профессиональная проблема всегда является полидисциплинарной» и «требует анализа и решения с позиций связанных с ней дисциплин и последующего объединения разных дисциплинарных решений в целостную картину» [4, 156], целесообразно максимально использовать возможности педагогической интеграции элементов содержания «Теории имени собственного» с темами других лингвистических курсов. Согласно Учебному плану БГУ для специальности «Языкознание» второй ступени высшего образования «Теория имени собственного» относится к дисциплинам компонента УВО (модуль «Междисциплинарные направления в лингвистике»), причем ее связи с такими дисциплинами, как «Лингвостилистика», «История лингвистических учений», «Юрлингвистика», предусмотрены программой [12].

Мы неоднократно обращались к особому объяснительному потенциалу *Nomina Propria*, актуальному для изучения разных вопросов языкознания, демонстрируя, каким образом ономастическая теория может выходить за границы специальных курсов и научных кружков и включаться в содержание таких дисциплин для первой ступени высшего образования, как «Современный русский язык», «Сучасная беларуская мова», «Теория языка», «Лингвокультурология», «Этнолингвистика» и др. Ранее мы делились опытом использования лингводидактического потенциала имени собственного в преподавании дисциплины «Лексикология. Фразеология»: анализ характеристик онимов разных видов включаются в объяснение ряда сложных вопросов о лексико-семантической подсистеме языка (о размытости границ между словом и не словом; о вариативности и идентичности слова; подходах к исчислению элементов системы; типологии сем в составе лексического значения с точки зрения отношения к реальности; внутренней форме языковых единиц; о моделях метафорических и метонимических переносов значения, гиперсемантизации слова в контексте и др.) (см.: [5]). *Nomina Propria* позволяют полнее воплощать проблемный метод в обучении, создавать

эвристические ситуации (например, стимулирующие к выявлению компонентов в семантике антропонимов и топонимов, поиску ответа на вопрос о том, какая информация заключена в слове, отражает ли она знания языка или знания о мире).

В [7] показано, что знакомство с системной и функциональной спецификой *Nomina Propria* может способствовать усвоению и более полному пониманию языковых и когнитивных категорий и характеристик языковых знаков, включая динамику их плана содержания в речи, на примере дисциплины «Актуальные вопросы современного русского языкознания» для студентов 4 курса специальности «Русская филология». Так, элементы ономастической теории рассматриваются в рамках тем «Лингвокультурологические школы в современном русском языкознании. Концепты как константы культуры», «Когнитивная теория метафоры» (анализ ономастических метафор дополняет представления об этом когнитивном и языковом феномене), «Логико-коммуникативный подход к значению слова», «Проблемы лингвистической экологии» (см.: [7]).

Координация курсов «Теория имени собственного» и «Юрислингвистика» обеспечивается не только согласованием их научного содержания, но и выбором времени изучения соответствующих разделов и вопросов (например, рассмотрению темы «Имя собственное как объект лингвистической конфликтологии и юрислингвистики» предшествует изучение семантической и семиотической специфики *Nomina Propria*; тема «Нейминговая экспертиза» изучается по завершении знакомства с закономерностями структуры, семантики и прагматики ономастической периферии). Междисциплинарная связь отражается также в скоординированности требований к специализированным компетенциям, формирование которых должно обеспечить освоение обсуждаемых учебных предметов: «владеть навыками применения ономастической теории при углубленном лингвистическом анализе функционирования имен собственных в разных коммуникативных сферах» [10]; «быть способным применить знания о правовых аспектах языка, языковых аспектах права и методологии лингвистической экспертизы при разноаспектном анализе конфликтогенных текстов» [12]. Зоной пересечения является анализ конфликтогенного функционирования онимов, который с учетом сведений, получаемых из обоих курсов, включает не только выявление системных и контекстуальных характеристик имен собственных, но и установление соответствия/несоответствия онимов морально-этическим и правовым нормам.

Наиболее очевидной областью общих интересов ономастики и юридической лингвистики является нейминг как целенаправленная лингвокреативная деятельность (в широком понимании объединяет все виды искусственной номинации, создание любых видов ономастических знаков от прозвища человека до коммерческого обозначения). Помимо этого, функционирование антропонимов, топонимов, прагматонимов, как и любых других языковых единиц, потенциально способно стать источником их юридизации (например, качественное изменение денотата при сохранении имени, орфографическая дефектность юридически закрепленных имен, вариантность имен, нежелательные фоносимволические ассоциации имен, языковое творчество на базе антропонимов, манипулирование именем, окказиональная инвективизация имени и др.), т. е. вызвать конфликт, разрешение которого может перевести отношения людей в область медиации и права.

Научные публикации на стыке ономастики и юрислингвистики, отражающие содержательную связь этих наук, пока не столь многочисленны, как в других междисциплинарных областях, однако уже включают монографические исследования (ср., например: [1], [2]). Собственно правовой аспект имен собственных,

связанный с судопроизводством, рассматривается в основном в работах, посвященных лингвистической экспертизе, в том числе нейминговой. В большинстве случаев имена с точки зрения отношений языка и права рассматриваются вне зависимости от того, явились ли они предметом судебного разбирательства, или спор оказался разрешимым в рамках морально-этических норм и отношений. (Это естественно, поскольку юрислингвистика имеет значительно более широкие границы, чем теория и практика лингвистической экспертизы, и предоставляет для последней теоретико-методологические основания). В фокус внимания выводится участие онимов в языковом конфликте (или их потенциальная способность спровоцировать конфликт). Соответственно в учебных дисциплинах «Теория имени собственного» и «Юрислингвистика» ономастические единицы также освещаются с позиций лингвистической конфликтологии (направление коммуникативной лингвистики, изучающее проблемы некооперативного общения) и лингвистической экологии (направление, объединяющее принципы философии языка, социо- и психолингвистики, и изучающее язык в его взаимоотношении с окружающей средой, прежде всего обществом).

Координация рассматриваемых учебных курсов опирается на некоторые общие элементы содержания (специфика имени собственного в языке; социальная детерминированность и суггестивные функции NP; прагматические характеристики различных видов антропонимов и топонимов; особенности эргонимов и СТЗ как ономастической периферии и др.), а также учет временного соотношения изучения дисциплин (перечисленные вопросы ономастической теории предшествуют изучению в юрислингвистике вопросов о конфликтогенном потенциале антропонимов; речевых конфликтах, связанных с внутригородскими названиями; нейминговой экспертизе и др.). Что касается вектора междисциплинарных связей, то в нашем случае они носят преимущественно взаимонаправленный, восстановительный характер (с одной стороны, при изучении системных и функциональных характеристик ономастических единиц учитывается их роль в порождении спора, с другой – при рассмотрении конфликтогенных онимов мы опираемся на их характеристики с точки зрения ономастической системы языка).

Планами второй ступени высшего образования отводится значительное количество часов на самостоятельную подготовку студентов магистратуры (до 70% учебного времени), поэтому организация познавательной деятельности опирается на изучение рекомендованной литературы и поиск заданных феноменов в электронных источниках. Это касается и вопросов, связывающих курс «Теория имени собственного» с «Юрислингвистикой». Задания для самостоятельной работы включают ознакомление с междисциплинарными проблемами, наиболее широко освещенными в научной литературе: а) манипулятивное использование имен собственных; б) антропонимы в аспекте права на имя; в) антропонимы как инструмент оскорбления, нарушения права на доброе имя; г) конфликтный потенциал внутригородской реноминации; д) эргонимия как возможный источник конфликта (магистрантам рекомендуются работы Н.А. Бикейкиной, З.Б. Велиева, Н.Д. Голева, И.В. Крюковой, В.И. Мозгового, М.Е. Новичихиной, Р.В. Разумова, Т.Б. Радбиля и В.А. Юматова, И.А. Стернина, Т.П. Соколовой и др.). Языковой материал для обсуждения на занятиях магистранты собирают самостоятельно с помощью поисковых систем, используя в качестве ключевых слов названия классов антропонимов в сочетании со словом «конфликт». В качестве одной из форм письменного домашнего задания по «Теории имени собственного» используется, например, анализ эпатажных маркетинговых ходов, построенных на манипулировании преце-

дентными именами (ср. плакат перед пиццерией «*Мастер по Маргарите. Пицца на дровах*») с точки зрения лингвоэкологии и лингвоконфликтологии.

Изучение нейминговой экспертизы в курсе «Юрислингвистика», как уже упоминалось, базируется на знании закономерностей образования и функционирования ономастической периферии. Помимо ознакомления с текстами экспертных заключений (опубликованных на сайтах российских ассоциаций лингвистов-экспертов, а также журнале «Юрислингвистика», публикующемся в режиме открытого доступа) и написания учебных заключений специалиста-лингвиста, магистрантам предлагается творческая работа по проблемам экологии языка, отраженным в эргонимиконе белорусского города или коммерческих номинациях предприятий РБ.

Рассмотрим подробнее одну из таких проблем, которой мы уделяем особое внимание на занятиях, – это практически неконтролируемая экспансия англицизмов, нарушающая лингвоэкологическое равновесие под влиянием моды и глобализационных процессов. Магистрантам предлагается оценить объективные предпосылки проблемы и ее субъективную составляющую. В соответствии с гражданским кодексом Республики Беларусь юридическое лицо помимо фирменных наименований на государственных языках *вправе иметь также название на иностранном языке, т. е.* тяготение к иноязычному слову в современной проприальной номинации юридически не ограничивается. Парадокс псевдоиностранных коммерческих названий в том, что номинация «своя», т. е. создана в русско-/белорусскоязычном культурном пространстве по соответствующим ономастиологическим моделям, но использованная в ней лексема «чужая», при функционировании оформленная латиницей, как варваризм, в духе глобального англо-национального бискриптолизма. Ср.: *НьюХаус* – агентство недвижимости; *GeNtly* – дизайн-студия мягкой мебели; *Green City* – комплекс для успешного развития бизнеса в Минске.

Популярность псевдоиностранных искусственных номинаций понятна: они, во-первых, эмоциогенны в силу переключения кодов; во-вторых, имеют глорифицирующий эффект. Оформление латиницей русско- и белорусскоязычных номинаций (*Lyuba, Belarusachka*) тоже реализует коммуникативную стратегию «повышения статуса» (термин О.С. Иссерс). По Т.В. Шмелевой, латиница в ономастическом пространстве города дает эффект преодоления границ, включения города в контекст глобальных процессов потребления (см.: [11]). Например, в Минске есть два юридических лица с ономастическим компонентом *Green Hill* в названии – торговое предприятие, торгующее спортивной экипировкой, и частный детский сад. Так же или с высокой степенью сходства называются разные предприятия по всему миру, ср.: *Green Hills Software* – американская компания, производящая операционные системы для авиации; *Green Hills* – польский производитель чая; жилой комплекс в Киеве; торговая сеть в Молдове; Гостевой дом «*Гринхиллс*» / «*Greenhills*» ООО «Джитранк-Юг» в России). Происходит объективно обусловленный процесс включения эргонимов в интеркультурную ономастическую сеть, в глобальную ономастическую картину мира. Среди наименований-вкраплений, созданных в Беларуси полностью на базе иноязычных ресурсов, достаточно четко выделяется группа номинативных единиц, понятных широкому кругу в силу частой встречаемости (ср. *Girl, Fashion, Children, Baby, Kid, VIP*).

Лингвоэкологическая ситуация в области коммерческой эргонимии Минска сложилась таким образом, что благодаря стратегии глорификации иноязычные названия составили 23,86 % (vs 1,27 % названий на белорусском языке); гибридные – 7,49 % (по данным на 2017 г. [6]). У этого факта есть два лингвоправовых «побочных эффекта», первый из которых Н.Д. Голев назвал «обиходно-правовой

лингвистической дискриминацией» [3, 13]. Рассматривая проблемы «личность в языковой среде» и «защита прав потребителей языка», он анализирует ситуацию с пожилым человеком, который читает латинские буквы на вывеске *Coca-Cola* как кириллические и оказывается исключенным из полноценного коммуникативного акта, поскольку принудительно «находится одновременно в двух семиотических системах» [3, 13–14]. Второй «побочный эффект» псевдоиностранный наименования – введение потребителя в заблуждение, маскировка отечественного производителя товаров и услуг под зарубежного ради получения коммерческой выгоды. Как отмечает Т.П. Соколова, эксперты Роспатента ограничивают массовую стилизацию под иностранный бренд (*Basconi, Donatto, Francesco Donni, Tom Klaim*), позиционируемую в заявках на регистрацию как «фантазийное обозначение» [8, 72].

Предлагаемые способы координации взаимосвязанных дисциплин оптимизируют (по крайней мере, в рамках нашего опыта) их преподавание благодаря тому, что акцентируют внимание на важных и сложных полидисциплинарных аспектах, поддерживают единство научной картины мира, несмотря на различия терминологического аппарата, методов и задач разных дисциплин, и обеспечивают системность обучения.

Литература

1. Бикейкина, Н.А. Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного: на материале русских антропонимов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Бикейкина; Кемер. гос. ун-т. – Новосибирск, 2011. – 293 с.
2. Велиев, З.Б. Онтология лингвоюридического конфликта (на материале онимов современного русского языка): автореф. дис. кандидат наук: 10.02.01 / З.Б. Велиев; ФГБОУ ВО «Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т». – Волгоград, 2021. – 27 с.
3. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – С. 11–58.
4. Идиатулин, В.С. О координации учебных дисциплин / В.С. Идиатулин // Высшее образование в России. – 2004. – №12. – С. 156–158.
5. Ратникова, И.Э. Филологический анализ имени собственного в образовательном процессе / И.Э. Ратникова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник науч. статей / сост.: А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеенко, Ю.В. Дулова, О.В. Шеверинова; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ им. П.И. Машерова, 2018. – С. 38–43.
6. Ратникова, И.Э. Юрислингвистический аспект ономастики в сопоставительном освещении / И.Э. Ратникова, Бен Хоанг Тхи // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию филологического факультета БГУ): сб. материалов VIII Междунар. науч. конф., 16–17 окт. 2019 г., Минск / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2019. – С. 235–240.
7. Ратникова, И.Э. Теоретические вопросы ономастики в лингводидактическом аспекте / И.Э. Ратникова // Сучасныя праблемы анамастыкі: зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 1. – Мінск: Выд. дом «Беларуская навука», 2022. – С. 249–255.
8. Соколова, Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство / Т.П. Соколова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 208 с.
9. Теория имени собственного: учебное пособие / А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 202 с.
10. Теория имени собственного: учебная программа УВО по учебной дисциплине для специальности 1-21 80 11 Языкознание (профилизация «Русское языкознание»). № УД-9454/уч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/257164>. – Дата доступа: 10.02.2023.
11. Шмелева, Т. В. Ономастикон российского города / Т.В. Шмелева. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
12. Юрислингвистика: учебная программа УВО по учебной дисциплине для специальности 1-21 80 11 Языкознание (профилизация «Русское языкознание»). № УД-9442/уч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/257165>. – Дата доступа: 10.02.2023.

УДК 811.161.1

СЛОВАРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕКЛАМНОГО ИМЕНИ

Ключевые слова: эргоним, рекламное имя, классификация, словообразовательная и структурно-семантическая характеристики.

В ходе исследования предпринята попытка выявить закономерности в образовании рекламного имени. В статье рассмотрены словообразовательный аспект и структурно-семантическая классификация эргонимов. Были проанализированы эргонимы Смоленска, опубликованные в материалах рекламного характера местных печатных изданий.

К.А. Richter
Smolensk State University

THE VOCABULARY ASPECT OF LEARNING AN ADVERTISING NAME

Key words: ergonym, advertising name, classification, word-formative and structural-semantic characteristics.

In the course of the study, an attempt was made to identify patterns in the formation of an advertising name. The article deals with the word-formation aspect and the structural-semantic classification of synonyms. The ergonyms of Smolensk published in the promotional materials of local print media were analyzed.

На фоне стремительного развития ономастики внимание исследователей все чаще привлекают рекламные имена, составляющие эргономическое пространство какой-либо территории. Экономический рост приводит к постоянному открытию новых предприятий и организаций. Простой семантической онимизации в современных реалиях уже мало. В высокой конкурентной борьбе необходимо выделиться, повысить узнаваемость рекламного имени. На сегодняшний день рекламное имя, или эргоним наделено множеством функций, главные из которых информативная и коммерческая [5, 51].

Наиболее точное толкование определению «эргоним» дала Н.В. Подольская «Эргоним – разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [6, 151].

Чтобы выявить определенные закономерности эргономической номинации, рассмотрим наиболее распространённые виды классификаций эргонимов на примере названий фирм, предприятий, объединений. Для исследования были проанализированы эргонимы путем выборки рекламы в печатных изданиях Смоленска.

Как правило, исследователи используют два направления изучения эргонимов: словообразовательный аспект и структурно-семантическую классификацию.

Если рассматривать эргоним с точки зрения морфемной деривации, то новые слова образуются на основе имеющихся основ путем сочетания их с различными аффиксами. К ним относятся: префиксы, суффиксы, постфиксы, интерфик-

сы. Чаще всего можно встретить префиксальный или приставочный: *гостиница «Мегаполис»* и суффиксальный способы словообразования: *СППК «Васьковский», СПК «Городнянское», терминал «Никольский», стоматологическая клиника «Улыбка»,* а также использование соединительных морфем: *магазин «Кругозор», «Агросфера».*

В последние годы большое распространение получили такие способы словообразования, как словосложение и аббревиация.

Словосложение - объединение двух и более слов или их основ в единую конструкцию – используется в номинации организаций довольно часто. Это действенный инструмент для отражения полного перечня сфер деятельности фирмы или производства: *«Гидрометприбор», «Газпромбанк», «Экостройгарант», Цетромонтажавтоматика, «Интермедсервис».*

Распространены и некоторые виды аббревиатур:

- инициальные: *СМАЗ (Смоленский автомобильный завод), ООО «ДСК», телекомпания «СНТ», завод «ЖБИ-2» (завод железобетонных изделий), «МСК» (многофункциональная служба кадастра), СПА-студия «ТОР» (телесноориентированной релаксации);*

- слоговые аббревиатуры: *«ЗооФарм», «Уралхим», АО СПК «Смоленскагропромдorstрой», ОАО «Смоленскглавснаб», «Ростелеком», «Гидростой».*

Стоит отметить, что для рекламной номинации допустимы разные варианты написания сложносокращённых слов. Например, некоторые слова начинаются с прописной буквы, остальные обозначаются строчными: *«Смолстром-сервис», «Экостройгарант».* Возможно выделение и каждой основы прописной буквой: *«СмоленскАтомЭнергоСбыт».*

Аббревиатуры достаточно часто используются в рекламных материалах для обозначения организационно-правовой формы того или иного предприятия. И помимо довольно узнаваемых «ОАО» и «ООО» встречаются аббревиатуры, которые идентифицировать читателю достаточно сложно: *СРМОР «Союза строителей Смоленской области», А СРО «Объединение смоленских строителей», АО СПК «Смоленскагропромдorstрой», ГРЭС ПАО ЮНИПРО.*

По структурным характеристикам эргонимы также можно классифицировать. Количество слов в эргономической конструкции может быть различным: от одного местоимения: *«Твое» (производитель одежды),* до целого предложения: *«Дорогой, я перезвоню» (салон красоты).* Таким образом к простым эргонимам можно отнести названия, состоящие из одного слова: *дизайн пространство «Среда», ресторан «Voyage», ООО «Лазертаг», гостиничный комплекс «Усадьба».* При создании сложносоставных рекламных имен используется несколько слов: *«Клиника Линия Здоровья», садовый центр «Зеленый мир», «Гагаринский Хлебокомбинат», питьевая вода «Ключ здоровья».*

В ходе исследования выявлена группа эргонимов, которые образованы путем сложения слов и цифрового обозначения: *«Регион 67», Парк-музей «Фортост 863», «Холод 66», автошола «Автоград 67».* В большинстве случаев цифрами отмечают смоленский регион.

С точки зрения морфологии, простые эргонимы в большинстве случаев представлены именами существительными. Сложносоставные наименования, как правило, образуют словосочетание и состоят из прилагательного и существительного: *фермерские продукты «Новая жизнь», «Лесоторговая база», центр социального обслуживания «Близкие люди»* или двух существительных: *благотворительный фонд «Море добра», гостиница «Стандарт Отель».*

Исследовательский интерес направлен и на изучение эргонимов с точки зрения лексико-семантического принципа классификации, который включает в себя несколько видов. В Словаре русской ономастической терминологии Н.В. Подольская так описывает семантическую онимизацию: «Процесс, происходящий без формальных изменений структуры апеллятива; о.с. может быть простой, метафорической и метонимической [6, 92]:

- простая: «Продукты», «Цветы», «Продтовары», «Хозтовары». Большинство названий подобной номинации остались в городе еще с советских времен. Иногда эргоним так «приживается» к магазину, что становится местной достопримечательностью, своеобразным ориентиром в городском пространстве. Так случилось с магазином «Спорттовары», название которого стало урбанонимом. Смоляне настолько привыкли к его названию, что даже после закрытия по-прежнему называют магазин «Спорттовары», хотя в помещении уже несколько раз поменялись арендаторы, которые продают уже другие товары;

- метонимическая: обувной магазин «Шаговита», магазин сумок «Саквояж», магазин постельного белья «Сатин»;

- метафорическая: рыбный магазин «Океан», книжный магазин «Родник», медицинское страхование «Капитал», центр реабилитации слуха «Спектр».

Популярностью среди эргономичной номинации пользуется и так называемая трансонимизация [4, 306]. Эргонимы, при словообразовании которых использованы имена собственные:

Атропонимы: магазин семян «Лариса», компания «Романишин», салон красоты «Микки», салон цветов «Машенька»;

Фитонимы: центр эстетической медицины «Клевер», рекламное агентство «Астра»;

Топонимы: питьевая вода «Любавичи», СППК «Васьковский», агроферма «Катынь», ПАО «Дорогобуж», логистическая компания «Эдельвейс»;

Космонимы: ООО РСФ «Омега», «Альфа Транс».

Большой пласт коммерческой номинации занимают иностранные слова: кафе-бар «Extra Time», мастерская рекламы «Ректайм», клуб виртуальной реальности «Warstation», инженерно-производственный центр «Promix» брендинговое агентство «REDFOX». Графически обозначены такие эргонимы могут быть, как кириллицей, так и латиницей.

Как способ привлечения внимания к рекламной номинации можно отметить названия, написанные латиницей: сушибар «Karibara», «67 SHAROV», MILO CERAMIKA, «Пекан ECO».

В этой связи очень важным и актуальным аспектом изучения эргонимов является влияние модных тенденций на номинацию. Это можно проследить на объектах общепита Смоленской области. Порой решающее значение при выборе фирменного стиля, и как следствие появление нового эргонима играют тренды на организацию общественного пространства. Так, например, мода на скандинавский дизайн интерьера перешла и в названия кафе и кофеен: «Fjord», «Aeblehaven», «Andersøn», «Fika».

О.В. Врублевская в статье «Языковая мода в эргономии как социолингвистическая проблема» указывает на ряд модных тенденций, отвечающих признакам современности. «Одна из тенденций заключается в ориентации на простоту и мотивированность. Так большая часть названий магазинов – это мотивационные названия, созданные лексико-семантическим способом» [2, 47].

Среди рекламных имен, отвечающих признакам современности также можно выделить группу эргонимов, которые содержат в названии графические символы, характерные для номинации сайтов или электронной почты: *domofond.ru*, *менличное хозяйство botanikshop.ru*, «@02.group».

Т.П. Романова рассматривает классификацию эргонимов с точки зрения выполнения основных функций: номинативной, информативной и рекламной. К периферии эргономического пространства можно отнести неинформативные и нерекламные эргонимы – скрытые названия и аббревиатуры: ООО «ДСК», ООО «Акросоп», А СРО «ОСС». В то время, как: «главными функциями «товарного» эргонима являются информативная и рекламная функции. Благодаря информации, заключённой в собственных именах, способу ее подачи, эргонимы достигают своей основной цели – привлечения внимания клиентов» [3].

И если описательные названия выполняют только информативную функцию: «Мастерская шоколада», «Смоленский завод радиодеталей», «Вяземский домостроительный комбинат», «Смоленский Лакокрасочный завод», то условно-символические имена по характеру содержащейся информации можно разделить на три группы:

- информативные: «Автокадры», «Стройдом», Сеть салонов магазинов «Здоровье для вас»;
- рекламные: «Камея» рекламное агентство, школа иллюстраторов «MANAMAKE», агентство праздников «Кубик Рубик»;
- рекламно-информативные: «ZONA шпаката», ГК «Транзит», «Почта Банк», «ОК Банкрот», цветочная мастерская «Роза Люксембург» [3].

Совмещение рекламной и информативной функций в одной номинации позволит организации выгодно выделиться среди конкурентов, обозначить сферу деятельности предприятия, что в итоге может существенно повлиять на развитие бизнеса.

В основу разработанной Н.В. Шимкевичем классификации «коммерческих» эргонимов легло наличие или отсутствие в рекламном имени прагматики. Соответственно, автор делит эргонимы на две группы: непрагматические и прагматические, которые, в свою очередь, можно разделить еще на несколько подгрупп [1, 13].

Непрагматические эргонимы:

- к информирующим значимым эргонимам можно отнести названия, которые дают понимание о сфере деятельности фирмы: Сеть магазинов «Смоленское подворье», «Смолстройсервис», «Смоленский Промстройпроект», «Товарищество льняная мануфактура». Часто в таких номинациях присутствует географическая привязка к месту нахождения организации;
- информирующие незначимые сообщают сведения, которые напрямую к деятельности фирмы не относятся, но, к примеру, выполняют роль визитной карточки организации; ИП КИБА, компания «Романишин»;
- неинформирующие – это те названия, по которым род деятельности фирмы определить очень сложно: «Метрумгрупп» (строительная компания), ООО «Консоль» (строительная компания), «Теллура», «Бигом» (теплицы), ООО «Амулет» (удобрения, семена).

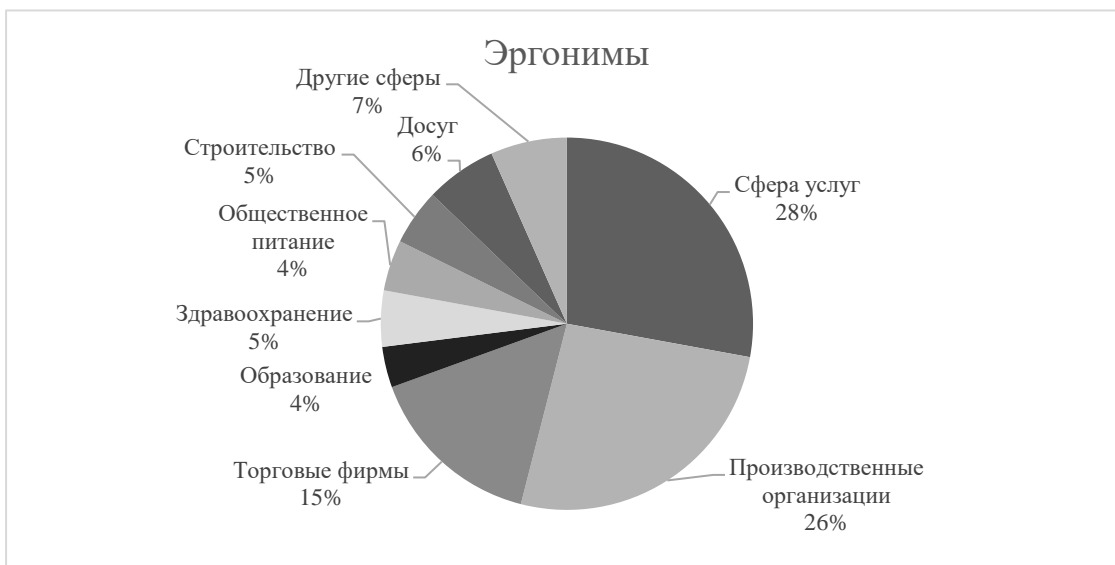
Прагматические эргонимы делятся на следующие группы:

- прагматические информативные: ЖК «Боровая-Парк», Автошкола «Автоград 67», «Стройкомплект-эмаль». Такие эргонимы сообщают дополнительную информацию о предприятии;

- прагматические ассоциативные эргонимы создают положительные ассоциации у адресата: «Бетон-гарант», «Гарант – жилье», «Профессионал Банк», «Автотехэксперт», частный детский сад «Супер Няня», клиника «Эксперт», «Русская торфяная компания», Банк «Россия».

В книге «Ономастикон русского города» Т.В. Шмелева рассматривает классификацию эргонимов по характеру деятельности организаций. Например, названия торговых заведений можно определять, как «Эмторонимы», а заведения общепита, как «Трапезонимы», и т.д. [7, 10-12].

В ходе исследования были проанализированы более 200 эргонимов, опубликованных в рекламных материалах смоленских СМИ. Если классифицировать собранный эмпирический материал по различным отраслям, то эргонимы можно разделить на следующие группы:

Таким образом, большинство найденных эргонимов относятся к сфере услуг (63 наименования). К ним относятся банковское и страховое дело, ремонт техники и оборудования, маркетинговые услуги и юридическое сопровождение бизнеса, сертификация и экспертиза, логистические услуги (склады, транспорт) и т.д. Вторую сточку занимают заводы, предприятия и небольшие производства (59 наименований). Далее торговые организации (35 наименований). Образование, здравоохранение, общественное питание, досуг и строительство представлены в рекламе приблизительно в равном процентном соотношении.

При изучении структурно-функционального описания ономастики исследователи так и не пришли к единой системе классификации эргонимов. В качестве рекламного имени могут выступать и личный бренд, и аббревиатура, и слово, которое несет некую смысловую нагрузку. По названию мы можем понять, что производит или продаёт предприятие, какие услуги оказывает та или иная организация. Эргонимы помогают создать благоприятное впечатление о бренде. Рекламное словообразование скорее процесс творческий, который дает возможность проявить индивидуальность. Функционал эргонимов и как следствие значимость их в ономастическом пространстве с каждым годом только растет.

Литература

1. Шимкевич, Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Шимкевич; Екатеринбург, 2002. – 23 с.

2. Врублевская, О.В. «Языковая мода в эргономии как социолингвистическая проблема / О.В. Врублевская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2014. – №5 (90). – С 45–48.

3. Романова, Т.П. Проблемы современной эргонимии / Т.П. Романова // Вестник Самарского гос. ун-та. Сер. «Филология». – 1998. – №1. – С. 82–90.

4. Романова, Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен / Т.П. Романова // Вестник Самарского гос. ун-та. – 2007. – №5/2 (55). – С. 204–214.

5. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография / И.В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.

6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

7. Шмелева, Т.В. Ономастикон российского города / Т.В. Шмелева // Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.

Г.К. Семянькова

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава
e-mail: galina.semenkova@mail.ru

УДК 811.161.3'367.622.12'286

РЭГІЯНАЛЬНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ З КАМПАНЕНТАМ-ОНИМАМ: СКЛАД, СЕМАНТЫКА, УТВАРЭННЕ

Ключавыя словы: *фразеалагізм, рэгіянальны фразеалагізм, антрапонім, онім, кінонім.*

У артыкуле ўпершыню даследуюцца рэгіянальныя фразеалагізмы, што бытуюць на тэрыторыі Віцебскай вобласці і маюць у сваёй структуры кампанент-онім (уласнае асабовае імя, прозвішча, мянушку чалавека або свойскай жывёлы): вызначаецца склад, семантыка, утварэнне ўстойлівых выказаў.

Н.К. Semiankova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

REGIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE ONYM COMPONENT: COMPOSITION, SEMANTICS, EDUCATION

Key words: *phraseology, regional phraseology, anthroponym, onym, kinonym.*

The article for the first time examines regional phraseological units that exist on the territory of the Vitebsk region and have in their structure a component-onym (own personal name, surname, nickname of a person or pet): the composition, semantics, and formation of stable expressions are determined.

Роля асабовых імён у штодзённых зносінах і ва ўстойлівых выказах (фразеалагізмах, прыказках, прымаўках) адрозніваецца. У жыцці онімы выконваюць назывную, ідэнтыфікацыйную, характарыстычную (мянушкі людзей) функцыі. Ва ўстойлівых выказах адсутнічае сувязь імені з канкрэтнай асобай ці аб'ектам, імя мае дачыненне да любога чалавека, таму носіць абагульняльны характар, набліжаецца да агульнага.

У фразеалагізмах у сціслай вобразнай форме адлюстраваны вопыт мінулых пакаленняў беларускага народа, яго ўяўленне пра свет, матэрыяльныя і духоўныя

каштоўнасці. Ва ўстойлівых адзінках закадзіравана інфармацыя пра пэўныя гістарычныя падзеі, звесткі з жыцця народа і асобных яго прадстаўнікоў, практычны вопыт, правілы паводзін, моўны этыкет і інш.

Мэта артыкула – выяўленне і аналіз складу, семантыкі, асаблівасцяў утварэння рэгіянальных фразеалагізмаў, што бытуюць на тэрыторыі Віцебскай вобласці. Актуальнасць артыкула заключаецца ў тым, што ў ім уведзена ў навуковы ўжытак нікім раней не даследаваны матэрыял, у асобных выпадках ўстаўляецца сувязь паміж фразеалагізмам і падзеямі, якія леглі ў яго аснову.

Фактычным матэрыялам для даследавання паслужылі дыялектныя фразеалагізмы (каля 200 адзінак), сабраныя на працягу 2021–2023 гг. шляхам апытання мясцовых сельскіх жыхароў Віцебскай вобласці. Усе прыведзеныя ў артыкуле ўстойлівыя выразы не фіксуюцца ў “Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы” І.Я. Лепшава [6; 7] ці прыводзяцца ў ім з іншым значэннем або складам кампанентаў.

Уласныя імёны, што ўваходзяць у склад дыялектных фразеалагічных адзінак, суадносяцца з рознымі класамі анамастычнай лексікі. У сабраным матэрыяле найбольшая частка онімаў – антрапанімныя адзінкі (уласныя асабовыя імёны, прозвішчы, мянушкі людзей). Выяўлена два фразеалагізмы, што ўтрымліваюць у складзе кінонімы – мянушкі сабак.

Сярод антрапанімных найменняў у складзе рэгіянальнай фразеалогіі пераважаюць уласныя асабовыя імёны ў дэмінітыўнай форме. Разгледзім асобныя прыклады:

даваркаваўся збянтэжаны Саўка – выраз ужываецца ў дачыненні да чалавека, які пасварыўся з кімсьці і таму не можа мець з ім зносін: *Ну, што, даваркаваўся збянтэжаны Саўка, а цяпер з якімі вачыма пойдзеш прасіць у Андрэя пілу?* (вёска Сталюгі, Лепельскі раён);

месці языком як Анюта венікам ‘гаварыць упустую, пустасловіць’: *Нешта ты, кума, мяцеш языком як Анюта венікам. Раскажы лепш, калі сына жэніш* (вёска Янкавічы, Расонскі раён).

Апошні з прыведзеных прыкладаў ілюструе працэс пашырэння складу фразеалагічнай адзінкі ў дыялектнай мове. Так, у “Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы” І.Я. Лепшава з тым жа значэннем прыводзяцца фразеалагізмы *малоць языком (языкамі), мянціць языком, трапаць языком, часаць язык (языком)* [7, 16].

Акрамя гэтага, рэгіянальны выраз *месці языком як Анюта венікам* адрозніваецца ад зафіксаваных у слоўніку дзеяслоўным кампанентам (*месці – малоць, мянціць, трапаць, часаць*), што дазваляе кваліфікаваць яго як камбінаваны да літаратурнага варыянт, які сумяшчае ў сабе прыметы канструкцыйна-колькаснага і лексічнага варыянтаў [10, 13].

Да лексічных варыянтаў намі аднесены таксама дыялектны фразеалагізм **(зарабіць) як Саўка на мыле** ‘зусім нічога, нікольнікі’: *Потым будзеш гаварыць, як разліцаца з табой, а то, можа, заробіш як Саўка на мыле* (вёска Сталюгі, Лепельскі раён). Ад агульнавядомага выразу (зарабіць, выручыць, выгадаць і пад.) *як Заблоцкі на мыле* ‘зусім нічога, нікольнікі ці амаль нічога, амаль нікольнікі не (зарабіць і пад.)’ [7, 383] ён адрозніваецца антрапанімнай адзінкай (у дыялектным варыянце – уласнае асабовае мужчынскае імя ў дэмінітыўнай форме (*Саўка*), у літаратурным – прозвішча асобы). Па легендзе купец Заблоцкі, каб не плаціць пошліны, вырашыў правезці мыла, вымененае за мяжой на жыта, кантрабандай. Для гэтага ён схаваў мыла на дне судна, дзе яно размокла. У выніку купец аказаўся ў прайгрышы, бо застаўся без даходу [9, 52].

Прычыну замены кампанента *Заблоцкі* на *Саўка* ў народным маўленні, відаць, можна растлумачыць стратай сувязі ўстойлівага звароту з рэальнай асобай (*Заблоцкім*) і падзеямі, што пакладзены ў аснову фразеалагізма, незразумеласцю для носьбітаў мовы кампанента-прозвішча.

Даследчыкі звяртаюць увагу на тое, што пры фразеаўтварэнні адбываюцца працэсы дэсемантызацыі і апелятывізацыі ўласных імён: онім страчвае семантыку і пераходзіць з уласнага імені ў агульнае [10, 8]. Думаецца, што выраз *як Саўка на мыле* з'яўляецца яркім пацверджаннем гэтых працэсаў.

У гаворках жыхароў Віцебшчыны фразеалагічны выраз *лёгкі Савачка* 'нахабны чалавек, што прыходзіць на ўсё гатовае': *З'явіўся, як лёгкі Савачка, а свайго на стол не паставіў, прывык за чужым жыць* (вёска Слідцы, Чашніцкі раён) набывае іншае, чым вядома носьбітам мовы і засведчана ў фразеаграфічных працах, значэнне – 'чалавек, які лёгка дае абяцанні і не выконвае іх' [10, 8]. Па гэтай прычыне лічым мэтазгодным разглядаць яго як семантычны варыянт да літаратурнага фразеалагізма.

Прыкладам выкарыстання дэмінітуўнай формы жаночага імені з'яўляецца рэгіянальны фразеалагізм *як у Бэркі на заводзе*, які абазначае 'многа' і ўжываецца ў сітуацыі, калі неабходна падкрэсліць шматлікасць, неадкладнасць, абавязковасць спраў, якія трэба выканаць на працягу дня: *Некалі доўга стаяць і гаварыць, сёння работы як у Бэркі на заводзе* (вёска Вугальнікі і суседнія вёскі, Міёрскі раён). Адносна паходжання прыведзенага фразеалагізма вядома наступнае: мясцовая жыхарка падчас Вялікай Айчыннай вайны была на прымусовых работах у Германіі, працавала на прадпрыемстве ў нямецкай сям'і. *Бэрка* – імя гаспадыні, якая кіравала гэтым прадпрыемствам.

У складзе рэгіянальнай фразеалогіі ўжываюцца гіпакарыстычныя імёны, утвораныя шляхам скарачэння поўных форм уласных імён. Так, ва ўстойлівым выразе *як Федзя з батонамі* 'вельмі сумны, без настрою, апанаваны змрочнымі думкамі': *Во, адправіла ўнучку ў горад. Іду дадому як Федзя з батонамі. Калі яшчэ пабачымся? Можна, толькі на канікулы да мяне прыедзе...* (вёска Пугляі, Аршанскі раён) ужыта гіпакарыстычная форма *Федзя* поўнага імені *Фёдар*.

Вядома, што ў мове выкарыстоўваецца падобны па структуры фразеалагізм з іншым, чым у прыведзеным вышэй прыкладзе, уласным імем і значэннем – *Алёша з батонамі* 'някемлівы, няўмелы чалавек, недарэка ці разявака' [2, 76].

Вызначальна, што з усіх уласных асабовых імён, якія ўжываюцца ў зафіксаваных намі рэгіянальных фразеалагізмах, найбольшай актыўнасцю валодае антрапонім *Саўка* – дэмінітуўная, або памяншальна-ласкальная, форма мужчынскіх кананічных імён *Савва* або *Савел*, *Савелий*.

Адзначым, што гэтае імя даволі часта сустракаецца не толькі ў рэгіянальных, але і ў літаратурных фразеалагізмах, зафіксаваных у лексікаграфічных працах (*на Саўку і шапка* 'кожны атрымлівае тое, чаго ён заслугоўвае, чаго ён варты, што адпавядае яго становішчу'), у прыказках і прымаўках (*Хіцёр Зміцёр, але і Саўка не дурак* [10, 15]; *Атаўка – сёну прыбаўка, не ўмеў касіць Саўка; На воўка толькі слава, а авец цягае Сава; На воўка памоўка, а Саўка авечкі крадзе; Не меў Саўка клопату, дык жонку ўзяў*).

У даследаваным намі фактычным матэрыяле назіраюцца адзінкавыя выпадкі, калі ў якасці антрапанімнай адзінкі ў складзе фразеалагізма ўжываецца прозвішча і мянушка: *як Будрэвіч з Будрэвічыхай* 'разам, неразлучна': *Сяргей з Ірынай ходзяць усюды як Будрэвіч з Будрэвічыхай – і ў магазін, і ў крыніцу, і на рэчку, і ў лес. Нават на двары разам: ён капцільню распальвае, а яна побач рыбу чысціць*

(вёскі Быкаўшчына, Галубічы, Ураджайная, Вялікія Давыдкі і іншыя, Глыбоцкі раён). Рэспандэнты ўспамінаюць, што ў 1950-х гг. у вёсцы Ураджайная жыў чалавек з прозвішчам Будрэвіч, які заўсёды і ўсюды быў (хадзіў, працаваў) разам са сваёй жонкай. Вядома таксама, што гэтыя людзі перамяшчаліся з вёскі ў вёску як жабракі. Сёння ўстойлівы выраз як *Будрэвіч з Будрэвічыхай* выкарыстоўваецца ў маўленні жыхароў многіх населеных пунктаў Галубіцкага сельсавета Глыбоцкага раёна.

У прыведзеным фразеалагізме назіраецца распаўсюджаная ў беларускай антрапанімай сістэме з’ява ўтварэння наймення жанчыны (*Будрэвічыха*) ад наймення мужа (*Будрэвіч*).

Вядома, што пры ўтварэнні андронімаў часта выкарыстоўваецца суфікс *-ix/-ых-*: *Пеціха* ‘жонка Пеці’, *Сеньчыха* ‘жонка Сенькі’, *Лявоніха*, *Барысіха*, *Ніканорыха*, *Льюшчыха*, *Валянцініха*, *Ніканіха*, *Дзёмчыха*.

Суфікс *-ix/-ых-* з’яўляецца настолькі актыўным пры называнні жанчын, што пры яго дапамозе ўтвараюцца мянушкі не толькі ад імён, а і ад прозвішчаў (што мы і назіраем у прыведзеным вышэй фразеалагізме, а таксама ў мянушках *Фраліха* – ад прозвішча *Фралоў*, *Ляўчыха* – ад *Ляўчук*, *Макрэнчыха* – ад *Макрэнка*, *Курашыха* – ад *Кураш*) і нават мянушак іх мужоў: *Каніха* – жанчына, муж якой носіць мянушку *Конь Дзеравянны*, *Бараніха* – жанчына, мужа называюць мянушкай *Баран* за ўпартасць) [1, 122].

Адзінкавымі ў нашым матэрыяле з’яўляюцца прыклады, у якіх ужыты імёны гістарычных асоб – кіраўнікоў дзяржаў, палкаводцаў, палітычных дзеячаў. Так, у фразеалагізме *помніць цара Батуру* ‘вельмі даўні, стары’: – *Якія ў вас тут даўнія могількі!* – *Ой, дзеткі, гэта кладзбішча помніць цара Батуру* (аграгарадок Бачэйкава, вёска Буй, Бешанковіцкі раён) *Батура* – зменены варыянт прозвішча польскага караля і князя Вялікага Княства Літоўскага Стэфана Баторыя (1533–1586).

Даследчык фразеалогіі Гродзеншчыны М.А. Даніловіч прыводзіць наступны варыянт гэтага фразеалагізма: *помніць караля Батораго (Батуру)* ‘стары, даўні, адвечны’ [3, 81]. Відавочна, што ўстойлівыя выразы маюць агульнае значэнне і адрозніваюцца кампанентамі *цар* – *кароль*, таму могуць быць аднесены да лексічных варыянтаў.

У рэгіянальным фразеалагізме *адзецца як Зызля* ‘апануцца без густу’: *Ці бачыла ты Марынку, Сідараву ўнучку? Яна і сёння адзетая як Зызля* (горад Міёры, Міёрскі раён) не ўяўляецца магчымым аднясенне оніма *Зызля* да пэўнага тыпу антрапанімных адзінак – уласнага асабовага імя, прозвішча, мянушкі.

Выраз *прапасці як Платонаў боб* ужываецца пры апісанні дрэннага ўраджаю: *Сёлета пасеяў пшаніцу, а з-за дажджоў і халаднага лета прапала яна як Платонаў боб* (вёска Янкавічы, Расонскі раён).

На тэрыторыі Віцебшчыны зафіксаваны фразеалагізмы, у склад якіх уваходзяць кінонімы – мянушкі сабак. Разгледзім іх больш падрабязна:

насіцца як Найда ‘хутка рухацца ў розныя бакі, мітусіцца’: *Што ты носішся як Найда? Спыніся, пагавары з людзьмі!* (вёскі Лапыры, Мардахі, Дубровенскі раён). Фразеалагізм звязаны з рэальным сабакам па мянушцы Найда, што быў у аднай з жыхарак вёскі Лапыры, які не любіў сядзець на ланцугу, часта рваў яго і бегаў па вёсцы;

аддалжыць вочы ў Шарыка – ужываецца ў сітуацыі, калі звяртаюцца да таго, перад кім адчуваюць сорам: *І як цяпер на вуліцу выйці? Сорамна! Хоць ты аддалжы вочы ў Шарыка* (вёска Вугальнікі, Міёрскі раён).

Апошні з прыкладаў па складзе і па семантыцы суадносіцца з вядомым выразам *у сабакі вачэй (вочы) пазычаць (пазычыць)*, які прыводзіцца ў слоўніку

І.Я. Лепшава з афарбоўкай *размоўны, неадабральны, ужываецца пры дзейніку са значэннем асобы, мае значэнне 'траціць сумленне, сорам, набірацца нахабнасці'* [7, 134]. У рэгіянальным варыянце слова *сабака* заменена на *Шарык* (адна з найбольш распаўсюджаных мянушак сабак). Кінонім у рэгіянальным фразеалагізме валодае высокай ступенню дэсемантызацыі і апелятывацыі, нягледзячы на тое, што з'яўляецца ўласным імем.

Даследчыкі называюць некалькі ступеняў дэсемантызацыі і апелятывацыі ўласных імён пры ўтварэнні фразеалагізмаў. Так, з улікам характару генетычнай сувязі анамастычнага кампанента з дэнататам выдзяляюць наступныя тыпы фразеалагізмаў (градацыя ажыццяўляецца ў напрамку павелічэння ступені дэсемантызацыі оніма) [10, 8]:

1) фразеалагізмы з уласным імем, якое генетычна звязана з канкрэтным дэнататам – страчаным або рэальна існуючым: (жыць) *як Адам у раю* 'прывольна, раскошна, без турбот і клопатаў (жыць)'; у нашым матэрыяле ў гэтую групу, відаць, варта аднесці тры выразы – *як Будрэвіч з Будрэвічыхай, як у Бэркі на заводзе, помніць цара Батуру*;

2) фразеалагізмы з прыналежным прыметнікам, які набывае канатацыі сацыяльнага, ацэначнага характару: *юдаў пацалунак* 'зрадніцкі ўчынак пад маскай добрачытлівасці, сяброўства';

3) фразеалагізмы з уласным імем, якое набывае функцыю абагульнення: з *Богам Параска* – вокліч пажадання шчаслівай дарогі; у нашым матэрыяле ў гэтую групу мы аднеслі выраз *аддалжыць вочы ў Шарыка*;

4) фразеалагізмы са страчанай першапачатковай вобразнасцю: *кануць у л(Л)ету* 'бяследна знікнуць, назаўсёды аказацца забытым'; у нашым матэрыяле ў названую групу намі ўключаны прыклады *адзецца як Зызля, прапасці як Платонаў боб*.

У прааналізаваным матэрыяле найбольшую каштоўнасць уяўляюць безэквівалентныя рэгіянальныя фразеалагізмы, што абазначаюць паняцці, не ахопленыя ў літаратурнай мове фразеалагічнай намінацыяй (*як у Бэркі на заводзе, як Будрэвіч з Будрэвічыхай*). Такія адзінкі – неад'емная частка дыялектнай мовы, яе каштоўны здабытак, які дазваляе захаваць у памяці пэўныя падзеі, звязаных з імі людзей, ацаніць паводзіны чалавека па шкале "добра – кепска", "норма – не норма".

Нельга не пагадзіцца з Н.А. Леўчанкай, што "ўласна фразеалагічныя дыялектызмы з'яўляюцца нацыянальна-культурна маркіраванымі і валодаюць вялікай інфармацыйнай каштоўнасцю" [10, 14]. Адною з асноўных прычын утварэння рэгіянальных фразеалагізмаў даследчыца называе неабходнасць задаволіць экспрэсіўна-выяўленчыя патрэбы мовы [10, 14].

Літаратура

1. Беларуская антрапанімія: вучэбны дапаможнік / Г.М. Мезенка (наук. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. – 254 с. – Рэжым звароту: https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/2378/5/Беларуская_антрапанімія.pdf. – Дата звароту: 10.02.2023.

2. Буракова, М.У. Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія: вучэб.-метадыч. дапам. / М.У. Буракова, В.А. Ляшчынская. – Мінск: РІВШ, 2011. – 166 с.

3. Даніловіч, М.А. Лінгвістычнае краязнаўства Гродзеншчыны: дапам. / М.А. Даніловіч. – Гродна: ГрДУ, 2008. – 227 с.

4. Даніловіч, М.А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М.А. Даніловіч. – Гродна: ГрДУ, 2000. – 267 с.

5. Дзядова, А.С. Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі: манаграфія / А.С. Дзядова. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – 161 с. – Рэжым звароту: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/3208>. – Дата звароту: 04.02.2023.

6. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы / І.Я. Лепешаў. У 2 т. Т. 1. А – Л. – Мн.: БелЭн, 1993. – 590 с.
7. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы / І.Я. Лепешаў. У 2 т. Т. 2. М – Я. – Мн.: БелЭн, 1993. – 607 с.
8. Лепешаў, І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы: вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Вышэйшая школа, 1998. – 271 с.
9. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мн.: Народная асвета, 1981. – 160 с.
10. Леўчанка, Н.А. Фразеалагізмы з кампанентам-онімам у сучаснай беларускай мове: структура, семантыка, утварэнне: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / Н.А. Леўчанка; ДНУ “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”. – Мінск, 2020. – 27 с. – Рэжым звароту: https://vak.gov.by/sites/default/files/2020-10/аўтарэфарат_0.pdf. – Дата звароту: 14.02.2023.
11. Ляшчынская, В.А. Сучасная беларуская мова: фразеалогія: вучэб. дапам. / В.А. Ляшчынская. – Мн.: РІВШ, 2010. – 228 с.
12. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с. – Рэжым звароту: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/14704/1/ГотовоеЧ.1.pdf>. – Дата звароту: 10.02.2023.
13. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / склад.: Г.К. Семьянкова, Т.А. Грачыха, А.С. Дзядова [і інш.]; пад рэд. А.С. Дзядовой. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2014. – Ч. 2. – 358 с. – Рэжым звароту: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/14042>. – Дата звароту: 10.02.2023.

Т.И. Синкевич

Витебский государственный университет имени П.М.Машерова
e-mail: sintat@ibox.ru

УДК 811.161.1'373.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ ВОЛК В ЛИМНОНИМИИ ВИТЕБЩИНЫ

Ключевые слова: *лимноним, языковая картина мира, ареал, миф, лексема, символ, культура, номинация, лингвогеография.*

В статье рассматриваются и анализируются названия озер, в основу номинации которых легла лексема волк. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются особенности лингвогеографического представления лимнонимов с лексемой волк в разных регионах Беларуси. Выявляются ареалы наибольшей концентрации анализируемых единиц, производится их сопоставительный анализ и устанавливаются особенности функционирования названий в каждом регионе.

T.I. Sinkevich

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

REPRESENTATION TO THE LEXEME WOLF IN THE LIMNONYM OF BELARUS

Key words: *lymph, language picture of the world, range, myth, lexeme, symbol, culture, nomination, linguogeography.*

The article discusses and analyzes the names of lakes, the basis of the nomination of which was the lexeme wolf. Based on semantic and quantitative parameters, the features of the linguogeographic representation of limnonyms with a lexeme wolf in different regions of Belarus are established. The areas of the greatest concentration of the analyzed units are identified, their comparative analysis is performed and the features of the functioning of the names in each region are established.

История заселения земель, сложные и давние контакты с разными народами, разнообразная по природным условиям территория, материальная и духовная культура наших предков – все это нашло отражение в структуре и семантике названий озер Беларуси. Вода всегда давала жизнь, а потому и поселения возникали на берегах рек и озер. Флора и фауна также способствовали формированию названий лимнонимов, что дает нам сегодня возможность не только проследить процесс возникновения названий, но и определить особенности их функционирования для каждого региона.

Озера, которые содержат в своем составе лексему *волк*, представлены разными структурами: как однокомпонентными, так и многокомпонентными, располагаются в основном в Гомельской области. Можно предположить, что это связано с ареалом обитания этих древних животных.

В процессе анализа материала мы установили, что ряд названий с лексемой *волк* можно соотнести и с названиями растений. Эти названия сохранились также в мифах, легендах, которыми богата наша земля.

Лексема *волк*, с разными значениями выявлена нами в следующих названиях озер Беларуси:

Воўк (Гомельский р-н, Гомельской обл.), Воўчава (Гомельский р-н, Гомельской обл.), Воўчае, Ваўчыя (Житковитский р-н, Гомельской обл., Столинский р-н, Брестской обл., Воўчае Вока (Мозырский р-н, Гомельской обл.), Воўчае Вуха (в бас. Дриссы, пр. Зап. Двины, Витебской обл.), Воўчая Даліна (Петриковский р-н, Гомельской обл.), Воўчын (бас. Мяделки, пр. Бирветты, Минской обл.), Воўчыня (Житковитский р-н, Гомельской обл.), Воўчае возера (Поставский р-н, Витебской обл.).

Лексема *волк* является особым символическим локусом в русской, белорусской лингвокультуре. До сих пор глубинная суть этих животных не скрылась за тысячелетней историей наших предков. Тотемные животные у восточных славян, да и вообще во всем славянском мире, не редкость, среди них есть и волк. Возможно, к таким названиям, в основу номинации которых легла лексема *волк*, можно отнести и названия деревни *Ваўкі*, и название камня – *Воўчы*, а также название озера, где был обнаружен этот камень, *Воўчае возера* в Поставском районе Витебской области.

Деревня и озеро получили свое название от камня, с которым связана легенда об одиноком волке и молодой пастушке. Волк мог превращаться в человека, а в деревне Христове жила молодая пастушка, в которую волк влюбился. Отцу девушки это не нравилось. И однажды волка-оборотня заманили в воковню (ловушку) – яму, покрытую хворостом, с шестом для ловли волков. Влюбленных разлучили, пастушка долго оплакивала любимого, и через некоторое время в том месте, где она пролила слезы, разлилось озеро. С тех пор эту легенду передают из поколения в поколение, связывая название камня, деревни и озера с волком.

Растительная жизнь также не избежала ассоциаций с главным лесным хищником: в европейских языках встречаются многочисленные названия растений, по-своему связанные с волком. Имеют ли эти названия какое-то отношение к превращению в волка – неизвестно.

Название озера Воўчае, Ваўчыя, что находится в Столинском районе Брестской области, возможно, можно соотнести с названием растения *волчя* – чертополох, колючка, произрастающего по берегам озера и сегодня. Это растение, как гласит предание, является посредником между подземным миром и небесами. Нам, известно, что по воде перевозили в царство мертвых, а это растение своеобразный проводник в загробном царстве. Впрочем, и само животное волк – зверь, связанный с темнотой, мраком, подземным миром. В сочетании же с его охотни-

чьими навыками выслеживания и преследования он и становится проводником в царстве умерших, в загробном мире.

Египетский бог Упуат (Упуат), «Открывающий пути Дуата» был одним из загробных богов, провожающих умершего в царство мертвых. Его священным животным был волк. Позднее Упуат был покровителем караванов на пути через свой город Сиут (Ликополь). Здесь волк - проводник путешественников и умерших [1, 128]. Существует представление о связи волка с душами умерших предков. Еще в недавнее время у славян говорилось, что, встретив волка, нужно назвать три имени своих мертвых родичей, и тогда волк не тронет. Это также связано с его ролью проводника в загробном мире. В некоторых заговорах от реальных волков говорится о том, что волк бывает у мертвых на том свете.

Таким образом, мифы и легенды могут быть той нитью, с помощью которой можно прийти к расшифровке названия.

Мы можем также отметить, что одной из древнейших праиндоевропейских (ПИЕ) лексем является лексема со значением 'волк'. В конечном счете, эта лексема считается разложимой на корень с первичным значением 'раздирать', 'ранить', 'убивать' и суффиксы -k(h)o- или -p(h)-, дающие два варианта основы, распределенные по индоевропейским диалектам [1, 492]. На оценке значения основ / корней ПИЕ прототипов исследователи останавливаются, в то же время деривационные значения ПИЕ прототипов словообразующих аффиксов, несомненно, представляют самостоятельный интерес.

Волк. Общеслав. индоевроп. характера (ср. др.-прус. wilkis, нем. Wolf и т.д.). Корень тот же, что и в волоку, волочить «тащу, тащить» (см.). Буквально – «таскающий» (домашний скот).

Таким образом, можно отметить, что названия озер с лексемой *волк* представлены разными по структуре названиями, могут иметь метафорическое значение, быть мотивированы названиями животного и растений, отсылают нас к мифам и легендам, которыми богата наша земля.

Литература

1. Гамкрелидзе. Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т.В. Гамкрелидзе; под. ред. Р.О. Якобсона. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского Университета, 1984. – 1330 с.

Т.П. Слесарева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: slestp@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.21

ЭККЛЕЗИОНИМЫ В ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА, НАУМА ГАЛЬПЕРОВИЧА И ДАВИДА СИМАНОВИЧА

Ключевые слова: *литературная ономастика, онимы, ономастическое странство, экклезионимы, семантика.*

В статье рассматриваются в семантическом аспекте употребленные поэтами Витебщины экклезионимы, которые являются неотъемлемым элементом идейно-тематического содержания поэтического текста.

**ECCLESIONYMS IN THE POETRY OF VLADIMIR KOROTKEVICH,
NAUM GALPEROVICH AND DAVID SIMANOVICH**

Key words: *literary onomastics, onyms, onomastic space, ecclesionyms, semantics.*

The article examines in the semantic aspect the ecclesionyms used by the poets of the Vitebsk region, which are an integral element of the ideological and thematic content of the poetic text.

Религия всегда играла важную роль в жизни как отдельного человека, так и общества. Отсюда в словарном составе любого языка обнаруживается целый пласт лексики, с помощью которой выражаются религиозные значения и смыслы. Одну из групп в составе данной лексики образуют лексемы, обозначающие культовые сооружения (*церковь, храм, каплица*):

*Засталіся фарбы фрэсак старых,
Храмы над люстрай вод,
І жанчына кнігі пісала пра іх,
Каб любіў іх родны народ [4, 131].*

*На лясным раздарожжы
Капліца прыткнулася ў нетрах,
І **Хрыстос** сем стагоддзяў
Вісіць на пахілым **крыжы** [4, 80].*

*Памятаеш, стаялі ўдваіх
Мы на белых узнесенных хорах
Самай лепшай **царквы**... [4, 136].*

Постепенно культовые сооружения стали получать свои названия. Так в особый разряд имен собственных выделились экклезионимы, которые достаточно часто упоминаются в стихотворениях Владимира Короткевича, Наума Гальперовича и Давида Симановича.

В своих стихотворениях Наум Гальперович предлагает читателю начать знакомство со своим родным Полоцком с места, где узкая молчаливая река Полота впадает в широкую полноводную Западную Двину, где с высоты смотрятся в небо купола Софийского собора – уникального памятника старины, государственного храма древней Полоцкой земли, в котором сохранялись святыни и сокровища города. Здесь происходили наиболее торжественные собрания горожан. Здесь принимали послов. Имя храма было увековечено на городской печати:

*Сінееца неба. Імчыца ўдалеч Дзвіна.
І блізіца бераг высокі
З маўклівым **саборам** [1, 18].*

*Ды суро́ва ўздымае **Сафійка**
Рукі жалбы да сцішаных зор [1, 9].*

Полоцк всегда считался центром духовности. В XIX столетии на его территории находилось 80 церквей!

Наверное, каждый белорус знает о действующем Спасо-Евфросиниевском женском монастыре, основанном в XII веке Евфросинией Полоцкой.

На территории монастыря расположена Спасо-Преображенская церковь, сохранившаяся до наших дней. Эта церковь поражает нас своей сказочной красотой. Стены храма покрыты дивными фресками, на одной из которых, как считают учёные, изображена сама Евфросиния.

*Я адсюль праз гады пранёс
Ціхі вечар і ранак сіні,
Палатоўскі пясчаны плёс
Каля **цэркаўкі Еўфрасіні** [1, 34].*

Владимир Короткевич упоминает выдающийся памятник зодчества влади-миро-суздальской школы – церковь Покрова на Нерли:

*Кволая-кволая, чыстая-чыстая,
Быццам дзяўчына, **царква на Нерлі** [1, 141].*

*Кураслеп на лугах Багалюбава,
Белы **храм над Нерлю-ракой** [1, 134].*

У белорусского русскоязычного поэта Витебска Давида Григорьевича Симановича встречаются в стихотворениях экклезионимы Витебска:

*И громадина **Успенского собора**...
В Западной Двине
Любуется собою [9, 16].*

Свято Успенский собор – одно из уникальных архитектурных сооружений Беларуси. Православный храм расположен на берегу Западной Двины на *Успенской горе*, которая имеет тысячелетнюю историю использования в качестве места для культовых сооружений. Изначально был заложен в 1743–1777г.г. как церковь, находящаяся в подчинении у Ватикана. В Нижнем храме совершен чин миропомазания храма в честь Преображения Господня. В 1998 г. Алексей II освятил первый камень, достроен храм в 2011г. Размер храма: 55 на 33 метра. Общая высота – 51,4 метра.

*Высотная гостиница глядит
На мир многооконными глазами,
И камни прошлого покрыла мгла,
Где **церковь Благовещенья** была [8, 36].*

Благовещенская церковь – самое намоленное место Витебска. Храм был построен в 12 веке, вероятнее всего, византийскими зодчими (он практически не имеет аналогов на славянских землях).

*И я услышал доброе: «Ты наш!» -
Это сказала **Успенская горка**.
Замковая улица ее поддержала... [5, 35].*

Успенская горка (Лысая гора) – естественная возвышенность на левом берегу Западной Двины на территории Взгорского замка. По мнению археологов, до XII в. на Лысой горе находилось племенное святилище (название, которое характерно для языческих капищ), здесь же, по археологическим данным, найдены костяные топоры, астрагалы XII–XIII вв. В XIV–XV вв. тут появилась православная церковь Пресвятой Богородицы, позже церковь назвали именем Пречистой Богоматери, а холм получил название Пречистенская гора. В XVI-м веке становится частью Узгорского острога. В 1682 году был тут основан грекокатолический мужской базилианский монастырь. В 1708 г. была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы. Храм получает название – Успенский.

Как видим, в творчестве поэтов Витебщины экклезионимы органично и мотивированно вливаются в систему языковых средств стихотворений, ярко рисуют панораму окружающей действительности, являясь своего рода символами для отображения разнообразных воспоминаний, раздумий, переживаний автора, выражения его мыслей и впечатлений.

Литература

1. Гальпяровіч, Н. Гэта ўсё для цябе: вершы, мініяцюры, навелы / Н. Гальпяровіч. – Мінск: Маст.літ., 2006. – 238 с.
2. Гальпяровіч, Н. Святло ў акне: Вершы: Для дзяцей сярэд.і ст.шк. узросту / Н. Гальпяровіч. – Мінск :Юнацтва, 2002. – 110 с.
3. Гальпяровіч, Н. Сюжэт для вечнасці: вершы, проза / Н. Гальпяровіч. – Мінск : Маст.літ., 2013. – 255 с.
4. Караткевіч, У.С. Збор твораў. У 25 т. Т.1 / У.С. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 2012. – 533 с.
5. Симанович, Д.Г. Автопортрет на берегу времени / Д.Г. Симанович. – Минск: Медисонт, 2012. – 104 с.
6. Симанович, Д.Г. Арфа Давида. Книга поэзии / Д.Г. Симанович. – Витебск, 2003. – 96 с.
7. Симанович, Д.Г. Дневник июньского дня: стихи / Д.Г. Симанович. – Минск: Медисонт, 2009. – 88 с.
8. Симанович, Д.Г. Радость молнии: избр. лирика шестидесятилетия, 1946–2006 / Д.Г. Симанович. – Минск: Медисонт, 2007. – 320 с.
9. Симанович, Д.Г. Солнечный хмель: Лирика / Д.Г. Симанович. – Минск: Маст. літ., 1982. – 268 с.

А.Н. Соловьев

ФГБОУ ВО «Смоленская государственная сельскохозяйственная академия»
e-mail: sancongoalexnat@mail.ru

УДК 81.373.211.5

УРБАНОНИМЫ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ТОПОНИМОВ

Ключевые слова: *урбаноним, топоним, ономастика, гидроним, ороним, атрибутивные названия.*

В статье на смоленском материале анализируются типичные ситуации, вызвавшие появление оттопонимического урбанонима, выявляются функции подобных названий. Для названий, связанных с направлением к населенному пункту и образованных от гидронимов, главной является локализирующая функция. Для «административных» онимов, названий в честь значимых городов и населенных пунктов, в честь воинских частей первичной будет мемориальная функция. Урбанонимы, образованные от названий населенных пунктов, вошедших в городскую черту, оронимов и микротопонимов в момент номинации выполняют сразу две функции: и локализирующую, и мемориальную.

A.N. Solovyev

Smolensk State Agricultural Academy

URBANONYMS OF THE SMOLENSK REGION FORMED FROM TOPONYMS

Key words: *urbanonym, toponym, onomastica, hydronym, oronym, attributive names.*

The article on Smolensk material analyzes typical situations that caused the appearance of urbanonym formed from toponyms, the functions of such names are revealed. The localizing function is primary for names related to the direction to the

settlement and formed from hydronymic. Memorial function will be primary for "administrative" onyms, names in honor of significant cities and settlements, in honor of the military units. Urbanonyms formed from the names of settlements included in the city borderline, oronyms and microtoponyms at the time of the nomination, perform two functions at once: both localizing and memorial.

Наша статья посвящена исследованию семантики урбанонимов Смоленской области, восходящих к топонимам. Рассмотрение семантики урбанонима представляется нам важным в силу того, что и горожан, и государство в лице городских властей в отношении внутригородского объекта интересуют ответы на два вопроса: где этот объект находится и почему он так назван? Ответ на первый вопрос имеет практический смысл, зная расположение объектов, житель или гость города легче сможет ориентироваться в нем. Ответ на второй вопрос менее практичен, но связан с восприятием урбанонимии как системы. В большинстве случаев и с точки зрения общества, и с точки зрения государства необходимо, чтобы название объекта имело прозрачную и понятную всем мотивацию, соотносимую с самим объектом или с какой-то значимой реалией, достойной увековечивания в данном населенном пункте в конкретную эпоху.

В нашем исследовании мы хотим проанализировать типичные ситуации, вызвавшие появление оттопонимического урбанонима, определить функции подобных названий. Источниками наблюдений послужила база КЛАДР (Классификатор адресов России) [3] и наша картотека названий Смоленской области. Всего мы в регионе насчитали 369 названий, восходящих к топонимам. Из них 204 урбанонима относятся к Смоленску, а 165 онимов отмечены на картах других городов и поселков городского типа нашей области.

С точки зрения структуры подавляющее число оттопонимических урбанонимов относится к атрибутивному типу, хотя есть и номинативные и сложные конструкции. Мы используем структурно-грамматическую классификацию, предложенную А.М. Мезенко [1, 24–26].

Теперь рассмотрим типичные ситуации, в которых появляется оттопонимический урбаноним. Наша статья касается урбанонимии Смоленской области, однако подобные явления явно присутствуют и в других регионах. В пяти из восьми ситуаций внутригородское оттопонимическое название восходит к ойконимам. Первая и исторически наиболее ранняя ситуация – это номинация выездов из города по тому населенному пункту, в направлении которого ведет или вел данный выезд. Первоначально это были тракты или большаки, например, **Московский большак** (Смоленск), **Калужский большак** (Ельня). Позже в этой ситуации стали использоваться и другие урбанонимные термины, как правило, шоссе (**Витебское шоссе**, Смоленск; **Сычевское шоссе**, Вязьма; **Невельское шоссе**, Велиж). Однако так могут называться и улицы: **Минская** (Смоленск), **Торопецкая** (Велиж), **Московская** (Вязьма), **Можайская** (Гагарин), **Витебская** (Голынки), **Руднянская** (Демидов), **Ярцевская** (Духовщина), **Брянская** (Рославль), **Бельская** (Сафоново), **Понятовская** (Шумячи, по деревне Понятовка). Подобные названия отражают торговые и иные экономические связи городов и населенных пунктов. Например, в Велиже есть улицы, ведущие в Витебск, Смоленск, Торопец, Невель и Санкт-Петербург (**Ленинградская улица**). **Кировская улица** в Ельне названа не в честь С.Кирова, а по городу Киров Калужской области. Интересно, что на картах городов нашей области есть названия в честь городов всех соседних областей. На юге области больше «брянских» названий, на востоке – «калужских», а на севере – «твер-

ских». Есть на картах поселений Смоленской области и онимы в честь городов Беларуси: Витебска, Минска, Бреста, Могилева, Полоцка и Орши. Но в основном они сосредоточены в Смоленске, за пределами областного центра «белорусские» названия отмечены лишь в Велиже и Голынках. Заметим, что мы не касаемся ви-конимии, возможно, в сельских населенных пунктах приграничья подобные онимы также присутствуют. Помимо улиц по данной модели могут называться и переулки, однако здесь мотив номинации несколько другой. **Витебский переулок** в Смоленске не ведет в Витебск, как и **Руднянский переулок** в Демидове не связывает Демидов и Рудню напрямую. Названия подобных переулков означают, что они расположены рядом с более крупными объектами (**Витебское шоссе, Руднянская улица** и т.д.), выполняющими транспортную функцию.

Вторая ситуация это – так называемые «административные онимы». Это урбанонимы областного центра в честь настоящих и бывших районных центров области (**Сафоновская, Людиновская улица** и т.д.). Они не связывают областной центр с районным (по **Сафоновской улице** нельзя приехать из Смоленска в Сафонов), но в большинстве случаев имеют некую географическую привязку. **Велижская улица** расположена на севере Смоленска, **Починковская** – в южной части города. Однако при появлении ряда урбанонимов учитывался только административный фактор, а не географический. Например, **Ельнинские** названия (**улица, переулок и 1-й переулок**) находятся на севере города, а **Карачевский переулок** и **Вяземские** онимы (2 улицы и переулок) расположены на западе Смоленска. В идеале при появлении подобных названий следовало бы учитывать и географический фактор. Часть данных онимов, вероятно, появилась во время существования Западной области. Этим объясняется наличие в Смоленске названий в честь райцентров соседних областей (Белый, Людиново, Дубровка), тогда эти населенные пункты административно подчинялись Смоленску. В ряде случаев урбаноним сохраняет старое название райцентра: **улицы Гжатская** (ныне Гагарин), **Пореченская** (Демидов), **Слободская** (Пржевальское).

Третья ситуация – это номинация урбанонима в честь каких-то значимых городов и населенных пунктов, при этом территориальная или административная мотивация при появлении названия отсутствуют. Иногда подобные онимы обладали широким культурно-историческим фоном (Москва, Ленинград, Минск, Киев). При этом в Смоленской области большая часть Московских названий связана все же с направлением на Москву, а вот Ленинградские названия за исключением онимов в Велиже имеют символическую мотивацию. В ряде случаев известность города связывается с конкретным историческим событием. Например, **Кронштадтский переулок** и **Старо-Кронштадтский проезд** (Смоленск), **Кронштадтские улицы** (Вязьма, Сычевка, Рославль) связывались при номинации с подавлением Кронштадтского мятежа. **Ржевская улица** в Смоленске воскрешает в памяти одно из самых кровопролитных сражений в ходе Великой Отечественной войны. Иногда помочь расшифровать карту города и понять логику властей можно, если учитывать соседние названия. Например, в Смоленске рядом расположены **Полтавская, Могилевская и Бородинская улицы**. **Полтавская улица** в Смоленске напоминает о Полтавской битве времен Северной войны, **Бородинская** – о сражении войны 1812 года. Урбаноним **Могилевская улица** в данном ряду связан скорее не с Могилевом, а со сражением при Лесной в ходе Северной войны. При этом название деревни не очень удобно для выполнения мемориальной функции, **Лесная улица** связывается с лесом, а не со сражением. Использовать название

райцентра Славгород (а до 1945 года Пропойск) не стали, поэтому решили образовать урбаноним от названия областного центра.

Хорошая тенденция, существовавшая в урбанонимии Смоленска в 1990-2000-е годы, – это именованья по известным в области (а иногда и в России) селам и деревням. **Андрусовская улица** названа в честь деревни Андрусово Монастырщинского района, в которой в 1667 году было подписано перемирие с Речью Посполитой, начавшее юридическое оформление перехода Смоленщины в состав России. **Талашкинская и Фленовская улицы** посвящены памяти известного мецената начала XX века княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, чье имение во Фленове было важным культурным центром. **Вержавская улица** названа в честь ныне не существующего города Смоленского княжества. Вержавск лежал на пути «из варяг в греки», затем подвергся нападениям литовских и польских войск и окончательно исчез в XVII веке.

Четвертая ситуация это – использование для урбанонимической номинации названий населенных пунктов, вошедших в городскую черту. Подобное часто происходит в крупных городах, областных центрах. Но есть примеры и для средних городов. Например, в Вязьме мы отметили 17 таких названий: **улицы Гармоново, Плетниковка, Новая Бозня, Панино, Крапивенская**; в Гагарине – **микрорайон Труфаны**, в Ярцеве – **Ольховскую улицу**. Но подавляющее число таких названий (58) мы зафиксировали в Смоленске. Отметим, что это примерно 25 % от всей нашей выборки. Для номинации используются атрибутивные (**Брогинская, Гвоздовская, Семичевская улицы**), номинативные (**улицы Брылевка, поселки Волчейка, Дистанция, Загорье, Миловидово**) и ряд нумеративных моделей (**3-й проезд Серебрянки, 2-й Старо-Чернушенский переулок**). Для некоторых населенных пунктов применяются сразу несколько моделей: **поселок Пасово и Пасовская улица, микрорайон Гнездово и Гнездовская улица; поселок Пронино, Пронинская улица и 5-й Пронинский проезд**. Всего на карте Смоленска сохраняются названия 26 бывших самостоятельных населенных пунктов, часть из которых давно исчезла (Чернушки, Семичевка). Помимо этого, некоторые из ойконимов сохраняются только в неофициальной урбанонимии (**Поповка, Ситники**).

Пятая ситуация это – наименования в честь некоторых воинских частей. Они могут восприниматься как отойконимические, но эта мотивация опосредована. Например, **Красноярские улицы** в Духовщине и Рудне получили свое название в честь 119-й Красноярской дивизии, сформированной в Красноярске, но воевавшей на территории нашей области летом 1941 года. **Тульский переулок** в Смоленске назван в честь Тульского ополчения, **улица Тульских ополченцев** есть и в Ярцеве. **Нарвские улица и тупик** в Смоленске сохраняют память о 3-м пехотном Нарвском полке, это наименование было присвоено военной части в ходе Северной войны. В Смоленске есть уникальный урбаноним, который в неофициальной речи может казаться оттопонимическим. Это **улица Полка Нормандия – Неман**. В современном реестре улиц Смоленска слово полк из официального названия уже исчезло [2]. В неофициальной речи улица часто называется просто **Нормандия**.

Кроме ойконимов для урбанонимической номинации используются и другие топонимические разряды. Шестая ситуация – это отгидронимические урбанонимы. Для Смоленской области значимыми являются наименования, связанные с рекой Днепр. Они есть в Смоленске (**Днепровая улица, Приднепровские улица, переулок и тупик**), Верхнеднепровском (**Днепровский переулок**), Холм-Жирковском (**Днепровская улица**). На территории нашей области 8 официальных набережных, но лишь три из них названы по рекам: **набережные Вазузы и**

Лосьмины (Сычевка), **Вопьевская набережная** (Ярцево). Однако названия значимых рек все же присутствуют на картах городов области: **Двинская улица** (Велиж), **Остерская улица** (Рославль), **Гобзянская улица** (Демидов). Скорее всего **Гжатская улица** в Гагарине также названа по реке Гжать, а не по старому названию города. В ряде случаев для отгидронимической номинации используются не-атрибутивные конструкции: **улицы Старозавопье** (Ярцево), **Нижнее течение реки Вязьма** (Вязьма). К опосредованной номинации можно отнести два примера. **Вяземская улица Ленских событий** связана с народными волнениями на золотых приисках в долине реки Лена. **Тушемлинская улица** в Смоленске получила название по археологической тушемлинской культуре, открытой в районе маленькой речки Тушемля. В регионе только в Смоленске существуют улицы в честь ручьев или исчезнувших рек: **улицы Зеленый Ручей, 2-й Смоленский Ручей, Красный Ручей, 1-й и 2-й Красный Ручей**. Отметим, что в Днепр впадают в черте Смоленска сразу два Красных ручья, один является левым притоком, а нумеративные конструкции используются для обозначения правого притока. **Кловская улица** названа по исчезающей реке Кловка, впадающей в Днепр в районе Смядыни. Река и улица дали название современному микрорайону.

На Смоленщине нередко овраги в пределах городской черты, поэтому ряд урбанонимов восходят к оронимам. Это **улицы Дмитрова гора** в Вязьме и ряд смоленских названий: **Бабьегорский водозабор, Красногорская улица, Соколий проезд**, (от оронимов **Бабья Гора, Красная Гора, Соколя Гора**). Название **Таборная Гора** (ныне одна из улиц Смоленска) происходит от холма, на котором часто останавливались цыганские таборы. По данной модели именуется один из старых урбанонимов города **Соборная Гора**, однако и в современной номинации модель остается активной. В последнее время в Смоленске появились **улицы Девичья Гора и Серебряная гора**.

Последняя, восьмая ситуация – это урбанонимы, образованные от микротопонимов. В нашей выборке они встретились лишь в Смоленске. Для областного центра особенно актуальными оказались названия по лесным массивам: **улицы Зеленый Бор, Красноборская, поселок Красный Бор**. Интересно, что до революции лес **Красный Бор** называли **Черным**.

В заключение обратим внимание на то, какие функции выполняют оттопонимические урбанонимы. Из всех урбанонимических функций для данного пласта важны две: локализующая и мемориальная. В 1 и 6 ситуации (названия по направлению к населенному пункту; названия от гидронимов) первичной является локализующая функция. Во 2, 3 и 5 ситуациях (административные онимы; названия в честь значимых городов и населенных пунктов; в честь воинских частей) первичной будет мемориальная функция. В 4 и частично в 7 и 8 ситуациях (названия по населенным пунктам, вошедшим в городскую черту; названия по оронимам; названия по микротопонимам) уже в момент номинации урбанонимы будут выполнять сразу две функции: и локализующую, и мемориальную.

Литература

1. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории / А.М. Мезенко. – Минск, 2003. – 301 с.

Источники

2. Реестр улиц Смоленска / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.smoladmin.ru/gostyam-i-zhitelyam/gradostroitelstvo/reestr-ulic-g-smolenska/> - Дата доступа: 27.01.2023.

3. Классификатор адресов РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kladrf.ru/> - Дата доступа: 02.02.2023.

УДК 81.273.2 + 811.161.1 + 882-93 Островский

**ПАРЕМИЙНЫЕ БИБЛИОНИМЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО:
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДРАМАТУРГА**

Ключевые слова: *библионим, драматургия, А.Н. Островский, паремия, пословица, поговорка, фразеологизмы.*

В статье рассмотрены названия пьес А.Н. Островского, образованные от пословиц, поговорок и фразеологизмов. Анализируется особенность языка драматургического текста, его отличие от прозаического нарратива. Анализ библионимов осуществляется с учётом лингвокультурных особенностей положенных в их основу паремий.

V.I. Suprun
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**PARAEMIA BIBLIONYMS OF A. N. OSTROVSKY:
TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE PLAYWRIGHT**

Key words: *biblionym, dramaturgy, A.N. Ostrovsky, paraemia, proverb, phraseological units.*

The article considers the names of A.N. Ostrovsky's plays, formed from proverbs and phraseological units. The article analyzes the peculiarity of the language of the dramatic text, its difference from the prose narrative. The analysis of biblionyms is carried out taking into account the linguistic and cultural features of the paraemias underlying them.

А.Н. Островский своими произведениями революционно изменил русский национальный театр. Героями его пьес стали простые русские люди: купцы, приказчики, стряпчие, трактирщики, свахи, лакеи, горничные и др. Со сцены прозвучал народный язык. Герои использовали просторечные и диалектные слова, народные фразеологизмы и паремии, формулы русского народного речевого этикета, другие единицы с богатым лингвокультурным содержанием.

Интерес к русскому купечеству, к простому народу возник у А.Н. Островского и потому, что сам он проживал в Замоскворечье среди этих людей, хорошо знал особенности их жизни, и после прослушивания в Московском университете лекций профессора Михаила Петровича Погодина (1800–1875), который высоко оценивал роль московского купечества, утверждая, что оно «служит верно отечеству своими трудами, и приносит на алтарь его непрерывные жертвы» [10, 344].

Буквально с первой пьесы А.Н. Островского в литературных и театральных кругах начинается острая полемика о его творчестве. А.Ф. Писемский, прочитав в журнале «Москвитянин» пьесу «Банкрот (Свои люди сочтёмся)», написал автору 7 апреля 1850 года из Костромы: «Ваш *Банкрот* – купеческое *Горе от ума* или, точнее сказать: купеческие *Мёртвые души*» [9, 26]. Чрезмерно плодовитый писатель XIX века П.Д. Боборыкин в 1871 году в журнале «Дело» писал: «Мы скажем без обиняков, рискуя получить упрек в непозволительной парадоксальности, что

Островский попал в сценические писатели по колоссальному недоразумению» [2, 34].

Язык драматургии существенно отличается от языка других жанров художественной литературы. Если в прозе нарратив строится с использованием в сказуемом глаголов в прошедшем времени и в подлежащем существительных или местоимений 3-го лица в именительном падеже, а настоящее и будущее время глаголов в 1-м и 2-м лицах и соответствующие местоимения встречаются только в диалогах, то в драматургии именно перво- и вторичность глаголов является обязательным признаком текста, лингвальной осью диалогов.

А.Н. Островский, соблюдая эти закономерности построения текста пьес, революционно обновил лексико-семантическое и отчасти грамматическое наполнение драматургического языка. В его произведениях представлены не отдельные лексемы и фраземы, а весь строй народной речи, её синтаксические структуры, морфологические формы и деривационные модели, при умелом исполнении на сцене – и фонетико-интонационные особенности. По сути, язык новой драмы А.Н. Островского стал предвестником устно-письменной речи, появившейся в цифровой коммуникации последнего времени [5].

Новаторство А.Н. Островского проявилось и в выборе названий пьес. Он часто использует в библионимах русские паремии и фразеологизмы: из 54 опубликованных при жизни автора произведений 22 названия (41 %) содержат пословицы, поговорки или народные фраземы. Автор сам или по предложению редакторов иногда меняет библионим, подбирая в лексико-фразеологическом и паремиологическом фонде русского языка единицы, наиболее точно отражающие главные идеи произведения. При этом, как это часто бывает с классическими литературными текстами, используемые в качестве библионимов слова и словосочетания возвращаются обновлёнными в общенародный язык, становятся широко известными, обретают новую фреквентативность.

Пьеса А.Н. Островского «Не в свои сани не садись» стала первой, поставленной в театре. Из написанных им ранее 5 произведений (1846–1851) 4 задержались с постановкой (одно из них – «Неожиданный случай» – на 52 года), а комедия «Свои люди – сочтёмся» была запрещена [11, 180]. Пьеса «Не в свои сани не садись» была написана в 1852 году, первоначально автор её назвал «От добра добра не ищут», но уже в журнале «Москвитянин» за март 1853 года и затем в том же году в отдельном издании пьеса получила название «Не в свои сани не садись».

Новое название в целом сохранило смысл задуманного автором содержания пьесы: паремия *От добра добра не ищут* употребляется в значении 'довольствуйся тем хорошим, что у тебя есть, не ищи лучшего, ибо возможно ухудшение положения' [6/1, 770], а пословица *Не в свои сани не садись* употребляется в тех случаях, когда хотят выразить смысл 'не занимай положение, не подходящее тебе' [3, 1148]. Е.Л. Березович выявила исходную семантику паремии, которая употреблялась тогда, когда девушка или парень едут (на санях) под венец раньше старшей сестры или старшего брата. Затем пословица стала использоваться в тех случаях, когда жених или невеста выбирают себе в пару неровню [1], что и было отражено в пьесе. В современном языке паремия расширила свою семантику, перестала ассоциироваться со свадебной церемонией.

Известно, что описать семантику паремии весьма сложно. Учёные ведут многолетние споры о семантической структуре пословиц и поговорок, об их отличии друг от друга. Их выводят за пределы лексико-семантического уровня языка: «Паремия – это минимальная единица надъязыкового семиотического яруса, об-

ладающая свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности» [15, 36]. Отмечается, что «одним из главных источников семантической (особенно денотативной) неопределённости пословицы является многоинтерпретируемость пословичного тропа» [4, 87]. Большой вклад в паремиологию внёс венгерский исследователь З. Каньо, который определил, что основу пословицы составляет особая логико-семантическая структура, которая при помощи специальных правил преобразования переводится во внешнюю синтактико-грамматическую структуру [17; 18; 19]. Неисчерпаемость как характеристику суммы семантических особенностей (одлика) пословицы выделяет Е. Йованович-Симич [16].

Столь же сложной является проблема соотношения пословиц, поговорок и фразеологизмов. Главное отличие паремий от фразем заключается в том, что первые являются коммуникативной единицей, предложением, тогда как вторые представляют собой структурную единицу, словосочетание, входящее в состав предложения. Однако и поговорки рассматриваются часто как несамостоятельные единицы. В.М. Мокиенко отмечает: «Поговорка выражает понятие, пословица – суждение. Чаще всего это суждение имеет назидательный характер, выраженный образно» [7, 5].

Многие фразеологизмы возникли в результате редукции паремий. Они могут употребляться в языке и в исходной форме как пословица или поговорка, так и в сокращённом виде в составе предложений. Ведущий российский паремиолог Е.И. Селиверстова выделяет паремиологическое пространство как систему взаимосвязанных единиц, объединяющую паремийный «реквизит»: лексику, арсенал фрагментов, или формул, – устойчивых образных или безобразных способов передачи элементов пословичного смысла, структурно-семантических моделей и пр. [12, 8]. В.М. Мокиенко видит в антиномии «устойчивость – вариантность» одно из важных противоречий фразеологии, считая, что «диалектическое единство этих двух характеристик обеспечивает и функционирование, и постоянное развитие фразеологии» [8, 10].

Неопределённость семантики паремий, их противоречивое структурное разнообразие приводит к сложным решениям при включении этих единиц в лексикографические источники. Часто в словарях просто констатируется факт отнесения единицы к пословицам или поговоркам: *Нет худа без добра* (Посл.); *Что с возу упало, то пропало* (Посл.); *Баба с возу – кобыле легче* (Посл.). Однако некоторые паремии имеют дефиниции разной степени и формы разработки: *Яблоко от яблони недалеко падает* (посл.) 'о том, кто унаследовал недостатки, пороки от отца, матери'; *Первый блин комом* (погов.) 'о неудачном начале какого-либо дела о неудачном первом опыте'; *Из-под пятницы суббота* (погов.) 'из-под верхней одежды видна нижняя'. В некоторых случаях может отсутствовать указание на тип паремии: *Око за око, зуб за зуб* 'отмщая обиды, оплачивая той же мерой за причинённое зло' (все примеры из: [3]).

При составлении Словаря донских говоров Волгоградской области мы использовали при описании паремий конструкции: *Употребляется в ситуации / в случае...; Употребляется как...; Употребляется для...* и пр. Однако в некоторых случаях к ним добавлялось дополнение *кому-л, у кого-л.* и давалась такая же дефиниция, как и у фразеологизмов: *Кишка кишке марш играет у кого-л.* 'кто-л. сильно хочет есть, очень голоден' [13, 245]. Сходное решение мы обнаруживаем и в толковых словарях: *Семь пятниц на неделе у кого-л.* 'о том, кто часто меняет свои решения' [3, 1053].

Если первые 7 пьес А.Н. Островского сразу были напечатаны, а потом появились на сцене, то «народная драма» «Не так живи, как хочется» сначала была поставлена в Малом театре в декабре 1854 года и только через 10 месяцев опубликована в журнале «Москвитянин». Драматург и этой пьесе первоначально дал паремийное название: «Божье крепко, а вражье лепко: масленица». Эта пословица имеет богатый лингвокультурный фон, опирается на христианское мировоззрение и православную лексику. Под *врагом* (рода человеческого) в православной церкви понимается дьявол, советы которого легко принимаются человеком, словно прилепляются, липнут к нему, но вера в Бога сильнее, крепче, она помогает избавиться от научений сатаны. В XIX веке эта паремия была распространённой, известной, её выбрал для своего рассказа Л.Н. Толстой, поставив в обратном порядке части пословицы [14].

Убрав эту паремию из названия, А.Н. Островский оставил её в тексте, пословицу произносит отец героя: *Вот пословица-то сбывается: «Божье-то крепко, а вражье-то лепко»*. Новое название «Не так живи, как хочется» тоже имеет паремийное происхождение, но в нём опущен третий член. Пословица тоже апеллирует к вере: *Живи не так, как хочется, а как Бог велит* [6/1, 300].

В начале того же 1854 года в Малом театре при деятельном участии самого А.Н. Островского была поставлена пьеса «Бедность не порок». И здесь автор сменил первоначальный библионим, который звучал: «Гордым Бог противится». Это был сокращённый вариант цитаты из Послания Иакова: «Гордым Бог противится, а смиренным даёт благодать» (Иак. 4: 6). Новое название было взято драматургом из известной пословицы. Вероятно, это была бродячая паремия, она известна у немцев, французов, итальянцев [6/1, 86]. В русской лингвокультуре она обрела амбивалентную оценку: а) сочувствия бедным; б) насмешливое или осуждающее отношение к беднякам: *Бедность не грех, а приводит в посмех* [там же]. В диалогах героев паремия произносится дважды, один раз в ироническом контексте.

В 1860 году в Александринском театре была поставлена пьеса А.Н. Островского «Старый друг лучше новых двух». Сборы от спектакля были переданы семье умершего артиста, одного из основоположников русского реалистического театра Александра Евстафьевича Мартынова (1816–1860). Популярная пословица употребляется в русском лингвокультуре в тех случаях, когда хотят подчеркнуть, что проверенные временем отношения ценнее и надёжнее новых, мимолётных [6/2, 314]. Правда, в пьесе речь идёт не о дружеских, а матримониальных отношениях, значение паремии несколько расширяется. На этот раз автор не вкладывает пословицу в уста героев, она используется только в качестве библионима. Обратим внимание на синтаксическую симметрию пословицы [4, 89], на рифмовку её частей, характерные для паремийных текстов. Пьеса имела подзаголовок «Картины из московской жизни», что напоминало о первом опубликованном произведении драматурга «Картины московской жизни. Картина семейного счастья» (1847), которое в театре шло под названием «Семейное счастье» (1855).

К паремийным и фразеологическим библионимам относятся также названия пьес А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1861), «За чем пойдёшь, то и найдёшь» (1861), «Грех да беда на кого не живёт» (1862), «На бойком месте» (1865), «На всякого мудреца довольно простоты» (1868), «Не всё коту масленица» (1871), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1871), «Правда – хорошо, а счастье лучше» (1876), «Сердце не камень» (1879), «Светит, да не греет» (1880), «Без вины виноватые» (1883), «Не от мира сего» (1884). Каждое из них убедительно доказывает новаторство

А.Н. Островского не только в выборе сюжетов, героев пьес, не только в построении драматургического текста, но и в создании уникальных библионимов, отражающих русский фольклор, лингвокультурные традиции русского народа, служащих развитию русского литературного и народного языка.

Литература

1. Березович, Е.Л. Садиться не в свои сани: этнолингвистический комментарий к фразеологизму / Е.Л. Березович // *Slavica Svetlanica: Язык и картина мира: К юбилею С.М. Толстой.* – Москва: Индрик, 2013. – С. 169–178.
2. Боборыкин, П.Д. Русский театр / П.Д. Боборыкин // *Дело.* – 1871. – №11, ноябрь. – Современное обозрение. – С. 33–53.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Крикманн, А.А. Некоторые аспекты семантической неопределённости пословицы / А.А. Крикманн // *Паремиологический сборник: Пословица. Загадка: (Структура, смысл, текст).* – Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1978. – С. 82–104.
5. Лутовинова, О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации / О.В. Лутовинова // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* – 2008. – Вып. 71. – С. 58–65.
6. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И. Михельсон. – Москва: Русские словари, 1994. – 819 + 936 с.
7. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. – 3-е изд., перераб. – Санкт-Петербург: Авалон; Азбука-классика, 2005. – 256 с.
8. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1989. – 287 с.
9. Писемский, А.Ф. Письма / Подготовка текста и коммент. М.К. Клемана, А.П. Могилянского; ред. Н.Г. Свириной / А.Ф. Писемский. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 925 с.
10. Погодин, М.П. Московские празднества в честь севастопольских моряков / М.П. Погодин // *Морской сборник.* – 1856. – Т. XXII. – №7, май. – Часть неофициальная. – С. 291–350.
11. Ревякин, А.И. А.Н. Островский и Д.А. Горев (к творческой истории комедии «Свои люди – сочтёмся») / А.И. Ревякин // *Русская литература.* – 1963. – №4. – С. 180–196.
12. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность: (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Селиверстова; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2010. – 47 с.
13. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Волгоград: Издатель, 2011. – 704 с.
14. Толстой, Л.Н. Вражье лепко, а божье крепко / Л.Н. Толстой // *Он же. Собрание сочинений в 22 т.* – Т. 10. – Москва: Худ. лит-ра, 1982. – С. 273–275.
15. Черкасский, М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М.А. Черкасский // *Паремиологический сборник: Пословица. Загадка: (Структура, смысл, текст).* – Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1978. – С. 35–52.
16. Јовановић Симић, Ј. Нека питања теорије о пословицама / Ј. Јовановић Симић // *Узданица: Часопис за језик, књижевност, уметност и педагошке науке. Нова серија.* – 2011. – Год. VIII. – Бр. 2, новембар. – С. 25–47.
17. Kanyó, Z. Zur Theorie der «einfachen Formen» – Sprichwörter: Eine semiotisch-literaturtheoretische Untersuchung. *Kand. értek / Z. Kanyó.* – Szeged, 1973. – 576 ol.
18. Kanyó, Z. Sprichwörter: Analyse einer Einfachen Form: Ein Beitrag zur generativen Poetik / Z. Kanyó. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1981. – 309 ol.
19. Kanyó, Z. Sprichwörter: Analyse einer einfachen Form: ein Beitrag zur generativen Poetik / Z. Kanyó. – The Hague; Paris; New York: Mouton, 1981. – 309 p. (Approaches to Semiotics. Vol. 62).

Источники

1. Островский, А.Н. Полное собрание сочинений в 12 томах / под общ. ред. Г. И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина, В.И. Маликова, П.А. Маркова, А.Д. Салынского, Е.Г. Холодова / А.Н. Островский. – Москва: Искусство, 1973–1978.

Т.Г. Трофимович
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
e-mail: t.trof@mail.ru

УДК 371.33:811.161.1'67

К ПОНИМАНИЮ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ

Ключевые слова: обучение грамоте, букварь, букварный период, чтение.

В статье анализируется содержание действующих в Республике Беларусь букварей на предмет использования в них ономастических единиц в период обучения школьников грамоте.

T.G. Trofimovich
Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University

TO UNDERSTAND THE THEORY AND PRACTICE OF USING PROPER NAMES AT THE LITERATURE STAGE

Key words: literacy, primer, alphabetical period, reading.

The article analyzes the content of primers operating in the Republic of Belarus for the use of onomastic units in them during the period of teaching schoolchildren to read and write.

Согласно Кодексу Республики Беларусь об образовании 2022 года, начальная школа является первым этапом школьного образования [1]. Именно на этом этапе получения общего среднего образования предусмотрено обучение грамоте. В действующих официальных документах этот период так и называется «Обучение грамоте» [5], размещается он в рамках учебных дисциплин «Русский язык» или «Белорусский язык» [2]. В пояснительных записках к программам указано, что обучение грамоте становится начальным этапом систематического изучения русского или белорусского языков, а его цель – формирование базовых знаний, умений и навыков чтения и письма, общеучебных умений, навыков и способов действий.

Главным учебным пособием на этапе обучения грамоте становится букварь, который сопровождает белорусского первоклассника почти весь учебный год. Так, 180 учебных часов делятся поровну – на обучение чтению и обучение письму [2].

Последнее пятилетие в системе белорусского школьного образования ознаменовано сменой букварных эпох. До этого времени несколько десятилетий в учебной практике использовались буквари А.К. Клышко и Н.А. Сторожевой.

В 2017 году начальная школа Республики Беларусь получила новый русскоязычный букварь, подготовленный О.И. Тириновой. Этот букварь, без сомнений, знаменовал собой новый этап развития белорусской букваристики, поскольку в нем нашли отражение передовые достижения современной методики обучения грамоте. Как показывает опыт, школы с русским языком обучения этот букварь приняли. Закономерным оказался и выход в 2020 году второго издания учебного пособия, исправленного и дополненного [4]. В 2021 году появился белорусско-

язычный букварь О.И. Свириденко и О.И. Тириновой [3], который с успехом продолжил лучшие традиции белорусской букваристики и вышел на новые передовые образовательные рубежи.

Мы провели анализ содержания названных букварей на предмет использования в них таких значимых языковых единиц, как имена собственные. Как показал анализ, они создают исключительно благоприятные возможности для обучения и воспитания первоклассников, углубляют и расширяют дидактические возможности букварей.

Так, при обучении чтению основными привлекаемыми языковыми единицами являются звуки – слоги – слова – предложения – тексты. Слово в приведенном ряду языковых единиц не случайно занимает центральное место, потому что обращение к нему поднимает знания о звуке и его свойствах на новый познавательный уровень. Слово как звуковой комплекс, характеризующийся семантикой, постепенно становится основной единицей при обучении чтению.

Всем, кто знаком с проблемами обучения грамоте и букваристики, хорошо известно, что подбор словного материала требует больших усилий. Нужно, чтобы привлекаемое слово состояло из уже изученных букв / звуков, было посильным для прочтения и понятным учащимся. Имена собственные оказываются здесь незаменимыми.

Как показывают наблюдения, наиболее востребованными при обучении чтению в обоих букварях оказываются антропонимы. Букварный антропонимикон каждого учебника превышает 100 единиц. При этом по понятным причинам имена используются чаще всего в народной, разговорной или просторечной форме (Н.А. Петровский) и редко в форме паспортной, документальной. Такое соотношение форм немного меняется от начала букварного периода к его концу, но меняется не принципиально.

Использовать краткие формы имен при обучении грамоте удобно не только потому, что не возникает трудностей с толкованием их значений, которых просто нет, но и потому, что богатые возможности образования таких форм позволяют регулировать буквенно-звуковой состав слова в соответствии и решаемыми задачами. Например, имена *Эмма, Мила, Алла, Луна, Нина, Наум* и др. в русскоязычном букваре идеальны по набору звуков и букв для начала обучения чтению. Аналогично и в белорусскоязычном букваре, где встречаем антропонимы *Ала, Міла, Сіма, Аліса, Оля, Піліп* и др.

Действующие буквари, как мы уже отмечали, справедливо не отказались от использования полных, паспортных имен: *Анна, Лариса, Ирина, Наталья, Любовь, Владимир, Борис, Виктор, Игорь, Андрей, Сергей, Иван* и др.; *Ларыса, Маргарыта, Марат, Ульяна, Артур, Тарас, Патап* и др. При этом авторам удается создать благоприятные условия для формирования умений использовать варианты имен в зависимости от ситуации, нравственно-этических представлений общества.

Для примера обратимся к текстам белорусскоязычного букваря. На с. 99 читаем: *Пётр – пекар. Пірагі ў Пятра – смаката! Аляксей – пілот. Сёння ў палёт. Яго лёгкі самалёт на лётным полі. Аляксей сеў у самалёт! Старт.* Грамотное учительское сопровождение позволит не только обратить внимание учащихся на использование вариантов имен, но и сформировать элементарные навыки культуры речи.

К несомненным достоинствам действующих букварей следует отнести удачный выбор использованных антропонимов. Привлечены имена, традиционно известны восточнославянской антропонимической парадигме. От экзотических

имен, которые в последние годы довольно настойчиво проявляются в практике именовании детей, авторы букварей справедливо отказались.

Показательно также, что букварю на белорусском языке при формировании антропонимикона удалось сохранить и передать национальный колорит. Используются белорусские имена или белорусские варианты имен: *Піліп, Рыгор, Янка, Казік, Казімір, Часлаў, Мікіта, Ганна*.

Наблюдения показывают, что в подавляющем числе случаев использование авторами букварей антропонимов грамотно, дидактически мотивировано, целесообразно. Например, большой обучающий и воспитательный потенциал заложен, на наш взгляд, в тексте «Гурток» букваря на белорусском языке. *У нас класны гурток "Чароўныя маскі". Я – Ягорка! Я – Янка! Я – Яна, а яна – Рая. Кіраўнік гуртка – Лілія Ягораўна (с.85)*. Традиционное именование учителя по имени и отчеству выдержано правильно, чего не скажешь о тексте на странице 99. *Лёля – урачакуліст. У яе на прыёме Лёня. На, Лёня, акуляры*. Однако врача этот Лёня тоже должен называть по имени и отчеству! Авторы явно увлеклись буквой Ё и забыли про имя и традиции.

Антропонимы с успехом используются в букварях и при формировании умений соотносить букву и обозначаемый ею звук, то есть в процессе развития фонематического слуха. Учащимся предлагается прочесть похожие, но все же разные имена. Например, в букваре на русском языке находим такую подборку: *Ира, Ирина, Арина, Лола, Лора, Лина, Мила, Милана, Марина, Рома, Роман, Мирон (с.57)*. В букваре на белорусском языке читаем: *Ліна, Аліна, Галіна, Паліна, Іна, Ніна, Ната, Ганна, Ірына, Арына, Марына, Мілана (с.76)*.

Предпринятый нами анализ букварных антропонимиконов показывает, что на этапе обучения чтению использование имен оправдано, уместно, позволяет решать многие задачи обучения и воспитания.

Другие имена собственные в букварях представлены в значительно меньшем объеме. Это названия стран (*Беларусь, Россия, Украина*), названия рек (*Днепр, Западная Двина, Березина, Буг, Вилия*), названия городов (*Минск / Мінск, Бабруйск, Нароўля, Жодзіна / Жодино Маларыта, Барысаў, Клімавічы, Полоцк*).

Авторы букварей предлагают для чтения тексты патриотического содержания, в которых активно используются топонимы, гидронимы и другие имена собственные. Приведем для примера текст из букваря на белорусском языке. *Беларусь – наша Радзіма. Сталіца Беларусі – горад Мінск. Гарады Брэст, Віцебск, Гродна, Гомель, Магілёў – абласныя цэнтры Беларусі. Малая радзіма – горад ці вёска, дзе ты нарадзіўся*. Текст содержит значимую информацию, а использованные онимы представляют собой емкие в дидактическом смысле звуковые комплексы, оттачивающие читательские умения.

В букварях помещаются тексты, которые кроме обучения грамоте способствуют формированию и развитию межпредметных связей, обогащают первоклассников знаниями. К примеру, букварь на белорусском языке содержит текст «Сны Петрыка» (с.95), который повествует о мальчике, мечтающем быть космонавтом. При работе с текстом ученики сталкиваются с именами собственными, называющими астрономические объекты. *...Яго ракета пралятае ўсю Галактыку. Пятро лятае на планеты Меркурый, Марс, Юпітэр, Сатурн, Уран і Нептун*.

Такие тексты по понятным причинам предлагаются ближе к окончанию букварного периода, поскольку должны быть посильными для чтения и восприятия.

Общеизвестно, что к именам собственным принадлежат и клички домашних животных. Букварь на русском языке при обучении чтению предлагает учащимся задания «Назови собаку» (с. 96) и «Назови котика» (с.97). Дидактический потенциал приведенных кличек очевиден: совершенствуются навыки чтения, развивается фонематический слух. Букварь на белорусском языке к кличкам обращается редко, всего три раза.

При создании белорусскоязычного букваря авторы придумали героев, которые сопровождают процесс обучения чтению и письму. Сама идея не нова по сути и по форме, букваристике она хорошо известна. Однако О.И. Свириденко и О.И. Тириновой удалось воплотить ее по-новому.

Придуманные букварные герои получили свои имена: девочку назвали *Кірыліца*, а мальчика *Жэўжык*. Знакомя учащихся с букварем, в процессе работы с ним учителю придется комментировать имена героев. Говоря научным языком, эти имена представляют собой апеллятивы, пережившие процесс онимизации. В основе своей это не собственные имена, а нарицательные, возведенные в ранг собственных.

Кірыліца, согласно «Глумачальнаму слоўніку беларускай мовы», – «адна з дзвюх стараславянскіх азбук» (т. 2, с. 689). Учитель в доступной форме может сказать первоклассникам, что героиню букваря назвали в честь древней азбуки.

Не так все просто с именем героя. *Жэўжык*, согласно упомянутому словарю, – «свавольнік, гарэза» (т. 2, с. 269). *Свавольнік – той, хто сваволиць, гарэза, дуронік; свавольны чалавек, упарты, неслух; несур'ёзны, легкадумны чалавек* (т. 5, с. 82); *гарэза – весялун, дуронік, непаседа* (т. 2, с. 35). После элементарного анализа семантики слова, ставшего именем букварного героя, коннотаций этого слова, помочь ему не очень-то и хочется.

Подведем итоги. Предпринятый нами анализ ономастического пространства действующих в Республике Беларусь букварей показал, что на этапе обучения грамоте имена собственные, правильно отобранные и умело препарированные, превращаются в исключительно важные в дидактическом и воспитательном отношении средства. Они в состоянии обеспечивать поступательное овладение чтением, формировать необходимые умения и навыки, развивать и воспитывать школьников.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://do.academy.edu.by/npa/Docum/02/Kodex_RB_ob_obrazovanii.pdf. – Дата доступа: 03.02.2023.
2. Русский язык. Обучение грамоте. 1 класс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2020/07/up-rus-yaz-1kl-rus.docx>. – Дата доступа: 03.02.2023.
3. Свірыдзенка, В.І. Буквар. Вучэбны дапаможнік для 1 класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / В.І. Свірыдзенка, В.І. Цірынава. – Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 2021. – 183 с.
4. Тиринова, О.И. Букварь. Учебное пособие для 1 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / О.И. Тиринова. – Минск: Национальный институт образования, 2020. – 184 с.
5. Учебные программы для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания: 1-й класс / Министерство образования Республики Беларусь. - Минск: Национальный институт образования, 2017. – 107 с.

УДК 81'373.2; 81'2

ОТПРОЗВИЩНЫЕ МИКРОТОПОНИМЫ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: *микротопонимы, прозвища, отпрозвищные микротопонимы, микротопонимы костромского края, костромские говоры.*

В статье рассматриваются микротопонимы костромского края, созданные на основе прозвищ. Обращается внимание на особенности образования микротопонимов от прозвищ разных видов. Определяется состав таких микротопонимов, приводятся примеры их употребления в народной речи. Делается вывод об информативности отпрозвищных микротопонимов, их значимости в изучении говоров.

E.V. Tsvetkova
Kostroma State University

KOSTROMA LAND'S MICROTOPYNYMS DERIVED FROM NICKNAMES

Key words: *micro-toponymy, nicknames, microtoponyms derived from nicknames, microtoponyms of the Kostroma region, Kostroma patois.*

Kostroma land's microtoponyms derived from nicknames are discussed in the article. Attention is drawn to the features of the formation of microtoponyms from different types of nicknames. Composition of such microtoponyms is determined with the examples of their use in folkish speech given. The nickname-derived microtoponyms' informative value as well as their significance in patois studies is concluded.

Являясь частью языкового пространства, топонимы «формируют особый фрагмент языковой картины мира, в котором специфическим образом отражаются мировосприятие и миропонимание народа, его история и культура» [1, 11]. Как слова естественного языка, выступающего универсальным языком культуры, они, по точному выражению авторов монографии «Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум» под научн. ред. А.М. Мезенко, «в большинстве случаев отсылают к конкретным культурным реалиям, которые в свою очередь образуют специфические “языки” культуры – коды» [1, 11]. Заметно проявляют себя в этом плане топонимы, образованные на основе антропонимов, в которых зафиксирована разнообразная информация о человеке и окружающем его мире. Многие находят отражение в номинации человека, и «признаки, легшие в ее основу, были и остаются одним из важнейших средств идентификации личности» [3, 128].

Топонимы антропонимического происхождения составляют значительную часть топонимикона костромского края, демонстрируя антропонимы разных видов (см. об этом, например, [6]). Среди таких наименований, без сомнения, выделяются, представляя интерес для исследования, отпрозвищные топонимы – топонимы, зафиксировавшие прозвища, которые характеризуются как «наиболее древняя ономастическая категория, генетический источник остальных видов личных имен» [7, 66], которые занимают основное место среди микроантропони-

мов (см. [2, 14]). По большей части это микротопонимы (в данном случае – микроантропотопонимы).

Как показывает имеющийся у нас микротопонимический материал, микротопонимы создавались и продолжают создаваться на основе прозвищ разного вида, различного происхождения. Выделяются названия, которые образованы от прозвищ, возникших от антропонимов (обычно от имён и фамилий). Например: **Протасихин колодец** (Женщину – владелицу колодца звали Пратасихой, потому что муж был Пратас. Нам гаварили: «Сходи на Пратасихин колодец». Её Александра звали, а я привыкла уже: Пратасиха да Пратасиха – Зашугомье Солиг.), черничник **Флешкина сырэвня** (Давно жил там мужик-от. Отшельником был. Флешкой прозвали, боялись его – Светочева Гора Красн.), покос **Федулиха** (Федулиха находится у деревни Поповица. Принадлежала мужику по прозвищу Федул, так как он всегда всем был недоволен. Прозвище пошло от «Федул, что губу надул?» – Мантурово; На Федулихе нынче трава плоха – Малая Поповица Мантур.), возвышенность **Сёмина гора** (Ещё у нас гора есть Сёмина. Сёмина гора / Сёмину-ту гору по прозвищу Сёминых прозвали. Соловьёвых-то в Лядине много было, вот прозвища-то всем и надавали – Лядина Мантур.), покос **Егорово гумно** (Сенокос Егорово гумно назван по прозвищу первого владельца – Куземино Солиг.), **Карпёнков пруд** (Большая яма это, заполненная водой, в огороде Карпова, прозвище которого Карпёнок; отсюда и пошло название Карпёнков пруд / В Карпёнковом пруду одни лягушки живут – Лапшино Вохом.), **Берёзихин колодец** (Некоторые зовут Берёзину Берёзихой, вот и колодец, значит, так же – Калинки Судисл.), покос **Кóкурев криуль** (Деда-то Кокурь звали, так как настоящая-то фамилья была Кокуревы. Прозвище, значит, у его в деремне-то такоё было. И сенокос-от так прозвали – Екатеринкино Кадыйск.). Выбор антропонимов для прозвищ при этом, как видим, может быть связан с имеющимися у них дополнительными значениями, которые в некоторой степени переходят в микротопонимы и передаются ими.

Подобно прозвищам образуются и антропонимные микротопонимы от фамилий и имён, например: место на реке **Соловьиха** (На реке Вохтома есть место Соловьиха. Это омут и берег. Это название от фамилии владельцев мельницы – Савино Парфен.), покос **Исáчиха** (На этом месте стоял дом Исака Фёдоровича. Вот и назвали так – Чернышево Кадыйск.).

Многочисленны микротопонимы, образованные от прозвищ, которые возникли на основе различных характеристик человека (внешний вид, поведение, характер, особенности речи, род деятельности, различные вещи и др.): хутор, место в болоте **Кры́сина ледина** (По прозвищу Матвея Котова назвали / На Крысину ледину давно никто не хаживал – Ломки Остров.), улица **Панóвская** (неофиц.; Малаую-то Базарную Пановской ещё называли. По прозвищу церковного сторожа, живущего на ней, – Пан – Кадый Кадыйск.), часть деревни **Борбóсово** (Борбосово – часть деревни Якуниха. Название произошло от проживавшего здесь мужчины по прозвищу Барбос. Говорят, это был очень строгий и злой человек – Хомутово Остров.), место **Сорбчий лог** (Это место, где была убита девушка по прозвищу Дунька Сорока – Рогово Мантур.), пруд **Уткин пруд** (Назван так из-за прозвища одной женщины – Утка – Николо-Полома Парфен.), магазин **У Липисина** (У Липисина – магазин «Лавка Смирновъ», на улице Южной. Называют так, потому что его владелец, проживший всю жизнь в Парфеньеве, в детстве долго не выговаривал правильно слово «апельсин». Ему дали такое прозвище, и его торговые точки тоже стали так называть / У Липисина хлеб хороший продают – Парфеньево Парфен.),

дом **Дом Кáтaля** (Каталь в нём жил. По занятию-то прозвище ему и дали. И дом так стали называть / Да в Дом Каталья часта у миня рибята забигали, хазяин любил с ними пабалтатъ-та – Куземино Солиг.), место в лесу **Кордóн**, поляна **Кордóнова поляна** (Назвали от прозвища лесника Кордон. У Кордона всегда был дикий мёд / Кордонову поляну назвали от прозвища Кордон. Это житель деревни Малое Барашково. Вырубил в лесу участок, обрабатывал его. На Кордоновой поляне всегда был хороший урожай – Контеево Буйск.), овраг **Туркин оврáг** (Туркин овраг – рядом с Андриановской горой. Здесь жил Пономарёв И. И., получивший прозвище Турок, так как носил турецкую шапку-феску, привезённую с войны в качестве трофея / Мы пошли на Андриановскую гору через Туркин овраг – Островское Остров.).

Если история возникновения прозвища известна, в рассказе о наименованиях объектов об этом обычно сообщается без дополнительных вопросов. Однако такая информация может и не раскрываться (например, когда считается, что она всем хорошо известна, когда есть какие-то причины не сообщать о ней, когда жители не уверены в её достоверности). Такие фрагменты народной речи (иллюстрации к прозвищным микротопонимам) в наших материалах наиболее многочисленны, например: покос в лесу **Рогúшин у́гол** (Этот покос выжег и разработал мужик по прозвищу Рогуша / В Рогушин угол сегодня еле проехали – Рогово Мантур.), овраг **Ры́мин оврáг** (По прозвищу мужика, который каждый год косил там траву / На Рымином овраге косят теперь другие – Ломки Остров.), канава **Бор-мóсова канáва** (Бормосова канава – канава от деревни Быки в Галичское озеро, по прозвищу владельца – Галич Галич.), парк **Бóбичева кулúга** (Бобичева кулига – парк в центре посёлка. Бобич – прозвище начальника на посадке деревьев – Кадый Кадыйск.), загородка вокруг покоса и сам огороженный покос **Гáрина óгородь** (Гарина Огородь – место за Льговом. Мужик по прозвищу Гарин загоразживал там свой покос, чтобы коровы и козы не пропали. Загородку эту и назвали Гарина. Сейчас загороди нет, а название осталось – Льгово Кадыйск.), место на реке **Гарáнин óмут** (Гаранин омут – место по устью Вотгати. Жил Сергей Рослов по прозвищу Гаранин – Жуково Кадыйск.), болото **Шамилёво болóто** (Недалеко от Текуна есть ещё Шамилёво болото. Небольшое. Назвали по прозвищу пастуха / На Шамилёвом болоте клюква не растёт – Текун Кадыйск.), лес **Васёнково** (Лес Васёнково назван по прозвищу лесника, который в нём жил, – Васёнка / С девчонками в Васёнково за дровами ездили на санях – Зарубино Костр.), **Толстúхин хúтор** (Это хутор Ивана Беличонка. Назван по прозвищу первого владельца – Куземино Солиг.), часть деревни **Бармалéевка** (Бармалеевка – старая часть деревни. Названа по прозвищу её жителя – Горбачёво Солиг.), колодец **Старосúхин колóдец** (По прозвищу хозяйна назвали / На Старасихин колодец сестра мая хадила – Симоново Солиг.), проулок **Мítька Кокó** (Прозвище у мужика было, что тут жил – Подольское Красн.), навес для сушки снопов **Грáшин верх / Грáшихин верх** (Назван по прозвищу его хозяйки – Грашиха – Зашугомье Солиг.), колодец **Воробéй** (Воробей – колодец с чистой вкусной водой на улице Лермонтова. Говорят, что называется так потому, что был недалеко от дома Сорокиных по прозвищу Воробьёв – Красное-на-Волге Красн.).

Со временем подлинные сведения о том, что именно послужило причиной для создания прозвищ, могут быть в определённой степени или полностью утеряны. Стремясь объяснить происхождение названий, жители строят догадки, сочиняют всякие истории. В результате появляются даже варианты предположений о возникновении как прозвищ (в основном), так и созданных от них микротопо-

нимов и собственно топонимов. Подчас бывает трудно определить точно, что именно было в основе номинации. Например, фамилия или прозвище: *Воробьёв-то хутор? Хутор, а потом покос. Жил крестьянин Воробьёв, сейчас покос* – Рогово Мантур.; *Воробьёв хутор находится недалеко от деревни Рогово. Когда-то здесь жил крестьянин по прозвищу Воробей* – Мантурово). Часто жители стремятся объяснить по прозвищу или связать с прозвищем происхождение названий селений, например: **Кáшино, Крю́ково** (Кашино – от прозвища Каша. Крюково – от прозвища Крючок. Так называют изворотливого человека – Татарское Нерехт.), **Кувáнды** (Названа деревня по прозвищу первого жителя – Куванды – Жеребцово Октябр.), **Пáкшино** (Пакшино назвали от прозвища первого поселенца. Пакша – так называют неловкого, неуклюжего человека – Борок Буйск.), **Табунóво** (Жил человек по фамилии Табунцев, прозвище – Табун – Шокша Галич.), **Буркóвцы** (От прозвища Бурка, Буркун – брюзгливый человек, бормотун – Бурковцы Павин.), **Жáворонки, Зúбаревка, Червякóвцы** (Жаворонки назвали от прозвища Жаворонок. Зубаревку – от прозвища Зубарь. Червяковцы – о прозвища Червяк. Червяк – льстивый человек – Павино Павин.), **Му́линское, Судíлово** (От прозвища Муля. Так говорят о человеке, который всё делает медленно, вяло / Посёлок Судилово назвали от прозвища Судило. Наверно, судья тут жил – Кологрив Кологр.), **Пона́зырево** (От прозвища Поназырь. В вятской земле так называли малорослого, толстого человека – Поназырево Поназ.), **Бородави́цино** (В лесу жил человек по прозвищу Борода. Он был уважаемый всеми – Солигалич Солиг.), **Балабóлиха, Рогачи́ха, Обухово, Су́риха** (Пустословам, балаболам в старину давали прозвище Балабол. Его носил и первопоселенец деревни Балаболиха. Рогачиха – от прозвища их первопоселенцев, основателей, владельцев Рогачей / Обухово своё название получило от человека по прозвищу Обух, которое в прошлом давалось тупому или глухому, а также упрямому человеку / Суриха – от прозвища Сур, Сурок. Суриха – жена мужчины по имени Сур – Шарья Шарьин.), **Шу́биха** (От прозвища Шуба. Шубиха – жена мужчины по прозвищу Шуба – Печёнкино Шарьин.), **Тата́рское** (Со времени монголо-татарского нашествия идёт это название, так как на этом месте стоял стан татар. Татарин – прозвище. Так называют человека наглого, бесстыжего, плутоватого – Татарское Нерехт.). Подобного рода рассуждения могут возникать и при изучении истории селений по сохранившимся документам, например: **Гараня́та** (Гаранята или Малая Берёзовка. Сейчас это часть деревни Берёзовка, а раньше была отдельной небольшой деревней. Названа по имени основателя – Гаврила, или Гари, как называли его в народе. Но Гаврил в документах 1782 года не упоминается, а вместо него записан Родион Чигарев. Возможно, перед переписью населения Гаврил продал свой двор Родиону. Эта деревня в документе ещё названа починок Новый / Гаранята вот поштё так и называюча – Кукшинга Павин.). Доказательством подлинности сведений о прозвищах и образованных от них микропонимов может быть только подтверждение свидетелей их появления и тех людей, которым они об этом рассказали.

Как показывают наши материалы, отпрозвищные микропонимы являются названиями самых разных объектов, значимых в жизни людей. В микропонимы прозвища входят как в исходном варианте (например: прозвище **Кордо́н** → микропоним **Кордо́н**, прозвище **Ми́тька Кокó** → микропоним **Ми́тька Кокó**), так и во вторичном (например: прозвище **Феду́л** → микропоним **Феду́лиха**, прозвище **Карпёнок** → микропоним **Карпёнков пруд**), представленном более многочисленными наименованиями, по большей части двусловными, описательными

– чаще с прилагательными, образованными от прозвищ суффиксальным способом. Наиболее продуктивными являются суффиксы принадлежности, и это не случайно, поскольку называются объекты, кому-либо принадлежащие, с кем-либо связанные. Есть и предложные микропонимы (например, *У Липысина*).

Прозвища и отпрозвищные микропонимы содержат ценную информацию об особенностях говоров. В них зафиксирована местная лексика. В приведённых выше названиях это, например, слова *кáталь* (в русских народных говорах, в том числе и в костромских, оно имеет значение ‘валяльщик валенок, войлока’, а также и иные значения; см. [5, т. 13, 122]), *кордóн* (в говорах, в том числе и в костромских, оно имеет значения ‘дом, стоящий в отдалении от населённого пункта, принадлежащий обычно леснику’, ‘две – три избы, стоящие в отдалении от населённого пункта, хутор’, а также и иные значения; см. [5, т. 14, 313]). Они показывают словообразовательные возможности народного языка. Представляет интерес для исследования (и не только непосредственно говоров) функционирование отпрозвищных микропонимов в речи.

Литература

1. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум: монография / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеенко; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с.
2. Климкова, Л.А. Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: словарь / Л.А. Климкова, А.В. Гузнова // Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского; Княгининский университет. – Часть 1. – Ульяновск: Зebra, 2022. – 437 с.
3. Мезенко, А.М. Антропонимное пространство Витебщины: монография / А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 148 с.
4. Поротников, П.Т. Отпрозвищные антропотопонимы южной части Галицкого района Свердловской области / П.Т. Поротников. // Вопросы ономастики. – 1975. – № 10. – С. 88–99.
5. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – Т. 1–51. – М.; Л./СПб., 1965–2019.
6. Цветкова, Е.В. Антропотопонимы в онимическом пространстве костромской деревни / Е.В. Цветкова // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады и сообщения российской научно-практической конференции. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 429–431.
7. Щетинин, Л.М. Слова, имена, вещи: Очерки об именах / Л.М. Щетинин. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. – 222 с.

Сокращения названий районов Костромской области

Буйск. – Буйский.	Октябр. – Октябрьский.
Вохом. – Вохомский.	Остров. – Островский.
Галич. – Галичский.	Павин. – Павинский.
Кадыйск. – Кадыйский.	Парф. – Парфеньевский.
Кологр. – Кологривский.	Поназ. – Поназыревский.
Костр. – Костромской.	Солиг. – Солигаличский.
Красн. – Красносельский.	Судисл. – Судиславский.
Мантур. – Мантуровский.	Шарьин. – Шарьинский.
Нерехт. – Нерехтский.	

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА

А.А. Болтинова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: lesya.boltinova@mail.ru

Научный руководитель: Оксенчук А.Е., кандидат филологических наук, доцент

УДК 821.111-31:81 373.2

РОЛЬ ЗАГЛАВИЯ В РОМАНЕ КАДЗУО ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»

Ключевые слова: заглавие, роль заглавия, Кадзуо Исигуро, «Не отпускай меня», цитата, песня.

Данная статья посвящена анализу роли заглавия в романе американского писателя, лауреата Нобелевской премии Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня». В статье описаны основные роли и функции заглавия в художественных произведениях. Также даны классификации заглавий. Проанализирован роман Кадзуо Исигуро и сделан вывод о роли заглавия в романе «Не отпускай меня».

A.A. Boltinova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE ROLE OF THE TITLE IN KAZUO ISHIGURO'S NOVEL "NEVER LET ME GO"

Key words: title, title role, Kazuo Ishiguro, «Never let me go», quote, song.

This article is devoted to the analysis of the role of the title in the novel «Never Let Me Go» by the American writer, Nobel Prize winner Kazuo Ishiguro. The article describes the main roles and functions of the title in works of fiction. Classifications of titles are also given. Kazuo Ishiguro's novel is analyzed and a conclusion is made about the role of the title in the novel «Never Let Me Go».

Заглавие является одним из рамочных компонентов текста наряду с эпиграфом, подзаголовком, посвящением и др., поскольку оно является сферой реального автора произведения, то есть, оно не принадлежит ни лирическому герою, ни другим внутритекстовым посредникам (повествователю или рассказчику). Из этого следует, что заглавие не принадлежит миру произведения и по отношению к нему является трансгredientным [7]. Именно в рамочных компонентах художественного текста, по мнению, Н.Л. Зелянской, проявляются творческие интенции автора. Они организуют художественный мир, утверждают его самодостаточность, становясь в процессе создания произведения и в процессе его восприятия между реально существующей действительностью и миром самого произведения. Заглавие – это граничный компонент. Он является сигналом о зарождении особой реальности – реальности художественного произведения. Н.Л. Зелянская, опираясь на цитату Выготского, отмечает, что заглавие в сжатом виде несёт в себе эстетические принципы, которые способствуют становлению зарождающегося художественного мира [1]. Заглавие, являясь граничным компонентом, выполняет контактоустанавливающую функцию: оно помогает читателю преодолеть грани-

цу между реальной действительностью и миром художественного произведения [4]. Помимо прочего, заглавие определённым образом влияет на восприятие произведения читателем как до знакомства с произведением, так и в процессе чтения [1]. Исследователи выделяют еще одну, не менее важную функцию заглавия – выражение авторского отношения к изображаемому. Также заглавие может обозначать “временной отрезок” или “историческое событие”. Поскольку раскрыть все значения заглавий представляется весьма сложной задачей, исследователями-литературоведами были сделаны попытки классификации заглавий. Так, С.П. Суворов предлагает классифицировать заглавия по выполняемым ими ролям следующим образом: 1) разграничительная функция (отделение одного сообщения от другого); 2) привлечение внимания читателя к материалу; 3) сообщение основного содержания текста в сжатом виде; 4) эмоциональное воздействие на читателя; 5) создание ситуации, в которой возникает заинтересованность читателя текстом [8]. В.П. Вомперский говорит о таких функциях заглавия, как: 1) экспрессивная; 2) коммуникативная; 3) апеллятивная; 4) графически-выделительная [2].

Важно также определить существующие типы заглавий. Н.А. Фатеева предлагает следующую классификацию типов заглавия, беря за основу эстетическую функцию: 1) символические заглавия; 2) иносказательные; 3) обобщающие и типизирующие; 4) несущие иронию; 5) заглавия, создающие чувство обманутого ожидания; 6) заглавия-разгадки; 7) невыраженные заглавия; 8) заглавия, воздействующие на читаемого эмоционально; 9) заглавия, несущие интригу; 10) заглавия необычной формулировки или формы, эпатажирующие; 11) заглавия, представленные крылатой фразой или цитатой; 12) заглавия стилизационные; 13) заглавия пародийные; 14) заглавия, задающие отношения “фантастическое-ирреальное-реальное;” 15) заглавия, имеющие элемент документальности; 16) заглавия-вопросы и заглавия-пословицы (афористико-резюмирующие); 17) выражающие оценку автора; 18) диалогические [9].

В фокусе нашего внимания – заглавие романа Кадзуо Исигуры «Не отпускай меня». Стоит обратить особое внимание на роль и функции этого заглавия. Фраза «Never Let Me Go» в романе является также и названием любимой песни Кэти. Песня «Never let me go» включена в роман Кадзуо Исигуро. Читатель встречается с ней в нескольких сценах. Согласно сюжету, эта песня записана на кассету вымышленной певицы Джуди Бриджоутер. Именно под эту песню танцует с подушкой главная героиня романа Кэти. Данная сцена требует нашего внимания, поскольку во многом заголовок определяется именно этим эпизодом. Кэти не просто танцует с подушкой: вместо подушки она представляет ребёнка, *своего* ребёнка. Автор показывает нам трагедию клонированной девушки, в которой просыпается материнский инстинкт, не имеющий возможности реализоваться. Кэти таким образом объявляет протест запрету на нарушение священных уз между матерью и ребёнком. Этот эпизод показывает противопоставление двух миров – нового и старого. Клоны живут в реальности нового мира. Этот мир быстро развивается технологически, его методы более эффективны, но в то же время он жесток и не щадит тех, кто создан для его более эффективного развития. Кэти прижимает к себе не просто подушку, не просто воображает ребёнка: она возвращается к устоям старого миропорядка, к тем устоям, когда материнство было священно. Для неё старый мир – это добрый мир, но она знает, что этот мир исчезает и остаться не может, и всё же Кэти просит: «Не отпускай меня» [5]. Слова героини не только просьба, адресованная другой системе, – это мольба всех клонов, обречённых на смерть. Они

выращены в качестве бесплатного медицинского материала. Для таких детей сооружены специальные школы-интернаты, подобные Хейлшему, где дети содержатся до своего совершеннолетия, после которого их ждёт опекуновство и донорство, влекущее за собой неизбежную смерть. Клоны просят: не отпускай меня, защити меня. Но этот мир не испытывает к ним ни капли сочувствия. Всё, что остаётся клонам – надеяться на то, что кто-нибудь сохранит их в памяти, не отпустит их хотя бы таким образом [6]. Эта просьба адресована и будущему. Именно эти мечты о другом будущем позволяют клонам продержаться до наступления неизбежной реальности. «Не отпускай меня» – это просьба о лучшем, о будущем, в котором они живут, работают, заводят семьи, в котором нет понятий «выемка» и «донор».

Смысл заглавия раскрывается в романе постепенно, по мере того, как читатель погружается в мир, созданный Кадзуо Исигуро. У клонов нет выбора, они, по мнению общества, годны лишь для выполнения своего прямого назначения: поставки органов нуждающимся. Между тем, клоны имеют свои чувства, мечты, желания. Они, как и люди, хотят любить и жить. Жизнь в Хейлшеме и Коттеджах, где совершеннолетние клоны проходили подготовку, – это одна большая театральная постановка, симуляция реальной жизни. Клоны живут в постановочной реальности, довольствуясь её тусклыми красками, поэтому, когда им становится доступна сфера интимной жизни, клоны, в том числе Рут и Томми, друзья Кэти, окунаются в неё с головой. Секс – единственный *реальный* элемент жизни, доступный клонам. Вместе с сексуальностью в жизнь Кэти, Томми и Рут врываются неподдельные чувства: любовь, ревность, удовольствие. Они впервые ощущают вкус жизни и обращаются к этой жизни свою просьбу: «Не отпускай меня».

Стоит обратить особое внимание на то, что фраза «Never Let Me Go» после выхода фильма, снятого по роману, стала цитатой из песни Джейн Монхайт «Не отпускай меня» (Jane Monheit «Never let me go»). Она была написана для фильма Марка Романека «Не отпускай меня», снятого в 2010 году. Создателем текста песни выступил Лютер Диксон, композитором – Рэйчел Портман. Таким образом, существуя не только в произведении Кадзуо Исигуро, то есть в вымышленной реальности, песня начала физически существовать в рамках реальной действительности, связывая тем самым две реальности. Следовательно, заглавие романа выполняет, с одной стороны, разграничительную функцию, а с другой, обращается к фоновым знаниям читателя и непосредственно включает его в мир произведения, делая его участником и носителем культуры художественного мира Исигуры.

Кажется, что для донора, заранее обречённого на скорый конец, не имеют смысла дружба или любовь. Отсутствие таких привязанностей даже в некотором роде безопасно для них. Однако, как мы видим, герои Кадзуо Исигуро не только не сторонятся чувств, но и с радостью принимают их. Понимая, как мало времени им отведено, они живут жадно, поспешно, точно так же, как и герой песни «Never Let Me Go». Именно в понимании жизненного пути главных героев романа и раскрывается смысл заглавия. «Никогда не отпускай меня» – это то, чего хотят главные герои. Они хотят жить, остаться в мире так же, как и сотни людей, которых спасают за их счёт. Но для них эта привилегия недоступна. Поэтому всё, что им остаётся, – это просить своих тех, кто их знает помнить клонов после смерти, не отпускать их хотя бы в воспоминаниях.

Мир Хейлшема и Коттеджей, мир клонов, вымышлен по отношению к реальной действительности, поэтому мы можем говорить о разграничительной роли

заглавия романа. Заглавие с одной стороны отделяет нас от клонов, а с другой, являясь цитатой из песни, написанной реальными людьми, включается в канву произведения, связывая вымышленную реальность с действительной, делая читателя носителем культуры вымышленного мира.

Таким образом, мы можем говорить о том, что заглавие романа прежде всего передаёт основной конфликт всего произведения: конфликт между героем-клоном и системой, его создавшей. Стремление героя произведения наперекор существующим законам вернуть старую систему выражено заголовком романа. Согласно вышеуказанным нами типологиям заголовков, заголовок романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» можно классифицировать как заголовок, эмоционально воздействующий на читателя, выполняющий экспрессивную функцию. Также заглавие романа можно классифицировать как заглавие, представленное цитатой.

Литература

1. Веселова, Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика / Н.А. Веселова // Тверь: Твер. гос. ун. – 1998. – Т. 1998. – С. 24.
2. Вомперский, В.П. К изучению синтаксической структуры заголовка / В.П. Вомперский // Искусство публицистики. Тезисы докладов. Алма-Ата: «Казахский гос. ун-т им. С.М. Кирова». – 1966. – 359 с.
3. Кадзуо, И. Не отпускай меня / И. Кадзуо. – Litres, 2010. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/kadzuo-isiguro/ne-otpuskay-menya-never-let-me-go/>. – Дата доступа: 02.02.2023.
4. Каракеян, Э.С. Функции и виды заглавий в литературе / Э.С. Каракеян // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. – №. 9. – С. 313–321.
5. Кучукова, З.А. За какие произведения присуждают Нобелевскую премию, или художественное измерение романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» З.А. Кучукова, Л.Б. Берберова // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2019. – Т. 16. – №. 3. – С. 398–405.
6. Минина, В. Г. Тема детства в творчестве Кадзуо Исигуро // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка. – 2019. – С. 92–99.
7. Саморукова, И. В. Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный. – 2002. – №. 2002. – С. 76–82.
8. Суворов, С.П. Особенности стиля газетных заголовков (По материалу «DailyWorker»). – М.: «Язык и стиль» - 1965 – 193 с.
9. Фатеева, Н.А. Синтез целого: На пути к новой поэтике. – М.: «Новое литературное обозрение», 2010. – 94 с.

В.И. Захаренкова

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

e-mail: viktoriazaharenkova@yandex.ru

Научный руководитель: Королева И.А., доктор филологических наук, профессор

УДК 81

ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШИХ ДЕРЕВЕНЬ СМОЛЕНЩИНЫ

Ключевые слова: *ойконим, этимология, деревня, Краснинский район, Смоленщина.*

В данной статье на примере Краснинского района исследуется этимология названий исчезнувших деревень Смоленщины. Это сложный и недостаточно разработанный вопрос регионального краеведения, но он является актуальным в наши дни, так как хранит в себе лингвокультурологический аспект.

IN THE FOOTSTEPS OF THE DISAPPEARED VILLAGES OF SMOLENSK REGION

Key words: *oikonym, etymology, village, Krasninsky district, Smolensk region.*

This article examines the etymology of the names of the disappeared villages of the Smolensk region, using the example of the Krasninsky district. This is a complex and insufficiently developed issue of regional local lore, but it is relevant today, as it retains a linguoculturological aspect.

«Абсолютно преобладающими среди топонимов являются ойконимы – собственные имена любого поселения, в том числе города, деревни, села, хутора, поселка, отдельно стоящего двора и дома». [5, 57]

Ойконим – это важнейший компонент топонимики, часть лексической системы языка. Они обозначают названия населённых пунктов. За каждым таким наименованием скрыта этимология, которая интересна для исследования.

Краснинский район Смоленской области особенно богат такими наименованиями из-за своего древнего происхождения, исторических событий и пограничьем с другой страной. «Красный – ныне центр района на юго-западе Смоленской области. Первое упоминание о Красном содержится в Ипатьевской летописи 1165 года в связи с появлением на Смоленщине уделов. В ней говорится о том, как смоленский князь Ростислав Мстиславич, получив великокняжеский престол в Киеве, отдал эти земли своему племяннику Роману». [3, 68]. В окрестностях населенного пункта имеется множество небольших объектов, чьи названия образуют обширную топонимическую систему. Самая распространенная категория селений – населенные пункты сельского типа. [4, 16] За последние несколько десятилетий в данном районе исчезло значительное количество деревень. Происходит это из-за урбанизации, то есть переезда людей в более крупные деревни, посёлки, города. За этим следует утрата малых населённых пунктов. На их месте остаются лишь неухоженные сады, луга (на которых ранее проходили сельскохозяйственные работы), запустелые дома. Лишь в памяти старожил сохраняются названия исчезнувших деревень, происхождение которых связано с различными факторами.

1. Малеевское сельское поселение

Великолесье

Обратим внимание на корни этого слова – «велик», «лес», исходя из этого мы можем сказать, что название эта деревня получила благодаря своему расположению (рядом с большим лесом), об этом имеются сведения и в Смоленском топонимическом словаре: «Название – ориентир, указывающее на расположение деревни у большого леса» [2, 43].

Доморацкое

Данное наименование деревни указывает на древнее происхождение и связь с помещичьим укладом: «В 19 веке – 2 поселения: помещичье сельцо и деревня, с одинаковыми названиями – Маловасильевское, Доморацкое, Домарацки. Первое из этих названий свидетельствует о более позднем возникновении деревни и малом ее размере по сравнению с уже существовавшим у помещика имением Васильевское. Второе образовано от фамилии» [2, 67].

2. Волоедовское сельское поселение

Боярщина

Деревни с этим названием встречаются не только в Краснинском районе, они также располагаются в Демидовском, Духовщинском районах. Можем пред-

положить, что ранее в Смоленских уездах процветало боярство, благодаря которому и появилось однокоренное наименование населённого пункта.

Кудрино

Однокоренные: «кудрявый», «кудри». Из рассказов старожилов узнаем, что ранее здесь находился берёзовый лес. Возможно, из-за «кудрявых берёз» появилось такое наименование.

Лисово

Произошло от слов «лис», «лисы». Но, по мнению старожилов, название связано не с животным, а с грибами «лисичками», которые в большом количестве росли в ближайших лесах.

Интересно, что в годы Великой Отечественной Войны деревня была оккупирована гитлеровскими войсками.

3.Красновское сельское поселение

Зюзьки

Не трудно заметить связь со словом «зюзя». «Название образовано от прозвища и фамилии; в основе их возможно слово зюзя – сильно пьяный человек; имеются и другие значения: плакса, нерасторопный человек» [2, 89].

Выжимаки

«Название образовано от слова выжимала (местное, презрительное – выжимак) – это тот, кто извлекает выгоду, прибыль, эксплуатируя других, выжимая из них соки» [2, 47].

4.Октябрьское сельское поселение

Паньково

Образовано от однокоренного «пан». Из исторических сведений узнаём, что в 19 веке здесь проживал пан, который построил школу для деревенских детей.

Слобода

Населенные пункты с таким названием зачастую встречаются не только в Смоленской области, но и по всей России (Свердловская, Тульская, Тверская, Ярославская области и др.). «Слобода — название различных поселений в Русском государстве 11-17 вв., население которых временно освобождалось от государственных повинностей. Известны слободы стрельцкие, монастырские, ямские, иноземные, в городах — слободы ремесленников» [1, 359].

5.Маньковское сельское поселение

Смилово

Истоки образования этой деревни уходят корнями в далекие годы VII века. Получила такое наименование из-за своего расположения рядом с уже исчезнувшей рекой «Смилка». Интересно, что эта деревня упоминается в письме адмирала Лазарева М.П. к Шестакову И.А. в 1842 году: «Не знаю, застанет ли тебя письмо в Смилова, так как ты располагал в этом месяце приехать в Петербург, но, во всяком случае, я обещал тебе послать образцы парусных полотен - на сей же тяжелой почте их высылаю».

Данщина

Судя по названию, первоначально деревня принадлежала кому-то из рода Данциных. Хотя в отношении названия существует противоположное мнение, о том, что когда-то она была форпостом казаков, поэтому в самом названии слог «Дан» можно трактовать, как «Дон».

Таким образом, неотъемлемой чертой ойконимии является сохранение отпечатков утраченных картин мира как следствие динамических мировоззренческих процессов или вследствие смены культурной парадигмы, зафиксированных в ойконимии и несохранившихся в других элементах лексики. в названиях сел и деревень хранится история прошлого.

Ойконимы отображают не только особенности географических объектов, но историко-культурное наследие жителей. Ойконимы Краснинского района интересны и уникальны. Однако на сегодняшний день нет единого мнения в их трактовке, но многие версии заслуживают внимания. Расшифрованные названия населенных пунктов, неся в себе информацию о географическом описании местности, о людях и о владельцах этих земель, позволяют выстроить картину событий, происходивших в здешних местах несколько веков назад.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998 – 1456 с.
2. Будаев, Д.И. Топонимический словарь Смоленской области / Д.И. Будаев, Б.А. Махотин. – Смоленск: Смядынь, 2009. – 352 с.
3. Махотин, Б.А. К живым истокам. Смоленщина в географических названиях. / Б.А. Махотин. – Смоленск: Издательство «Московский рабочий». Смоленское отделение, 1989. – 127 с.
4. Пospelов, Е.М. Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 единиц / Е.М. Пospelов. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 523 с.
5. Суперанская, А.В. Что такое топонимика / А.В. Суперанская. – М: Наука, 1985. – 182 с.

К.А. Итунина

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

e-mail: karina.itunina.filfak@gmail.com

Научный руководитель: Королева И.А., доктор филологических наук, профессор

УДК 811.161.1

АНАЛИЗ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ «В СОЗВУЧИИ С ДУШОЙ» ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА ФИЛИПЕНКОВА

Ключевые слова: *анализ, ономастика, поэтонимы, топонимы, синтез.*

В статье осуществляется исследование ономастических данных в лингвокультурологическом аспекте. Определяются главенствующие особенности в соответствии со стихотворной оформленностью и поэтической принадлежностью. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются особенности лингвокультурологического представления данных сборника стихотворений поэта, жившего в приграничном районе Смоленской области. Определяется состав частотных употреблений имён собственных, производится их сопоставительный анализ и устанавливаются особенности функционирования названий в текстах.

К.А. Itunina

Smolensk State University

ANALYSIS OF ONOMASTIC DATA IN THE POETRY COLLECTION “IN HARMONY WITH THE SOUL” BY VLADIMIR VASILYEVICH FILIPENKOV

Key words: *analysis, onomastics, poetonyms, toponyms, synthesis.*

The article investigates onomastic data in the linguoculturological aspect. The dominant features are determined in accordance with the poetic formality and poetic affiliation. On the basis of semantic and quantitative parameters, the features of the

linguistic and cultural representation of the data of the collection of poems of the poet who lived in the border region of the Smolensk region are established. The composition of the frequency uses of proper names is determined, their comparative analysis is performed and the features of the functioning of names in texts are established.

С точки зрения лингвистики необходимо понять, какие структурные элементы способствуют созданию и развитию поэтических предпосылок. За счёт ономастического ореола и семантики имени собственного мы узнали о возможном потенциале.

Целью исследования является анализ ономастических данных в поэзии региональных писателей современности.

Мы воспользовались контекстуальным и дистрибутивным методами исследования для своей научной работы. Синтез данных методов исследования помогает раскрыть семантику ономастических данных за счет изучения отдельных единиц в тексте. Мы получаем более чёткое представление об ореоле антропонимических данных. Внутренняя мотивировка раскрывается во внешних данных исследования.

В библиографических сведениях, представленных в центральной районной библиотеке, зафиксировано, что поэт Владимир Васильевич Филипенков родился 10 мая 1952 года в деревне Заборье Руднянского района Смоленской области. «По окончании училища в 1969 году был отправлен на работу на Первомайский стекольный завод Шумяцкого района. В 1970 году был призван на службу, а уже в сентябре 1974 года переехал на место жительства в поселок Шумячи, где работал в Шумяцком ДРСУ рабочим. Первые наброски стихотворений появились в 7 классе» [7, 3].

Литературные критики не раз обращали внимание на творческие дарования Владимира Филипенкова. Были различного вида отзывы, не связанные с лингвистическим направлением. Уникальность нашей работы заключается в анализе речевой оформленности, языковой структуры стихотворений В.В. Филипенкова. О любом поэте лучше всего говорят его произведения: в них боль, радость, надежда...

В литературном художественном тексте зафиксировано название, соотносимое со всеми разрядами имен собственных в тексте – *литературный антропоним*. «Литературными антропонимами обозначают все имена собственные при номинации персонифицированных художественных образов. Для поэтической ономастики таким термином является *поэтоним*» [6, 412].

Имена собственные разнообразны по структуре и по семантике. Историю возникновения, значение и смысл, связь с окружающей природой, а также метаморфозы, происходившие с ними на протяжении разных эпох, изучали и изучают, следовательно, данные слова являются отражением культурного кода для носителя языка. В сборнике стихотворений «В Созвучии с душой» В.В. Филипенкова отмечается обращение к религиозным и библейским мотивам, упоминаются знаки зодиака, используются топонимы, урбанонимы, антропонимы, астрономимы, дримонимы и иные онимы. В сборник включено 140 стихотворений, из них 45 вхождений с именами собственными (32 %). Исследование данных вхождений продемонстрировало, что каждая позиция в тексте имеет некую обусловленность.

Адресуя свои стихотворения конкретным лицам, автор не упоминает их имена в самих текстах. В стихотворениях с эпиграфами не используются имена собственные, а собственно эпиграф задаёт тон произведению, не ограничивая полёт творческой фантазии лишь лирическим субъектом.

Отмечается, что слово красота коррелирует с такими топонимами в тексте, как Русь, Россия, Родина. Данная характерная черта отражает общее отношение автора, раскрывает глубину взаимодействия внешнего субъекта и внутреннего отношения к нему. Малая родина в стихотворениях поэта – деревня Заборье в Демидовском районе Смоленской области – упоминается 4 раза. Насчитывается 9 вхождений топонимов, из них слово Россия – самое частотное.

Насчитывается 4 вхождения антропонимов: Вовка, Манька, Володенька, Марья. Лирическое я в произведениях имеет сугубо полемический характер, отражающий приверженность поэта с крестьянской душой к философской лирике, которая обусловлена контекстами произведений.

Наличие религиозных мотивов из библейских заповедей говорит нам о том, что мирное сосуществование на земле всегда обусловлено чем-то конечным и связь с божественными силами ощущается на уровне ментальном, в духовном плане идет отражение действительности, которая выражена графически: Имя собственное Господа Бога преимущественно выражено с заглавной буквы, описание мирского бытия происходит зачастую без привилегированных графических инициалов. Самым частотным по количеству вхождений оказалось слово Бог – 11 раз; Господь – 7 раз.

Мы выявили закономерности в общих показателях благодаря подсчётам и сопоставлениям с частотностью употребления, но стоит сказать о том, что в контекстах были имена собственные, использованные единожды и создающие особый эмоциональный фон в прочтении текста.

Таблица №1

Имя собственное	Предметная область, характерная для имени собственного	Контекстное употребление
Завет	Религиозные Библейские мотивы (Название стихотворения)	Завет Будут ли страдания непомерны, И хмелить окажется вино, / Не сходите вы с дороги веры, / Лишь она – в грядущее окно. / ...
Солнечная улица	Урбаноним	На солнечной улице / Лучисто солнце щурится, / И каждый встрече рад, / Где Солнечная улица, / Как праздничный парад, / Улыбками вся светится / От встречи земляков, / Земля для нас здесь вертится, / Срывая жизнь с оков. / ...
Луна	Астронимика	Я выдумал тёплую сказку, / Встречая в пути новый год, / Луна серебристой указкой / Идти не давала в обход.
Новый год	Название праздника	Сказка ... Снежинки мне строили глазки, И ждал впереди Новый год!
Земля	Астронимика	Где-то там в начале света... / Нет деления на прочих, / Души мудрость там роднит, / Что копилась здесь веками / Среди ночи, в свете дня / Мудрецами, чудаками / На планете, что - Земля.
Русский	Этнонимика	Четверостишие С родною землёю / Душа моя связана, / Я - Русский, / И этим всё сказано.

Имя собственное	Предметная область, характерная для имени собственного	Контекстное употребление
Я	Местоименная часть речи (для усиления позиции в тексте)	Я не округлый И не угловатый, И не терплю... ... Я шут немного, / Только не приспешник, И весь в объёме / Собственного Я.
Судьба	Абстрактное имя существительное (для усиления позиции в тексте)	Осеннее ... Вот только многим уж навстречу / Не выйти в осень никогда, / Усталость их свела навечно / С одним названием – Судьба ...
Лесовик	Дримоним	Дождик ... Нас не закружат с ним уловки, / Что приготовил Лесовик, / Мы с ним до ниточки промокли / И ждём заветный солнца блик. ...

Академик В.В. Виноградов в свое время справедливо отмечал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образцах, характеристических функциях и т.п. не может быть иллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [3, 38].

Таким образом, имена собственные в поэтическом произведении могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик. Лирика, включенная в проанализированный сборник, имеет философскую направленность. Благодаря именам собственным читатель обращает внимание на определенные позиции в тексте, чему способствует графическая передача, а также особенности внутренней семантики онимов.

Литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов / В.Д. Бондалетов. М.: Просвещение, 1983. – 188 с.
2. Вопросы антропоники. Выпуск 1. Сборник статей / Составитель и редактор А.И. Назаров. Алматы, 2003. – 84 с.
3. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов // Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с
4. Горбаневский, М.В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – Москва: Знание, 1983. – 192 с
5. Королёва, И.А. Ономастические пространства и поле в языке / И.А. Королёва // Русская речь. – 2003. – №2. – С. 85–86.
6. Основы литературоведения: Учебное пособие для студентов педагогических вузов / В.П. Мещеряков, А.С. Козлов и др.; под общ. ред. В.П. Мещерякова. – М.: Дрофа, 2003. – 416 с
7. Филипенков В.В. В созвучии с душой: стихи / В.В. Филипенков. – Смоленск, 2020. – 147 с.

А.А. Кормилаева

Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского
e-mail: akormilaeva@rambler.ru

Научный руководитель: Разумов Р.В., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.1'373.2

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНТРОПОНИМОВ В РАСКРЫТИИ
ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА РАССКАЗА Ю.БУЙДЫ «ВАНДА БАНДА»**

Ключевые слова: *литературная ономастика, поэтоним, антропоним, прозвище, этимология.*

В статье рассматриваются антропонимы, функционирующие в рассказе Юрия Буйды «Ванда Банда». На основе анализа этимологии имен собственных анализируется их влияние на формирование художественного образа, выявляется смыслообразующий потенциал поэтонима и его роль в формировании концептуального плана текста. Автор выявляет основные функции имен собственных в ономастическом пространстве художественного текста Юрия Буйды.

А.А. Kormilaeva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

**THE SYMBOLIC FUNCTION OF ANTHROPONYMS
IN AN IDEOLOGICAL-THEMATIC INTERPRETATION OF THE STORY
BY YU. BUIDA "WANDA BANDA"**

Key words: *literary onomastics, poetic names, anthroponym, byname, etymology.*

The article considers the anthroponyms, which pass into the category of poetic names in the story of Yuri Buida "Wanda Banda". The influence on the formation of a word picture is analyzed, based on the analysis of the etymology of proper names. The semantic potential of the poetic names is revealed as well as its role in the formation of the conceptual layout of the text. The major features of proper names in the onomastic space of the literary text are noted during the study.

Литературная ономастика как самостоятельная научная дисциплина начинает формироваться в 1950–1960-е гг. в связи с возрастающим интересом исследователей к функциональным возможностям и структурно-языковой специфике имени собственного. Лингвисты указывают на особое положение антропонимов и топонимов в литературе и приравнивают их к экспрессивным элементам, которые участвуют в формировании авторского замысла и раскрывают идейно-тематическое содержание конкретного текста: «Подобно другим средствам языка, имена собственные, будучи использованными в контексте художественного произведения, начинают жить и восприниматься в „сложной и глубокой образной перспективе – перспективе художественного целого“» [4, 107].

Выбор и введение онимов в произведение зависит исключительно от стилистической манеры конкретного писателя или поэта. Как отмечает М.И. Кузьмина, «литературный оним может участвовать в продуцировании эстетически важных ассоциаций в художественной речи <...> В современной русистике литературный

оним может рассматриваться как один из художественных приемов, формирующих концептуальный план у всего текста, имя собственное изучается как репрезентативная единица концепта» [3, 71, 74].

Мы считаем, что имена собственные в пределах ономастического пространства художественного текста выполняют в основном символическую и стилистическую функции и являются важным средством характеристики героя. Они усиливают впечатление от прочитанного и помогают раскрыть скрытый подтекст. Антропонимы («говорящие» имена и фамилии) являются постоянным и важным компонентом любого литературного произведения, так как они участвуют в углублении психологизма произведения.

В данной статье мы рассмотрим функционально-стилистическую нагрузку антропонимов в рассказе Ю. Буйды «Ванда Банда». Актуальность исследования обусловлена малой изученностью современной русской прозы и особым творческим методом конкретного писателя. В центре внимания автора находятся такие философские категории, как душевная красота и уродство, одиночество, любовь, смерть. В статье «Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды» лингвисты отмечают особенности хронотопа рассказов данного писателя: «В его произведениях происходит пересоздание реальности, размывается грань между сном и явью, что побуждает к поиску мира иного <...> Как правило, герои Буйды живут в духовном вакууме, в мире, где нет места любви. Преодоление одиночества часто происходит у них странным, порою абсурдным образом» [5, 252, 254]. Так, стилистическая манера этого автора заключается в существовании двоимирия, интертекстуальности.

В название рассказа «Ванда Банда» вынесены имя и прозвище главной героини, что позволяет нам говорить о принципиальной значимости этого антропонима в ономастическом пространстве художественного текста. Этимология личного имени *Ванда* неясна: «1. Др.-рус. – возможно, женск., к *Вандыш* (этимологию см. ниже – А.К.). 2. Нов. календ. – из польск. *Ванда* – имя мифич. польск. королевы, возможно, связано с др.-лит. божеством *Вандой*, недружелюбным, злым. 3. Болг. ласк. к *Ивана*» [7, 366]; «Вандыш – др.-рус. – мелкая рыбка; переносно: малыш» [7, 137]. Ассоциативно антропоним также может соотноситься с апеллятивом *вандал*, что подчеркивает особенности поведения персонажа. Юрий Буйда использует гиперболу и антитезу при описании внешности главной героини с целью подчеркнуть ее физическую силу, которая сочетается с ранимостью, стремлением к красоте: «*Вот у них-то и родилась Ванда Банда, самая сильная в мире женщина <...> Ее необыкновенный дар проявился уже в раннем детстве, когда семилетняя девочка принесла домой упившуюся мать и только тогда обнаружила, что всю дорогу матушка не выпускала из рук мешок с украденной на ферме трехпудовой свиньей <...> усики она украшала крошечными серебряными колокольчиками*» [1, 89]. Писатель указывает на нелегкую судьбу Ванды: с самого детства хрупкий ребенок вынужден был стать морально сильнее и ответственнее, чтобы заботиться о пьющих родителях. Рано осиротевшая главная героиня никогда не чувствовала любви от отца или матери. Автор объясняет причину появления у Ванды прозвища: «*Одноклассники вскоре поняли, что с Вандой, получившей прозвище Банда, лучше не связываться: одним ударом она валила десяток хулиганов <...> Повзрослев, она для устрашения противников голыми руками разорвала пополам живую кошку*» [1, 89]. Внешне пугающая «богатырская» сила становится маской защиты девушки с тонкой душевной организацией от насмешек окружающих ее людей. Прозвище *Банда*, принадлежащее главной героине, построено на приеме метонимии: разрушительное воздействие одного человека уподобляется целой группе людей,

что еще раз подчеркивает силу духа Ванды, чья истинная красота скрыта под маской грубости и жестокости. Так, этимология антропонима *Ванда Банда* и его ассоциативная связь с апеллятивами помогает автору раскрыть двойственность образа главной героини. Оним является средством характеристики персонажа.

Перед тем, как перейти к интерпретации функций других прозвищ, кратко изложим фабулу рассказа. После описания несчастливого детства Ванды фокус читательского внимания смещается на дальнейшие попытки главной героини выйти замуж за мифического персонажа – тридцатисантиметрового человечка, найденного в саду. Жители городка с насмешкой относились к наивной Ванде до случившегося несчастного случая: большой черный кот главной героини в отсутствие хозяйки съедает ее возлюбленного. Ванда не выдерживает душевного потрясения, теряет смысл существования и умирает. В местной больнице жителям города открывается секрет Ванды: под грубым башмаком из свиной кожи, который героиня никогда не снимала, *«левая нога была ножкой маленькой, изящной, божественно красивой, с жемчужными ноготками»* [1, 96]. Так, с помощью аллюзии на сказки «Мальчик с пальчик» и «Царевна-лягушка» Юрий Буйда в рассказе «Ванда Банда» доносит до читателей мысль о силе глубокой любви, которая окрыляет человека и заставляет открыться этому миру, пожертвовать своим спокойствием и даже жизнью ради другого человека. Душевная красота, глубокий внутренний мир скрыт под маской неприступности, черствости.

Обратим внимание на образ мифического возлюбленного Ванды Банды, которого героиня однажды находит в своем саду и проникается к нему жалостью и искренним чувством: *«Она назвала его Мыней, образовав прозвище от слова „мышонок“. Она соорудила ему одежду и постель, купила игрушечную мебель и посуду и заколотила дверь в гостиную огромными ржавыми гвоздями, чтобы человек случайно не стал жертвой кровожадного черного кота. Влезая после работы в окно спальни, она испытывала неведомую ей прежде радость лишь оттого, что в уголке, где было устроено Мынино жилье, горит свет»* [1, 91]. Нам кажется, что стилистическая окраска онима Мыня, а также большое количество имен существительных с уменьшительными суффиксами (*человечек, личико*), которые главная героиня употребляет в речи по отношению к мужчине, не столько выполняют номинативную функцию, сколько раскрывают характер Ванды как нежной, чуткой женщины. Любовь для героини – это забота о ближнем, стремление защитить его от жизненных невзгод. Именно поэтому Ванда шьет для Мыни лилипутскую одежду, делает крошечную мебель, интересуется его прошлой жизнью. Главной героине не удается спасти возлюбленного от черного кота по кличке Черт: *«Увидев человечка, черный кот обезумел. От его рывка стол упал набок, шелковая петля соскочила с ножки, и зверь одним прыжком наступил бросившегося бежать Мыню. Кошачьи зубы сомкнулись на его шее»* [1, 95–96]. Кот Ванды олицетворяет все невзгоды жестокого мира, с которыми вынужден столкнуться человек. Кличка домашнего питомца неслучайно вводится в самом начале рассказа: *«...предложение Буянихи назвать его Чертом тотчас отвергла: Этого? Тогда он обязательно и станет чертом»* [1, 90]. Подобная интродукция антропонима создает прием предвосхищающей развязки и позволяет читателю заранее узнать трагичный исход романа Ванды и Мыни – представителей земного мира и мифической страны Гдетии.

Мы отметили, что в рассказе Юрия Буйды наблюдается большое количество прозвищ, которые объединены по структурным и функциональным признакам. На наш взгляд, эти онимы выполняют значимую символическую функцию и раскрывают нравы города, в котором живет главная героиня. Во время посещения

Вандой парикмахерской читатель знакомится с двумя персонажами – *Буянихой* и *Тарзанихой*, которые по-своему объясняют неопытной главной героине суть любви: «*Это что-то вроде уродства, – объяснила Буяниха. – То, без чего ты не можешь обойтись, хотя и хотела бы. Ну, скажем, горб у красавицы. Или красота*» [1, 90]. Так, искаженные познания о возвышенном чувстве, уподобление его болезни, внешнему недостатку, подчеркивают духовную неразвитость, пустоту жителей города. Юрий Буйда также объясняет причину появления прозвища у другой героини: «*...у немой Тарзанихи, получившей прозвище после смерти мужа, когда она принялась раз-другой в месяц забираться на дерево во дворе, чтобы побыть в одиночестве...*» [1, 89]. Мы считаем, что данный антропоним придает живость, саркастичность словам рассказчика. Так, при обращении к ономастическому пространству художественного произведения читателю становится понятна еще одна черта творчества Ю. Буйды, которая заключается в использовании постоянной иронии. Отметим, что герои как носители определенных прозвищ являются трансляторами мыслей писателя. Прозвища *Буяниха* и *Тарзаниха* сходны: они имеют одинаковый суффикс *-их-*, который в русском языке используется для образования имен существительных со значением названия самок животных или лиц женского пола по профессии. Так, Ю. Буйда наделяет персонажей прозвищами с негативной коннотацией с целью подчеркнуть их душевные недостатки, например, узкий кругозор, глупость, жестокость. Подтверждение этой мысли мы находим в эпизоде бракосочетания Ванды с ее возлюбленным. Свадьба главной героини и Мыни превращается в объект насмешек для городских жителей: «*По соображениям конспирации церемония была назначена на раннее утро, но Ванде стало известно, что поглазеть на ее суженого сбегутся все, кроме умирающих, новорожденных и заключенных местной тюрьмы <...> Ей бы коня в мужья, – проворчала Буяниха. – Первый раз в жизни вижу лошадь, которая выходит замуж за сено*» [1, 94]. Обыватели язвительны, не верят в искренность чувств, им непонятно чужое счастье. Единственным их развлечением становится распускание слухов. Пренебрежительный оттенок имеет прозвище и другого персонажа: «*Председатель поссовета Адольф Иванович Кацнельсон, по прозвищу Кальсоныч, <...> за бутылку самогона сострепал для мышонка бумаги, удостоверяющие, что он действительно является человеком*» [1, 94]. Несмотря на то, что герой имеет трехсоставную модель именования, всем жителям он известен исключительно по прозвищу. Так, автор создает сниженный образ человека, безответственно относящегося к своей работе.

От жителей города, имеющих прозвища с негативной коннотацией, отличается местный врач, которого автор номинирует *Шеберстовым*. Интересно, что только этот герой назван официально по фамилии. Нам кажется, такая модель именования социально обусловлена: единственный интеллигентный человек в городе, отличающийся терпеливостью, серьезностью и ответственностью, морально возвышается писателем над остальными горожанами. Можно подчеркнуть связь антропонима *Шеберстов* с апеллятивами *шеберстить* ('шуршать, царапать'), *шеберсткий* ('чуткий'), которые мы встречаем в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [2]. В связи с этим стоит сказать, что данное имя собственное становится средством характеристики героя и раскрывает идейно-тематическое содержание рассказа: только участливый доктор смог дойти до истины и узнать секрет Ванды: «*Доктор Шеберстов так долго возился с заскорузлой шнуровкой, что некоторые медсестры и санитарки, не выдержав напряжения, попадали в обморок*» [1, 96]. Юрий Буйда подчеркивает, что душевную красоту может увидеть и понять не каждый.

Таким образом, в рассказе Юрия Буйды «Ванда Банда» антропонимы выполняют значимую символическую и стилистическую функции. Прозвища с негативной или положительной эмоциональной окраской являются одним из главных языковых средств, характеризующих внутренний мир и качества героев.

Литература

1. Буйда, Ю. Прусская невеста: роман в рассказах / Ю. Буйда. – М.: Эксмо, 2015. – 704 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: словарь / В.И. Даль. – М.: Олма-Пресс: Крас. Пролетарий, 2004. – 700 с.
3. Кузьмина, М.И. Имя собственное в художественной речи / М.И. Кузьмина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – Вып. №2. – С. 70–76.
4. Печетова, Н.Ю. Роль имени собственного в создании образа персонажа художественного произведения (на примере произведений Л. Улицкой) / Н.Ю. Печетова, М.В. Михайлова // Вестник СВФУ. – 2015. – Вып. 1. – С. 106–111.
5. Прохорова, Т.Г. Формы инобытия в новеллистике Юрия Буйды / Т.Г. Прохорова, И.Г. Загфарова // Филология и культура. – 2016. – Вып. 1. – С. 251–255.
6. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 365 с.
7. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.

А.А. Кручинина

Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского
e-mail: kruchinina.a.99@mail.ru

Научный руководитель: Разумов Р.В., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.1'373.2

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛИОНИМОВ И ПОЭТОНИМОВ В ОФИЦИАЛЬНОМ ГОРОДСКОМ ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *городское онимическое пространство, мотив номинации, библионим, поэтоним, коннотоним, урбаноним, эргоним.*

В статье представлено использование библионимов и поэтонимов при официальной номинации внутригородских объектов России. В основе подобного использования библионимов и поэтонимов лежит реализация коннотаций, связанных с исходным онимом. В этом случае происходит актуализация лингвокультурных представлений носителей языка о первичном ониме, подчеркиваются его свойства, сформировавшиеся в языковом сознании человека.

А.А. Kruchinina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

SPECIFIC FEATURES OF FUNCTIONING OF THE BIBLIONYMS AND POETONYMS IN OFFICIAL URBAN SPACE

Key words: *urban onomastic space, nomination motives, biblionym, poetonym, connotonym, urbanonym, ergonym.*

The article presents the use of biblionyms and poetonyms at official nomination of intracity objects of Russia. The basis of such using of biblionyms and poetonyms is the realization of connotations connected with the original onym. In this case, we can observe the actualization for the linguocultural ideas of native speakers about the original onym that is emphasized with its characteristics. These characteristics are formed in the human linguistic consciousness.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики обусловила обращение ученых к изучению современной языковой картины мира, описанию универсальных и специфических особенностей того или иного народа. Одним из направлений подобного анализа может стать выявление особенностей онимической картины мира, сложившихся представлений об особенностях употребления в речи имен собственных, причин их вторичного использования для наименования новых объектов, не связанных с исходным денотатом. Данное направление исследований сформировалось под влиянием работ Е.С. Отина, предложившего термин *коннотоним*, под которым ученый понимал «собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [3, 279]. В настоящее время исследование коннотонимии русского языка активно продолжается волгоградскими [1; 3; 7] и ярославскими [5] коллегами.

В нашей работе мы рассмотрим особенности использования библионимов (заглавий литературного произведений) и поэтонимов (имен собственных, встречающихся в художественном тексте) при официальной номинации объектов, расположенных в городе.

Любое имя собственное становится знаком культуры и в процессе функционирования приобретает многочисленные ассоциации. Библионимы и поэтонимы как явления культуры изначально наполнены многообразными смыслами, которые закладывал в них автор. При вторичном употреблении они способны их актуализировать, а также развивать новые коннотации, воздействовать на потребителя. Подобное вторичное использование имен собственных является одним из проявлений креативных способностей языковой личности. Как отмечают Е.Н. Ремчукова и Л.Р. Замалетдинова, «есть определенная специфика в развитии сферы городской номинации именно в России: для нее характерно творческое (креативное) использование языковых средств. Поэтому интенсивный интерес отечественной лингвистики к урбанонимам современного русского мегаполиса обусловлен общим интересом русистики к многообразной креативной речевой деятельности в современном коммуникативном пространстве России» [6, 88].

Библионимы и поэтонимы активно употребляются при создании эргонимов различных объектов. Данная традиция берет свое начало в советском нейминге, где подобные онимы использовались как при создании названий детских и подростковых учреждений (клуб «*Алые паруса*», Вологда, Тюмень; детские сады «*Золотой ключик*», «*Теремок*», «*Дюймовочка*» и др., Рыбинск), так и коммерческих организаций (кафе «*Золотая рыбка*», магазин «*Ярославна*», Рыбинск).

В постсоветскую эпоху в эргонимии по-прежнему активно используются библионимы и поэтонимы, связанные с детской литературой. Так, среди современных названий детских садов нам встретились названия «*Дюймовочка*» (Абакан, Десногорск, Демянск, Людиново), «*Красная шапочка*» (Псков, пос. Красные Ткачи), «*Русалочка*» (Киров, Тамбов, Ульяновск, Подольск, Нижний Новгород), «*Золотая рыбка*» (Сочи, Краснодар), «*Аленький цветочек*» (Коряжма, Москва), «*Че-*

бурашка) (Переславль-Залесский), *«Буратино»* (Брянск, Когалым, Курган, Удомля, с. Ишли, Пильна, Усть-Ламенск), *«Мальвина»* (Тамбов, Ульт-Ягун, Улан-Удэ, Ки-нешма, Ульяновск, Псков). Уменьшительно-ласкательные суффиксы, часто встречающиеся в составе подобных онимов (*«Красная шапочка»*, *«Русалочка»*, *«Золотая рыбка»*, *«Аленький цветочек»*), подчеркивают возраст его посетителей, а сказочность имен связывает с детской аудиторией.

«Детские» поэтонимы и библионимы часто используются в названиях организаций, производящих или продающих продукцию для детей или оказывающих ориентированных на них услуги: магазин игрушек *«Незнайка»* (Ярославль), Театр кукол *«Гулливвер»* (Курган), студия детского праздника *«Мальвина»* (Набережные Челны), школа танцев *«Мальвина»* (Череповец), школа раннего развития *«Мальвина»* (Тверь), детский развивающий клуб *«Мальвина»* (Белгород), сеть товаров для детей и школа *«Буратино»* (Вельск), детский клуб *«Буратино»* (Новоутиинск, Южноуральск, Череповец, Великий Устюг), дошкольно-образовательный центр *«Буратино»* (Оренбург), магазин детских товаров *«Маленький принц»* (Ярославль), магазин игрушек *«Маугли»* (Пермь), магазин детской одежды *«Маугли»* (Уфа, Краснокамск, Киров, Озерск), детский центр *«Маугли»* (Екатеринбург), детский игровой клуб *«Маугли»* (Липецк), веревочный парк *«Маугли»* (Ухта, Ижевск), спортивно-гимнастический клуб *«Маугли»* (Ногинск, Минск), школа единоборств для детей *«Маугли»* (Котлас). Все перечисленные названия позитивно воспринимаются потребителями услуг, так как они ассоциируются с детством. При создании эргонима номинаторы часто актуализируют те качества и навыки, черты характера, которые были свойственны персонажу: ловкость (скалодром *«Маугли»*, Братск; спортивно-гимнастический клуб *«Маугли»*, Ногинск, Минск), мастерство (студия шитья *«Золушка»*, Мценск), грацию (клуб бального танца *«Золушка»*, Озерск), ум и рассудительность (школа раннего развития *«Мальвина»*, Тверь; детский развивающий клуб *«Мальвина»*, Белгород).

Библионимы и поэтонимы, встречающиеся в произведениях детской литературы, могут использоваться и при номинации организаций, чья деятельность ориентирована на взрослую аудиторию: кондитерская *«Дюймовочка»* (Оренбург), магазин цветов *«Аленький цветочек»* (Новороссийск, Брянск), магазин рыболовных снастей *«Золотая рыбка»* (Ярославль), рыбный магазин *«Золотая рыбка»* (Кострома), кафе *«Золотая рыбка»* (Рыбинск), ломбард *«Золотая рыбка»* (Челябинск), зоомагазин *«Золотая рыбка»* (Череповец), магазин разливного пива *«Золотая рыбка»* (Сочи), благотворительное сообщество по защите бездомных животных *«Кошкин дом»* (Ярославль, Альметьевск), приют *«Кошкин дом»* (Тольятти, Сыктывкар, Калининград), ветеринарная клиника *«Маугли»* (Луганск), сеть магазинов верхней одежды *«Снежная королева»*, салон красоты *«Снежная королева»* (Дмитров), магазин постельного белья *«Спящая красавица»* (Нефтеюганск). Подобные эргонимы указывают на ассортимент товаров и услуг, специализацию организации, то есть такие наименование являются идентифицирующими.

Использование библионимов и поэтонимов из взрослой литературы ориентировано на реализацию идентифицирующей функции: они указывают на профиль заведения, его отличительные особенности. Связь исходного онима с эргонимом в этом случаях является чисто внешней, она актуализирует значение исходного денотата одного из слов, входящих в состав онима. Подобную картину мы наблюдаем у библионима *«Синяя борода»*, который используется при наименовании учреждений, предназначенных для мужской аудитории: товары для мужчин *«Синяя борода»* (Тамбов, товары для ухода за бородой), пивной бар *«Синяя борода»*

(Чайковский, Иваново). Очевидно, что в данном случае не учитываются коннотации исходного онима, связь с заведением является поверхностной. Аналогичную картину мы наблюдаем в эргонимах мебельный магазин и магазин по реставрации мягкой мебели «12 стульев» (Москва), ресторан «Плюшкин» (Санкт-Петербург) и т.д.

Библионимы и поэтонимы стали использоваться и при создании коммерческих ойкодомонимов – названий жилых комплексов – пограничного разряда имен собственных, имеющего черты как урбанонимов, так и рекламных имен [4]. Подобные названия часто апеллируют к конкретным характеристикам объекта, ассоциативно связанным с исходным библионимом. Например, жилой комплекс «Алые паруса» (Москва) расположен рядом с рекой, при его строительстве использовался кирпич красного цвета. Если взглянуть на объект со стороны, то он напоминает корабль с рядом алых парусов. Ассоциация с библионимом активно подчеркивалась в рекламе жилого комплекса: «Сначала мало кто верил в чудо. Потом все удивлялись. Теперь им восхищаются». Связь названия жилого комплекса «Синяя птица» (Москва) с исходным библионимом подчеркивается изображением фигур птиц на крыше, другие ассоциации с исходным онимом отсутствуют, имя выступает как позитивно воспринимаемый символ счастья. Аналогичную картину мы наблюдаем и при использовании в названии жилого комплекса библионима «Тихий Дон» в Ростове-на-Дону. В ойкодомониме обыгрывается лишь поверхностная связь: расположение рядом с историческим центром города и акваторией реки Дон.

Представленные в нашем исследовании материалы позволяют говорить об активном использовании библионимов и поэтонимов при вторичной номинации объектов в различных городах России. Они активно пополняют состав русских коннотонимов, поэтому их дальнейшее изучение позволит расширить наши представления о данном явлении. Без знания культурного контекста сложно интерпретировать городские наименования с коннотативными значениями.

Литература

1. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки: монография / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2020. – 199 с.
2. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания: словарь / И. В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2021. – 225 с.
3. Отин, Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. – Донецк: «Донечина», 1997. – 470 с.
4. Разумов, Р.В. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 76–97.
5. Разумов, Р.В. Коннотативная микроурбанонимия российских городов / Р.В. Разумов // В пространстве имен: Материалы I Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина, Донецк, 16–18 октября 2015 года. – Донецк: Фонд «Азбука», 2016. – С. 94–102.
6. Ремчукова, Е.Н. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности / Е.Н. Ремчукова, Л.Р. Замалетдинова // Ценности и смыслы. – 2016. – №6. – С. 87–95.
7. Хвесько, Т.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода в языковом сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование) / Т.В. Хвесько, И.В. Крюкова, О.В. Врублевская // Язык и культура. – 2020. – №50. – С. 115–128.

А.Ю. Кутачева

ФГБОУ ВО «Смоленская государственная сельскохозяйственная академия»

e-mail: kutachieva96@gmail.com

Научный руководитель: Соловьев А.Н., кандидат филологических наук, доцент

УДК 81.373.221

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЗВАНИЙ СОРТОВ ЛЬНА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: имя собственное, льноводство, ономастика, сортовое название, характеристика.

В данной статье рассматриваются названия сорта льна как объект исследования ономастики. Предлагается классификация названий сортов льна России и Беларуси по их семантическим, количественным и географическим характеристикам, приводятся некоторые зарубежные названия, обозначаются принципы получения сортом своего фирменного названия.

A.Y. Kutacheva

Smolensk State Agricultural Academy

ONOMASTIC CHARACTERISTICS OF THE NAMES OF RUSSIAN AND BELARUSIAN FLAX VARIETIES

Key words: a proper name, flax cultivation, onomastic, name of flax variety, characteristic.

In this article names of flax varieties are considered as an object of onomastic. The classification of varieties' names in Russia and Belarus is proposed by semantic, quantitative and geographical characteristics, examples of some foreign names of group are given. The principles of obtaining by flax variety its brand name are defined.

В культурном коде России и Беларуси лён имеет большое значение. У восточных славян льняное полотно, волокна и нить использовали при совершении обрядов от недобрых сил, также в народе существовали поговорки и поверья: «кукушка закуковала – пора сеять лён», «лён стели к бабьему лету, а подымай к Казанской», «посеешь лён – пожнешь золото».

В настоящее время лидером по производству льняных тканей является Франция, её продукция на рынке льна составляет более 60 %, далее следуют Бельгия и Египет, суммарно 26 %, затем Беларусь – 6 %, и Россия 3 %, так как отечественное льноводство направлено на технические цели [5]. В России крупнейшими центрами по сортоиспытанию и производству сортов являются Всероссийский научно-исследовательский институт льна (Торжок), ФГБНУ ФНЦ ВНИИМК им. Пустовойта (Краснодар), ФГБНУ «Федеральный Научный центр лубяных культур» (Тверь). В Беларуси – это Институт льна НАН Беларуси, ведущее научно-исследовательское учреждение республики Беларусь (агргородок Устье), РУП «Могилёвская областная сельскохозяйственная опытная станция НАН Беларуси» (п/о Дашковка). Именно здесь появляются названия, которые мы исследуем в данной статье – брендовые названия сортов льна.

Сортовые названия, по классификации А. Суперанской, не относятся к классу **фитонимов** ([phyto – растения + онум – имя], которые, зачастую, причисляются к группе топонимов, урбанонимов), им определено отдельное положение вместе с **фирменными** названиями [2, 193]. Суперанская также отмечает, что данные названия занимают промежуточное положение между именами нарицательными и собственными, поясняя это постепенной апеллятивацией фирменных имён с течением времени: «...становясь общим обозначением сорта или вида товара, название может утратить специфические черты, которые были с ним первоначально связаны, т.е. расширить объем его применения...» [2, 193]. Достаточно часто в пример приводятся сорта яблок, которые в обиходе употребляются уже как имена нарицательные – «компот из антоновки» и тп.

Получение информации и сбор данных в ономастике может являться делом достаточно трудоёмким. В открытых данных из интересующих нас сведений содержатся исключительно названия сортов – имена, но мотивация нарицания практически нигде не обозначается, эта информация часто остается среди небольшого круга человек, имеющих отношение к организации-оригинатору сорта. По состоянию на 2022 год, в России и Беларуси одобрены к использованию 175 сортов льна-долгунца, льна масличного, также декоративного, красноцветкового (Россия), крупноцветкового и многолетнего (Беларусь), 14 сортов используются на территории двух государств.

В некоторых случаях понять мотивацию появления того или иного названия достаточно сложно, особенно это касается трансонимизации – перехода имени собственного в нарицательное. Мы обращались с запросами во ВНИИМК им. Пустовита, где нам дали следующую характеристику названий выведенных ими сортов: «Как правило, в названии сортов увековечено либо имя самого селекционера, либо близкого человека, чьей памяти таким образом отдается дань. Либо название является собирательным исходя из хозяйственно-ценных признаков сорта. Например, для сорта Нилин характерно Низкое содержание ЛИНолоеновой кислоты в масле».

Согласно правилам по присвоению названия селекционному достижению, «...Сорт растения, порода животного (далее – сорт) должны иметь название, предложенное заявителем и одобренное Госкомиссией, которое является уникальным для данного рода. Любое лицо, использующее сорт, должно применять то его название, которое зарегистрировано в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений или в Государственном реестре селекционных достижений, допущенных к использованию...». Семизначный номер, указанный перед названием каждого сорта, является регистрационным уникальным кодом сорта.

Для создания названия сорта требуется избегать неприемлемых конструкций [4, 1–5]:

- названия, вводящие потребителя в заблуждение относительно идентичности нового сорта известному сорту/виду/таксономической единице; создающих ложное представление о качествах сорта; указывающие на место/район, не имеющие отношения к сорту;
- термины, употребляемые в названии семенного материала/воспринимаемые не как сортовые;
- противоречащие правилам орфографии, гуманности и морали;
- труднопроизносимые для потребителя названия, или состоящие из несогласуемых друг с другом сочетаний цифр/слов;

- термины, используемые в повседневной речи, и затрудняющие реализацию материала;
- названия, на которые заявитель имеет определённые права или приоритет;
- название, создающее ложное впечатление о личности селекционера.

Остановимся подробнее на каждой из групп сортов и приведём наиболее показательные примеры онимов. Мы можем отметить, что в России сорта именуют достаточно часто по тем признакам и качествам, какими обладает создаваемый продукт, а, например, зарубежные сорта нередко называют именами людей или по оригинатору.

Первая большая группа названий – по характеристике цветка. Многим известно, что лён цветёт нежно-голубыми красивыми цветками, и от этого появляются такие названия сортов как **Александрит, Азурит, Бирюза, Василёк, Лазурный, Росинка, Синель, Синичка** и др. (Россия [1, 99, 135]), **Блакит, Пралеска, Ручеёк, Сапфир** (Беларусь). Также существует технический лён-долгунец и декоративный с белыми цветками, что, как правило, отражается в названии сорта: **Белочка, Альбатрос, Детство, Диамант** (чистый белый) [1, 451]. Красноцветковый лён имеет сортовое название **Пламя** (Россия), [1, 451] **Рубин** (Беларусь).

Следующая группа названий сортов – антропонимы, эти названия достаточно часто в русский язык переходят из зарубежных сортовых названий: **Агата, Артём, Лада, Мелина** (NL, здесь и далее используются традиционные аббревиатуры, обозначающие страны), **Мерилин** (NL), **Памяти Крепкова** и др. (Россия), [1, 99, 135–136] **Лаура, Йитка** (CZ), **Ализе, Лирина** (DE), **Мара, Лизетта** (NL) (Беларусь). В эту же группу можно отнести некоторые названия сортов – мифологические имена: **Веста, Добрыня, Орион, Еруслан** (Россия), [1, 99, 135–136] **Дракар, Арамис (FR)** (Беларусь).

Перейдем к наиболее информативной группе названий – характеристики сорта. Здесь отражены либо наиболее ценные аграрные свойства растения, либо ярко выраженные: **Амбер** (янтарь), **Дипломат** (экспортная перспектива), **Зарянка** (раннеспелый), **Крепыш** (устойчивый к болезням), **Квартет** (4 создателя сорта), **ЛМ98** (лён масличный), **Универсал, Август, Нилин, Рациол** (зарубежное брендовое название масла), **Санлин** (повышенное содержание омега-3 в масле), **Санрайс** (очень раннее созревание) (Эконива), **Снегурок** (первый зимующий сорт льна) (Россия) [1, 99, 135–136], **Алей, Грант, Нива, Эверест** (высокорослое растение), **Ярок** (Беларусь).

Следующая группа названий, связанная с характеристиками сорта – абстрактные характеристики, эти названия семантически связаны с характеристиками сорта, при этом создают благозвучное название, создающее ассоциации с растением и его свойствами: **Импульс, Каолин, Микс, Северный** (адаптированный в РФ сорт из Марокко), **Тонус, Факел, Славный 82** (Россия) [1, 99, 135–136], **Ветразь, Лира** (струна), **Бренд, Лето, Ива, Малахит, Надёжный, Стойкий** (Беларусь). Существует сорт под названием **Ы-117**, в честь маленького, но скоростного грузового паровоза, тем самым говоря о быстром круговороте сельхозкультур на поле. Мы выделили эти названия в отдельную группу, так как они не указывают прямо на конкретное свойство, но косвенно называют его. Интересны названия **Алтын, Дукат и Талер** – вероятно, это сравнение идёт от хозяйственной ценности производимого продукта.

Абстрактные брендовые названия – не связаны со свойствами растения, скорее, создают позитивное отношение к созданному продукту: **Абакус (AU), Полёт,**

Симфония, Радуга (Россия) [1, 99,135–136], **Визирь, Задор, Сюрприз, Ритм, Салют, Опус, Фокус** (Беларусь). Данная категория и даже примеры названий достаточно часто встречаются среди названий сортов иных сельскохозяйственных культур, тем самым, эти названия имеют больше смысловой нагрузки в плане создания положительного образа сорта в представлении покупателя.

Следующая группа – ономастические названия, сюда входят топонимы, гидронимы (и некоторые этнонимы) как правило, названия населенных пунктов, топографических объектов, где проводилось сортоиспытание, с которыми сорт так или иначе связан: **Смоленский, Сурский, Томский (16, 17, 18), Исилькульский, Кинельский 2000, Уральский, Ялта** (по топониму); **Русич, Смолич, Томич (2, 3)** (по этнониму или катойкониму), **Тверца, Итиль** (гидроним)(Россия) [1, 99, 135–136], **Брестский, Днепровский, Дашковский, Згода** (топонимы) (Беларусь) [3].

Последняя группа названий – по оригинатору сорта, названия в честь организации, на базе которой сорт был получен и её название так или иначе отражено в сортовом названии: **Могилёвский-2, Новоторжский, Псковский (85, 359), Тверской, Торжокский, ТОСТ (3, 4, 5), ВНИИМК (620, 620ФН, 630), Билтстар (BILT Zaden EN Vlas BV, NL)** (Россия)[1, 99, 135–136], **Могилёвский, Билтон (NL)** (Беларусь) [3].

Отметим, что особой разницы в названиях сортов льна-долгунца и льна масличного отметим, что нами этого не было обнаружено.

Таблица 1 – численное количество онимов каждой семантической группы названий сортов льна (Россия и Беларусь)

Характеристика названия	Россия, общ. к-во	Беларусь, общ. к-во
Характеристика цветка	19	7
Антропоним	9	12
Мифологические имена	12	4
Характеристика сорта	26	6
Абстрактные характеристики растения	15	12
Абстрактные брендовые названия	10	13
Топонимы	17	5
По оригинатору	14	2
Семантика не выявлена	4	2
Всего названий	126	63

Как мы видим в таблице 1, наиболее частые названия сортов льна в России относятся к группам «характеристика сорта», «характеристика цветка» и «топонимы». Названия сортов льна Беларуси чаще всего относятся к группам «абстрактные брендовые названия» и «антропонимы». Но отметим, что большую роль играет личность селекционеров, их восприятие сельскохозяйственной культуры, желание увековечить в названии нечто значимое для них, так как новый сорт – результат длительного труда, результат вложения сил и времени.

Названия сортов в России и Беларуси достаточно разнообразны и по-своему интересны. Совокупность товарных наименований является неотъемлемой частью сферы маркетинга, товарных взаимоотношений, где существует большая конкуренция между производителями, и любой фактор может стать решающим для успеха товара, выходящего на рынок, даже название сорта, которое сложностью произношения, политизированностью, абсурдностью или различными не-

приятными ассоциациями может подтолкнуть потенциального покупателя к поиску другого продукта.

Литература

1. Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию. Т.1. «Сорта растений» (официальное издание). – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2022. – 646 с.
2. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Москва: Наука, 1973. – 366 с.

Источники

3. Государственный реестр. / ГУ Государственная Инспекция по испытанию и охране сортов растений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sorttest.by/img/gosudarstvennyu_reyestr_2022.pdf. – Дата доступа: 1.02.2023
4. Правила по присвоению названия селекционному достижению (Утверждено Государственной комиссией Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений 30 августа 1994 г. № 13-3/63 с дополнением от 12 марта 1997 г. № 12-04/3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gossortrf.ru/wp-content/uploads/2019/08/Pravila-po-proisvoeniyu-nazvaniya-seleksionnogo-dostizheniya.pdf>. – Дата доступа: 30.01.2023.
5. Может ли Россия стать главным поставщиком льняных тканей в мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/09/21/vysokij-tekstil.html>. – Дата доступа 3.02.2023.

А.Э. Моисейчик

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
e-mail: anya.moiseychik26@mail.ru

Научный руководитель: Годуйко Л.А., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811. 161. 1'373. 2

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПРАЗДНИКОВ: ГЕОРТОНИМЫ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ МАССОВЫХ ТОРЖЕСТВ)

Ключевые слова: *праздник, имя собственное, геортоним, способ номинации, оним-предложение.*

Статья посвящена фрагменту ономастической картины мира белорусов – названиям студенческих массовых мероприятий. Проанализированы геортонимы в виде предложений. Установлен комплекс используемых в качестве имен собственных праздников синтаксических конструкций; объективирована связь последних с интенциями номинатора.

А.Е. Moiseichyk

Brest State University named after A.S. Pushkin

METHODS OF NOMINATING HOLIDAYS: GEORTONYMS- SENTENCES (USING THE EXAMPLE OF PROPER NAMES OF STUDENT MASS CELEBRATIONS)

Key words: *holiday, proper name, georthonym, method of nomination, onym-sentence.*

The article is devoted to a fragment of the onomastic picture of the Belarusians world – the names of student mass events. Georthonyms in the form of sentences are analyzed. The complex of syntactic constructions used as proper names of holidays is established; the connection of the latter with the intentions of the nominator is objectified.

Праздник с древнейших времен выступает как неотъемлемый элемент культуры. Он всегда был важным событием для социума в целом и каждого индивида в отдельности, воспринимался как уникальная форма эмоционально-символического выражения ценностно-мировоззренческих установок [2]. Специфические черты данного культурного явления находят вербальное выражение, репрезентируются в языковых единицах разных уровней, в т. ч. в именах собственных (ИС) праздников – геортонимах.

Мы обратились к одному сегменту современной геортонимии Беларуси – названиям студенческих праздников, массовых мероприятий. Языковой материал (более 800 ИС) получен методом сплошной выборки из интернет-источников (сайт Министерства образования Республики Беларусь, сайты УВО, новостные порталы).

Геортонимы демонстрируют разные принципы, способы номинации, что находит отражение, в частности, в структуре ИС студенческих праздников: они могут быть одно- и многословными, представлять собой ИС-лексемы (*конкурс «Фотосушка»* и др.), ИС-словосочетания (*праздничный вечер «Розовые очки»* и др.) и ИС-предложения. Последним (их около 300) и посвящено данное исследование. Отметим, что к ИС-предложениям не относим названия, представляющие собой: а) существительные в И. п. (рассматриваем их как онимы-лексемы): *выставка «Молодость»*; *конкурс ораторского мастерства «Цицероний»* и др.; б) именные словосочетания с главным словом – субстантивом в И. п. и определительными смысловыми отношениями (тракуем такие номинации как онимы-словосочетания): *акция «Рождественское тепло»*; *осенний показ «Краса студгородка»* и др.

В качестве мотивирующих для геортонимов востребованы все типы предложений по коммуникативной целеустановке – не только повествовательные, но и побудительные, вопросительные.

Значительный сегмент номинаций составляют онимы, представляющие собой повествовательные предложения (204): *книжный фримаркет «Читаем с любовью»*; *концерт «Вам имя – совершенство...»*, *«Сердца наполнены созвучием весны»*; *конкурс «Счастливы вместе»*; *акция «Стоп вирус»*; *выставка-конкурс творческих работ «Дом, который построил...»* и др. – подобные ИС сообщают о теме / идее праздника, его участниках и т. д.

Геортонимы – побудительные предложения (83) непосредственно обращены к адресату, выступают как названия косвенного воздействия, создают суггестивный эффект [5, 42]. Побуждение в таких ИС выражается: а) глаголами в форме повелительного наклонения: *акция «Дыши свободно!»*, *«Запишись в спортивную секцию!»*, *«Позвони дорогому человеку»*, *«Подари тепло детям»*; *вечер отдыха «Давайте познакомимся»* и др.; б) глаголами в форме будущего времени изъявительного наклонения в значении повелительного: *акция «Соберем макулатуру – сохраним дерево!»*, *«Добавим красок!»*, *«Поздравим маму вместе!»* и др.; в) волеизъявительным междометием с обращением, которое номинирует адресата призыва: *спортландия «А ну-ка, перваки!»* – сленговое *перваки* делает ИС разговорным, демократичным, но при этом несколько снисходительным; *конкурс «А ну-ка, парни!»* – прецедентное ИС отсылает к игровой телепрограмме-конкурсу Центрального телевидения СССР (аналогично – *«А ну-ка, девушки»*); и нек. др. Как видим, побудительные номинации преимущественно характерны для акций, т. е. 'действий, предпринимаемых для достижения какой-либо цели' [2].

В качестве геортонимов зафиксированы вопросительные конструкции (6): а) собственно-вопросительные: *интеллектуальная игра «Что в имени тебе моем?»* – геортоним апеллирует к известному стихотворению А. С. Пушкина: вопросы игры были связаны с биографией и творчеством великого поэта; *праздничная шоу-программа «Кто сверху?»*; *акция «А вы чьи внуки?»*, *«Ради чего стоит жить?»*; *фестиваль молодежи приграничья «С чего начинается Родина?»* – прецедентизм цитирует известную советскую песню В. Баснера на слова М. Матусовского из кинофильма «Щит и меч»; б) несобственно-вопросительные: *акция «Стоит ли рисковать?»* – ИС выражает значение подчеркнутого отрицания. В целом такие номинации, будучи непосредственно обращенными к аудитории, выполняют функцию привлечения внимания, функцию воздействия, создают эффект неожиданности, стимулируют своего адресата принять участие в массовом мероприятии для разрешения проблемного вопроса.

Геортонимы демонстрируют обращение номинаторов праздников, массовых мероприятий к предложениям нейтральным – **по эмоционально-экспрессивной окраске** – и восклицательным.

ИС – нейтральные предложения (184) не имеют ярко выраженной эмоциональности, не делают акцент на сильных чувствах: *акция «Молодежь за безопасность»*, *«Студенты. Безопасность. Будущее»*, *«Посади дерево»*; *литературно-музыкальный вечер «О героях былых времен»*; *футбольный фестиваль «Папа, мама, я – футбольная семья»*; *вечер отдыха «Весна и женщины похожи»* и др.

Геортонимы – восклицательные конструкции (109), наоборот, отличаются экспрессивностью, яркостью, броскостью, «цепляют» свою целевую аудиторию: *турнир «За прекрасных дам!»*; *акция «Мы, молодые – надежда страны!»* – ИС отсылает к гимну БРСМ; *fitness battle «Преодолей себя!»*; *конкурс плакатов «Молодежь без табака!»*; *спортландия «Будь первым!»*; *песенный флешмоб «Споем гимн университета вместе!»* и др.

Среди требований к геортониму называют лаконичность, компактность, запоминаемость, удобопроизносимость. И этому не противоречит использование в качестве ИС гетерогенных структурных типов предложений. Так, в качестве базы для номинаций праздников, массовых мероприятий зафиксированы синтаксические единицы – **по количеству предикативных частей** – и простые, и сложные.

Среди первых в свою очередь отмечены предложения двусоставные, односоставные и нечленимые.

Посредством двусоставных предложений (112) отчетливо реализуется информативная функция геортонимов. Название, в частности, может сообщать: а) об участниках праздника и действии, которое они выполняют / будут выполнять (с глагольными сказуемыми): *проект «Мы памятаем...»*; *акция против наркопотребления «Молодежь говорит нет!»*; *cleanip-акция «Мы заботимся»* и др.; б) об участниках и их качествах, свойствах, квалификации (с именными сказуемыми): *акция «Вместе – мы сильны!»*, *«Студент – посол в школе»*; *игра-квест «Мы – студенты БрГТУ!»* и др.; в) о теме / идее праздника, которая подается развернуто, как утверждение (нередко ИС носят афористический характер): *фестиваль среди студенческих отрядов «Труд Крут»*; *вечер отдыха «Нас всех объединила Беларусь»*; *тематическая выставка «Знания реализуют мечты»* и др.

Двусоставные предложения, выступающие мотивирующей базой для геортонимов, могут быть полными (76; их примеры см. выше) и неполными (36). Последние в свою очередь ярко демонстрируют действие закона речевой

экономии; актуализируют смысловые доминанты, придают ИС – за счет опущения малоинформативных элементов (как правило, сказуемого, выраженное глаголом с ослабленной семантикой) – динамичности: конкурс рисунка на асфальте «Пушкин в сквере универа»; акция «Ты ў сэрцы маім, матуліна мова», «Безопасность – в каждый дом!»; праздник спорта и здоровья «В здоровом теле – здоровый дух!»; фестиваль творчества «Солнце в каждом» и др.

В качестве исходных для ИС отмечены односоставные предложения (полные и неполные): определенно-личные, безличные и инфинитивные.

Определенно-личные предложения (93) в качестве геортонимов делают акцент на действии, которое выполняют / будут выполнять участники студенческого праздника, массового мероприятия: акция «Тренируйся дома», «Протяни руку помощи»; концертная программа «Теплом сердец согреемся, друзья!»; открытие театрально-концертного сезона «Зажги свою звезду»; праздничный концерт «Жыві і квітней, Беларусь!» – ИС отсылает к гимну Республики Беларусь «Мы, белорусы»; творческий конкурс «Дарю валентинку!»; фестиваль здоровья «Начнем с себя!» и др. Глаголы в форме 1-го / 2-го лица становятся своеобразными идентификационными формулами, с помощью которых подчеркивается единство адресата ИС с номинатором торжества, его группой [4, 51]. Закономерно, что нередко подобные конструкции являются побудительными, имеют в своем составе обращения, портретирующие адресата ИС, устанавливающие с ним эмоциональный контакт.

Геортонимы в виде безличных предложений малочисленны (4) и включают в свой состав: а) слова-предикаты со значением модальной оценки действий, которым посвящены массовые мероприятия: акция «Стоит ли рисковать?», «Ради чего стоит жить?»; б) слово *нет*, усиливающее силу проявления чувств номинатора / участников торжества: акция «Нет тебя дороже, Мама!»; конкурс сочинений «Нет сквернословию» – за счет лапидарной, даже категоричной формулировки геортоним приобретает лозунговые черты.

Единичны ИС – инфинитивные конструкции (2): они передают имплицитно выраженные модальные значения необходимости, долженствования, что повышает эффективность воздействия геортонима на целевую аудиторию: творческий вечер к 100-летию А. И. Солженицина «Жить не по лжи»; акция «На что потратить жизнь?».

В качестве названий праздников зафиксированы и неполные односоставные предложения (18) (нередко их рассматривают как свободные синтаксемы – неуправляемые падежные и предложно-падежные формы существительного, субстантивные словосочетания с именем существительным в косвенном падеже, которые выступают как самостоятельные семантико-синтаксические единицы). Такие номинации актуализируют: а) цель действия, которое выполняют участники массового мероприятия: выставка «За жизнь!», «За любимую Беларусь!»; культурно-спортивный праздник «За здоровы лад жыцця» и др. – геортонимы объективируют коммуникативную тактику призыва; б) место (направление) действия: конкурс выразительного чтения для иностранных обучающихся «К микрофону»; в) лицо / группу лиц, которым посвящен праздник: тематический концерт «Тебе, родная!»; концертная программа «Тебе, первокурсник!»; выставка ко Дню матери «Нежной, ласковой самой...» и др.; г) объект / содержание речемыслительного, социального действия в процессе праздника: конкурс «ПРА ўніверсітэт», литературно-музыкальный вечер «О героях былых времен»; д) абстрактную локацию / область знания, в пределах которой осуществляется праздничное действие: караоке-вечер «На студенческой волне»; позна-

вательно-развлекательная программа «Вокруг филологии»; е) время праздника: культурно-спортивный праздник «Навстречу весне 2020».

Продуктивны геортонимы в виде нечленяемых предложений (31), в которых отсутствует дифференциация на главные и второстепенные члены. Для структуры таких ИС характерны: а) волеизъявительные междометия, выражающие побуждение к действию, в сочетании с обращениями, которые номинируют адресата призыва: *спортландия «А ну-ка, девушки»; акция «Стоп коррупция», «СТОП коронавируса»* – пунктуационное оформление сочетаний с междометием *стоп* является неустойчивым: первоначально обращение обособлялось, однако вследствие фразеологизации подобные сочетания стали оформляться без запятой; и др.; б) усилительная частица, выражающая положительные эмоции, в сочетании с обращением: *конкурс «О, родина моя!»* – вероятно, номинаторы праздника пунктуационно выделили частицу для «повышения» степени восторга, восхищения от предмета речи (однако, согласно правилу, если частица *о* стоит перед обращением, то запятая между ними не ставится); в) этикетные междометия, или контактивы, которые нередко также имеют при себе обращения: *конкурсная шоу-программа «С праздником, студент!»; посвящение в первокурсники «Виват, первокурсники!»* – *виват* имеет значение ‘возглас, выражающий радостное приветствие или пожелание и соответствующий по значению словам: *да здравствует! пусть живёт!*’ [3]; *акция «С Днем рождения, Университет!», «С Днем Учителя!», «С праздником, Учитель!»* и др. Подобные названия ориентированы на контакт с аудиторией, создают настрой доброжелательности, искренности; обращение к определенной социальной группе придает ИС живости, экспрессивности, сокращает дистанцию между организаторами торжества и его участниками.

Среди геортонимов, мотивированных сложными предложениями (21), зафиксированы: а) ИС – сложноподчиненные предложения: *акция «Жить, чтобы учиться и учить»; выставка живописи «Там, где земля с небом сходится»* – очевидна неполнота главной части, которая представлена лишь актуальным в смысловом отношении соотносительным словом; *литературный вечер «Чтоб в марте для вас пели соловьи...»;* *тематическая выставка «Если дал ты клятву Гиппократа»* и др. – два последних ИС служат примерами осколочных конструкций, т. к. в них отсутствует главная часть, которую имплицитно восполняет контекст праздника; б) ИС – сложносочиненные предложения с перечислительными отношениями: *конкурс плакатов «Гарады і країны»; спортивный праздник «Здоровье, сила, красота»* и др.; в) ИС – бессоюзные предложения, в основном условно-следственными отношениями: *спортландия «Здоровый я – здоровая страна!»; акция «Хочешь сделать мир лучше – начни с себя», «Здоровый обед – здоровый студент!»;* *«Соберем макулатуру – сохраним дерево!»;* *«Стань лучше – сделай город чище!»* – оним демонстрирует современную тенденцию к экспансии тире: между частями бессоюзного предложения складываются пояснительные отношения, при которых типично двоеточие; *акция «Курить не модно, дышим свободно»* – в этом примере знак препинания между предикативными частями также не бесспорен, поскольку причинно-следственные отношения в бессоюзном предложении обычно оформляются при помощи тире; *психологическая гостиная «Познай себя – прими других»* и нек. др.; г) ИС – многочленные сложные предложения с разными видами связи: *акция «Не скучай, не грусти, а читай, рисуй, пиши!»*. Обращает на себя внимание рифмованность многих номинаций, ориентированная на формирование их особого ритмического рисунка, придание выра-

зительности, экспрессивности, что ведет к непроизвольному запоминанию геортонимов целевой аудиторией.

Особую группу составляют геортонимы, мотивированные несколькими предложениями (12): *молодежный проект к 75-летию Победы «Память о героях будет жить всегда. БГАТУ ПОМНИТ»* – номинаторы прибегли к графическому выделению наиболее важной информации, чтобы акцентировать на ней внимание аудитории, чтобы подчеркнуть причастность последней к массовому мероприятию; *выставка «Натюрморт. Молодые крылья»*; *акция «Беларусь помнит. Помним каждого»* и др. Смысловые отношения между предложениями в структуре номинаций праздника различны, например: а) перечислительные: *интерактивная площадка «Мир. Дружба. Жвачка»*; б) причинные: *акция «Позвони маме! Она ждет твоего звонка»* и др.; в) причинно-следственные: *акция «День безопасности. Внимание всем!»* и др.; г) противительно-уступительные: *психологическая гостиная «Агрессия. Прощение»* и др. Распространенность подобных синтаксических структур, в т. ч. в качестве исследуемых ИС, обусловлено возросшей «разговорностью» синтаксиса. В данной тенденции «одновременно обнаруживается и внутреннее стремление синтаксиса к аналитизму. Путь этот идет через ослабление синтаксических связей, имплицитности их представления, через сжатие и опрощение синтаксических конструкций, через расчлененность синтагматической цепочки» [1].

Таким образом, геортонимы-предложения образуются преимущественно лексико-синтаксическим способом (единичные ИС в виде словоформы представляют собой результат онимизации) на базе широко спектра синтаксических конструкций, которые многовекторно вербализуют интенции номинатора (сообщить информацию о теме / идее праздника, его участниках, месте, времени, цели проведения и т. д.; отразить черты организатора праздника (точнее, представляемого им УВО, студенческого коллектива); привлечь адресата массового мероприятия и др.) отличаются разнообразием синтаксических структур. В основном подобные ИС ориентированы на краткость и информативную насыщенность одновременно. Нередко номинации студенческих праздников демонстрируют установку на диалогичность, имитацию живой речи, характеризуются экспрессивностью и отражают еще ряд ярких динамических процессов в современном русском и белорусском языках.

Литература

1. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке [Электронный ресурс] / Н.С. Валгина. – Режим доступа: <https://scicenter.online/yazyik-russkiy-scicenter/aktivnyie-protsessyi-sovremenom-russkom.html>. – Дата доступа: 24.01.2023.
2. Гужова, И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода [Электронный ресурс] / И.В. Гужова // Dissercat: электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/prazdnik-kak-fenomen-kultury-v-kontekste-tselostnogo-podkhoda>. – Дата доступа: 05.10.2022.
3. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova>. – Дата доступа: 27.01.2023.
4. Крюкова, И.В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие: учеб. пособие по спецкурсу / И.В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2003. – 100 с.
5. Руфова, Е.С. Лингвопрагматические аспекты названий японских телепередач / Е.С. Руфова // Социосфера. – 2017. – № 2. – С. 41–44.

А.И. Стаселько

Белорусский государственный университет

e-mail: mashinanaperetz@bk.ru

Научный руководитель: Дедова Е.С., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.161.1'373.45:640.4

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ НЕЙМИНГ В РЕСТОРАННОМ БИЗНЕСЕ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: *англоязычный нейминг, заимствование, нейм, ресторанный бизнес, эргоним.*

В статье впервые рассматриваются специфические особенности англоязычных неймов, используемых в сфере ресторанного бизнеса города Минска и областных центров Беларуси. Охарактеризованы графические особенности, выявлена лексико-семантическая специфика эргонимов с англоязычными компонентами.

A.I. Staselko

Belarusian State University

ENGLISH-LANGUAGE NAMING IN THE RESTAURANT BUSINESS OF BELARUS

Key words: *English-language naming, borrowing, name, restaurant business, ergonym.*

The article for the first time discusses the specific features of English-language names used in the restaurant business of the city of Minsk and the regional centers of Belarus. Graphic features were characterized, lexico-semantic specificity of ergonyms with English-speaking components was revealed.

На сегодняшний день в лингвистике достаточно актуальным и перспективным является исследование проблемы заимствований в рекламных текстах и эргонимии в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Заимствование является естественным и необходимым процессом развития любого языка. В сравнении с минувшим столетием число англицизмов в русском языке в начале XXI увеличилось в разы. Процесс заимствования англицизмов характеризуется масштабностью и интенсивностью не только с точки зрения языковых процессов, но и в плане изменений в системе ценностных представлений современного русскоговорящего общества.

Появление большого количества англицизмов в русском языке зачастую свидетельствует о том, что заимствованные слова с трудом «встраиваются» в его лексическую систему и требуют разного рода семантических и структурных трансформаций и изменений. Это нередко объясняется различием тех или иных национально-культурных реалий у русских и англичан.

Что касается употребления англицизмов в эргонимии, следует отметить, что англоязычные слова зачастую транслитерируются и ассимилируются. Между тем нередко используются неассимилированные английские номинации вместе с русскими, что приводит к появлению гибридных названий.

Понятно, что предпринимателями движет желание выделиться, заявить о себе каким-то нетрадиционным способом, в том числе и благодаря заимствованным из других языков названиям тех или иных объектов в сфере ресторанного

бизнеса. Ведь оригинальный, красивый нейм – это своего рода способ позиционирования своей деятельности или продукта, опознавательный знак, визитная карточка будущей коммерческой организации. Это название, которое должно привлекать, заинтересовать потенциальных клиентов. Как отмечает российский исследователь Н.В. Шимкевич, “эргоним представляет собой разновидность полисемического текста массовой коммуникации, который стремится оказать прагматическое воздействие на адресата – побудить его приобрести товар [2, 64–65].

В современном обществе нейминг – относительно новая разновидность речевой деятельности, направленная на создание оригинального, запоминающегося названия для коммерческой компании либо организации. В настоящее время в нейминге англоязычные элементы – это достаточно модные языковые компоненты, призванные придавать ономастическим наименованиям семантическую вариативность. Англоязычные компоненты в составе наименований ресторанного бизнеса являются для потенциального клиента того или иного заведения общественного питания своего рода ориентирами в процессе интерпретации языковых знаков и выстраивания своего дальнейшего поведения. Сталкиваясь полностью или частично с англоязычным элементом в структуре названия, человек либо распознает его как определенный знак-ориентир, либо не распознает. Если жители Беларуси или иностранные гости и туристы в достаточной мере владеют английским языком, скорее всего они смогут интерпретировать тот или иной англоязычный нейм надлежащим образом. В то время как незнание английского языка приведет к тому, что то или иное англоязычное название не будет представлять для интерпретатора никакой практической ценности.

Следует отметить, что современный нейминг в сфере ресторанного бизнеса Беларуси достаточно богат на англоязычные вкрапления, использующиеся для привлечения внимания людей и повышения эффективности рекламного имени, а также представления рекламируемого объекта. Анализ используемых англицизмов в наименованиях тех или иных заведений ресторанного бизнеса Беларуси (более 100 эргонимов) позволяет выделить две основные группы неймов: 1) англизированные; 2) гибридные.

Англизированные неймы, использующиеся в сфере ресторанного бизнеса нашей страны – это англоязычные наименования, написанные латиницей по правилам английского языка. К числу полных неассимилированных заимствований такого типа можно отнести, например, следующие названия: *Mad Rabbit* (бар в Минске), *Hot Star Gastrobar* (кафе в Минске), *SUSHI HOUSE* (суши-бар в Минске), *Salad Drive* (сеть кафе, расположенных на автозаправочных комплексах) и др.

Наиболее часто в таких наименованиях используются англоязычные слова *pub*: *Travel Pub T'Brano* (кафе в Минске), *Royal Oak PUB* (английский гастро-паб в Минске), *Lucky Pab*; *club*: *Guru Coffee Club* (сеть кофеен, которая славится большим ассортиментом сортов кофе и чая, которые можно приобрести не отходя от кассы, а также своей свежей выпечкой); *café*: *News Cafe* (Минск), *Grand Café* (Минск, Брест), *Bloom Café*, *Times Café* (Брест), *Prime Cafe* (русск. ‘первоклассное кафе’, Минск); *restaurant*: *Brooklyn Restaurant*, *Ember Restaurant* (Минск); *bar*: *CrossBAR*, *Barrel Bar*, *Lounge Bar*, *BackDoor Bar* (кофейни и бары в Минске), *Bar Faraday* (Гродно), *Bar 212*, *Brevis Bar* (бары в Витебске); *coffee*: *Wake Up Coffee* (кофейня в Минске; в переводе на русский язык означает ‘кофе для пробуждения’) и др.

Наличие гибридных наименований, употребляемых в сфере ресторанного бизнеса Беларуси, объясняется креативностью в нейминге и проявляется в гибридизации многочисленных заимствований. Например: *Ковёр coffee shop* (кофей-

ня в Витебске), *apm-наб Torvald* (бар в Витебске) *Sozhskihub* (ресторан в Гомеле), *Мята Loung* (кальянная в Минске).

Среди полных английских транслитераций (русских и белорусских номинаций, написанных латиницей) отметим такие названия, как *DOM* (ресторан в Минске), *ZDOBA* (кафе в Витебске), *Vokal* (караоке-бар в Минске), *Nezabudka*, *Paragraf* (кафе в Бресте) и др. Графемы латиницы в названиях такого типа выступают в качестве средств экспрессии и придают эргониму выразительность, создавая неповторимый облик современного города. Приведем примеры русских транслитераций среди исследуемой группы эргонимов: *Арена-Гриль* (сеть закусочных в Витебске), *Банана Кафе* (кальян-бар в Минске), *Бейкери дю Солей* (кафе-пекарня в Минске), *Кофе-брейк*, *Пушкин Тайм'с* (кофейни в Витебске), *Ривьера Кантри Клуб* (ресторан-клуб на берегу Минского моря).

Проиллюстрировать наименования объектов общественного питания с частичной транслитерацией можно на примере названия минского кафе быстрого питания *ШЕФФ-БУФЕТ*.

В исследованных номинациях нередко встречается такая графическая особенность, как использование иноязычных типографских знаков в качестве соединительных элементов слов, в том числе амперсанда – графического сокращения латинского союза *et* (русский союз *и*): ресторан «*Bistro&Bar Pudding*» (Минск), кафе «*Garage food&coffee*» в Витебске и др.

Эпирическая база исследования свидетельствует о том, что в ресторанном нейминге Беларуси достаточно часто фиксируются названия, которые указывают на кухню заведения или на его местонахождение. Такие эргонимы некоторые лингвисты относят к географическому неймингу. Например: *London* (бар в Могилеве, где широко представлены блюда европейской кухни), *Liverpool Bar* (кафе в Минске), *Cuba Libre* (минское кафе, где можно попробовать блюда латиноамериканской кухни), *SanRemo* (ресторан итальянской кухни в Гомеле; данное рекламное имя происходит от названия италийского курортного города Сан-Ремо).

В числе других англоязычных географических неймов в сфере ресторанного бизнеса назовем ресторан итальянской кухни в Бресте «*Basilico Trattoria*» (от названия города Basilico в восточной части Италии), «*Bergamo*» (на сегодня один из лучших ресторанов итальянской кухни в Минске; владельцем данного коммерческого объекта в середине 90-х годов в нашей столице стал итальянец Маурицио Дзанини, который родился в городе Бергамо, расположенном на севере Италии), *Lounge cafe Барашка* (первое в Гродно ресторанное заведение, где представлены во всем многообразии блюда восточных народов Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Турции, а также хиты европейской кухни). Достаточно интересным и оригинальным является англоязычное название кафе «*Krysha Mira*» (русс. «*Крыша мира*») в центре Гродно. Следует заметить, что это не только кафе, но и обзорная смотровая площадка, на которую можно попасть через торговый центр «Неман», чтобы увидеть все историко-культурные достопримечательности города.

Среди исследованного нами ономастического материала нередко встречаются такие названия ресторанного бизнеса с англоязычными компонентами, которые представляют собой своего рода кулинарный нейминг. Заметим, что это один из самых распространенных способов названий пунктов общественного питания. Предприниматели достаточно часто прибегают к нему ввиду удобства и ясности для потребителя с точки зрения того, что он может приобрести и попробовать в данном заведении. В сфере ресторанного бизнеса г. Минска и областных городов Беларуси встречаются такие «кулинарные» названия с англоязычными компо-

нентами, как бар в Минске «*More Sushi*» (русс. «*Больше суши*»), ресторан в Могилеве «*Steak & Wine*» (русс. «*Стейк и вино*»), кафе «*Pizza Forno*» в Гродно, «*Pizza smill*» в Могилеве, кафе «*Terra Pizza*» в Минске (ключевым словом в этих составных эргонимах выступает заимствование *пицца*, которое имеет итальянское происхождение и только с начала XIX века стало употребляться носителями английского языка), ресторан в Гродно «*Basta Pasta*» (где паста – один из основных продуктов итальянской кухни), кафе в Витебске «*Turkish Kebab*» (русс. ‘турецкий шашлык, шаурма’) и др. Создание и употребление англоязычных неймов такого типа, которые мотивированы названиями тех или иных блюд, еды и напитков, объясняется желанием конкретизировать тип ресторанного заведения.

Единичными являются неформативные неймы типа *The Pub* (бар в Минске), *RASSKAZOV*, *La Salute* (рестораны в Гомеле), *Grand Savoy*, *Luna* рестораны современной европейской кухни в Могилеве).

Таким образом, исследованные названия объектов ресторанного бизнеса Беларуси представлены многочисленными эргонимами, которые образуют достаточно оригинальную как с точки зрения функциональной и лексико-семантической характеристики, так и с точки зрения своего графического оформления подсистему урбанонимов современного лингвистического ландшафта. Проанализированные номинации с англоязычным компонентом отражают как универсальные, так и новые, уникальные тенденции современной эргонимии.

Результаты, полученные в ходе исследования англоязычных неймов, используемых в сфере номинации тех или иных заведений ресторанного типа в Минске и областных городах Беларуси, могут быть при необходимости востребованы лингвистами, а также специалистами, которые работают в сфере бизнес-рекламы, маркетинга и туристической индустрии.

Литература

1. Шимкевич, Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 197 с.

Е.А. Шлапакова

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

e-mail: shlapakovakate@gmail.com

Научный руководитель: Королева И.А., доктор филологических наук, доцент

УДК 811.161.1"282(470.332)

АНТРОПОНИМЫ КАК ЕДИНИЦЫ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: *реклама, антропонимы, язык рекламного текста, феномен рекламы.*

Язык рекламных текстов представляет собой функциональную разновидность литературного языка, отличающуюся уровнем интенсивности использования с целью языкового влияния. И именам собственным здесь отводится особая роль в силу того, что они представляют значительный по объему информационный блок. В работу будет рассмотрен понятийный аспект прагматонимов и антропонимов как единицы рекламного текста.

ANTHROPONYMS AS UNITS OF ADVERTISING TEXT

Key words: *advertising, anthroponyms, advertising text language, advertising phenomenon.*

The language of advertising texts is a functional variety of literary language, differing in the level of intensity of use for the purpose of linguistic influence. And proper names have a special role here, because of that, that they represent a significant information block in terms of volume. The paper will consider the conceptual aspect of pragmatonyms and anthroponyms as units of advertising text.

Феномен рекламы

«Реклама – это и социальное явление, и искусство, она в некоторой мере определяет систему ценностей общества, способствует выработке единообразных потребностей, моделирует поведение человека, в определенной степени манипулирует массовым сознанием.» – именно так описывает феномен рекламы Ю.А. Грушевская [3].

Реклама не однородна, не целокупна, разнонаправлена. Выделим несколько направлений, которые позволяют нам не путаться в рекламных параметрах. Имеются виду ее составляющие.

В первую очередь, следует обозначить финансовую сторону рекламной деятельности, а именно, ее оплаченность. Безусловно, когда речь идет о социальной рекламе, то имеет смысл говорить про ее бесплатную форму.

Во-вторых, спонсор – наиболее знаковый элемент в структуре рекламы, он не только спонсирует рекламу, но сама реклама его позиционирует, озвучивает, показывает, представляет.

В-третьих, целью рекламы, как правило, является желание привлечь к продукции, как можно больше ее потребителей. Как минимум, на уровне простого знакомства с товаром или услугой.

Необходимо учитывать массовость аудитории, отсюда и отсутствие персонализации, тем более что СМИ – многоканальный монстр, способный охватить огромную часть пространства, населенного людьми, автоматически становящаяся аудиторией потенциальных покупателей. Таким образом, мы представили описательный вариант термина «реклама».

Реклама – явление многоступенчатое, неоднозначное, нацеленное на различную аудиторию. Если обратиться к типологии рекламы, то к базовым типам относятся: реклама торговой марки, торгово-розничная, политическая, деловая, институциональная, социальная, интерактивная реклама.

Реклама представляет собой особую форму коммуникации, обладающую рядом характеристик, и в первую очередь, оплаченностью. Цель рекламы – при помощи разнообразных СМИ информировать аудиторию и оказывать на нее влияние.

Сейчас реклама является доминирующим фактором в системе массовой коммуникации. Она играет определенную роль, ею создаются и удовлетворяются потребительские потребности. Реклама занимается формированием мнений людей, как в пользу того или иного продукта, компаний, брендов, так и против оных [1, 376].

Использование собственных имён в рекламных проектах

Очень часто в рекламе используется переносное употребление имен собственных, что служит вариантом дополнительного выделения товарного знака. В этом случае в переносном смысле употребляется имя собственное как товарный знак. Если же имя собственное переносится на отдельные характеристики рекламируемого товара, то сам рекламируемый товар выделяется в ряду подобных товаров.

Каковы функции имени собственного в языке рекламы?

Информативная, квалификативная, описательная, символическая, функция локализации по времени, функция стилизации. В том случае, когда речь идет об информативной функции, имя собственное характеризует товар с позиции его престижности. Если имя включает в себе товарный знак, то здесь оно позиционирует свою способность выполнять все функции, свойственные товарному знаку.

Нельзя сказать, что восприятие имени собственного аудиторией является прямым и однозначным. При употреблении в тексте имен собственных, возможно возникновение разнотипных ассоциаций. Это связано с тем, что у аудитории есть собственный приобретенный опыт, она имеет собственные фоновые знания, обладает личностным воображением. Данная аргументация способствует возможности выделять реципиенту для себя информацию, ту идею, которая близка именно ему [2].

Антропонимы в рекламном тексте

Антропонимы, к примеру, фамилии, являющиеся именами собственными, представляют собой базовый структурный рекламный элемент, обладая знаковыми свойствами в рамках фоновых знаний реципиентов. Зачастую, рекламный текст использует напрямую имя владельца продукта, который рекламируется.

Обратимся к рекламе фармацевтических препаратов. Среди антропонимов, используемых в рекламных текстах фармацевтических препаратов, можно условно выделить пять групп: имена деятелей культуры (артистов, телеведущих, певцов); имена ученых и философов; имена писателей и поэтов; имена исторических и общественных деятелей и имена известных врачей и целителей.

Рассмотрим рекламное обращение актрисы Елены Сафоновой. Оно выстроено в монологичной форме. Текст самой рекламы следующий: «Живые витамины природы от Мерцаны для красоты и здоровья». Текст от Елены Сафоновой: Доверьтесь родной природе, и будьте красивы! Я выбрала для себя препараты торговой марки «Мерцана». («Сегодня». 19.01.2006). Здесь происходит визуализация имени собственного.

Антропонимы, связанные с именами врачей, вполне уместны для использования в рекламных текстах лекарств. В одном из рекламных буклетов была следующая надпись: Сириин Восстанавливает клетки печени. «Здоров дух печени и организм здоров» (Авиценна).

Использование антропонимов в рекламных текстах фармацевтических препаратов вполне продумано, поскольку известное имя оказывает воздействие на сознание адресата, что, в свою очередь, вызывает у потребителя определенные ассоциации [2].

Обратимся к гастрономической продукции. Совсем недавно от коронавируса скончался Б.Ю. Александров. Именно с таким логотипом выпускалась вся продукция очень качественных творожных сырков (такое мнение сложилось у современного общества из-за многочисленной рекламы не только в СМИ, но и в соци-

альных сетях). При чем в случае с Александровым, принцип, согласно которому наличие имени и фамилии владельца на продукте являются показателем его соответствующей репутации, был адекватно реализован. И это, естественно, приносило прибыль. Т.е. наличие имени владельца на продукте воспринимается как гарантия высокого качества товара.

Антропонимы среди собственных имен в русском рекламном тексте занимают приоритетное место, что составляет 28 %. Антропонимы способны трансформироваться в прагматонимы. Интересно, что фамилия, перейдя в прагматоним, способна стать наименованием торговой марки. Наиболее производительной является трансонимизация фамилий в прагматонимы, например: «Бычков» (Смоленск), Компания «Диев» (Смоленск), ИП Новиков И.М. (Смоленск), «Камышинские колбасы Соловьева»; «ЧП «Фатеев» Дизайн. Офисная корпусная мебель»; «ТМ Бащинский производитель колбасных изделий и мясных продуктов» и т.д.).

Также антропоним, перешедший в раздел прагматонима, могут использовать как вариант «ретро»-рекламы, например, в конце слов употребляется твердый знак «Ъ», чтобы показать использование дореволюционной графической системы русского языка. Примерами могут служить такие бренды как «Балашовъ», «Шустовъ. Возрождение традиций». В последнем примере «Ъ» подкрепляется использованием коннотации верности историческим традициям.

Можно обратиться к другим видам имен собственных, которые нередко используются в рекламных текстах. «Нос очистит без труда из Атлантики вода. Капли от насморка «Квикс». В данном случае используется географический отсыл, в расчете на срабатывание ассоциативности.

Телевизионная реклама использует не только вербальные знаки для актуализации в сознании реципиента имен собственных. Не менее значимыми является и визуальный код. Появление в рекламных роликах узнаваемых актеров, спортсменов, представителей шоу-бизнеса или закадровое звучание легко узнаваемого голоса стимулирует возникновение в сознании реципиента вербального аналога – антропонима. Например, актриса Татьяна Лазарева в рекламе кисломолочного напитка для детей «Здрайверы», Кристина Агилера в рекламе духов «By Night», известный комик Павел Воля в серии рекламных роликов снеков «Хрустteam».

В данном случае реализуется один из главных факторов «социального влияния» рекламы, выделенных Э. Аронсоном. Автор прежде всего указывает на важность источника сообщения (кто говорит, насколько известна, авторитетна persona) и только после этого – на характер сообщения (как говорят) и особенности аудитории (кому говорят) (Аронсон 1998, 93).

В этой точке зрения очень важна связь эмоциональной памяти и узнавания, которое порождает ложное чувство знакомства. Это становится предпосылкой согласия аудитории с коммуникатором (отправителем сообщения) – он воспринимается аудиторией как свой. Для «захвата» аудитории узнавание гораздо важнее сознательного согласия с прямыми и однозначными утверждениями отправителя сообщения.

Особо следует отметить введение в рекламный текст коннотативных антропонимов Иванов, Петров, Сидоров, которые, в «Словаре коннотативных собственных имен» определяются как «условные обозначения людей русской национальности» [4]. Например, серия рекламных роликов «Fairgy» с общим заголовком «О Петровых начистоту».

Мы рассмотрели теоретические основы понятия «имя собственное», «реклама», «рекламный текст», а также как выявляются особенности функционирования имён собственных в современном рекламном тексте. Также пришли к выводу, что имена собственные бывают разных видов. Наиболее распространены для использования их в рекламе – фамилии и имена, географические названия. На самом деле, в рекламе встречаются отсылы и к знаменитостям, и различным персонажам, как реальным, так и нереальным, вплоть до мультипликационных. И использование их в рекламе каждый раз имеет свою аргументацию.

Литература

1. Вылегжанин, Д.А. Теория и практика публичных рилейшнз / Д.А. Вылегжанин. - М.: Флинта, МПСИ, 2013. – 376 с.
2. Насакина, С.В. Виды антропонимов в рекламных текстах фармацевтических препаратов. [Электронный ресурс] / С.В. Насакина. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2013/02/2013-02-27.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2023.
3. Грушевская, Ю.А. Особенности собственных имен в рекламных текстах начала XX века [Электронный ресурс] / Ю.А. Грушевская. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74511/41-Grushevskaya.pdf?sequence=1>. – Дата доступа: 02.02.2023.
4. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. / М.Э. Рут. – Текст: непосредственный // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 179–182. – Рец. на кн.: Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк, 2004.

А.О. Щербина

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: angrylina@mail.ru

Научный руководитель: Гладкова А.А., кандидат филологических наук, доцент

УДК 811.111'373.23

СИМВОЛИКА ИМЕН ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ РЭЯ БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»

Ключевые слова: *ономастическое пространство, Рэй Брэдбери, «451 градус по Фаренгейту», роман-антиутопия, имена собственные.*

В статье на материале художественного произведения – антиутопии Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» – выявлена специфика имён собственных и определена их роль в создании художественных образов.

А.О. Shcherbina

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE SYMBOLISM OF THE NAMES OF THE MAIN CHARACTERS OF RAY BRADBURY'S NOVEL "FAHRENHEIT 451"

Key words: *onomastic space, Ray Bradbury, "Fahrenheit 451", a dystopian novel, proper names.*

In the article, based on the material of a work of fiction – R. Bradbury's dystopia "Fahrenheit 451" – the specificity of proper names is revealed and their role in the creation of artistic images is determined.

Роман-антиутопия Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», впервые опубликованный в 1953 году, считается самой большой и главной работой писателя. В нем автор изобразил тоталитарную Америку XXI века, моделируя этот мрачный образ будущего на основе тенденций своего времени. Жизнь общества в произведении доведена до абсурда. Книжки, побуждающие людей думать и чувствовать, сжигают, а их обладателей жестоко наказывают. Господствует культура потребления: музыка реклам доносится отовсюду, одурманивая людей. Выделяющиеся из серой массы люди считаются асоциальными членами общества, нуждающимися в лечении в психиатрических клиниках и постоянном контроле.

Главный герой романа – Гай Монтэг, пожарный, сжигающий все найденные книжки. Жизнь его достаточно примитивна и однообразна: она ограничена работой и отдыхом, в ней нет места ни мечтам, ни спорным мыслям. Однако, его мир меняется с появлением в нем соседки Клариссы Маклеллан, которая начинает оказывать влияние на мировосприятие героя уже с первых минут знакомства, просто спросив счастлив ли Монтэг. Гай Монтэг, всю жизнь проведя в стабильности и однообразии, находит в себе желание и силы меняться. После знакомства с литературой его жизнь обретает смысл, герой понимает, что у общества, в котором под запретом находятся книжки, нет будущего.

Технический прогресс изменил сознание людей, облегчил им жизнь, но в то же время подавил у них инстинкт самосохранения, обострив «стадный инстинкт». Обострение и укоренение потребительского существования отрицательно сказались на духовной жизни каждого. С возрастанием объема информации возросла и нагрузка на психику и здоровье людей. В своем романе Брэдбери представляет один из возможных вариантов решения этой проблемы: уничтожение книжек – источников информации, заставляющих думать. В основу романа легли не только политические события тех времен, но и момент из собственной жизни писателя, когда тот сжег все свои неудачные рассказы.

Для создания более насыщенных образов Брэдбери использовал множество литературных приемов. Писатель тщательно подбирал слова, сравнения и метафоры для передачи мыслей и настроений героев. По ходу повествования читатель начинает сопереживать главному герою, испытывать его чувства, бояться за его жизнь. Брэдбери искусно создает обстановки и великолепно описывает мир в своем романе. Огромное внимание также было уделено и именам персонажей: каждое что-то символизирует, так или иначе отражает суть персонажа, его значение в романе. А.М. Мезенко пишет: *«Литературоведы уделяют значительное внимание собственным именам в творчестве отдельных писателей. Имя в литературном произведении играет очень важную роль – ориентирует во времени и пространстве»* [3, 68]. Имя собственное также оказывает огромное влияние на образ персонажа художественного произведения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения символики имен главных героев в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Цель данной работы – изучить особенности функционирования имен собственных в романе Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Материал исследования – произведение Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» и соответствующий ему русскоязычный перевод, представленный Т.Н. Шинкарь. В работе применяются следующие методы исследования: описательно-аналитический, метод контекстного анализа.

Уже на первых страницах романа читатель обнаруживает поразительное сходство мира футуристического и сегодняшнего. Роман начинается с прозрения главного героя, которое затем повлечет необратимые изменения в его жизни.

Монтэг живет обычной жизнью и ни в чем не сомневается до тех пор, пока не сталкивается с попыткой самоубийства близкого человека – жены Милдред, которую едва успевают спасти от передозировки снотворным. Но это лишь одно из множества событий, меняющих жизнь Монтэга. Кларисса Макклеллан, играющая важную роль в преображении главного героя, появляется случайно, в самом начале романа, когда главный герой, Гай Монтэг, идет домой с работы. Тщательно подобранное сопоставление персонажей Милдред и Клариссы позволяет читателю с первых страниц познакомиться с тем, что в мире романа считается нормальным, а что – неприемлемым. Но со временем и главный герой, и читатель понимают простую истину – светлое будущее человечества невозможно без опыта прошлых поколений, который можно найти только в книгах.

Каждый персонаж в произведении, которому отведена особая роль в преображении Гая Монтэга, умело расположен и прописан. Брэдбери также заставляет читателя уделить больше внимания окружающим его людям в собственной жизни. Символическое значение имеют также и имена главного героя, его коллег, жены и соседки.

Имя главного героя – Гай (Guy). Лексическая единица «guy» в английском является жаргонным обозначением любого молодого мужчины. То есть в начале сюжета он представлен как простой среднестатистический гражданин, ведущий конформистский образ жизни, типичный представитель общества в романе. Монтэг многогранен. Сначала он предстает перед читателем как законопослушный гражданин, который всегда делает то, что ему скажут делать, исполняя приказы, не обдумывая их. Но Монтэг меняется, показывая читателю, насколько сложна и глубока его личность. Даже в самые тяжелые моменты он находит в себе силы продолжать бороться с системой, в которой он прожил всю свою жизнь. Гай Монтэг неустанно ищет смысл и находит его в книгах:

«We have everything we need to be happy, but we aren't happy. Something's missing. I looked around. The only thing I positively knew was gone was the books I'd burned in ten or twelve years. So I thought books might help» [1, 78].

«У нас есть все, чтобы быть счастливыми, но мы несчастны. Чего-то нет. Я искал повсюду. Единственное, о чем я знаю, что раньше оно было, а теперь его нет, – это книги, которые я сам сжигал вот уже десять или двенадцать лет. И я подумал: может быть, книги мне и помогут» [2, 120].

Монтэг понял, что книги должны быть частью его жизни и что он должен читать их, а не сжигать, для того чтобы обрести счастье.

Кажется не менее интересной вероятностью отсылки на Гая Фокса, участника порохового заговора и символа протеста.

Коллег Гая зовут Стоунмен (Stoneman) и Блэк (Black), невероятно подходящие имена для пожарных. «Stoneman» – «каменный человек» – олицетворяет суровость и хладнокровие, с которыми пожарные сжигают вещи людей только потому, что они читают или прячут книги. «Black» – «черный» – это цвет, который остается после горения, цвет пепла и небытия, цвет смерти.

Имя брандмейстера Битти имеет латинские, ирландские и шотландские корни и означает «странник», «идуший к цели». Его имя символизирует лидерство героя, он обладает сильным характером, и может быть упрямым и агрессивным. Брэдбери показывает читателю лидера, проповедующего конформизм. Он выступает против любого рода уникального мышления и говорит о свободомыслии как о грехе. Брандмейстер Битти искренне верит в то, что люди станут счастливы только тогда, когда превратятся в стадо овец, выполняющих то, что им говорят. Он ярый противник книг и противоречивых мыслей, которые те могут вызывать:

«A book is a loaded gun in the house next door. Burn it. Take the shot from the weapon. Breach man's mind» [1, 56].

«А книга – это заряженное ружье в доме соседа. Сжечь ее! Разрядить ружье! Надо обуздать человеческий разум» [2, 92].

Герой до самого конца остается верен своей надежде на мир, в котором отсутствует красота и который зависит от мгновенного удовлетворения.

Имя жены Монтэга, Милдред, имеет англосаксонские корни. Составленное из слова *mild*, означающего «нежный», и *þrúð*, означающего «власть, сила», это имя означает «нежная сила». Она не была достаточно сильной, чтобы противостоять обществу вместе с Монтэгом. Милдред – конформист футуристического общества, среднестатистический человек, никогда не бросающий вызов обществу. Ее жизнь до самого конца однообразна и невыносимо скучна. Она чувствует, что с окружающим её миром что-то не так, но вместо того, чтобы попытаться что-то изменить, она предпочла попытаться уйти из этого мира с помощью передозировки снотворного. Она делает все возможное, чтобы соответствовать своей роли в обществе. Единственное, что действительно интересует её и её подруг – это «родственники», говорящая гостиная – показательный пример того, как поп-культура управляет жизнью среднестатистического человека в современной Америке.

«And besides, if Captain Beatty knew about those books--" She thought about it. Her face grew amazed and then horrified. "He might come and bum the house and the 'family.' That's awful! Think of our investment. Why should I read? What for?» [1, 69].

«А кроме того, если брандмейстер Битти узнает об этих книгах... – Она задумалась. На лице ее отразилось удивление, потом страх. – Он может прийти сюда, сжечь дом, «родственников», все! О, какой ужас! Подумай, сколько денег мы вложили во все это! Почему я должна читать книги? Зачем?» [2, 107].

Милдред не стала защищать книги вместе с Монтэгом, потому что боялась возможных последствий. Ближе к концу романа она сбегает из дома, попутно предав мужа, потому что не могла справиться со своими проблемами.

Имя соседки Гая Монтэга – Кларисса Макклеллан – имеет французские корни и означает «ясная, светлая». Она действительно становится лучом света в жизни Монтэга. Кларисса является ключевым персонажем в романе, без неё главный герой никогда бы не осознал всю важность книг и мыслей, и чувств, которые они вызывают. С самого первого момента, когда Монтэг встречает Клариссу, она уже хочет выяснить, кто он такой, что делает его тем, кто он есть, и как она может показать его лучшую версию. Несмотря на то, что она присутствует в романе очень короткий промежуток времени, сама по себе героиня играет огромную роль на протяжении всего произведения: ведь именно Кларисса пробудила в Монтэге волю к жизни, заставила героя переосмыслить собственное мировоззрение и открыла ему глаза на реальный мир, который был разрушен поп-культурой, материализмом и избавлением от свободомыслия. Кларисса с самого начала была истинным воплощением свободомыслия и образцом для подражания. Героиня выделяется среди сверстников, говорит необычные вещи, потому что ей нравится наслаждаться мелочами в жизни, в отличие от всех остальных:

«They want to know what I do with all my time. I tell them that sometimes I just sit and think. But I won't tell them what. I've got them running. And sometimes, I tell them, I like to put my head back, like this, and let the rain fall into my mouth» [1, 20].

«Они то и дело спрашивают, чем это я все время занята. Я им говорю, что иногда просто сижу и думаю. Но не говорю, о чем. Пусть поломают голову. А иногда я им говорю, что люблю, откинув назад голову, вот так, ловить на язык капли дождя» [2, 38].

С момента появления Клариссы Монтэга охватывает любопытство, и вера в его способность быть самим собой. Кларисса делает то, чего никто никогда не делал: расспрашивает Монтэга о том, кто он такой и почему делает то, что делает. Монтэг не может дать ответ, и эта неосведомленность и неспособность понять, кто он вообще такой, – начало изменений характера героя.

Фабер – это латинское имя, означающее «кузнец», «ремесленник». Брэдбери дал своему персонажу это имя, чтобы показать, что разум Монтэга подобен необработанному материалу, из которого Фабер делает что-то невероятное с помощью своих знаний. Гай Монтэг с помощью искусного творца Фабера превращается в настоящее оружие против системы, от которой пострадало так много людей. Будучи профессором английского языка, Фабер как никто другой осознает всю ценность книг, ведь в них содержится опыт прошлых поколений, это культура и это наследие, которое люди обязаны чтить и помнить, а не бездумно сжигать. Монтэг начинает понимать, насколько важна человеческая история в литературе. Книги – это редчайший дар, подарок человечеству, который нельзя уничтожать. Фабер объясняет Монтэгу, тем самым влияя на мировоззрение героя, что с помощью книг человек способен познать этот огромный мир во всей его красоте:

«The things you're looking for, Montag, are in the world, but the only way the average chap will ever see ninety-nine per cent of them is in a book» [1, 82].

«Все, что вы ищете, Монтэг, существует в мире, но простой человек разве только одну сотую может увидеть своими глазами, а остальные девяносто девять процентов он познает через книгу» [2, 125].

Очень похожий на Клариссу, Фабер превратил Монтэга в наилучшую из возможных версий самого себя. Брэдбери характеризует Фабера в романе как мост к другой жизни. Фабер – это пронизательное представление экзистенциальной жизни. Фабер призывает Монтэга быть тем, кто он есть, и тщательно формировать себя с помощью опыта и познания окружающего мира.

С помощью таких персонажей, как Кларисса и Фабер Брэдбери заставляет задуматься читателя о собственной жизни. Он говорит нам оглянуться вокруг и понять, что в этом мире есть люди, от Фабера до Монтэга, которые верят в нас и хотят видеть, как мы становимся абсолютными лучшими версиями самих себя.

Имена собственные способствуют раскрытию образа персонажей, дополняют образ новыми элементами. Именно через имя писатель более полно доносит до читателя личностные характеристики и духовный мир своих героев, их мотивации и их роль в произведении. Таким образом, имена собственные являются одним из главных языковых средств для характеристики героев, несут в себе особую смысловую нагрузку и помогают создать наиболее насыщенный образ героя в художественном произведении.

Литература

1. Bradbury, R. Fahrenheit 451. Short Stories. / R. Bradbury. – М.: Raduga Publishers, 1983. – 384 с.
2. Брэдбери, Р. 451° по Фаренгейту / Р. Брэдбери; пер. с англ. Т. Шинкарь. – М.: Эксмо, 2005. – 253 с.
3. Ономастика [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-21 05 02 Русская филология / [авт.-сост.: А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго]; Учреждение образования "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова", Филол. фак., Каф. общего и русского языкознания. – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 208 Кб). – Витебск., 2013. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/3109>. – Дата доступа: 02.02.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бароўка Ванда Юльянаўна, доктар філалагічных наук, прафесар, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.

Болтинова Алеся Александровна, магистрант, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Буркова Ганна Віктараўна, кандыдат філалагічных навук, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.

Бут-Гусаім Святлана Феадосьеўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна, Беларусь.

Вардомацкі Леонид Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Варникова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Вологодский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.

Галковская Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Россия.

Генкин Владимир Максимович, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Гладкова Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Горегляд Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Дамбуев Игорь Александрович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия.

Дзядова Алена Сяргеёўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.

Дорофеевко Марина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Беларусь.

Дулава Юлія Уладзіміраўна, магістр філалагічных навук, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.

Зайцава Кацярына Аляксандраўна, магістр філалагічных навук, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.

Захаренкова Виктория Игоревна, студентка, Смоленский государственный университет, Россия.

Итунина Карина Александровна, студентка, Смоленский государственный университет, Россия.

Кавалёва Алена Валер'еўна, кандыдат філалагічных наук, дацэнт, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.

Климкова Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Арзамас, Россия.

Климкович Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Кормилаева Александра Андреевна, студентка, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия.

Королёва Инна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет, Россия.

Кручинина Анна Александровна, магистрант, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Россия.

Кунтыш Марина Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Кураш Сяргей Баніфацьевіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна, Беларусь.

Кутачева Анна Юрьевна, магистрант, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Россия.

Лукашанец Аляксандр Аляксандравіч, доктар філалагічных навук, акадэмік НАН Беларусі, Беларусь.

Мальшева Ксения Игоревна, магистр филологических наук, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Мезенко Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Михолап Наталья Николаевна, студентка, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Моисейчик Анна Эдуардовна, студентка, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.

Муратова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН, РГПУ имени А.И. Герцена, Россия.

Оксенчук Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Переход Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Беларусь.

Петрачкова Инна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Гомельский государственный медицинский университет, Беларусь.

Попов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет, Россия.

Радзюль Вольга Юр'еўна, старшы выкладчык, магістрант, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.

Разумов Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент, Ярославский государственный университет имени К.Д. Ушинского, Россия.

Ратникова Ирина Энгелевна, доктор филологических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Беларусь.

Рихтер Кристина Александровна, ассистент, Смоленский государственный университет, Россия.

Семянькова Галіна Канстанцінаўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава, Беларусь.

Синкевич Татьяна Ивановна, старший преподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Слесарева Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Соловьев Алексей Николаевич, кандидат филологических наук, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Россия.

Стаселько Артур Игоревич, студент, Белорусский государственный университет, Беларусь.

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский социально-педагогический университет, Россия.

Трофимович Тамара Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Беларусь.

Цветкова Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, Костромской государственный университет, Россия.

Шлапакова Екатерина Александровна, студентка, Смоленский государственный университет, Россия.

Щербина Ангелина Олеговна, преподаватель-стажер, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Беларусь.

Научное издание

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных статей

Технический редактор *Г.В. Разбоева*

Компьютерный дизайн *Е.А. Барышева*

Подписано в печать 19.04.2023. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 17,61. Тираж 20 экз. Заказ 37.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.